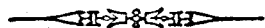

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

XXV

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Том XXV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1962

РЕДАКТОРСКАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. А. Хренов (ответственный редактор),
И. К. Бунина, И. Ф. Бэлза, Л. Б. Валев, Л. Э. Калнынь,
В. Н. Кондратьева (ответственный секретарь),
А. Я. Манусевич, И. С. Миллер, С. В. Никольский,
Б. Ф. Стахеев

ВЫПУСК

ГОРОД МОСКВА

ЗДЕНЕК РОМАНОВИЧ НЕЕДЛЫ (1878—1962)

Умер Неедлы. Перестало биться благородное сердце замечательного чешского ученого-патриота и общественно-политического деятеля. На веки закрылись жизнерадостные очи мыслителя и борца, гуманиста и мечтателя. Никогда не зазвучит больше голос народного трибуна, солдата великой битвы за мир и социальный прогресс.

Зденек Романович Неедлы, как привыкли называть своего большого и давнего друга советские люди, прожил большую жизнь, прошел трудный, но яркий жизненный путь. Это был путь борьбы и надежд, смелой мысли и яркой мечты, это была жизнь-подвиг во имя счастья своего народа, во имя счастья и полного духовного расцвета человечества.

Неедлы родился 10 февраля 1878 г. в г. Литомышле в семье музыканта-учителя Романа Неедлы. Уже в детские годы проявились его необыкновенные литературные и музыкальные способности, его глубокая, согревавшая душу всю его жизнь любовь к родному народу и родной истории. В пятнадцатилетнем возрасте, в 1893 г., под влиянием чтения «Истории чешского народа» Фр. Палацкого Зденек Неедлы впервые пробует свои силы как историк и пишет еще очень наивную «Историю гуситства» в четырех выпусках. Сочинение мальчика не увидело света. Зато оно осталось свидетельством той стремительной и сложной внутренней жизни, которой жила душа ребенка. Нет ничего удивительного поэтому в том, что, поступив в 1896 г. в Пражский университет, Зденек Романович сразу же отдался большой самостоятельной работе, проявляя оригинальный творческий ум, блестящие способности исследователя, поразительную начитанность и необычайно широкие и многообразные для юноши научные интересы, знание художественной литературы и искусства.

В университетские годы З. Р. Неедлы не только формировался как ученый, не только овладевал достигшей тогда высокого уровня в чешской исторической науке техникой исследования, изучал древние и новые языки, но и успел подготовить себя к предстоящей ему в будущем большой общественно-политической работе. Важную роль при этом сыграло как пристальное изучение чешской действительности конца XIX в., внимание к происходившим в стране сложным социальным и культурно-историческим процессам, так и широкое знакомство с русской литературой критического реализма, с характерной для нее острой, злободневной социальной тематикой. Не случайно, став архивариусом в Национальном музее в Праге (здесь он работал в 1899—1909 гг.), З. Р. Неедлы уже в 1900 г. совершает свою первую поездку в Россию, гостит в Москве, знакомится с Львом Толстым, которого он посещает в Ясной Поляне, едет на Украину и на Кавказ.

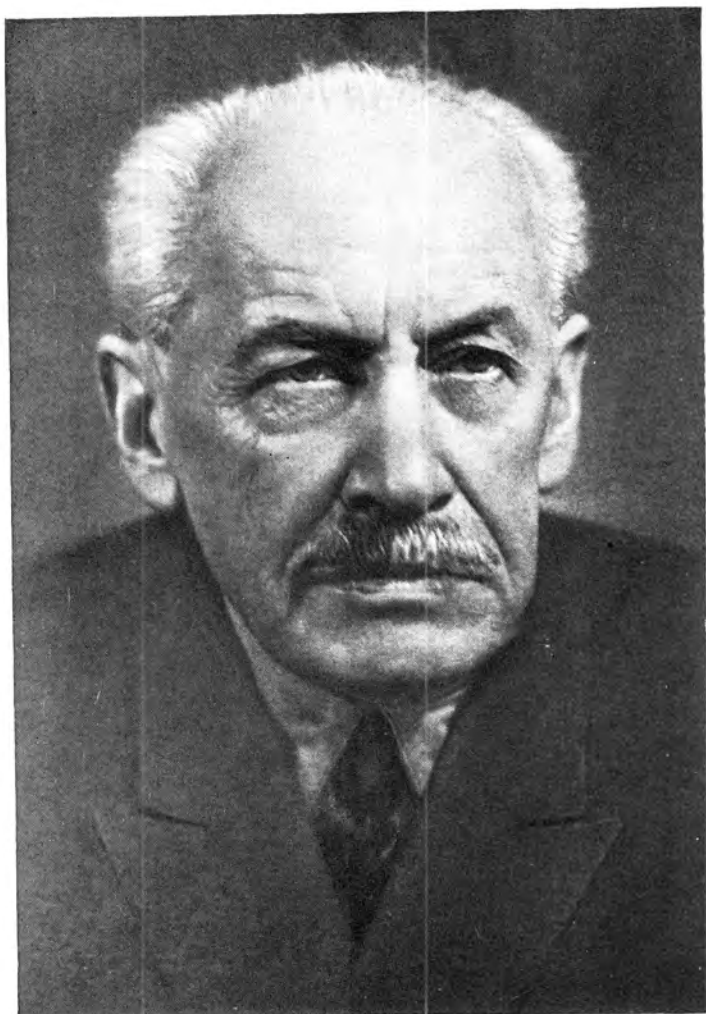
Годы работы З. Р. Неедлы в Национальном музее, когда он выступает со своими первыми крупными историческими и историко-культурными исследованиями, активно участвует в научной и общественно-политической полемике с реакционной чешской буржуазной историографией, были чрезвычайно важным и плодотворным периодом в его жизни. В эти годы он уже вполне сложился как передовой историк-исследователь с чрезвычайно характерным для него интересом к основным, переломным проблемам истории родной страны, с присущим ему сознанием связи между прошлым и настоящим, настоящим и будущим. Крупнейший знаток своей страны и ее прошлого, он уже тогда как бы олицетворял собой прогрессивные, революционные традиции истории чешского народа, традиции, помогающие народу осознать свою цель и свое место в настоящем. Воспитанный на богатом научном наследстве буржуазной чешской историографии периода ее подъема, З. Р. Неедлы двигался в направлении, которое вело к появлению новой прогрессивной чешской историографии, историографии пролетарской. Еще не будучи марксистом, он начинает обращать большое внимание на социальный смысл гуситского движения, решительно протестует против реакционных теорий о «чистой» исторической науке, оторванной от политической борьбы, борется с эстетствующей, замыкающей искусство в самом себе теорией искусства для искусства.

Выросший в традициях идеи славянской взаимности, любви и уважения к русской культуре и русскому народу, помогавших чехам в условиях габсбургской тюрьмы народов жить и бороться, З. Р. Неедлы был глубоким знатоком русской культуры и самым искренним другом русского народа, что впоследствии помогло ему понять Октябрьскую революцию и стать верным другом Советского Союза и советских людей, перейти на позиции научного социализма.

Самоотверженный труд З. Р. Неедлы как историка и историка культуры очень скоро нашел признание у передовой чешской научной общественности. В 1903 г. Неедлы избирается членом Чешского научного общества в Праге, в 1907 г. — действительным членом Академии наук и художеств, а в 1909 г. становится экстраординарным профессором Карлова университета в Праге.

Но вот начинается развязанная империалистами первая мировая бойня. Затем на востоке, в России, свершается Великая Октябрьская социалистическая революция. В смертельной схватке с силами мирового империализма рождается первое в истории человечества социалистическое государство. В эти богатые событиями, бурные годы З. Р. Неедлы тоже живет взволнованно-напряженной жизнью. Нет, он в эти годы не кабинетный ученый и даже не просто прогрессивно настроенный, выступающий с новыми и смелыми взглядами на исторический процесс или на вопросы судьбы искусства, профессор университета. Нет, в эти переломные исторические годы наступает перелом и в его жизни. З. Р. Неедлы отныне прежде всего активный участник политической борьбы — борец против режима Габсбургов, — подписывающий в мае 1917 г. манифест деятелей чешской культуры против австро-венгерской монархии, крупный политический деятель новой, рождающейся на ее обломках Чехословацкой республики, мыслитель, стремящийся связать свой труд и свою борьбу с революционной борьбой родного народа.

Принимая русскую революцию в то время, как ее не принимали и не понимали даже многие из честно думавших деятелей русской культуры, а мировая реакционная печать злобно шипела о якобы залившей великую страну волне «варварства», З. Р. Неедлы не только оставался верным своей дружбе с русским народом, но и сумел понять международное

ЗДЕНЕК РОМАНОВИЧ НЕЕДЛЫ
(1878—1962)

значение родины социализма. «Без России нет Европы, без России нет союза народов, без России нет мира». — писал он в 1919 г.

Поставив свой ум и энергию на службу революционному движению, З. Р. Неедлы раз и навсегда определил для себя свой путь в науке и в политической жизни. Продолжая большую исследовательскую преподавательскую и общественно-просветительскую работу, он одновременно активно участвует в политической жизни своей страны, в мировом революционном движении. В 1921—1930 гг. им издается выходивший два раза в месяц журнал «Вар» («Кипение»), в котором широко освещалось общественное, культурное и экономическое развитие Советского Союза. В 1925 г. по инициативе З. Р. Неедлы создается «Общество культурной и экономической связи Чехословакии с Новой Россией», которое впоследствии, в 1948 г., вместе с образовавшимся в 1930 г. «Союзом друзей СССР» вошло в «Союз чехословацко-советской дружбы».

Возглавляемое З. Р. Неедлы общество развернуло многостороннюю деятельность, издавая статьи и книги о Советском Союзе, переводы произведений русских классиков и советских писателей, организуя поездки в СССР делегаций чехословацкой общественности. Сам З. Р. Неедлы побывал в СССР в 1925 г. в связи с двухсотлетним юбилеем Российской Академии наук, а затем в 1927 и 1936—1937 гг.

Являясь горячим другом Советского Союза, пропагандируя его достижения в области социалистического строительства, З. Р. Неедлы одновременно активно вел борьбу против новой угрозы империалистической войны, выступал в защиту угнетенных народов колоний, предсказывал могучий подъем их освободительного движения.

В 1927 г. он участвует в Первом антиимпериалистическом конгрессе в Брюсселе, а в 1929 г. вступает в ряды Коммунистической партии Чехословакии. В условиях буржуазной Чехословакии для видного и преуспевающего профессора университета это был акт высокого гражданского мужества, шаг, свидетельствовавший о глубоком сознании личной ответственности ученого перед народом и историей.

Между тем на европейском горизонте стали сгущаться тучи, предвещавшие бурю новой империалистической войны. В Германии пришел к власти фашизм. Под ударами итальянской авиации и механизированных частей пала свободолюбивая Абиссиния, вспыхнул поддержанный фашистскими державами мятеж Франко в Испании. В 1938 г. Гитлер оккупировал Австрию. А на Дальнем Востоке Япония продолжала грабительскую войну в Китае. С гневом и страстью подлинного революционера включается З. Р. Неедлы в борьбу против наступавшего фашизма. Он едет в Испанию, в самой Чехословакии разъясняет тезис компартии: «Борьба за Мадрид является борьбой за Прагу». Статьи, выступления на митингах, острая полемика с тупоголовой реакцией...

Прошло немного времени, и уже каждый честно мыслящий человек в Чехословакии мог убедиться в суровой правде предостережений чехословацких коммунистов. Началась вторая мировая война.

З. Р. Неедлы до последней возможности вел борьбу с внутренней и международной реакцией, находясь в родной стране. Только мюнхенское предательство и угроза ареста (приказ об аресте был отдан Пражским полицейским управлением) заставили его покинуть родину.

Большим счастьем для З. Р. Неедлы было то обстоятельство, что он смог найти гостеприимный приют в дорогом его сердцу Советском Союзе (1939—1945 гг.). Здесь он получил возможность не только продолжать свою исследовательскую и преподавательскую деятельность, о которой речь пойдет ниже, но и вести большую политическую работу, участвуя в деятельности Всеславянского комитета, в создании на территории

СССР чехословацких воинских частей, оказывая помощь освободительному движению на родине.

В трудные годы гитлеровского нашествия на СССР З. Р. Неедлы делил с советскими людьми их боль и горечь, их надежды и радости, вместе с ними верил в неизбежность победы, верил, что освобождение Чехословакии придет с Востока, из Советского Союза. И когда освобождение Чехословакии действительно началось, он вошел в состав сформированного в г. Кошице в апреле 1945 г. Правительства Национального фронта чехов и словаков в качестве министра просвещения, чтобы активно участвовать в возрождении родины на новых социальных основах.

С 1945 г. З. Р. Неедлы являлся депутатом Национального собрания Чехословакии, с 1946 г. — членом ЦК и Президиума ЦК Коммунистической партии Чехословакии. В 1946—1948 гг. он был министром труда и социального обеспечения, с февраля 1948 г. по январь 1953 г. — министром школ, наук и искусства, а в январе — сентябре 1953 г. занимал пост заместителя премьер-министра. В 1947 г. Зденек Романович был избран иностранным членом Академии наук СССР.

Когда в феврале 1948 г. чехословацкая реакция рискнула пойти на открытое выступление, З. Р. Неедлы был в числе тех, кто первым выступил против реакции. Он был в числе тех, кто своей энергией, мудростью и умением говорить правду сорвал грозившую стране гражданскую войну.

С огромной государственной работой З. Р. Неедлы до самого конца совмещал большую общественную и научно-организационную работу. Он был бессменным руководителем Союза чехословацко-советской дружбы и Славянского комитета ЧССР. Под его руководством была создана в 1952 г. Чехословацкая Академия наук, первым президентом которой он был избран.

Оборвавшаяся на восемьдесят пятом году 9 марта 1962 г. жизнь Зденека Романовича Неедлы была настоящим образцом трудной, но прекрасной и яркой, напряженной и полной дерзаний человеческой жизни.

* * *

Вклад Зденека Неедлы в отечественную и мировую культуру поистине огромен и требует поэтому специальных исследований, заменить которые, разумеется, не может наша небольшая статья.

Значение этого вклада определяется не только числом опубликованных работ Зденека Романовича, но и всей его патриотически-просветительской, общественной, педагогической, политической и государственной деятельностью. Именно такое сочетание характеризует облик академика Неедлы и широту его научных интересов.

Уже первые научные труды З. Р. Неедлы, опубликованные на рубеже XIX и XX вв., свидетельствовали об этой широте, а также о прогрессивности мировоззрения и исследовательских методов ученого. Если попытаться вкратце сформулировать содержание ранних работ З. Р. Неедлы, то прежде всего необходимо будет отметить, что в основе этих работ лежит стремление показать исторические закономерности освободительной борьбы чешского народа и национальное своеобразие его культуры, героически отстаиваемое и развиваемое им на протяжении всех столетий этой борьбы.

Такое стремление позволило З. Р. Неедлы уже в юные годы всесторонне и убедительно обосновать важнейший тезис о культуре, творимой народом. Подобное понимание культуры уже намечается в исследовании «Чешский дом», возникшем в конце прошлого века, — кстати сказать, почти одновременно с книгой Яна Карловича «Польская хата», также

затрагивающей вопрос о комплексном изучении художественного творчества народа и его быта.

В 1901 г. вслед за первой работой о гуситстве («Ян Рокицана», 1899), З. Р. Неедлы опубликовал труд об Алоисе Ирасеке, сразу привлечший к себе внимание широких кругов чешской общественности. Автору «Старинных чешских сказаний» Неедлы посвятил впоследствии еще несколько работ, неизменно подчеркивая связь великого писателя с народом, его пристальное внимание к героическому прошлому родины и освободительным движениям. Неедлы показал, какой глубокий смысл имело обращение Ирасека к истории этих движений, описанных в «Скалаках», «Псоглавцах», в романах и повестях о гуситской эпохе.

Если советский литературовед Б. Шуплецов справедливо считает, что произведения Ирасека, посвященные этой эпохе, рассказывали народу гораздо больше правды о великом антифеодальном движении, чем все, что было создано до Ирасека в чешской науке и литературе», — то эти слова можно в полной мере отнести и к блистательной трилогии З. Р. Неедлы, к работе над которой он приступил вскоре после выхода в свет труда об Ирасеке.

В 1904 г. в Праге вышла из печати «История догуситской песни в Чехии», в 1907 г. — исследование «Возникновение гуситской песни» и, наконец, в 1913 г. — «История гуситской песни в эпоху гуситских войн». Не будет преувеличением сказать, что эта трилогия (ее новое шеститомное издание вошло в собрание сочинений З. Р. Неедлы) явилась важнейшим событием не только в музыковедении, но и в истории культуры вообще.

Следует напомнить, что в западноевропейской музыкально-исторической науке, так же, как и в других областях истории искусства, преобладал в те годы принцип технологического изучения произведений искусства, отрывавший их от конкретной исторической среды и жизни эпохи. В совершенстве владея всеми приемами музыкально-теоретического анализа (напомним, что автор трилогии был учеником Фибиha и обладал даже практическими навыками в области композиции), З. Р. Неедлы применил в работах данные приемы и подробно остановился на палеографических проблемах, но не ограничился этим, а обратился к социально-историческим импульсам народного творчества.

Первая часть трилогии посвящена чешскому светскому и культовому песнетворчеству, но в ней содержится и анализ предпосылок возникновения гуситского движения, всесторонне изученного в следующих частях. З. Р. Неедлы рисует картину событий начала XV в., описывая социальный, национальный и религиозный гнет, бремя которого стремился сбросить народ, поднявшийся «против немецкого дворянства и верховной власти германского императора» (Маркс) после гибели Яна Гуса и Иеронима Пражского.

В трилогии детально показана сословная дифференциация гуситского движения и процесс формирования его левого, таборитского крыла. З. Р. Неедлы с поразительной достоверностью воссоздает воинский быт таборитов, их несложную обрядовость и бесхитростные верования, противостоявшие изощренной казуистике католической церкви, и учит понимать, как рождался гуситский гимн, как возникала боевая таборитская песня, как *пел народ*. Ибо песни гуситских войн были поистине плодом всенародного творчества. З. Р. Неедлы был первым ученым, который пришел к такому выводу, изучив и введя в научный обиход тысячи памятников этого творчества.

Неедлы проникательно раскрыл генезис ритмоинтонационной структуры гуситских, в частности таборитских, песен, изучив их тексты и мелодии, показав широту их эмоционального диапазона, простирающегося

от глубоко человеческой, задушевной лирики и острой сатиры до грозного маршевого напева, до строевой и боевой песни, наводившей ужас на врага. Академик Йозеф Мацек в статье, написанной к 75-летию З. Р. Неедлы («Зденек Неедлы и гуситство») справедливо подчеркивает, что в отличие от Палацкого и Масарика Неедлы постиг социальное значение гуситских войн. И его монументальные труды об этой эпохе содержат ключ к пониманию всей его деятельности.

К числу наиболее выдающихся трудов ученого принадлежит его многотомная монография о Сметане, введением в которую можно считать раннюю (1907) работу «Оперы Сметаны». Для того чтобы изучить все творческие импульсы основоположника чешской музыкальной классики, З. Р. Неедлы совершает экскурсии в далекое прошлое, останавливаясь на «эпохе тьмы», а затем на развитии будительского движения в Чехии.

Так же, как Ирасек, Неедлы придавал громадное значение правильному и всестороннему освещению патриотической деятельности будителей. К их традициям, как показал Неедлы, восходят многие устремления чешских мастеров. Неедлы сказал как-то: «Если бы не было наших кукольных театров, то не было бы и Национального театра». Это, кажущееся на первый взгляд парадоксальным, утверждение свидетельствует о глубоком постижении громадной роли Матея Копецкого и его соратников в сохранении чешского языка, в развитии национальных черт чешского театра.

Монография о Сметане оказалась синтетическим трудом. Героизм таборитов, гимны которых прозвучали в «Таборе», «Бланике» и «Либуше», мужество изгнанников, высоко державших и после белогорской битвы знамя чешской культуры, самоотверженность будителей — все это, как в фокусе, сосредоточилось в творчестве Сметаны — первого великого классика чешской музыки. Когда Неедлы писал двухтомную монографию о Национальном театре, книги о Фибихе, Острчиле, о развитии чешской оперы после Сметаны, он неизменно выступал во всех этих работах как борец за сметановские традиции в искусстве, которые он справедливо оценил, назвав национальными традициями чешской художественной культуры, назвав Сметану величайшим будителем.

Понятие «будительства» Неедлы неразрывно связывал с демократичностью, с народностью, со всеми теми чертами, которые он превыше всего ценил и в Божене Немцовой, и Миколаше Алеше. Именно от З. Р. Неедлы восприняли Иржи Волькер, Юлиус Фучик и другие борцы за социалистический реализм эти высокие идеалы, обогащенные новым содержанием в нашу эпоху.

«Товарищ Зденек Неедлы стал подлинным социалистическим учителем своего народа», — говорится в правительственном сообщении о кончине З. Р. Неедлы. Эти слова вызывают в памяти имя другого великого чеха — Яна Амоса Коменского, — справедливо прозванного «учителем народа». И необходимо подчеркнуть, что гигантскую научно-исследовательскую деятельность З. Р. Неедлы всю жизнь сочетал с просветительской. Он был замечательным педагогом. Один из его наиболее выдающихся учеников — крупнейший чехословацкий музыковед Йозеф Плавец — рассказал в своих воспоминаниях о Неедлы, как о воспитателе молодежи. Но трибуной Зденека Романовича была вся страна, слушавшая его еженедельные выступления по радио, города и села, где он находил время выступать с лекциями, творческие организации Чехословакии — союзы композиторов, писателей, художников, где он отстаивал высокие принципы социалистического реализма.

Неедлы сделал огромный вклад и в развитие связей между славянскими народами. Еще до первой мировой войны он бывал и работал в

Москве и Варшаве. В монографии о Сметане он посвятил большой раздел польским повстанческим песням 1830—1831 гг. и их откликам в Чехии; желая подчеркнуть революционную солидарность славянских народов, Зденек Неедлы всю свою жизнь крепил эту солидарность как истинный патриот, которого любовь к родине, к родному народу привела в ряды Коммунистической партии.

Общественно-исторические интересы З. Р. Неедлы были столь же широки и многообразны, как и его интересы в области истории культуры. Главным, как уже говорилось, отличительным свойством исторических исследований покойного являлась их связь с жизнью, с практикой политической борьбы. Обращаясь к прошлому, З. Р. Неедлы выбирал для своих работ те темы, которые были близки и понятны народу, стремился через свои исследования найти путь к сердцу читателя, добивался прямого и ясного разговора с ним.

Тогда, когда после разгрома центральных держав возникла Чехословацкая республика и в стране остро ощущалась обстановка революционного подъема, З. Р. Неедлы продолжал изучение гуситских освободительных традиций.

В результате многолетних раздумий ученого появился ряд его работ, прямо связывающих задачи революционной борьбы трудящихся масс против капиталистической эксплуатации с революционными традициями чешского средневековья, с живыми в народе освободительными традициями гуситских войн.

Чрезвычайно показательно, что в страшное для чешского народа время второй мировой войны З. Р. Неедлы, находясь в Советском Союзе, вновь обращается к славным традициям гуситской Чехии. В них же он черпает уверенность в революционных силах и созидательном гении чешского народа в послевоенный период, когда он является одним из руководителей социалистического строительства в своей стране.

Разрабатывая историю чешского общественно-политического движения и чешской культуры XIX в., З. Р. Неедлы обращается в 20—30-х годах также и к изучению новейшей чешской истории. Особенно детально им исследуются вопросы общественно-политической мысли эпохи империализма, проблема кризиса идеологии буржуазной интеллигенции. Речь идет о его капитальном труде, посвященном Т. Г. Масарику. Но если чех Т. Г. Масарик олицетворял для исследователя сегодня, неизбежно уходящее во вчера, то олицетворением прекрасного завтра был для него образ русского человека, вождя российской революции — В. И. Ленина. Так, в 1937—1938 гг. появляется написанный с мыслью о будущем родного народа монументальный труд З. Р. Неедлы о Ленине. Ученому не удалось довести до конца это огромное исследование. Свет увидели только его первые два тома, рукопись третьего тома погибла в годы фашистской оккупации Чехословакии, прервавшей работу З. Р. Неедлы над историей российской революции.

Для нас, советских историков-славистов, естественно, особенно важное значение имели те шесть лет в жизни и исследовательской работе З. Р. Неедлы, которые он провел в годы второй мировой войны в Советском Союзе. Если тесное творческое сотрудничество с советскими историками старшего поколения, по собственным словам ученого, много дало ему как историку-марксисту, то в свою очередь и З. Р. Неедлы не остался в долгу перед советской исторической наукой. Его напряженная исследовательская работа в Институте истории Академии наук СССР и преподавательская — в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова, где он сотрудничал с такими выдающимися славистами, как Б. Д. Греков, В. И. Пичета, М. Н. Тихомиров и Н. П. Грацианский,

в очень большой мере подготовила тот бурный подъем историко-славистических исследований, который характерен для советского славяноведения послевоенного периода.

Для младшего поколения советских историков-славистов ученая деятельность З. Р. Неедлы являлась замечательным образцом сочетания строгой логики научного исследования с его политической актуальностью. В это время З. Р. Неедлы работал над такими важными и злободневными темами, как история славяно-германских отношений, разоблачал реакционную сущность гитлеровской расистской идеологии и гитлеровского остфоршунга, изучал историю русско-чешских исторических связей, разрабатывал с марксистско-ленинских позиций основные процессы истории словацкого народа. Всего в СССР З. Р. Неедлы было написано свыше шестидесяти статей и работ, в том числе и основополагающий очерк истории начального этапа славяноведческих исследований. Огромного труда потребовало от чешского ученого создание первого в СССР университетского общего курса по славяноведению, охватывающего историю всех, больших и малых, славянских народов. На лекциях и семинарах, которые вел З. Р. Неедлы в Московском университете, безусловно, были ли они посвящены проблемам средневековья, вопросам историографии или источниковедения или темой их были события первой мировой войны, молодые историки-слависты приобретали не только необходимые им навыки критики источников, анализа исторических явлений, но и учились рассматривать эти явления в широкой исторической взаимосвязи, учились мастерству исторического синтеза с помощью которого ученый приобретает способность оценивать прошлое с большой исторической перспективой сегодняшнего и даже завтрашнего дня.

Вернувшись на родину, занятый огромной государственной, общественно-политической и научно-организационной работой, З. Р. Неедлы не прекратил и своей работы историка-исследователя. Он возвращается ко многим старым темам своих исследований, чтобы еще раз проверить и уточнить выводы, еще раз заглянуть в прошлое с высоты настоящего. Итогом его многолетнего опыта историка-ученого и политического деятеля должна была стать многотомная история Чехии, в которой автор на основе критического анализа научного наследства стремился дать новую схему чешского исторического процесса с древнейших времен. Вышедшие два первых тома «Истории чешского народа» свидетельствуют о том, с какой замечательной научной смелостью, с каким необычайно широким историческим кругозором по-новаторски подходил З. Р. Неедлы к своей задаче. Читателя невольно поражает, как умело, с какой силой логики события чешской истории вписываются автором в общеевропейский исторический контекст, увязываются с основными, решающими процессами истории человечества.

Смерть прервала работу З. Р. Неедлы над этим трудом, как прервала она и его кипучую и многогранную государственную и общественно-политическую деятельность. Окончилась жизнь большая и мужественная, жизнь великого чешского патриота, во имя любви к родине, во имя любви к человеку, во имя идеалов гуманности и социальной справедливости ставшего коммунистом, солдатом международного коммунистического движения, другом Советского Союза.

И. Ф. Бэлза, В. Д. Королук

А. Я. Манусевич

**БОРЬБА СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
ЗА ВЫХОД ИЗ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
И ПОЛЬСКИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ В РОССИИ**

(январь—март 1918 г.)¹

I

Первые месяцы после победы Великой Октябрьской социалистической революции прошли под знаком триумфального шествия Советской власти по всей стране. Повсеместно в борьбе с силами внутренней контрреволюции и агентурой иностранных империалистов создавались устои новой жизни. Коммунистическая партия, организуя и вдохновляя народные массы, успешно добивалась ликвидации одного контрреволюционного очага за другим; поднимала крестьянство на борьбу против помещичьего землевладения; укрепляла и расширяла руководящую роль рабочего класса в осуществлении глубоких преобразований, охвативших все области общественной и экономической жизни Советского государства.

Неизменными участниками всей деятельности коммунистической партии и Советской власти являлись польские интернационалисты, особенно их передовой отряд — члены Социал-демократии Королевства Польского и Литвы.

Единство польской социал-демократии в России с большевистской партией нашло свое новое подтверждение в связи с созывом 5(18) января 1918 г. Учредительного собрания.

Полностью разделяя позицию большевиков в отношении Учредительного собрания, газета «Трубуна», орган ЦИК групп СДКПиЛ в России, писала, повторяя основные ленинские положения, что пролетариат в ходе революции создал Советы — новую политическую форму, лучшую, чем буржуазные парламенты, более отвечающую задачам социалистического строительства, нежели самая наидемократическая республика. Но Учредительное собрание — «последняя иллюзия буржуазного демократизма, которую народ должен изжить на основе собственного опыта»; Учредительное собрание, если оно окажется способным отразить волю народа, должно будет передать власть Советам².

¹ О деятельности польских интернационалистов в России в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции см. работы того же автора в сборниках: «Октябрьская революция и зарубежные славянские народы» (М., 1957) и «Из истории польского рабочего движения» (М., 1962).

² «Трубуна», 3(16). XII 1917.

Иную позицию занимали организации ППС-«революционной фракции» и ППС-левицы. Не только в центре, но и на местах, где зачастую влияние революционных элементов ощущалось в рядах этих партий в большей мере, чем в центрах сосредоточения основных сил обеих ППС, они всецело уповали на Учредительное собрание³.

За день до открытия собрания, 3(16) января, ВЦИК принял выработанный В. И. Лениным проект «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Реакционное большинство Учредительного собрания отказалось обсудить декларацию и декреты II съезда Советов о земле и о мире. Все его действия носили контрреволюционный характер. В связи с этим возникла необходимость роспуска собрания, что и было оформлено декретом ВЦИК, принятым в ночь с 6(19) на 7(20) января.

Среди большевиков — депутатов Учредительного собрания — был ряд польских социал-демократов: Ф. Дзержинский, Ст. Бобиньский, Ю. Лещиньский, Фр. Гжельшак, Ю. Уншлихт, Я. Озембловский⁴, которые действовали в полном единстве со всеми большевиками.

На происходившем 10(23) — 18(31) января III Всероссийском съезде Советов польские социал-демократы по коренным вопросам советского строительства заняли большевистскую позицию. Группы СДКПиЛ в России рассматривали III съезд Советов как важную веху в развитии Советского государства. Об этом говорит, в частности, воззвание ко всем рабочим, солдатам и крестьянам, опубликованное от имени Московского комитета большевиков и других партийных организаций, в том числе и от Московской группы СДКПиЛ. Воззвание призывало показать пример организованности, революционной дисциплины, выдержки и поддержать III съезд Советов⁵.

После вступительной речи Я. М. Свердлова, открывшего съезд, последовали выступления представителей пролетариата ряда зарубежных стран; от польской социал-демократии с приветственной речью выступил Ю. Лещиньский (Ленский)⁶.

В числе других вопросов съезд заслушал и обсудил доклад по национальному вопросу и о федеративном устройстве Советской республики. В обращении, принятом по национальному вопросу, съезд указал, что он «приветствует и одобряет национальную политику Правительства Народных Комиссаров, направленную к проведению в жизнь принципа самоопределения народов»⁷. В связи с этим следует отметить, что в отличие от позиции польской социал-демократии на II съезде РСДРП в 1903 г., на Апрельской конференции 1917 г. и на многих других съездах и конференциях на III съезде Советов польские социал-демократы не выразили своего отрицательного отношения к вопросу о праве наций на самоопределение. Очевидно, практика Советской власти, прокладывавшей путь к нерушимому союзу и братству на основе признания свободы всех народов России, показывала польским интернационалистам, как и многим другим, ранее заблуждавшимся в этом вопросе, революционную силу и справедливость ленинской национальной программы.

³ В Могилеве, например, секция ППС-левицы совместно с так называемым объединением интернационалистов навязывали Совету рабочих и солдатских депутатов резолюцию в поддержку Учредительного собрания («Изв. Могилевского Совета рабочих и солдатских депутатов», 12(25). I 1918).

⁴ «Всероссийское Учредительное собрание». М.—Л., 1930, стр. 119, 120 и др.

⁵ «Социал-демократ», 6(19). I 1918.

⁶ «Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Пб., 1918, стр. 16. Так как стенограмма съезда не сохранилась, а в протоколах лишь упоминается сам факт выступления Ю. Лещиньского, то содержание его речи не может быть изложено.

⁷ Там же, стр. 94.

Руководствуясь принципом самоопределения народов, Советское правительство содействовало формированию государственности ранее угнетенных народов. Эта политика вела не к разобщению революционного единства между русским и другими народами бывшей Российской империи, а, наоборот, к их сплочению.

В. И. Ленин на III съезде Советов с полным основанием отметил победу идей интернационализма, пробудивших классовое сознание трудящихся и организовавших их в прочный союз, в одну мощную революционную федерацию. Ленин говорил, что «вокруг революционной России все больше и больше будут группироваться отдельные различные федерации свободных наций. Совершенно добровольно, без лжи и железа будет расти эта федерация, и она несокрушима. Лучший залог ее несокрушимости — те законы, тот государственный строй, который мы творим у себя. ...Огненные языки революционной стихии вспыхивают все сильнее и сильнее над всем прогнившим мировым старым строем, — продолжал далее Ленин. — Это не было теорией, отвлеченной от жизни, не было фантазией кабинетных людей, что мы, создав Советскую власть, вывели к жизни такие же попытки и в других странах»⁸.

Несомненно, произносятся эти пламенные слова, В. И. Ленин прежде всего имел в виду грандиозное забастовочное движение, охватившее в середине января 1918 г. Австро-Венгрию и Германию и приведшее к созданию Советов в Берлине, Вене и многих других городах этих стран. Хотя Ленин специально не останавливался на выступлениях, охвативших в январе и польские земли, он, конечно, превосходно знал о том, что польский рабочий класс пришел в движение против захватчиков и польских эксплуататорских классов. С огромной верой в силы европейского и, в частности, польского, пролетариата «Правда» в набранных через всю первую полосу большими буквами строках сообщала, что красный флаг революции поднят в Европе. «В Варшаве начинается всеобщая стачка социалистического пролетариата. Революция и здесь создает Советы рабочих»⁹.

Действительно, в Варшаве имела место в это время попытка создания органа, подобного Совету¹⁰.

В состав ЦИК Советов, избранного на III съезде, по списку большевиков были избраны видные деятели польской социал-демократии: Ф. Дзержинский, Я. Фенигштейн (Долецкий), Фр. Гжельщак и один из руководителей революционного движения в Белгороде, Ян Озембловский¹¹.

На самом III съезде Советов интонации, отличные от ленинских, прозвучали у представителей СДКПиЛ лишь по вопросу о войне и мире.

II

Борьба за мир, за окончание империалистической войны занимала одно из центральных мест в деятельности молодой Советской власти. Советское правительство еще в Декрете о мире предложило всем воюющим странам заключить всеобщий демократический мир — мир без аннексий и контрибуций. Однако союзники России по первой мировой войне — правительства Англии, Франции, США и ряда других стран — не только не поддержали предложения Советского правительства,

⁸ В. И. Ленин. Сочинения, т. 26, стр. 436, 437.

⁹ «Правда», 25(12).I 1918.

¹⁰ Подробнее о январских событиях на польских землях см. А. Манусевич. Из истории революционного движения в Польше в 1917—1918 годах. «Новая и новейшая история», 1957, № 4.

¹¹ «Правда», 3.II (21.I) 1918.

отвечавшего чаяниям измученных войной народов, но и развернули деятельность, направленную против самого существования Советской власти. Они стали на путь организации контрреволюционных заговоров и мятежей в России, приступили по почину правительства США к проведению экономической и политической блокады Советского государства, а на совещании Верховного совета стран Антанты и США, открывшемся в Париже 15 (28) ноября, договорились установить «действительный контроль над развитием русской внешней политики»¹². 23 декабря Англия и Франция подписали тайную конвенцию, которая предусматривала единство действий «по отношению к России в связи с предложением большевиков о мире»¹³ и «географическое разделение сферы действий этих двух держав на всем том протяжении, какое они были в состоянии охватить»¹⁴. Это соглашение было заключено с полного одобрения крупнейшего партнера стран Антанты — Соединенных Штатов Америки¹⁵.

В этой обстановке Советское правительство повело в Брест-Литовске неслыханно тяжелые переговоры с Германией сначала о перемирии, а затем о заключении мирного договора. Несмотря на крайне неблагоприятную международную обстановку и исключительно сложное внутреннее положение, Советское правительство неустанно отстаивало в переговорах с германо-австрийским блоком принципы заключения мирного договора на справедливых, демократических началах.

В первый период брест-литовских переговоров советская делегация руководствовалась «Конспектом программы переговоров о мире», утвержденным 27 ноября (10 декабря) 1917 г. Советом Народных Комиссаров в качестве инструкции для делегации.

Выдвигая перед советской делегацией задачу вести переговоры о мире без аннексий и контрибуций, В. И. Ленин пояснял, что под аннексией никак не следует подразумевать земли, присоединенные лишь после объявления первой мировой войны. «Аннексией, — писал он, — объявляется всякая территория, население которой в течение последних десятилетий... выражало недовольство присоединением ее территории к другому государству, или ее положением в государстве, — все равно, выражалось ли это недовольство в литературе, в решениях сеймов, муниципалитетов, собраний и тому подобных учреждений, в государственных и дипломатических актах, вызванных национальным движением этих территорий, в национальных треннях, столкновениях, волнениях и т. п.»¹⁶.

Практически, применительно к конкретным условиям брест-литовских переговоров, речь шла, таким образом, не только о захваченных австро-германскими войсками в ходе мировой войны западных окраинах бывшей Российской империи — части Латвии, Литве, части Белоруссии, так называемом Королевстве Польском, но и о всех польских землях — Познаньщине, Силезии, Галиции, Поморье и других, в разное время попавших под прусское либо австрийское иго.

Тотчас же после открытия мирной конференции в Брест-Литовске 9(22) декабря советская делегация выступила с декларацией, в которой содержался текст Декрета о мире и шесть пунктов, соответствовавших «Конспекту программы переговоров о мире» и конкретизировавших

¹² А. Леонтьев. Империализм доллара в Западной Европе. М., 1949, стр. 26.

¹³ Д. Ллойд Джордж. Военные мемуары, т. V. М., 1938, стр. 93—95.

¹⁴ У. Черчилль. Мировой кризис. М.—Л., 1932, стр. 105.

¹⁵ Как пишет американский историк Дж. Кеннан, Англией и Францией при заключении соглашения о «сферах влияния» в России «было принято в расчет» предложение США финансировать Англию и Францию в их борьбе за осуществление антисоветского соглашения (G. F. Kennan. Russia Leaves the War. Princeton; 1956, p. 178).

¹⁶ В. И. Ленин. Сочинения, т. 26, стр. 313.

принципы, которые Советское правительство предлагало положить в основу мирного договора ¹⁷.

Во время брестских переговоров вопрос о польских землях занимал одно из центральных мест. В случае демократического решения вопроса о Польше как бы само собой должен был бы получить демократическое решение и вопрос о находящихся восточнее Польши захваченных центральными державами литовских, белорусских, латвийских землях ¹⁸.

Уже на следующий день после открытия конференции «Известия» выступили с редакционной статьей «Судьбы Польши», в которой давалось всестороннее освещение польского вопроса. Официальный орган Советского правительства отмечал, что свое принципиальное решение польский вопрос нашел еще в обращении «К польскому народу», единогласно принятом 14 (27) марта 1917 г. Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. Как известно, это обращение провозглашало: «Польша имеет право быть совершенно независимой в государственно-международном отношении» ¹⁹.

Далее «Известия» отмечали, что только Советское правительство способно отстаивать независимость Польши. Польша, писала газета, «должна включать в себя все части бывшего Польского государства, где преобладает польское население, и быть страной глубоко демократической. Отстаивание единства Польши во время переговоров о мире составляет задачу не только русской революционной демократии, но в еще большей степени германского и австрийского пролетариата, ибо Галиция и Прусская Польша находятся в руках внутренних врагов пролетариата этих государств — германских и австрийских империалистов» ²⁰. В этом газета видела интернациональный долг пролетариата Германии и Австро-Венгрии в отношении польского народа.

Позиция Советского правительства, принципы, которые оно предлагало положить в основу мирного договора, защита им права польского народа на создание своего независимого государства соответствовали самым сокровенным чаяниям польских народных масс.

Столь последовательной и всеобъемлющей программы разрешения польского вопроса не выдвигало ни одно политическое направление польского общества. Все польские буржуазные и мелкобуржуазные партии, объявлявшие своей целью разрешение польского вопроса, связывали осуществление этой цели с ориентацией на ту или иную из великих держав. Крупнейшая партия польской буржуазии — национал-демократы (эндеки) — вообще чуть ли не до самой Октябрьской революции видела будущее Польши единственно в соединении возможно большего количества польских земель в рамках Российского государства.

Созданный эндеками в августе 1917 г. Польский национальный комитет в Париже, претендовавший на признание его в качестве по-

¹⁷ «Документы внешней политики СССР», т. I. М., 1957, стр. 59—61.

¹⁸ Германская сторона считала польский вопрос ключом к осуществлению всей своей захватнической программы. Один из признанных выразителей аннексионистских требований германского империализма, П. Рорбах, писал незадолго до Октябрьской революции: «Будет ли Россия республикой или монархией, это безразлично. Решающий вопрос состоит в том, кому будут принадлежать поляки: России или Средней Европе (кайзеровской Германии).— А. М.) и сколько людей отойдет путем отделения от России...» (P. Rohrbach. Unser Kriegsziel im Osten und die russische Revolution. Weimar, 1917, S. 4). Комментируя брошюру Рорбаха, Ю. Ленский отмечал, что консервативные польские круги, связанные с центральными державами, сочувственно отнеслись к проекту Рорбаха о расширении зависимого от Германии марионеточного Польского государства за счет смежных восточных земель («Труба», 22.I (4.II) 1918).

¹⁹ «Правда», 29(16). III 1917.

²⁰ «Известия ЦИК», 10(23).XII 1917.

тенциального польского правительства и признанный правительствами Франции, Англии, Италии, США и некоторых других стран в качестве «официальной польской организации», и после Октябрьской революции не ставил перед своими союзниками вопроса о воссоздании единого, национального Польского государства. Как признал 28 ноября (н. ст.) на заседании комитета его председатель лидер эндеков Р. Дмовский, даже французское министерство иностранных дел сочло скромным и неприемлемым проект декларации западных стран по польскому вопросу, подготовленный Дмовским (текст проекта декларации нам неизвестен). По словам самого Дмовского, разработанная им декларация оказалась неприемлемой именно в результате действий Советского правительства: «...после оглашения тайных договоров в Петрограде такая декларация является недостаточной»²¹.

Другое из основных направлений польской буржуазной политической мысли, центром которого в течение ряда лет был Главный национальный комитет в Кракове (с ним активно сотрудничала ППС-«фракция»), в отличие от эндеков как раз добивалось освобождения польских земель из-под власти царизма, но не во имя независимости Польши, а в расчете либо на превращение двуединой монархии Габсбургов в триалистическую Австро-Венгерско-Польскую монархию, либо в расчете на ту или иную форму федерации Польши с кайзеровской Германией, что фактически вело к превращению всех польских земель в немецко-пруссский придаток. Между тем, захватив в ходе первой мировой войны Королевство Польское, германские и австрийские империалисты искромсали его, разделив на две оккупационные зоны, а свое господство на вновь захваченных польских землях пытались прикрыть созданием марионеточных польских органов во главе с Регентским советом, находившимся в полной зависимости от оккупационных властей. Эту оккупационную систему В. И. Ленин назвал «ублюдком государства»²².

Что касается пилсудчиков, в том числе и из руководства ППС-«фракции», то, хотя после февральской революции в России они и отошли от политики сотрудничества с Германией и выдвинули задачу создания независимого Польского государства и созыва польского сейма, они никогда не намеревались добиваться освобождения Познаньщины, Поморья, Силезии и других польских земель, которые издавна были под игом Пруссии.

Наконец, революционные партии польского пролетариата — ППС-левица и особенно СДКПиЛ, беззаветно борясь за социальное и национальное освобождение польских трудящихся, считали, что назревавшая европейская социалистическая революция в ходе своего победоносного развития как бы попутно с ликвидацией капиталистического строя снимет и национальный вопрос, а также проблему государственного суверенитета и тем самым походя, автоматически решит вопрос о ликвидации чужеземного ига над Польшей. Даже созданная на основе объединения СДКПиЛ и ППС-левицы в конце 1918 г. Коммунистическая партия Польши весьма нескоро заняла правильную позицию в этом важнейшем вопросе. Находясь под огромным влиянием бурно поднимающейся революционной волны во всей Европе, КПП, указывается в тезисах ЦК Польской объединенной рабочей партии, опубликованных к 40-летию КПП, «не уяснила себе в достаточной степени, что наиболее жгучими вопросами, вокруг которых концентрировались тогда стремления и

²¹ Archiwum Akt Nowych w Warszawie (далее — ААН), Fond Komitetu Narodowego Polskiego w Paryżu (далее — КНР), Dz. I, t. 3, I. 9.

²² В. И. Ленин. Сочинения, т. 23, стр. 205.

борьба польских народных масс, были национальное освобождение и воссоединение, создание независимого государства...»²³.

Таким образом, в то время лишь Советское правительство высоко подняло знамя борьбы за независимость и единство Польши.

После трехдневной подготовки делегации центральных держав на Брестской конференции огласили 12(25) декабря свой ответ на советскую декларацию. Они сделали большое число оговорок в отношении советских предложений, но заявили, что «основные положения русской декларации могут быть положены в основу переговоров о мире» и что они «согласны немедленно заключить мир без аннексий и контрибуций»²⁴.

Вслед за тем на заседании 14(27) декабря советская делегация предложила принять первую статью будущего мирного договора, в которой предусматривался вывод войск воюющих стран из занятых ими в ходе войны территорий, т. е. в первую очередь вывод войск Четверного союза из Польши. В проекте статьи первой указывалось, что в соответствии с принципами российского правительства населению Польши, равно как и других областей, из которых надлежало эвакуировать вооруженные силы другой стороны и которые до войны принадлежали России, «будет дана возможность вполне свободно в ближайший точно определенный срок решить вопрос о своем присоединении к тому или иному государству, или об образовании самостоятельного государства. При этом в самоопределяющихся местностях недопустимо присутствие каких-либо войск, кроме национальных или местных милиции. Впредь до решения этого вопроса управление этими областями находится в руках избранных на демократических началах представителей самого местного населения»²⁵.

Но обсуждение даже этого первого пункта договора, в котором предлагалось закрепить демократический путь решения вопроса о захваченных Германией и Австро-Венгрией западных областях бывшей Российской империи, в частности вопроса о бывшей русской Польше, показало, что практически центральные державы не только не собираются признать право на самоопределение за издавна угнетаемыми ими народами, но и не собираются эвакуировать захваченные ими в ходе войны польские, литовские и другие земли. Разъясняя свою позицию, представители Германии и ее союзников утверждали, что «судьба Польши,

²³ «W 40 rocznicę powstania Komunistycznej Partii Polski». Tezy Komitetu Centralnego PZPR». Warszawa, 1958, str. 10.

²⁴ «Правда», 27(14).XII 1917. Выступая 29 ноября (н. ст.) с речью в рейхстаге, германский канцлер Гертлинг сделал заявление о согласии на мирные переговоры с русским правительством на почве выдвинутого им принципа самоопределения. «Что касается находившихся некогда под скипетром русского царя Польши, Курляндии, Литвы, то мы,— говорил Гертлинг, лицемерно прикрывая захватнические планы германского империализма,— уважаем право их народов на самоопределение. Мы надеемся, что они сами себе дадут те государственные формы, которые соответствуют их отношениям и направлению их культуры» («Verhandlungen des Reichstags». Stenographische Berichte, Bd. 311. Berlin, 1918, S. 3947). Несколько позднее, на состоявшемся 18 декабря (н. ст.) заседании германского коронного совета в Крейцнахе было решено аннексировать значительную часть Польши и под разными видами подчинения присоединить к Германии все Прибалтийские страны, овладеть Белоруссией, Украиной и другими землями (Э. Людендорф. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., т. 2. М., 1924, стр. 112 и др.). Следует отметить, что фальшивую игру с требованием о самоопределении наций германские империалисты начали по подказке германских правых социал-демократов. Уже 9 ноября (н. ст.) 1917 г. газета «Vorwärts» рекомендовала своему правительству прийти к согласию с Россией о том, «чтобы для населения русских западных провинций признать право национального самоопределения», т. е. под видом самоопределения удерживать захваченные в ходе войны территории.

²⁵ «Мирные переговоры в Брест-Литовске. Пленарные заседания, заседания политической комиссии», т. I. М., 1920, стр. 28—29.

Литвы и Курляндии уже предрешена заявлениями, сделанными якобы народами этих областей, что эти народы якобы самоопределились», поэтому отпадает советское предложение о выводе германских войск из оккупированных бывших русских территорий²⁶.

Совершенно понятно, что центральные державы стояли на позиции аннексии оккупированных территорий, рассчитывая замаскировать ее различными марионеточными органами, созданными оккупантами в Королевстве Польском и Литве и выдаваемыми ими за свободное представительство народа. Указывая на то, что эти марионеточные органы не могут быть признаны представителями народа, так как народ их не избирал, «Правда» писала: «Мы требуем самоопределения всех угнетенных народов и поэтому не можем допустить, чтобы польский народ был лишен этого права»²⁷.

Советское правительство, стремясь облегчить достижение всеобщего мира и демократическое решение польского и других вопросов, сделало новую попытку привлечь к мирным переговорам западные державы. Со своей стороны Германия, рассчитывая, что западные державы не поддержат мирных усилий Советского правительства, заявила, что согласится принять принципы мира, предложенные советской делегацией, в случае, если к ним присоединятся в течение десяти дней все воюющие страны. Стремясь упрочить шансы на достижение всеобщего мира, Советское правительство добилось 15(28) декабря перерыва в работе мирной конференции для того, чтобы дать последнюю возможность западным странам принять участие в дальнейших переговорах и тем избежать необходимости сепаратного мира между Россией и враждебными странами, затруднить германскому империализму осуществление его захватнических планов, облегчить борьбу за свободу польского и других народов.

В обращении Народного комиссариата иностранных дел (НКИД) к народам и правительствам союзных стран от 17(30) декабря указывалось, что если бы правительства союзных стран обнаружили готовность вместе с русской революцией построить мир на основе полного и безусловного признания принципа самоопределения для всех народов во всех государствах, если бы они начали с фактического предоставления этого права угнетенным народам собственных государств,— это создало бы такие международные условия, при которых противоречивая программа Германии и Австро-Венгрии обнаружила бы всю несостоятельность и была бы преодолена давлением заинтересованных народов. Советское правительство прямо ставило перед западными державами вопросы: требуют ли они вместе с Советским правительством предоставления права самостоятельности народам Эльзас-Лотарингии, Галиции, Познани, Богемии, югославянских областей? Какова их программа мира? Во имя каких целей они могли бы требовать продолжения войны? Советское правительство вместе с тем предупреждало, что саботирование всеобщего мира вынудит Россию пойти на сепаратный мир²⁸.

В тот же день, когда НКИД направил обращение к народам и правительствам союзных стран, «Известия» выступили с новой редакционной статьей по польскому вопросу — «Еще о судьбах Польши». В статье указывалось, что в выдвинутых Германией условиях мира «очень ловко, с точки зрения германских империалистов, формулированы пункты, касающиеся захваченных Германией в нынешней войне стран. Особенно неясно положение польского вопроса... Вероятнее всего, центральные дер-

²⁶ «Известия ЦИК», 19.XII 1917 (1.I 1918).

²⁷ «Правда», 27(14).XII 1917.

²⁸ «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 67—71.

жавы намерены решить судьбу Польши совместно с ее нынешними властями раньше, чем польский вопрос станет предметом общих мирных переговоров. Такое его решение противоречит и интересам польского пролетариата, и демократии, и интересам русской революционной демократии, и Интернационала. Задача русской революции — нести повсюду идеи свободы, демократии, социализма. Интересы ее, а равно Интернационала диктуют превращение разделенной Польши в обладающую полной независимостью объединенную демократическую республику»²⁹.

Всеобъемлющая программа справедливого мира, выдвинутая Советским правительством, в корне противоречила планам как центральных держав, так и их западных противников. Стремясь к переделу мира в свою пользу, добиваясь разгрома социалистической революции и удущения национально-освободительного движения, западные державы в то же время не могли полностью игнорировать резко возросшей и окрепшей под влиянием Октябрьской революции воли всех народов к миру. Поэтому, рассчитывая в какой-то мере парализовать воздействие ленинской мирной политики Советского правительства и прикрыть свои собственные аннексионистские планы, они в январе 1918 г. выступили с изложением своей мирной программы³⁰. По существу английские и американские условия мира явились программой продолжения войны во имя установления гегемонии западных держав во всем мире. В программных выступлениях премьер-министра Великобритании Д. Ллойд Джорджа и президента США В. Вильсона содержались и положения, касавшиеся Польши. После Октябрьской революции в условиях огромного подъема польского национально-освободительного движения и солидарности трудящихся всех стран с освободительной политикой Советского правительства правительства Англии и США не могли не взять некоторых обязательств в отношении польского вопроса. Но что это были за обязательства! Ллойд Джордж признал, что создание независимой Польши является необходимым условием стабилизации Восточной Европы, Вильсон обещал содействовать образованию Польши и даже предоставлению ей гарантий территориальной целостности, но при этом выдвигались такие принципы восстановления Польши, которые допускали исключение из ее состава значительной части неоспоримо польских земель и лишение ее суверенных прав на польское побережье Балтийского моря (как известно, именно эти принципы были положены в дальнейшем в основу определения западных и северных границ Польши на Парижской мирной конференции и были закреплены Версальским мирным договором 1919 г.).

«Правда» еще 24 декабря (6 января) выступила с редакционной статьей «Их план», в которой разоблачала действия «союзников», предающих Польшу, Литву и другие страны, оккупированные центральными державами. Отказываясь от проведения всеобщих переговоров о мире, «союзники», писала газета, рассчитывают, что Германия, вознаградив себя на востоке, скорее договорится с Западом; они предали Польшу и другие оккупированные страны, «воспользовавшись ими, как разменной монетой по своим счетам с Германией... Здесь по существу молчаливое соглашение, суть которого в том, чтобы предоставить Германии распять Польшу и другие страны. Таков план»³¹.

²⁹ «Известия ЦИК», 17(30).XII 1917.

³⁰ Подробнее см. А. Манусевич. К постановке вопроса о западных и северных границах Польши на Парижской мирной конференции. «Изв. АН СССР, серия истории и философии», 1946, т. III, вып. I.

³¹ «Правда» 6.I 1918 (24.XII 1917).

27 декабря 1917 г. (9 января 1918 г.) в Брест-Литовске возобновилась работа мирной конференции. На состоявшемся 29 декабря (11 января) заседании политической комиссии глава германской делегации фон Кюльман утверждал, что в некоторых частях оккупированных Германией областей — имелась в виду в первую очередь Польша — органы, фактически уполномоченные представлять соответствующие народы, уже высказались за отделение от России и что, соответственно, на эти области не может распространяться обязательство об отводе германских войск³². Советская делегация констатировала, что за время оккупации ни в Польше, ни в Литве, ни в Курляндии «не создано и не могло быть создано и не существует какого-либо демократически избранного органа, который с наималейшим правом мог бы претендовать на роль выразителя воли широких кругов населения». Делегация подтверждала неизменность позиции Советского правительства в отношении того, что принадлежность ныне оккупированных областей к бывшей Российской империи не налагает на население этих областей каких-либо государственно-правовых обязательств по отношению к Российской Республике.

В заявлении, сделанном 30 декабря 1917 г. (12 января 1918 г.), указывалось, что Советское правительство считает основной задачей ведущихся переговоров «не отстаивание каким-либо образом дальнейшего насильственного причисления указанных областей к пределам Российского государства, но лишь обеспечение этим областям действительной свободы самоопределения по вопросам внутреннего государственного устройства и международного положения». Граница, отделяющая Российскую Республику от соседних областей, должна быть определена «свободной волей самих народов, живущих на этих границах, а не односторонним насилием, способным лишь подавить эту волю». В заявлении содержалось также предложение относительно определения территорий, население которых будет призвано воспользоваться правом на самоопределение, относительно тех способов и форм, в которых население этих областей будет призвано выразить свою волю и т. д.³³

Но германские империалисты и их союзники, убедившись, что Советское правительство продолжает отстаивать право угнетенных народов на свободу и независимость, и убедившись, что западные страны не хотят мирных переговоров, круто изменили свою позицию. К этому их побуждала и переоценка собственной силы, и опасение воздействия революционной и интернационалистской позиции Советского правительства на армии и тылы Четверного союза, и расчеты на внутреннюю слабость Советского государства, на подрывную деятельность русской контрреволюции, соглашательских элементов, антантовской агентуры.

Глава германской делегации заявил от имени всего блока, что поскольку другие воюющие страны не присоединились к переговорам, то державы Четверного союза отказываются от своего согласия на заключение мира в соответствии с принципами, ранее предложенными советской стороной³⁴. Германия по сути дела требовала от Советского правительства полного отказа от участия в определении положения бывшего Королевства Польского, Литвы, частей Белоруссии, Латвии и Эстонии, захваченных Германией и Австро-Венгрией в ходе войны, и предоставления центральным державам права распорядиться ими по своему усмотрению. Германия и Австро-Венгрия к этому времени достигли бо-

³² «Мирные переговоры в Брест-Литовске», т. I, стр. 71.

³³ Там же, стр. 92—94.

³⁴ Там же, стр. 45.

лее или менее твердой договоренности о разделе захваченных польских земель между собой³⁵.

Желая затянуть переговоры, осложнить позицию германских империалистов и разоблачить их политику, советская делегация 2(15) января заявила, что хотя она остается при своем прежнем отношении к органам власти, созданным оккупантами на занятых ими территориях, она соглашается на ранее выдвинутое германской и австро-венгерской делегациями предложение о привлечении к участию в мирных переговорах представителей этих органов³⁶. В отношении Польши речь шла о марионеточном Регентском совете из Варшавы.

Конечно, советская сторона вовсе не допускала и мысли о том, что Регентский совет и образованное им «правительство» в какой-либо мере могут представлять интересы Польши. Поездка, совершенная членами Регентского совета в конце декабря 1917 г. — начале января 1918 г. в Вену и Берлин, не оставляла сомнений в том, что в целом между Регентским советом и его австро-германскими покровителями существует полное единство взглядов в отношении к Советскому государству. Но, занимая глубоко враждебную позицию по отношению к Советскому правительству, поддерживая политику центральных держав и находясь в полной от них зависимости, Регентский совет и представляемые им круги польских помещиков и буржуазии в известной мере тяготились этой зависимостью, добивались расширения своих прав. Для них вовсе не был безразличен исход переговоров. Они рассчитывали использовать позицию Советского правительства для того, чтобы несколько ослабить узы своей зависимости от Германии и Австро-Венгрии. Поэтому Регентский совет и глава образованного им «правительства» Я. Кухажевский со своей стороны добивались допущения их представителей к участию в переговорах в Бресте³⁷.

Регентский совет и его «правительство» при определении своей позиции в отношении возможного участия в брестских переговорах не могли не считаться с огромным влиянием политики Советского правительства на самые широкие круги польского народа.

В политическом обзоре для Главного национального комитета уже 12 декабря 1917 г. сообщалось, что конференция в Бресте «занимает все умы в Варшаве. Ее значение оценивают надлежащим образом и опасаются ее результатов»³⁸. Польская пресса без различия направлений относительно подробно и систематически сообщала о всех касавшихся Польши предложениях советских представителей в Бресте. При всем различии отношений к Октябрьской революции, к Советскому правительству и его политике все классы и партии в Польше отдавали себе отчет в том, что в Бресте идет борьба за судьбы Польши.

В многочисленных листовках, в широко поставленной устной пропаганде деятели СДКПиЛ знакомили трудящихся оккупированной Польши с ходом брестских переговоров и освободительной политикой Советского правительства и разъясняли польскому пролетариату его

³⁵ Ф. И. Нотович. Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914—1918 гг. М., 1947, стр. 110—115.

³⁶ «Мирные переговоры в Брест-Литовске», т. I, стр. 107—108.

³⁷ Находившийся в Варшаве представитель Главного национального комитета в конфиденциальном сообщении 22 декабря 1917 г. в Краков писал о встрече Кухажевского с Кюльманом: «Из разговора Кухажевского с Кюльманом знаю только: Кюльман считает участие в мирных переговорах поляков недопустимым. Возможно допущение как экспертов с совещательным голосом». Archiwum Państwowe Miasta Krakowa i Województwa Krakowskiego (далее — WAPKr), Fond Naczelnego Komitetu Narodowego (далее — NKN), Sygn. 137, л. 192.

³⁸ WAPKr, NKN, Sygn. 139, л. 425 об.

революционные задачи. Как писал нелегальный орган СДКПиЛ «Червоны штандар», в Брест-Литовске идет борьба двух миров. Монархи Германии и Австро-Венгрии хотят «любой ценой удушить русскую революцию, погасить хотя бы потоками крови пролетарский пожар, стелящийся над границами их государств, возвести между собой и революционной Россией такую высокую стену, чтобы через нее не перелетели бы искры и не зажгли бы пламя в их собственных странах. Жаждают они грабежей и захватов... Победоносный пролетариат России, который, свергнув царизм, сжал мощной рукой гидру буржуазной контрреволюции, взял власть в свои руки, призывает весь пролетарский мир к разрыву с правительствами и буржуазией, к борьбе за социализм»³⁹.

О ходе переговоров сообщала легальная газета ППС-левицы «Глос роботнички». Она подробно излагала позицию русской делегации в отношении угнетенных народов⁴⁰. Листовка, выпущенная 2 января 1918 г. Центральным исполнительным комитетом ППС-левицы, призывала польский рабочий класс к совместной с русским рабочим классом борьбе против захватчиков и сотрудничавших с ними элементов за свободу Польши, Литвы, Курляндии⁴¹.

Брестские переговоры привлекали пристальное внимание ППС-«фракции» и связанных с нею кругов. Газета «Едносц роботничка», излагая ленинский Декрет о мире, отмечала, что для дипломатов в нем все необычно, что ни один из них «не хочет согласиться с таким определением аннексии»⁴². В другом номере та же газета писала, что в Бресте большевики хотят изменить содержание и сами методы заключения договоров; они «мужественно защищают не только дело Российского государства, но и дела других наций, их демократического, независимого развития»⁴³. Как указывал в нелегальной листовке, выпущенной в январе 1918 г., Варшавский окружной рабочий комитет ППС-«фракции», русское революционное правительство «поставило во время мирных переговоров задачу устранить немецкие и австрийские войска из оккупированных провинций, чтобы дать полякам, литовцам и латышам свободно, с помощью всеобщего голосования высказаться о своей судьбе. Известие об этом наполнило радостью сердца миллионов»⁴⁴. Но если отдельные организации ППС-«фракции» солидаризировались с борьбой Советского правительства за свободу угнетенных народов, то руководство партии, ее Центральный рабочий комитет, заявляя о поддержке революционной России и призывая к борьбе с захватчиками, одновременно и само отстаивало по сути дела захватнические цели, так как выдвигало задачу борьбы за независимую Польшу, «связанную федеративным союзом со свободной Литвой...»⁴⁵. Пропагандируя планы федерации Польши с Литвой, национал-реформистское руководство ППС-«фракции» отказывало не только литовскому народу в признании его права на самоопределение, но и белорусскому, рассматривая Белоруссию как органическую часть Литвы⁴⁶.

³⁹ «Czerwony Sztandar», Warszawa, w lutym 1918.

⁴⁰ «Głos Robotniczy», Warszawa, 5.I 1918.

⁴¹ Archiwum Zakładu Historii Partii przy KC PZPR (далее — AZHP). 14.II 1918, № 1.

⁴² «Jedność robotnicza», 25.XII 1917.

⁴³ «Jedność robotnicza», 23.XII 1917.

⁴⁴ AZHP, 15/IV — 3/Warszawa, 1918, № 4.

⁴⁵ AZHP, 15/III — 3/Warszawa, 1918, № 1.

⁴⁶ Характерным примером могут послужить многочисленные писания одного из руководителей ППС-«фракции», Л. Василевского. См. его брошюры: M. Dowmunt (Leon Wasilewski). Litwa z Polską. 1917; L. W. (Leon Wasilewski). O wschodnia gronice państwa Polskiego. Warszawa, 1917 и др. В последней из названных брошюр Василевский выражал надежду, что Польское государство, «созданное в результате побед центральных держав», станет «защитным валом», естественная граница которого

Хотя СДКПиЛ, ППС-левица и ППС-«фракция» заявляли о поддержке позиции Советского правительства на Брестских переговорах, практически линии этих партий полностью расходились. Это со всей очевидностью показало состоявшееся 22 декабря 1917 г. в Варшаве тайное собрание представителей СДКПиЛ, ППС-левицы, ППС-«фракции» и Бунда. По агентурным донесениям, поступившим в распоряжение марионеточных властей, участники совещания единодушно признали, что Регентский совет не является ни в какой мере выразителем интересов народа и должен быть свергнут; но, тогда как социал-демократы требовали установления диктатуры пролетариата, правые социалисты выступали за превращение будущего государства в парламентскую республику⁴⁷.

Регентский совет и его «правительство» не могли не знать также, что большинство польских политических партий резко осуждает оккупантов и их позицию в польском вопросе на брестских переговорах. В частности, ППС-«фракция» и ее союзники — Польская крестьянская партия и другие заявили, что о будущем Польши должны получить возможность высказаться все поляки⁴⁸. Лидер тесно связанной с ними Социально-демократической партии Галиции и Силезии, депутат рейхсрата пилсудчик И. Дашиньский побывал в Варшаве и во время переговоров с Регентским советом и Кухажевским старался их убедить в необходимости добиться представительства на брестских переговорах⁴⁹. Он публично заявлял, что родившийся в Петрограде лозунг мира без аннексий и контрибуций «начинает проникать в нашу кровь»⁵⁰ и что польские представители должны быть допущены к участию в переговорах⁵¹.

Свое недовольство попыткой немецких властей решать польский вопрос без участия польских представителей высказывали и буржуазные круги Польши. Такого рода заявления были сделаны депутатами прусского ландтага, польскими буржуазными националистами Корфантым и Тромпчинским⁵².

Однако оккупационные власти пытались не только не допустить к участию в переговорах каких бы то ни было польских представителей, но и воспрепятствовать даже самому обсуждению вопроса об этом участии; предписанием немецких цензурных органов польской печати запрещалось касаться вопроса о возможном привлечении поляков к мирным переговорам⁵³.

Между тем переговоры все в большей степени привлекали внимание широких народных масс Польши, отдававших себе отчет, что в Бресте идет борьба за будущее, что советская сторона последовательно и смело отстаивает дело свободы польского народа. Эта глубокая вера в справедливость позиции советской стороны и соответствии ее интересам Польши весьма отчетливо проявилась во время январских событий

пройдет там, где заканчивается католическая польская культура! Как видим, социалист-пилсудчик еще в 1917 г. не расставался с надеждой на то, что центральные державы победят в войне и в качестве своего «защитного вала» от России создадут зависимое от них Польское государство, границы которого будут сдвинуты далеко на восток.

⁴⁷ WAPKГ, NKN, Sygn. 139, l. 433.

⁴⁸ AZHP, Archiwum Moraczewskich, Sygn. 7¹/₁, N 79, Komunikat № 44.

⁴⁹ A. Próchnik. Ignacy Daszyński. Życie, praca, walka. Warszawa, 1946, str. 57.

⁵⁰ «Naprzód», 29.I 1918.

⁵¹ «Naprzód», 31.I 1918.

⁵² «Mowy polskie wygłoszone w sejmie pruskim w styczniu 1918 r.», Warszawa, 1918, str. 14, 26.

⁵³ Предписание № 83 от 29.XII 1917 (н. ст.) устанавливало: «Не разрешается ничего помещать в печать о возможном участии поляков в мирных переговорах («Tajne dokumenty cenzury niemieckiej. 1914—1918», Warszawa, 1919, str. 89).

1918 г. на польских землях. Как подчеркивалось в обзорах министерства внутренних дел, забастовочное движение проходило под влиянием брестских переговоров⁵⁴, а участники демонстрации 22 января в Кельцах выражали свои чувства в отношении Октябрьской революции и политики Советской власти в лозунгах: «Долой буржуазный Регентский совет! Долой оккупантов! Да здравствует русский рабочий и революционер!»⁵⁵

Немецкие власти отказались допустить представителей Регентского совета к участию в Брестских переговорах и отклонили соответствующее советское предложение. Тогда стало ясно, что оккупанты не доверяют даже своим собственным ставленникам. Отклоняя советское предложение допустить польских представителей к переговорам, Германия и ее союзники, сами того не желая, разоблачили полную несостоятельность своих утверждений о якобы существующем самоопределении Польши. Увертки Кюльмана, заявлявшего, что приглашение Регентского совета в Брест невозможно, так как Польша не является воюющей стороной⁵⁶, не меняли того, что центральные державы рассматривали Польшу лишь как объект своей собственной политики.

На том же заседании, на котором советская делегация выступила с предложением о польском представительстве, немецкая делегация потребовала фактического признания аннексии Германией части Королевства Польского, Литвы, большей части Латвии и Белоруссии. Это требование было в ультимативном духе повторено 5(18) января представителем германского верховного командования на Брестских переговорах генералом Гофманом, вручившим советской делегации карту с нанесенными на нее новыми границами.

Германия тем решительнее выдвигала свои аннексионистские требования, что знала о готовности Англии и США не оказывать ей серьезного противодействия на востоке Европы, в случае, если Германия проявит готовность удовлетворить требования западных держав об очищении земель, захваченных немцами на западе Европы⁵⁷.

Перед Советским правительством встал требовавший неотложного решения вопрос, принять ли аннексионистские требования Германии или, отклонив их, повести революционную войну. По настоянию советской делегации работа Брестской конференции была еще раз прервана на десять дней.

III

Внутреннее и международное положение Советской России показывало, что объективное соотношение классовых сил и материальных факторов в переживавшийся момент социалистической революции исключали возможность разгрома Германии и ее союзников силами Советской Республики, а в случае войны создавали угрозу самому существованию Советской власти. Поэтому Советское правительство должно было отступить перед сильным и опасным хищником — германским империализмом и пойти на тяжелые условия мира.

⁵⁴ WAPKГ, NKN, t. 135, l. 2—8.

⁵⁵ Там же, л. 16.

⁵⁶ Там же, Sygn. 139, l. 431.

⁵⁷ Об этом, в частности, говорилось во время состоявшихся 21 декабря в Женеве тайных переговоров немецкого политического деятеля К. Хаусмана с тремя английскими должностными лицами и с американцем Херроком, доверенным лицом президента Вильсона и личным другом полковника Хауза (C. Hausmann. Schlaglichter Reichstagsbriefe und Aufzeichnungen. Frankfurt am Main, 1924, S. 161—163).

В то же время западные империалисты и русская контрреволюция делали все возможное для срыва мирных переговоров. «Толкая Советскую республику на войну с германским империализмом, буржуазия ставила Советской власти ловушку, надеялась воспользоваться ее поражением для того, чтобы задушить революцию и восстановить старые порядки»⁵⁸.

Положение осложнялось тем, что многие деятели Советской власти, многие активисты коммунистической партии не сумели разобраться в обстановке и, дав «увлечь себя революционной фразой, настаивали на объявлении империалистической Германии революционной войны. На настроении их сильно сказывалось опьянение первыми успехами Советской власти в борьбе с внутренней контрреволюцией»⁵⁹. Воодушевленные триумфальным шествием Советской власти, они не уяснили, что внутренняя контрреволюция и иностранный империализм строят свои расчеты именно на вовлечении Советского государства в неравную войну против Германии и ее союзников.

Если рядовые сторонники политики революционной войны против Германии находились во власти преувеличенных представлений о силе Советского государства и степени вызревания революции в Европе, особенно в Германии, то лидеры группировки, выступавшей за проведение революционной войны, — Бухарин, практически смыкавшийся с ним Троцкий и другие, — толкали Советское государство на авантюристический и пагубный путь. Они не могли не видеть действительного соотношения сил, не зная, что в то время у Советского государства не было каких-либо реальных возможностей одержать победу над германским империализмом.

Еще 28 декабря 1917 г. (10 января 1918 г.) на пленуме Московского областного бюро ЦК РСДРП(б) была принята резолюция с требованием прекращения мирных переговоров с Германией, разрыва дипломатических отношений со всеми государствами и организации беспощадной войны с «буржуазией всего мира»⁶⁰. В тот же день (видимо, по предварительному сговору) руководство Петроградского комитета партии утвердило тезисы, в которых отвергало возможность заключения аннексионистского мирного договора с Германией и заявляло, что лучше потерпеть поражение, чем идти на компромисс⁶¹.

Вместе с рядом организаций и групп большевистской партии, занявших ошибочную и пагубную позицию в отношении мирных переговоров с империалистической Германией, требование отказа от переговоров и проведения революционной войны выдвигала значительная часть групп СДКПиЛ в России.

Позиция СДКПиЛ по вопросу о мире определялась в первую очередь доктринерским отношением к проблемам социалистической революции. Справедливо усматривая в Октябрьской революции поворотный пункт в истории человечества, начало мировой пролетарской революции, многие польские социал-демократы переоценивали возможности русской революции, ошибочно понимали интернациональные задачи Советской власти, сводя их к вооруженному освобождению других народов от гнета империализма.

Еще в опубликованной 26 апреля (9 мая) 1917 г. в «Правде» статье Ю. Ленского (Лещинского) выдвигалось положение о том, что «польский пролетариат собственными силами не в состоянии сбросить с себя

⁵⁸ «История Коммунистической партии Советского Союза». М., 1959, стр. 256.

⁵⁹ Там же, стр. 257.

⁶⁰ «Социал-демократ», 12(25).I 1918.

⁶¹ «Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г.». М. — Л., 1927, стр. 383.

политическое и экономическое иго»⁶². Это положение было затем развито в ряде документов СДКПиЛ. Центр тяжести борьбы за социальное и национальное освобождение польского народа ставился в зависимость от соотношения сил вне Польши, от развития международной революции. Эта неверная позиция, обрекавшая польских трудящихся на ожидание решающей помощи извне, была вместе с тем тесно связана с верой СДКПиЛ в дело мировой социалистической революции.

Как интернационализм польской социал-демократии, так и упорное непонимание национального вопроса сказывались в пропаганде ею органического единства Польши с пролетарской Россией, в недооценке стремлений польского народа к созданию своего национального государства. Тогда как пролетарская Россия признала независимость Финляндии, образование Советской Республики на Украине, польские революционеры не сумели и не пожелали последовательно использовать практику советского строительства и призвать к борьбе за Советскую Польшу: они продолжали рассматривать Польшу как органическую часть России. Отстаивая единство с революционной Россией, они не находили той грани, которая показала бы умение сочетать коренные классовые и интернациональные интересы польских трудящихся с признанием и защитой их справедливых устремлений к формированию единого и независимого Польского государства.

Исходя из глубокой веры в приближение мировой социалистической революции, которая сама по себе покончит как с социальным гнетом, так и якобы вообще ликвидирует национальный вопрос, польские социал-демократы в большинстве своем считали, что интересы революции требуют постоянного, прямого и все возрастающего наступления на международный империализм и не допускают того, чтобы победившая в одной стране революция ограничивалась бы, насколько это могло от нее зависеть, мирным сосуществованием с окружающим ее лагерем капиталистической контрреволюции.

Еще в связи с заключением соглашения о перемирии на Восточном фронте Ю. Ленский писал, что революционное русское правительство «может вести переговоры, но не может заключить сепаратного мира с правительством немецких империалистов»⁶³. Смысл рассуждений Ленского сводился не только к тому, что Советское государство не должно заключать мир с Германией, а к тому, что вообще мир между социалистической страной и страной капиталистической невозможен.

Подобные же взгляды по вопросам войны и мира нашли свое отражение в «Тезисах по польскому вопросу», принятых состоявшейся в Петрограде 2—4 (15—17) января 1918 г. I Всероссийской конференцией групп СДКПиЛ и России⁶⁴.

В условиях намечавшегося кризиса брестских переговоров польские социал-демократы в большинстве своем склонялись к поддержке тех, кто безответственно и авантюристически толкал Советскую республику к войне против Германии⁶⁵. Московская группа СДКПиЛ, в частности, приняла резолюцию, в которой выступала против мира с Германией⁶⁶. По вопросам мира и войны польские социал-демократические группы, позиция которых совпала с позицией «левых коммунистов»; практически оказались в отношении к центральной проблеме дня в какой-то мере

⁶² «Правда», 9.V (26.IV) 1917.

⁶³ «Трубина», 10(23).XII 1917.

⁶⁴ «Трубина», 15(28).I 1918.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ «Социал-демократ», 19.I (1.II) 1918.

рядом с ППС-«фракцией». При этом следует, конечно, учитывать и принципиальное различие в позиции обеих партий: если СДКПиЛ считала, что война с кайзеровской Германией необходима для упрочения и расширения пролетарской революции, то ППС-«фракция» стояла за войну, считая, что ее результатами окажутся и поражение германского империализма, и ликвидация диктатуры пролетариата в России.

Видный деятель ППС-«фракции» в России Казимеж Пужак утверждал в редактировавшейся им газете «Глос роботника и жолнежа», что Советское правительство не может не пойти на революционную войну с Германией, так как тот, кто исключает компромисс внутри страны, якобы не может допустить компромисса вовне⁶⁷; между революцией и империализмом, писал он в другой раз, невозможно возвести мост соглашения⁶⁸. При этом Пужак утверждал, что судьба русской революции решается только в прямой зависимости от действий международного пролетариата: либо начнется всемирная революция, либо международный пролетариат не поддержит русскую революцию. «Тогда произойдет то, что случилось уже со многими революциями», — она погибнет; но, утешал пепезсовский публицист своих читателей, революция опять наберет силы и в дальнейшем будет жить⁶⁹. Так или иначе, прогнозы лидеров ППС-«фракции» в отношении исторических возможностей социалистической революции в России оставались весьма пессимистическими.

Позиция ППС-«фракции» в вопросе о войне весьма наглядно свидетельствовала о том, что эти деятели, чуждые Советской власти, упрекавшие большевиков в диктаторстве, в недемократизме, использовали звонкую революционную фразу для поддержки пагубного авантюристического курса на войну против империалистической Германии.

8(21) января 1918 г. на совещании партийных работников (главным образом делегатов собиравшегося III съезда Советов) В. И. Ленин выступил с докладом, основные положения которого были им сформулированы в «Тезисах по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира». Разобрав доводы сторонников революционной войны, показав несостоятельность их позиций, Ленин приходил к выводу о том, что тактика немедленной революционной войны может погубить социалистическая революция и заставит Россию заключить еще более невыгодный сепаратный мир; лишь требующая времени дальнейшая реорганизация России на основе диктатуры пролетариата «сделает социализм непобедимым и в России и во всем мире, создавая вместе с тем прочную экономическую базу для могучей рабоче-крестьянской Красной Армии».

В заключительной части своих тезисов Ленин специально останавливался на спекулятивных рассуждениях сторонников революционной войны о том, что аннексионистский мир с Германией явится предательством Польши, Литвы, Курляндии и др. Ни один марксист, писал Ленин, «не разрывая с основами марксизма и социализма вообще, не сможет отрицать, что интересы социализма стоят выше, чем интересы права наций на самоопределение. Наша социалистическая республика сделала все, что могла, и продолжает делать для осуществления права на самоопределение Финляндии, Украины и пр. Но если конкретное положение дел сложилось так, что существование социалистической республики подвергается опасности в данный момент из-за нарушения права на самоопределение нескольких наций (Польши, Литвы, Курляндии пр.), то, разумеется, интересы сохранения социалистической республики стоят выше»⁷⁰.

⁶⁷ «Głos robotnika i żołnierza», 13(26). I 1918.

⁶⁸ «Głos robotnika i żołnierza», 25. I (7. II) 1918.

⁶⁹ «Głos robotnika i żołnierza», 13(26). I 1918.

⁷⁰ В. И. Ленин. Сочинения, т. 26, стр. 407, 408.

Через три дня, 11 (24) января, на заседании ЦК большевистской партии В. И. Ленин, доказывая необоснованность утверждений левых коммунистов о том, будто разрыв мирных переговоров с Германией и объявление ей революционной войны вызовет революцию в Германии, отметил: «Германия только еще беременна революцией, а у нас уже родился вполне здоровый ребенок — социалистическая республика, которого мы можем убить, начиная войну»⁷¹.

Разъясняя пагубность линии Троцкого на отказ как от подписания мира, так и от продолжения войны, В. И. Ленин тогда же указал: «Если немцы начнут наступать, то мы будем вынуждены подписать всякий мир, а тогда, конечно, он будет худшим»⁷².

14 (27) января съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, накануне объединившийся с III Всероссийским съездом Советов крестьянских депутатов, принял постановление «По вопросу о мире». В этом постановлении одобрялись все действия Советского правительства, направленные к достижению всеобщего демократического мира и изобличалась захватническая политика германского империализма. «Центральные империи, — говорилось в постановлении, — завладевают поляками, литовцами, лишая права на действительное самоопределение, насильственно утверждают в их среде господство привилегированных и имущих верхов; таким образом, военная оккупация, которую центральные империи намерены сохранить и после заключения всеобщего мира, прямо направлена против осуществления демократического мира на началах, провозглашенных Российской революцией»⁷³. Съезд, поддерживая ленинскую позицию заключения мира, предоставил Советскому правительству неограниченные полномочия по вопросу о мире.

Против ленинской позиции на съезде выступили «левые коммунисты», меньшевики и другие, а также руководство польской социал-демократии в России. 14 (27) января на съезде была оглашена декларация ЦИК групп СДКПиЛ, в которой отмечалось исключительное значение Декрета о мире и, что весьма интересно для представления о проходившей эволюции взглядов СДКПиЛ по национальному вопросу, в положительном плане говорилось о таком завоевании революции, как признание права самоопределения для угнетенных народов. В декларации изобличалась аннексионистская политика германского империализма, констатировалось, что Октябрьская революция усилила боевую мощь польского пролетариата. Однако в завершающих строках декларации выражалась по сути дела антиленинская позиция: «Пролетариат Польши, — указывалось в этом документе, — непоколебимо верит, что русская революция, отбросив всякий компромисс с империализмом, даст ему достойный революционный отпор трудящихся масс и, верная до конца своим принципам, ускорит международный пролетарский штурм против господства капитала, виновника варварской бойни, гнета и эксплуатации»⁷⁴.

«Левые коммунисты» заняли чудовищную позицию, заявив, что предпочитают гибель Советской власти заключению несправедливого мира, и фактически оказались близки к позиции эсеров, меньшевиков, лидеров ППС-«фракции» и других врагов социалистической революции. Но ни руководство, ни отдельные группы СДКПиЛ, отстаивавшие неверную точку зрения в вопросе о революционной войне, никогда и ни в какой связи не

⁷¹ «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), август 1917 — февраль 1918 г.», М., 1958, стр. 168.

⁷² Там же, стр. 169.

⁷³ «Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», стр. 92—93.

⁷⁴ Там же, стр. 92—99; «Правда», 1.II(19.I) 1918; «Трубуна», 22.I(4.II) 1918.

допускали возможности отказа от завоеваний революции и Советской власти. Поэтому совпадение позиций СДКПиЛ и «левых коммунистов» по вопросу о мире ни в коей мере не позволяет отождествлять их позиции в отношении к Советской власти. Наконец, СДКПиЛ, так же в отличие от «левых коммунистов», никогда не спекулировала на том, что заключение грабительского мира лишает польский народ возможности свободного определения своей судьбы, и считала своим первейшим долгом революционеров, интернационалистов и патриотов служение делу победоносной социалистической революции в России. К тому же СДКПиЛ в России далеко не была едина в своем отношении к вопросу о мире. Если позиция ее руководящих органов — ЦИК и газеты «Трибуна» — склонялась к позиции «левых коммунистов», то как и внутри ЦИК, так в особенности среди отдельных групп СДКПиЛ было немало твердых сторонников ленинской тактики в вопросах мира и войны.

Как явствует из выступлений члена ЦИК СДКПиЛ С. Будзиньского на II конференции групп СДКПиЛ в России, состоявшейся в мае 1918 г. в период брестских переговоров, он полностью поддерживал В. И. Ленина по вопросу о заключении мира⁷⁵. Подобную же позицию занимал один из видных руководителей польской социал-демократии. К. Циховский, считавший вопреки «левым коммунистам» и другим, что деятельность Советского правительства диктовалась не паникой перед врагом, а великими творческими задачами⁷⁶. «В вопросах войны правда находилась на стороне Ленина», — справедливо утверждал деятель СДКПиЛ Домбровский⁷⁷. С полным основанием Омская группа СДКПиЛ и ее руководитель Стыб-линский видели в заключении мира средство спасения революционной России от катастрофы⁷⁸. На позициях Ленина стояли польские социал-демократы Белоруссии их видный деятель С. Берсон⁷⁹, группа СДКПиЛ в Царицыне⁸⁰ и др.

Большевики Белоруссии, в том числе польские социал-демократы Белоруссии, с большей ясностью, чем большевики ряда других нефронтовых областей, отдавали себе отчет в том, что единственно возможной политикой является та, которую настойчиво и последовательно проводил В. И. Ленин. В Белоруссии, через которую проходил один из важнейших участков театра войны — Западный фронт, было особенно очевидно, что ни состояние старой русской армии и только начинавшей создаваться новой, социалистической армии, ни состояние тыла не дают никаких шансов на победу в войне против империалистической Германии. К тому же именно на территории Белоруссии, несмотря на решительное противодействие Советской власти, зрел заговор бешено сопротивлявшихся врагов революции, уповавших на силы I Польского корпуса.

11 (24) января 1918 г., т. е. на следующий день после открытия III съезда Советов, командующий I Польским корпусом генерал Ю. Довбор-Мусьницкий начал мятеж и объявил войну Советской власти⁸¹.

IV

Контрреволюционный мятеж, поднятый командованием I Польского корпуса, корнями своими уходил по меньшей мере к периоду корниловского заговора. К концу 1917 г. I Польский корпус практически оказался

⁷⁵ «Трибуна», 24, 25.V 1918.

⁷⁶ «Трибуна», 23.V 1918.

⁷⁷ «Трибуна», 24.V 1918.

⁷⁸ «Трибуна», 25.V 1918.

⁷⁹ «Трибуна», 23.V 1918.

⁸⁰ Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее — ЦПА ИМЛ), ф. 63, оп. 1, д. 522, л. 25.

⁸¹ H. B a g i ń s k i. Wojsko polskie na Wschodzie. Warszawa, 1921, str. 184.

одним из немногих воинских соединений, на которое русская контрреволюция и иностранные империалисты могли сколько-нибудь серьезно рассчитывать в своих планах свержения Советской власти. К тому же, в отличие от контрреволюционных сил Щербачева, Краснова, оренбургского атамана Дутова и других, I Польский корпус находился в относительной близости от главных революционных центров России — Петрограда и Москвы. Самое расположение 1-й дивизии корпуса в Минской губернии, 2-й дивизии в Тверской губернии (в Зубцове) и 3-й дивизии в Смоленской губернии (в Ельне) обеспечивало корпусу весьма выгодные исходные позиции для удара либо в петроградском, либо в московском направлениях.

Как признает Д. Ллойд Джордж, представители западных стран на своем совещании, состоявшемся в декабре 1917 г. в Версале, приняли решение поддержать всеми средствами национальные группы в России, стоящие на враждебных Советской власти позициях⁸². Еще в ноябре в Яссах, вырабатывая конкретные планы антисоветской интервенции, представители стран Антанты договорились о широком использовании I Польского корпуса в борьбе против Советского государства.

В состав I Польского корпуса устремилась и часть русского контрреволюционного офицерства. Начальником штаба корпуса был бывший царский генерал Агапеев, даже не владевший польским языком⁸³; многие офицеры корпуса, пишет писатель В. Липинский, «очень плохо говорили и вообще не умели писать по-польски»⁸⁴.

Командование I Польского корпуса находилось в сговоре с белорусскими контрреволюционными организациями, в частности с Центральной войсковой радой⁸⁵. Прочные нити связывали его и с украинской Центральной радой⁸⁶.

Польские, русские и иностранные контрреволюционные силы с конца 1917 г. спешно формировали II и III Польские корпуса.

II Польский корпус был создан при поддержке контрреволюционного командования Румынского фронта на территории Бессарабии. С помощью генерала Щербачева и в сотрудничестве с румынским правительством Союз поляков — военнослужащих Румынского фронта добился выделения части солдат и офицеров-поляков из состава IV, VI, VIII и IX русских армий. Центром формирования II Польского корпуса была вначале Сучава, затем район Сорок. II Польскому корпусу контрреволюционное командование Румынского фронта передало оружие и снаряжение бывшего XXIX корпуса русской армии. 166-я пехотная дивизия была расформирована и вместо нее в декабре 1917 г. приступлено к созданию 166-й польской дивизии IX армии⁸⁷.

Действуя в полном единстве с русским контрреволюционным командованием Румынского фронта, находившееся в Яссах правительство Румынии, идя навстречу требованиям Ликвидационной комиссии по делам

⁸² Д. Ллойд Джордж. Указ. соч., т. VI, стр. 85.

⁸³ Генерал В. Агапеев после разгрома мятежа Польского корпуса был начальником штаба одного из корпусов контрреволюционной Добровольческой армии, а затем представителем белогвардейцев при командовании Антанты в Константинополе («Белое дело», сб. 2. Берлин, 1927, стр. 108).

⁸⁴ W. Lipiński. Walka zbrojna o niepodległość Polski. 1905—1918. Warszawa, 1931, str. 237.

⁸⁵ I. Лочмель. Борацьба беларускага народа супроць інтэрвентаў. Мінск, 1940, стр. 24.

⁸⁶ При генеральном секретариате по польским делам Малой украинской рады был образован военный отдел, который формировал отряды, направляемые в состав I Польского корпуса («Echo Polskie». Moskwa, 12(25). XII 1917).

⁸⁷ «Rewolucyjna armja polska». Pismo tygodniowe grupy wojskowych polaków. Petrograd, 21.I (3.II) 1918.

бывшего Царства Польского, Главного польского военного комитета (Начполь) и других подобных центров польской контрреволюции, решило считать поляков гражданами «независимого Польского государства»⁸⁸. Главари польской контрреволюции платили своим румынским покровителям поддержкой их антисоветской и интервенционистской политики. В частности, когда молдавская националистическая агентура румынских бояр провозгласила Молдавскую республику, что являлось шагом к захвату Бессарабии Румынией, польский контрреволюционный отряд участвовал в состоявшемся по этому случаю воинском параде⁸⁹.

Благодаря деятельности революционных солдатских комитетов, большой работе большевистских организаций и польской левицы формирование II Польского корпуса вызывало упорное противодействие поляков — солдат частей Румынского фронта⁹⁰. В составе II Польского корпуса было всего около 5 тыс. солдат и офицеров⁹¹, в то время как в Союзах поляков — военнослужащих Румынского фронта состояло около 100 тыс. членов⁹².

Как отмечалось, тесные отношения установились у польских буржуазно-националистических организаций и с украинской Центральной радой. Правда, между польскими помещичьими группировками и Центральной радой возникали порой и острые трения в связи с тем, что Рада не всегда использовала все свои силы для защиты польского землевладения на Украине⁹³; но и Рада и польские националисты на Украине были совершенно единодушны в своем глубоко враждебном отношении к революционно-освободительной борьбе украинских рабочих и крестьян, к Советской власти.

Трения между польскими и украинскими националистами затрудняли формирование III Польского корпуса, командование которого находилось в Киеве. Многие польские магнаты на Украине формировали мелкие отряды для охраны своих поместий. Созданный ими Комитет борьбы с анархией ввиду своей крайней реакционности враждовал даже с Украинской радой⁹⁴. Основными контингентами III Польского корпуса были отряд в 400 штыков, расквартированный в Виннице, отряд в 400 человек в Каменец-Подольске, кавалерийский отряд в 600 сабель и несколько других мелких формирований⁹⁵. Части III Польского корпуса были скорее силами самообороны польских помещиков на Украине, пишет пилсудковский историк, чем войском в собственном смысле слова⁹⁶.

Из обнаруженного польским историком Л. Гроссфельдом документа под названием «Польская армия в России» явствует, что главари польской реакции, в том числе Падеревский, являвшийся наиболее влиятельным польским политическим деятелем, подвизавшимся в США, доказывали своим высоким покровителям, что единственной реальной силой в России, на которую они могут рассчитывать, являются поляки. По подсчетам торговцев польским пушечным мясом, Антанта и США должны были привлечь в своих целях до 700 тыс. поляков — солдат русской

⁸⁸ W. Lipiński. Указ. соч., стр. 270—271.

⁸⁹ «Kurier codzienny», 16.I.1918; «Echo Polskie», 21.XII.1917.

⁹⁰ H. Bagiński. Указ. соч., стр. 338.

⁹¹ AAN, KNP, Dz. IX, t. 12, l. 49.

⁹² H. Bagiński. Указ. соч., стр. 339.

⁹³ AAN, KNP, Dz. II, t. 143, l. 11—24, 28 и др.; «Kłosy Ukraińskie». Czasopismo polityczne i literackie. Kijów, № 11, 12 grudzień 1917.

⁹⁴ J. Zdziechowski. Przyczynki do historii kapitulacji I-go korpusu. Drukowano jako rękopis (без места и года издания), стр. 8—9.

⁹⁵ W. Lipiński. Указ. соч., стр. 298.

⁹⁶ Там же, стр. 300.

армии, 20 тыс. офицеров, 107 генералов, а также 200 тыс. военнопленных поляков, а также несколько сот тысяч русских солдат и офицеров.

Для упрочения своих позиций польская военщина в России нуждалась в помощи. «Полное и открытое признание послом Соединенных Штатов Польского военного комитета (речь идет о Начполе.— А. М.) от имени своего правительства — было бы наилучшей формой моральной помощи,— говорилось в документе.— В целях подтверждения факта, что США признают польскую армию как независимую союзническую единицу, надлежало бы без промедления назначить военных атташе... Финансовая помощь могла бы быть увеличена предоставлением Главному польскому военному комитету кредитов в пределах 50—60 миллионов рублей... Американская комиссия контролировала бы расходование средств. В целях укрепления «морали» польских войск, которую сильная вражеская агентура постоянно пытается подорвать, можно было бы организовать межсоюзническую военную комиссию». Далее в документе сохранился призыв к энергичным действиям, так как каждый день приносит новые неожиданности и затруднения⁹⁷.

О том, что лидеры польской буржуазии небезуспешно действовали в духе планов, изложенных в записке «Польская армия в России», можно судить и на основании протоколов Польского национального комитета в Париже. На заседании комитета 23 ноября (н. ст.) его представитель в Англии граф Собаньский доложил, что США хотят «помогать» полякам: «Существует желание поддержки польской армии в России и сосредоточения кого только можно вокруг Довбор-Мусьницкого»⁹⁸. Комитет решил тогда же послать Довбору телеграмму, содержащую совет достигнуть соглашения с Румынией, Калединым и чехами при поддержке союзников и при сотрудничестве с Советом польского межпартийного объединения, представлявшим в России Польский национальный комитет⁹⁹. Вслед за тем было решено добиваться для осуществления намеченных планов займа в размере миллиона долларов; в первую очередь заем предполагалось испросить у Моргана, а в случае неудачи — у правительств США и Англии¹⁰⁰.

Следовательно, как документы Падеревского, так и решения Польского национального комитета говорят об огромном антисоветском заговоре, одно из центральных мест в котором отводилось польским реакционным формированиям в России, в особенности I Польскому корпусу. Несомненно, именно планы осуществления этого заговора являлись предметом бесед Дмовского с доверенным лицом президента США полковником Хаузом и французским министром иностранных дел С. Пишоном, о которых Дмовский в начале декабря 1917 г. докладывал Польскому национальному комитету¹⁰¹; предметом бесед члена Парижского национального комитета Хородынского с только что вернувшимся из России агентом английской разведки Мэнгхэмом, полагавшим, что в Минске можно провозгласить Польское государство, а Довбор-Мусьницкий должен стать там диктатором¹⁰². Видимо, в целях содействия осуществлению этих планов тот же Хородынский направлялся в Россию, причем по паспорту США, что еще раз свидетельствует об активном участии Америки во всем этом зловещем заговоре¹⁰³.

⁹⁷ L. Grosfeld. Polskie reakcyjne formacje wojskowe w Rosji. 1917—1919. Warszawa, 1956, str. 68—69.

⁹⁸ AAN, KNP, Dz. I, t. 3, 1.1.

⁹⁹ Там же, II, 1, 2.

¹⁰⁰ Там же, I, 7.

¹⁰¹ Там же, I, 19.

¹⁰² Там же, I, 33.

¹⁰³ Там же.

Руководящие органы польской контрреволюции на территории России — переехавший в Минск Начполь, находившийся в Петрограде Совет польского межпартийного объединения и другие — совместно с представителями стран Антанты разрабатывали планы комбинированного удара по Советской власти. В декабре 1917 г. в Киеве состоялись переговоры председателя Начполя В. Рачкевича, представителей возникшей в августе Белорусской рады и представителей Украинской рады, на которых было заключено нечто вроде тройственного союза против большевиков¹⁰⁴. Состоявшееся в этом же месяце совещание деятелей Совета польского межпартийного объединения и дипломатов Франции, Англии и США образовало Верховную комиссию из французских и польских представителей для распределения средств, предоставляемых польской контрреволюции, и контроля над их расходованием. На первом заседании этой комиссии, происходившем около 20 декабря (н. ст.) в Петрограде с участием начальника французской военной миссии в России генерала Лаверня, представителя французской военной миссии в Минске генерала Рампона и представителей Совета польского межпартийного объединения Е. Веловейского и руководителя военного отдела Совета Е. Здоховского было ассигновано 2,5 млн. рублей на нужды польских контрреволюционных военных формирований¹⁰⁵. Средства предоставило, по всей видимости, французское правительство. В пользу такого предположения говорит сообщение Дмовского 21 декабря на заседании Польского национального комитета в Париже, что комиссия иностранных дел французского парламента в связи с запросом из России высказалась за то, чтобы Франция взяла на себя расходы по содержанию польской армии в России¹⁰⁶. На следующий день Дмовский доложил комитету, что в результате совещания французского премьер-министра Ж. Клемансо, министра иностранных дел С. Пишона и директора политического и торгового департамента министерства иностранных дел П. де Маржери решено, что Франция предоставит на нужды польских организаций в России 10 млн. франков¹⁰⁷.

Из письма исполнительного комитета Совета польского межпартийного объединения известно, что французское посольство в России предоставило этому Совету кредит в 800 тыс. рублей.

Сессия этого Совета, происходившая в январе 1918 г. в Киеве, решила выпустить заем на сумму в 2 млн. рублей, рассчитывая распределить его среди польских собственников, однако эта затея не удалась. Средства на финансирование контрреволюционной деятельности поступали от различных лиц, 100 тыс. рублей было получено в одном из петроградских банков¹⁰⁸. Ю. Ленский, ссылаясь на московскую буржуазную «Газету польску», писал, что при посредничестве Совета польского межпартийного объединения от Антанты поступило Начполю и I Польскому корпусу 6 млн. рублей на борьбу против большевиков¹⁰⁹.

Мобилизационный отдел при Начполе направлял все свои усилия к тому, чтобы добиться перехода в польские контрреволюционные части максимального числа солдат-поляков из русской армии, а также военнопленных поляков. Каждому офицеру-поляку вменялось в обязанность

¹⁰⁴ А. Е. Антонов. Разгром белопольского мятежа в Советской Белоруссии в 1918 г. «Военно-политическая ордена Ленина академия Красной Армии им. В. И. Ленина. Труды академии», сб. IV. М., 1940, стр. 41.

¹⁰⁵ J. Zdziechowski. Указ. соч., стр. 6.

¹⁰⁶ AAN, KNP, Dz. I, t. 3, l. 80.

¹⁰⁷ AAN, KNP, Dz. IX, t. 3, l. 82.

¹⁰⁸ AAN, KNP, Dz. IX, t. 12, l. 102.

¹⁰⁹ «Trybuna», 5.III 1918.

организовать отряд в 30—40 солдат и направиться с этим отрядом к месту концентрации польских вооруженных сил ¹¹⁰.

Но ни большие денежные поступления, ни старания Начполя и контрреволюционных союзов военнослужащих поляков не приводили к желаемым результатам — солдаты-поляки, равно как и солдаты других национальностей, в большинстве своем не хотели продолжения войны, были глубоко враждебны офицерству и тянулись к Советской власти.

К тому же в лагере польской контрреволюции не было полного единства. Признаком этого были упреки Совета польского межпартийного объединения по адресу Начполя. Здеховский считал, что Начполь дискредитировал себя тем, что не сумел добиться сплочения всех военнослужащих поляков ¹¹¹. О разногласиях Начполя и Совета польского межпартийного объединения говорит и то, что В. Рачкевич, вызванный в декабре на совещание с антантовскими представителями в Петроград, не согласился на участие Начполя в Верховной комиссии ¹¹². Очевидно, этот отказ был вызван какими-то особыми планами Начполя и командования I Польского корпуса и их нежеланием всецело следовать указаниям единого антантовско-эндецкого центра.

Возможно, что объяснение позиции Начполя в отношении к Верховной комиссии следует искать в том, что обстановка, в которой оказались польские контрреволюционные элементы в Белоруссии, и специфические интересы местных помещиков толкали Начполь к действиям, не отвечавшим в данных условиях общим планам антантовско-белогвардейских заговорщиков. О наличии у Начполя и командования I Польского корпуса особых планов с беспокойством докладывал в декабре Совету польского межпартийного объединения прибывший из Минска член внутреннего отдела Совета Р. Скажиньский. Он говорил, что генерал Довбор-Мусьницкий «всецело находится под влиянием жителей Минщизны и Белоруссии, что происходили совещания представителей помещиков и войска, что открыто говорят об оккупации Белоруссии корпусом, о том, что каждый день может вспыхнуть борьба с большевиками, к которой у войска нет большой охоты; что и речи быть не может о каких-либо противонемецких действиях, что непрерывно говорят о возвращении в страну и о посылке делегации к Регентскому совету, под власть которого хотят отдать корпус» ¹¹³.

Исключительно важные сообщения Скажиньского находят целый ряд подтверждений. Польские земельные магнаты — М. Потоцкий, В. Развадовский, Скажиньский, Ванькович и другие — ссужали командование корпуса крупными средствами; лишь от одной из представительниц семейства Радзивиллов поступило 200 тыс. рублей ¹¹⁴. Местные магнаты хотели видеть в I Польском корпусе силу, которая будет оберегать их собственность и охранять их власть над белорусским крестьянством. Они искали помощи и по другую линию фронта. Минская «Польская правда» сообщала, что 23 декабря (н. ст.) 1917 г. делегация из Белоруссии и Литвы вручила Регентскому совету меморандум, в котором обосновывала необходимость не допустить «эвентуальной уступки» Белоруссии и Литвы Советской власти ¹¹⁵. Обращение польских магнатов Белоруссии и Литвы к Регентскому совету говорит о том, что местные помещики в целях противодействия Советской власти, особенно проведению в жизнь Декрета

¹¹⁰ «Rewolucyjna armja polska», Petrograd, 21.I (3.II) 1918, str. 4.

¹¹¹ J. Zdziechowski. Указ. соч., стр. 3.

¹¹² Там же, стр. 6.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Э. Льюоуски. Под ботам легіонаў Доубар-Мусьніцкага. Менск, 1930, стр. 15.

¹¹⁵ «Polska Prawda». Dziennik socjalistyczny. Mińsk, 28.XII 1917 (10.I 1918).

о земле для спасения своих владений, помышляли о сделке с Германией и ее варшавскими ставленниками. По сути дела в рамках обширного антисоветского заговора, одним из существенных элементов которого был I Польский корпус, вызревал особый заговор польских помещиков Белоруссии, Начполя и командования I Польского корпуса.

Как пишет в своем дневнике весьма осведомленный современник этих событий В. Глинка, в Минске в течение шести дней проходило совещание с участием крупных помещиков Минской, Могилевской и Витебской губерний, Начполя и генерала Довбор-Мусьницкого. «Было решено стянуть в польскую армию не только солдат-поляков из русской армии, но вербовать добровольцев, и при помощи этой армии захватить во владение всю Белоруссию и провозгласить ее присоединение к Королевству Польскому...»¹¹⁶

Но так как бывшее Королевство Польское было оккупировано германскими и австрийскими войсками и фактически находилось в полной власти немецкого командования, прикрывавшего свое господство марионеточным Регентским советом, то всякая попытка присоединения Белоруссии к Королевству Польскому практически означала открытый переход польских заговорщиков и их белорусских союзников на сторону кайзеровской Германии. Сообщение Глинки полностью совпадает с приведенными выше сведениями Скажиньского о том, что в I Польском корпусе «и речи быть не может о каких-либо противонемецких действиях», что там готовятся к оккупации Белоруссии и намереваются признать власть Регентского совета, т. е. в сущности власть Германии.

V

Полный поворот фронта, затеавшийся главарями польской контрреволюции в Белоруссии, был в значительной мере порожден охватившим их страхом перед Советской властью. Позиции польской контрреволюции и ее белорусских и других союзников слабели буквально со дня на день. Советская власть в Белоруссии во главе с Советом Народных Комиссаров Западной области и фронта шаг за шагом теснила местную контрреволюцию.

IV губернский съезд крестьянских депутатов Могилевской губернии констатировал, что пребывание частей I Польского корпуса в губернии «имеет открытые политические, контрреволюционные, захватнические цели польской знатной буржуазии, вступившей в союз с помещиками нашего края и их организациями», и потребовал очищения в 5-дневный срок г. Рогачева и вывода корпуса из пределов Белоруссии, а в случае необходимости — разоружения и интернирования его состава. Отстаивая свои классовые интересы, белорусские крестьяне не испытывали к солдатам польских частей чувства национальной вражды, которую упорно сеяли и белорусские и польские националисты. Наоборот, даже политически далеко еще не просвещенное крестьянство прекрасно понимало, что солдаты польских частей являются лишь орудием в руках контрреволюционных элементов. Подлинным интернационализмом веет от строк резолюции съезда крестьянских депутатов Могилевской губернии, постановившего «обратиться к товарищам польским социалистам с предложением оказать и свое воздействие на польских солдат, обманываемых в своей преступно заговорщической затее своей буржуазией»¹¹⁷.

По мере того как с июня 1917 г. части I Польского корпуса стали использоваться для защиты помещичьих земель, против них нарастала вол-

¹¹⁶ Wł. Glinka. Pamiętnik z Wielkiej Wojny, t. III, str. 179—180.

¹¹⁷ «Изв. Могилевского Совета рабочих и солдатских депутатов», 14(27).I.1918.

на народного гнева. Части корпуса оказались в полной изоляции. Да и в самом корпусе все явственнее проявлялось недовольство солдат отведенной им ролью стража помещичьей собственности. Одной из форм проявления этого недовольства являлось дезертирство¹¹⁸. По наблюдениям Скажиньского, «у войска нет большой охоты» к борьбе против большевиков. Многие солдаты, покидая корпус, переходили в революционные части, на сторону Советской власти, и из них в начале января 1918 г. в Витебске был сформирован революционный польский дивизион¹¹⁹. Начавшееся разложение I Польского корпуса было результатом политики большевистских организаций и проходило под воздействием польских социал-демократов.

Польский комиссариат при Народном Комиссариате по делам национальностей, учитывая положение в корпусе, решил, как об этом писал Ю. Лещинский, внести предложение о демобилизации корпуса¹²⁰. Верховное главное командование русской армии в ультимативной форме потребовало демократизации I Польского корпуса и 4(17) января 1918 г. отдало приказ об аресте Начполя, а командование Западного фронта 7(20) января издало приказ о разоружении и расформировании I Польского корпуса и увольнении его солдат, которое должно было производиться совместно войсковыми частями и комиссарами по польским делам в Минске и Бобруйске¹²¹.

Командование I Польского корпуса, его союзники и вдохновители решили не подчиняться этим приказам. Организаторы мятежа были прекрасно осведомлены о состоянии мирных переговоров в Бресте и могли с достаточным основанием предполагать, что ввиду позиции Германии и ее союзников выработка условий мирного договора натолкнется на серьезные трудности. Деятели Начполя не могли также не знать, что ленинская позиция по вопросу о заключении мира встречала упорное противодействие и в некоторых кругах в России. Поэтому нет никаких оснований повторять бытующее в литературе мнение о том, что, начиная мятеж, его организаторы стремились лишь сорвать заключение мира между Германией и Советской Россией и пытались восстановить антинемецкий Восточный фронт. В действительности дело шло не о восстановлении антинемецкого фронта, а об установлении единого с Германией антисоветского фронта.

Если в конечных своих стремлениях — низвержение Советской власти — действия польских мятежников в Белоруссии совпадали с замыслами всех империалистов, то в своих непосредственных целях — отрыв Белоруссии от Советской Республики, соединение с зависимым от немцев Регентским советом, союз с кайзеровской Германией — эти действия всецело отвечали интересам Германии. Неудивительно, что после некоторого выжидания германская сторона стала открыто проявлять глубокую заинтересованность в успешном развитии мятежа. Хотя доступные источники позволяют документально проследить связь между Довбор-Мусьницким и немецким командованием лишь после начала мятежа¹²²,

¹¹⁸ См. донесения командиров частей I Польского корпуса о массовом уходе вооруженных солдат. Centralne Archiwum Wojskowe w m. Warszawa (далее — CAW.) 122.32/5; 122.32/16 и др.

¹¹⁹ «Sprawa Zolnierska», 21.I (3.II) 1918.

¹²⁰ «Trybuna», 20.II 1918.

¹²¹ А. Е. Антонов. Указ. соч., стр. 53.

¹²² В печати приводились в отрывках перехваченные радиогаммы, отправлявшиеся Довбор-Мусьницким германскому командованию после начала мятежа («Правда», 10.II(26.I)1918). В первой из этих радиогамм, относящихся к 6 февраля (н. ст.), Довбор сообщает Гофману, что требование Крыленко произвести выборы полковых комитетов и командования неприемлемо. «Будучи гражданами образовавшейся независимой Польши (1), мы признаем как единственную высшую власть наш Регентский совет

можно с весьма большой уверенностью высказать предположение, что практически эта связь существовала еще до 11(24) января 1918 г., когда командующий I Польским корпусом объявил войну Советской власти. Выше уже говорилось о поездке делегации из Белоруссии и Литвы в Варшаву. Представители помещичьего Совета Минской земли и Начполя еще 28 декабря 1917 г. (4 января 1918 г.) вступили в контакт с немецкими властями в оккупированной Польше¹²³.

30 декабря 1917 г. (12 января 1918 г.) в Киеве происходило совещание организаторов антисоветского заговора. В этом совещании наряду с деятелями польского контрреволюционного подполья (Здеховским и др.) принимали участие представители французской и английской миссий, представитель Чехословацкого национального совета профессор Макса и командование чехословацкого корпуса. Участники совещания разработали план создания мощного антисоветского ударного кулака с участием в нем Румынии; согласно плану, польские войска должны были сконцентрироваться в районе Умань — Гайсин¹²⁴. В Киеве же велись интенсивные переговоры между лидером чехословацких буржуазных националистов — врагом Советского государства Т. Масариком и одним из видных деятелей Совета польского межпартийного объединения, В. Грабским¹²⁵. Мятеж Довбор-Мусьницкого был одним из обстоятельств, срывавших осуществление этого плана. Сам ход мятежа вскоре показал организаторам заговора, что чуть ли не главная сила всех намечавшихся антисоветских действий — I Польский корпус — терпит провал за провалом. Правда, сразу же после начала мятежа перегруппированные ранее части корпуса добились некоторых успехов. Им содействовали белорусские буржуазные националисты¹²⁶.

Судя по сведениям печати, части I Польского корпуса должны были прийти на помощь терпевшей полный крах и уже открыто переметнувшейся на сторону Германии украинской Центральной раде¹²⁷. Кстати сказать, это последнее обстоятельство еще раз подтверждает предположение о согласованности действий Довбор-Мусьницкого, командования германской армии и ее украинских контрреволюционных союзников. Попутно следует заметить, что в январе украинская Центральная рада обратилась за вооруженной помощью к командованию польских войск на Украине. С этого времени в борьбе против советских войск на Украине совместно действовали войска Рады и польские контрреволюционные формирования¹²⁸. Наконец, мятеж I Польского корпуса, как писал «Вестник Украинской Народной Республики», задержал продвижение на юг на помощь трудящимся Украины двух революционных латышских полков, что отсрочило ненадолго падение изменнической Рады¹²⁹.

В обращении к населению, выпущенном после начала мятежа, Совет Народных Комиссаров Западной области и фронта заявил, что в его распоряжении имеется достаточно сил, чтобы покончить со всеми выступлениями контрреволюционной буржуазии и помещиков. В обращении

в Варшаве», — писал Довбор. Далее он просил о допуске делегации корпуса в Варшаву и польской делегации в Брест («Materiały archiwalne do historii stosunków polsko-radzieckich», t. I. Warszawa, 1957, str. 213—214).

¹²³ AAN, Cabinet Cywilny Rady Regencyjnej, t. 46.

¹²⁴ J. Zdziechowski. Указ. соч., стр. 11.

¹²⁵ «Za svobodu. Obrazkova kronika Ceskoslovenskeho revolucniho hnutí na Rusi. 1914—1918», t. III. Praha, 1926, стр. 638—639.

¹²⁶ «Советская правда». Орган областного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области и Западного фронта. 18(31).I 1918.

¹²⁷ «Трубина», 26.I (8.II) 1918.

¹²⁸ Н. Вагиński. Указ. соч., стр. 380—381.

¹²⁹ «Вестник Украинской Народной Республики». Орган ЦИК Советов Украины. Киев, 26.II 1918.

отмечалось, что из корпуса ушли демократические элементы, сформировав свои революционные батальоны¹³⁰.

Верховный главнокомандующий русской армии Н. В. Крыленко 22 января (4 февраля) издал приказ, в котором разоблачил действия Довбор-Мусьницкого, объявил его вне закона как врага революции и предложил «товарищам польским солдатам немедленно оставить место расположения Польского корпуса и явиться с изъявлением готовности бороться вместе с русскими солдатами»¹³¹. Приказ Н. В. Крыленко был распространен листовкой в 20 тыс. экземпляров¹³².

Сразу же после начала мятежа, 12(25) января было опубликовано воззвание к солдатам I Польского корпуса, подписанное Народным Комиссаром по национальным делам Западной области и фронта С. Берсоном и Комиссаром по польским делам Западной области и фронта С. Гельтманом. Воззвание изобличало Довбор-Мусьницкого как изменника, который ранее во главе казаков по приказу царя расстреливал польских рабочих, а ныне по указке врагов народа пытается толкнуть польских солдат на расстрелы их русских товарищей. Русский народ и его рабочее и крестьянское правительство, говорилось далее в воззвании, ведут борьбу за освобождение трудящихся классов и за осуществление права на самоопределение и независимость всех наций; они «поставили во время мирных переговоров на первое место вопрос о независимости Польши... Помните, что будущее Польши зависит от победы русской революции. Помните, что только победа революции может освободить вас от тех цепей, в которые вы закованы... Долой братоубийственную войну, в которую вас толкают восставшие против революции генералы...»¹³³

Столь же глубокий интернационализм и тревога за судьбы русской революции, за будущее Польши звучали в воззвании польского комиссариата при Народном комиссариате по делам национальностей. В этом документе гневно клеймились те, кто, прикрываясь словами о «воле народа», не допустил, чтобы польский солдат установил в своем корпусе демократические порядки, кто выступал на стороне «кресовых» помещиков против белорусского народа. Но высшая воля революции, говорилось в воззвании, чтобы земля из рук дармоедов перешла в руки работающих на ней масс; того же добиваются польские рабочие и крестьяне; их лозунг: хлеба, мира, заводов и земли. Польские господствующие классы надеются на I корпус как на орудие борьбы против зреющей и в Польше народной революции. «Изменой является дальнейшее пребывание в войске, которое доньше сохранило царские порядки. Долой польско-русскую войну!.. Да здравствует братский союз пролетариев всех национальностей! Да здравствует Социалистическая Армия!» — говорилось в заключительных строках воззвания¹³⁴.

ЦИК групп СДКПил в России выпустил листовку «Польские легионеры!», в которой призывал солдат корпуса сложить оружие и перейти на сторону Красной Армии. Листовка разъясняла, что реакция делает солдат палачами чужой свободы и их деяния останутся черным пятном в истории Польши и вызовут проклятия потомков¹³⁵.

Те же горячие чувства революционности и интернационализма звучали в страстном призыве к братьям-полякам, в котором Революционный по-

¹³⁰ «Солдатская правда», 14(27).I 1918.

¹³¹ «Революционная ставка». Орган Центрального Комитета действующих армий и флотов, 27.I (9.II) 1918.

¹³² «Труба», 19.II 1918.

¹³³ САУ, 122.100/3; ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 829, лл. 3—4.

¹³⁴ САУ, 122.100/3; «Правда», 13.II (31.I) 1918.

¹³⁵ АЗНР, 60(2) 4.

левой штаб при Ставке, штаб Красной гвардии и Военно-революционный комитет Жлобинского гарнизона объясняли солдатам корпуса задачи Советской власти и убеждали их перейти на сторону рабочих, солдатской и крестьянской революции и установить у себя в Польше власть рабочих, солдат и крестьян ¹³⁶.

Духом искренней дружбы и сочувствия к польским солдатам проникнуто обращение Могилевского губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов к солдатам I Польского корпуса. В обращении выражалась надежда, что солдаты не пойдут на борьбу во имя корыстных целей своих офицеров и генералов; трудящиеся Могилевской губернии советовали польским солдатам взять в свои руки управление своими делами и говорили, что честь, совесть, братское чувство единения с польским солдатом требуют от них оказания помощи польским товарищам в деле свержения власти польской буржуазии и других угнетателей. Могилевский губернский Совет писал, что если солдаты не последуют призыву, «то братская кровь прольется, и грех этот падет на головы вашего начальства, которое проклянут ваши дети, сожалея о вашей темноте, непонимании и рабском подчинении вашим кровавым начальникам» ¹³⁷.

В обращении Центрального Комитета Минского Совета рабочих и солдатских депутатов, начинавшемся со слов «Солдатам-полякам. Братья поляки!», разъяснялась прямая связь между делом русской революции и коренными интересами польского народа: «Знайте, что, выступая против справедливых требований русского народа, вы стараетесь осилить революцию, — ту революцию, которая обеспечила Вам национальную самобытность и свободу» ¹³⁸.

Призывая солдат I Польского корпуса подняться против сил контрреволюции, правление Минской группы СДКПиЛ в своем воззвании 24 января (6 февраля) заявило солдатам, что, действуя в интересах тех, кто стремится задуть пожар русской революции, они сами себе несут смерть, губят дело освобождения от цепей неволи, дело освобождения Польши ¹³⁹. Возмущение мятежом охватило не только революционные круги польских трудящихся в России, но и часть тех, на кого до некоторой степени рассчитывали организаторы мятежа. Например, общее собрание Союза поляков — военнослужащих Ревеля — приняло 15(28) января резолюцию, решительно осуждавшую I Польский корпус ¹⁴⁰. Совместно с Московским Советом рабочих и солдатских депутатов, украинским кружком при солдатской секции Московского Совета, группой солдат Белгородского польского запасного полка — членов Московского Совета Московской группой СДКПиЛ с обращением к солдатам I корпуса выступила также Московская секция ППС-левицы и Московская секция ППС-«фракции». В этом воззвании подчеркивалось, что потомки тех, кто некогда предал Польшу царям, призвали ныне польских солдат на борьбу якобы во имя Польши, многократно ими опозоренной и преданной. «Сказали вам: Польша! — говорилось далее в воззвании, — и одновременно сделали орудием в руках страшного врага польского народа: кровавых немецко-австрийских кайзеров, которые эту Польшу заковали в кандалы... Немецкие власти знали о планах ваших генералов раньше и лучше, чем вы... Довбор-Мусьницкие в компании с немецкими генералами толкнули вас на неслыханное предательство. Но преступники ошиб-

¹³⁶ Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (далее — ЦГАОР), ф. 1318, оп. 1, д. 1600, л. 62.

¹³⁷ «Изв. Могилевского Совета рабочих и солдатских депутатов», 19.I (1.II) 1918.

¹³⁸ САУ, 122.100/3.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ «Трубина», 19.II 1918.

лись в расчетах... Ваше место в одном с нами лагере, в лагере революции против угнетателей всего мира».

В воззвании отмечалось, что польские и немецкие газеты по ту сторону фронта писали о мятеже еще до того, как он начался, и уже тогда утверждали, что действия мятежников (фактически еще не имевшие места) связаны с необходимостью оказать помощь контрреволюционной Раде. С полным основанием воззвание, клеймя предательство организаторов чудовищного заговора, задавало польским солдатам вопрос, кто же сказал немецким властям о мятеже в то время, когда он еще не начался, «кто получил от них благословение на это неслыханное преступление?»¹⁴¹.

Протест против мятежа выразили многие группы ППС-левицы и ППС-«фракции». Группы членов ППС-«фракции» в Витебске и Могилеве участвовали в вооруженной борьбе против мятежников. Военная секция группы ППС Особой армии, находившаяся в Минске, 18(31) января призвала к борьбе против генералов, продающих независимость Польши Вильгельму, и к единству с рабочими всей России¹⁴². Позднее, в марте 1918 г., III конференция секций ППС-«фракции» в России резко осудила и действия I Польского корпуса, поставившие его в ряды контрреволюции, и действия Н. В. Крыленко, якобы враждебные всему польскому народу, и в духе этого решения обратилась с рядом пожеланий к Советскому правительству¹⁴³.

С резолюцией, осуждавшей организаторов мятежа, но в то же время бесосновательно критиковавшей советское командование, выступил и ЦИК ППС-левицы в России¹⁴⁴. Более того, Могилевская секция ППС-левицы в печати отмежеввалась от действий местных органов власти, направленных против польской буржуазии¹⁴⁵.

Для разъяснения солдатам корпуса пагубной политики их командования на захваченную мятежниками территорию была направлена группа солдат из находившегося в Москве Белгородского польского западного полка¹⁴⁶. В резолюции, принятой на митинге, белгородчики призвали «польский пролетариат России и Польши к непримиримой борьбе с этими царскими генералами (Довбором и др.— А. М.) и прислужниками буржуазии»; белгородчики советовали солдатам-пролетариям из рядов I Польского корпуса, чтобы они «немедленно покинули эти ряды, протянув руку нам, солдатам-революционерам»¹⁴⁷.

Командование Западного фронта сформировало ряд солдатских и красногвардейских отрядов для борьбы с мятежниками; в боевом международном единстве против мятежников сражались части складывавшейся социалистической рабоче-крестьянской Красной Армии, состоявшей из русских, белорусских, польских, латышских трудящихся и трудящихся других национальностей.

При первом же столкновении с советскими частями отдельные подразделения I Польского корпуса ввиду нежелания солдат служить целям контрреволюции прекращали сопротивление. У станции Лучин, в частности, польские солдаты сложили оружие и помогли задержать офицеров¹⁴⁸.

¹⁴¹ «Социал-демократ», 20.II 1918.

¹⁴² «Materiały archiwalne do historii stosunków polsko-radzieckich», t. I, стр. 536—538.

¹⁴³ «Głos robotnika i żołnierza», 10.III 1918.

¹⁴⁴ «Robotnik w Rosji», 3.III 1918.

¹⁴⁵ Там же, 10.III 1918.

¹⁴⁶ Среди агитаторов, направленных белгородчиками в I Польский корпус, находились большевики С. Зелинский (в дальнейшем комиссар революционного Варшавского гусарского полка), Сцибор и др. (AZHP, Wspomnienia, t. 6804).

¹⁴⁷ «Правда», 13.II (31.I) 1918.

¹⁴⁸ «Правда», 6.II (24.I) 1918.

В Зубцове красноармейский отряд, в состав которого входили польские бойцы, быстро разоружил одну из частей I Польского корпуса¹⁴⁹.

Могилевский губернский исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов сообщал уже в первые дни мятежа, что в Рогачеве — одном из опорных пунктов мятежников — началось брожение среди польских войск¹⁵⁰. Член губернского исполнительного комитета, вернувшийся из конспиративной поездки в Рогачев, отметил, что польские солдаты очень взволнованы, что среди них много колеблющихся¹⁵¹.

Товарищ председателя Минского областного исполнительного комитета И. Алибегов телеграфировал, что «в разных местах расположения польских войск идет полное разложение. Демократические элементы уходят из польских полков и поступают в революционные советские войска»¹⁵². Командующий II революционной армией Берзин доносил в начале февраля, что в польских войсках «усиливается разложение и ежедневно бывает много перебежчиков, которые сообщают, что польские солдаты не знают, за что их заставляют офицеры сражаться»¹⁵³. Как сообщали из Смоленска, среди отступавших польских частей «наметился определенный раскол» и «часть польских легионов присоединилась к нам»¹⁵⁴. К началу февраля в Могилев добровольно явились для демобилизации 2 тыс. солдат I Польского корпуса, в Минск — 3070 солдат, часть демобилизованных тотчас вступила в 1-й Польский революционный батальон, действовавший против мятежников в районе станции Осиповичи; вскоре из бывших солдат корпуса начал формироваться 2-й революционный польский батальон»¹⁵⁵.

Огромную роль в распропагандировании солдат мятежного корпуса сыграли большевистские партийные организации, в частности группы СДКПиЛ. Польские социал-демократы самоотверженно вели агитацию среди обманутых солдат. Как признает Г. Багинский (с особой враждебностью относившийся именно к польским социал-демократам), под воздействием польских агитаторов во главе с такими известными в Белоруссии польскими социал-демократами большевиками, как Берсон, Барыла и другие, более двух третей личного состава солдат инженерного полка, входившего в I корпус, 15(28) января перешли на сторону советских войск¹⁵⁶.

Для обезвреживания I Польского корпуса и разъяснения польским солдатам преступной политики Начполя Польский комиссариат при Народном комиссариате по делам национальностей направил в штаб корпуса и его части представительную делегацию в составе Ю. Уншлихта (СДКПиЛ), С. Круликовского (ППС-левица), Л. Пинкуса (ППС-левица), К. Пужака (ППС-«фракция»), Р. Лонгвы (член ППС-левицы, представитель революционных солдатских клубов) и др. Конечно, многопартийный состав делегации не свидетельствовал о единстве взглядов представленных в ней партий по всем вопросам политики и даже о единстве их отношения к мятежу, но во всяком случае облегчал ведение разъяснительной работы в корпусе. Эта делегация выехала в Минск 13(26) января 1918 г.¹⁵⁷

¹⁴⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 70, д. 657, оп. 2, л. 1.

¹⁵⁰ «Правда», 1.II (19.I) 1918.

¹⁵¹ «Изв. Могилевского губернского исполнительного комитета Советов крестьянских, солдатских и рабочих депутатов», 23.I (5.II) 1918.

¹⁵² «Правда», 9.II (27.I) 1918; «Крах немецкой оккупации в Белоруссии в 1918 году». Минск, 1947, стр. 168.

¹⁵³ «Социал-демократ», 19 (6).II 1918; «Трубина», 19.II 1918.

¹⁵⁴ «Социал-демократ», 28.I (10.II) 1918.

¹⁵⁵ А. Е. Антонов. Указ. соч., стр. 65.

¹⁵⁶ Н. Ba giński. Указ. соч., стр. 199.

¹⁵⁷ «Sprawa Żołnierska», 21.I (3.II) 1918.

В телеграмме, направленной 23 января (5 февраля) в Польский комиссариат, делегация сообщала, что ею велись переговоры с офицерами корпуса и самим Довбором, «положительных результатов не достигнуто... Делегация к солдатам не допустила. При попытках попасть прямо в части некоторые члены делегации были арестованы... Среди солдат корпуса воинственного настроения нет... Положение весьма серьезное...»¹⁵⁸.

Во время переговоров делегации Польского комиссариата с Довбор-Мусьницким, происходивших на вокзале станции Телуша и продолжавшихся 12 часов, делегация потребовала свободы агитации среди солдат, демократизации корпуса, выбора командования корпуса, согласия на назначение Польским комиссариатом комиссара в корпус, невмешательства корпуса в разрешение земельного вопроса. Но все эти требования были командованием корпуса отклонены; командование заявляло, что оно признает только приказы Начполя¹⁵⁹. Когда часть делегатов попыталась созвать на митинг солдат, она была арестована уланами и отправлена в свой вагон.

27 января (9 февраля) в Минске состоялось собрание, на котором делегация отчиталась о поездке в I корпус¹⁶⁰.

Между тем Довбор-Мусьницкий, еще до начала мятежа добивавшийся от генерала Гофмана согласия на допуск на Брестскую конференцию¹⁶¹, запросил у немцев помощи. В одной из перехваченных радиogramм Довбор сообщал генералу Гофману, что всегда находится в его распоряжении¹⁶². Ю. Лещинский писал в «Трибуне», что эта телеграмма является документом национальной измены и что многие сотни польских солдат, разобравшись в обстановке, переходят на сторону революции¹⁶³.

Видимо, тотчас же после начала мятежа (а, возможно, еще и до начала) командование I Польского корпуса и Начполь направили своих представителей в оккупированную немцами Варшаву. Уже 30 января (12 февраля) агент Главного национального комитета В. Висковский доносил из Варшавы в Краков: «Здесь был делегат от польского генерального штаба с той стороны (фронта.— А. М.)»; этот делегат, по сообщению того же агента, получил директиву, чтобы части I корпуса действовали в направлении Двины и Днепра¹⁶⁴.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что «делегат от генерального штаба с той стороны» для того, чтобы прибыть в Варшаву и получить директивы относительно дальнейших действий корпуса, должен был провести в пути, проходившем по советской территории и через линии русского и немецкого фронтов, по меньшей мере три дня. Так как агент краковского комитета направил свое донесение из Варшавы в Краков 12 февраля (н. ст.), то можно считать, что представители штаба I Польского корпуса отправились в путь никак не позднее 9 февраля (н. ст.), т. е. еще до того, как в результате преступной политики Троцкого были сорваны брестские переговоры.

Кроме того, у Г. Багиньского имеется весьма скупое указание на то, что где-то сразу после 6 февраля к германскому командованию (а не к Регентскому совету) прибыла польская делегация из Белоруссии, для

¹⁵⁸ ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 1608, лл. 16—17.

¹⁵⁹ «Polska Prawda», 27.I (9.II) 1918.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ А. В. Антонов. Указ. соч., стр. 66; ЦГАОР, ф. 130, оп. 12, д. 60, л. 28.

¹⁶² «Правда», 10.II (28.I) 1918.

¹⁶³ «Трибуна», 21.II 1918.

¹⁶⁴ WAPKг, NKN, sygn. 139, l. 456.

«переговоров с Германией и обсуждения с нею условий ожидавшейся оккупации Минщизны немцами»¹⁶⁵. Следовательно, пославшие делегацию Начполь и командование I Польского корпуса еще до срыва брестских переговоров были уверены в том, что Минская губерния будет захвачена Германией.

Наконец, находившийся в те дни в Брест-Литовске С. Бобиньский 28 января (10 февраля) телеграфировал в Петроград Ю. Лещиньскому о том, что «тайные переговоры Киевской рады с Австро-Германией привели к изменническому сепаратному миру» и что именно «в такую минуту представители от Довбор-Мусьницкого приехали сегодня в Брест переговариваться с Гофманом. Подумайте, с Гофманом»¹⁶⁶.

Весьма вероятно, что каждое из приведенных сообщений имеет в виду различные делегации. Но тем больше оснований утверждать, что немецкое командование, Регентский совет и польская контрреволюция в Белоруссии вырабатывали планы совместных действий по захвату белорусских земель и оккупации всей советской территории до Западной Двины и Днепра еще до того, как в Бресте прекратились мирные переговоры. В свете этих фактов мятеж I Польского корпуса предстает не только как преступный антисоветский акт, но и как грязная антинациональная сделка лютых врагов Советской власти, предателей собственного народа с германскими империалистами, Украинской радой, белорусскими и другими контрреволюционерами.

Подтверждением сговора между германским командованием и командованием I Польского корпуса служит сообщение представителя Довбора в Варшаве о том, что «отношения с Германией опираются на письменное соглашение между Довбор-Мусьницким и генералом Гофманом, подписанное в Бресте еще до перехода фронта Германией». Это сообщение, опубликованное в краковском «Курьере подзенном» и перепечатанное другими газетами, никогда и никем не было опровергнуто¹⁶⁷. 13 февраля (н. ст.) Висковский сообщил в Краков, что накануне в Варшаву прибыли еще три офицера от Довбор-Мусьницкого и что этих офицеров доставили немцы¹⁶⁸. Эти сведения еще раз подтверждают как предположение о тесных связях организаторов мятежа и германского командования, так и бесспорный вывод о том, что сам мятеж отвечал интересам Германии. Неудивительно, что немецкое телеграфное агентство Вольфа поторопилось приписать I Польскому корпусу мнимые успехи, включая занятие Могилева и захват революционной ставки вместе с Верховным главнокомандующим¹⁶⁹, а другие источники указывали, что Довбор-Мусьницкий готовится... к походу на Москву¹⁷⁰ и уже овладел Витебском и Смоленском¹⁷¹.

Пытаясь предотвратить разгром корпуса и осуждая Довбор-Мусьницкого за фактический союз с поработителями Польши, деятели Исполнительного комитета Совета польского межпартийного объединения Е. Здоховский и С. Грабский выступили было с посредничеством между

¹⁶⁵ Н. Вагиński. Указ. соч., стр. 230. О посылке к германскому командованию делегации из Минска с участием члена Начполя Ромоцкого сообщает в своих воспоминаниях и Агапеев («Белое дело», сб. 50, Берлин, 1928, стр. 188). Хорунжий Ромоцкий, член этой делегации, в дальнейшем стал одним из деятелей фашистской клики «санации» и «санационных» министров Польши.

¹⁶⁶ ЦГАОР, ф. 1318, д. 1604, л. 14.

¹⁶⁷ См. «Kurjer Lwowski», 27.II 1918.

¹⁶⁸ WAPkr, NKN, sygn. 139, I. 463.

¹⁶⁹ «Kurjer Lwowski», 7.II 1918.

¹⁷⁰ «Gazeta Poranna», Lwów, 10.II 1918.

¹⁷¹ «Kurjer Lwowski», 8, 11.II 1918.

командованием Западного фронта и штабом I Польского корпуса, укрепившимся в Бобруйске ¹⁷².

Еще в начальный период мятежа, когда могло казаться, что его организаторы добьются некоторого успеха, Совет польского межпартийного объединения, представлявший в основном проантантовские польские элементы в России, и Начполь, в котором стали преобладать прогерманские тенденции, попытались договориться между собой. Так, 18 (31) января в Киеве Совет межпартийного объединения (Е. Здеховский, С. Грабский и другие) и Начполь (В. Рачкевич, М. Ямонт и другие) заключили письменное соглашение, в соответствии с которым межпартийное объединение обязывалось достать средства для финансирования польских вооруженных сил, а Начполь обязывался все свои действия, связанные с проблемами внешней политики, проводить по согласованию с уполномоченными межпартийного объединения ¹⁷³. Но оказавшись в ходе мятежа перед угрозой полного краха своей преступной затеи, Начполь и главари I Польского корпуса не желали считаться с советами межпартийного объединения и искали спасения в быстрейшем соединении с германскими войсками. Поэтому попытки посредничества, встречавшие благожелательное отношение со стороны советских властей, не привели к какому-либо результату. К тому же Довбор-Мусьницкий и Начполь не могли не учитывать развития событий в Бресте и начавшегося германского наступления на Советское государство.

22 января (4 февраля) 1918 г. собравшиеся в Киеве члены Начполя сочли целесообразным заменить свой комитет, состоявший из 20 человек, более узкой группой — Главным советом польских вооруженных сил из 5 членов: В. Рачкевич, М. Ямонт и другие; главное командование всеми польскими вооруженными силами в России было возложено на Довбор-Мусьницкого ¹⁷⁴. Эти изменения явились еще одним актом на пути национального предательства польских буржуазных деятелей, которые быстро сменили хозяев: начав свой разбойничий путь под знаменем борьбы с кайзеровской Германией, они стали под знамена немецкого империализма в целях совместной с ним борьбы против социалистической революции в России.

VI

Возобновившиеся 17 (30) января 1918 г. мирные переговоры в Брест-Литовске происходили в исключительно тяжелой для Советского государства обстановке. Германские империалисты, стремясь использовать благоприятные условия, созданные антисоветскими действиями западных империалистов, борьбой, навязанной большевистской партии «левыми коммунистами», добивались от Советского государства согласия на их аннексионистские грабительские требования. После начала мятежа I Польского корпуса 3 марта Кюльман и Чернин сами прервали брестские переговоры, выехав в Берлин. Совещания, проведенные ими в Берлине, проходили, как отмечала печать, под влиянием известий об успехах Довбор-Мусьницкого, которые наряду с другими обстоятельствами, определили план дальнейшего поведения представителей центральных держав в Бресте ¹⁷⁵. В Берлине было решено, что германская и австро-венгерская делегации предъявят Советской стране ультимативное требование принять их условия мира. Были также определены условия до-

¹⁷² J. Zdiechowski. Указ. соч., стр. 18 и сл.

¹⁷³ «Czyn», 7.IV 1918.

¹⁷⁴ H. Bagiński. Указ. соч., стр. 138.

¹⁷⁵ «Gazeta Poranna», 8.II 1918.

говора с украинской Центральной радой, в том числе — передача ей части польских земель¹⁷⁶.

Возникнув при поддержке западных империалистов, Рада, в критический для себя момент, когда украинские рабочие и солдаты установили Советскую власть почти на всей украинской территории, перешла на сторону Германии. Как мятеж I Польского корпуса, так и предательство Украинской рады, в первую очередь направленные против Советской власти, в то же время самым непосредственным образом осложняли и ухудшали положение польского народа. Предметом сделки между Радой и центральными державами явилась не только Украина, но и Польша.

Центральные державы, рассчитывая использовать Украинскую раду в своих интересах, еще 13(26) декабря 1917 г. послали ей телеграмму с предложением направить своих представителей в Брест¹⁷⁷. На следующий день Кюльман информировал советскую делегацию об этом приглашении¹⁷⁸, а 28 декабря 1917 г. (10 января 1918 г.) делегация Рады появилась на заседании и выступила с декларацией о том, что она становится на путь «самостоятельных международных отношений», считает необходимым расчленение России и не признает Советского правительства¹⁷⁹. Троцкий, являвшийся тогда главой советской делегации в Бресте, заявил, что он не имеет никаких возражений против участия делегации Рады в мирных переговорах, но что он против того, чтобы делегация Рады рассматривалась как часть русской делегации¹⁸⁰.

Позиция Троцкого полностью отвечала интересам центральных держав, так как снимала всякие юридические преграды к замышлявшейся ими сделке с предателями украинского народа. Характерно для Троцкого, что во всех своих выступлениях в связи с вопросом об участии делегации Рады в мирных переговорах он ни разу вплоть до 17 (30) января даже не упомянул о существовании на Украине Советской власти, хотя состоявшийся в Харькове 11 (24) декабря 1917 г. I Всеукраинский съезд Советов объявил власть Центральной рады низложенной, провозгласил Украину республикой Советов и избрал Центральный Исполнительный Комитет, который образовал Украинское Советское правительство¹⁸¹.

¹⁷⁶ Э. Людендорф. Указ. соч., стр. 129.

¹⁷⁷ «Мирные переговоры в Брест-Литовске», т. I, стр. 51.

¹⁷⁸ Там же, стр. 32.

¹⁷⁹ Там же, стр. 49—51.

¹⁸⁰ Там же, стр. 52 и 53.

¹⁸¹ Не ставя своей специальной целью рассмотрение предательского поведения Троцкого во время брест-литовских переговоров, что неоднократно освещалось в работах советских историков (см., например, С. М. Майоров. Борьба Советской России за выход из империалистической войны. М., 1959), мы полагаем необходимым обратить внимание на несколько существенных деталей, до сих пор не привлекавших в достаточной мере внимания исследователей. Так, на заседании 29 декабря (11 января), Троцкий предложил не включать в проект договора положения о том, что подписывающие договор стороны обязуются жить в мире и дружбе («Мирные переговоры в Брест-Литовске», т. I, стр. 66—67). По сути дела в этом крылось не столько недоверие к германскому империализму, сколько авантюристическое отрицание ленинского положения о возможности мирного сосуществования двух антагонистических систем. Далее, Троцкий фактически побуждал Германию к вмешательству в русские дела. Особенно откровенно это прозвучало тогда, когда в ответ на необоснованные обвинения Гофмана о советском вмешательстве в германские дела Троцкий заявил, что считал бы шагом вперед, если бы и германское правительство сочло возможным или необходимым высказать свои суждения о внутреннем положении дел в России во всех тех формах, в каких оно это найдет нужным и целесообразным! (Там же, стр. 90). В действительности за всей внешне весьма революционной оболочкой выступлений Троцкого в Бресте крылся преднамеренный расчет на то, чтобы вызвать столкновение между Советской Россией и кайзеровской Германией. Эта преступная установка Троцкого со всей силой проявилась на втором этапе брестских переговоров в конце января — начале февраля 1918 г.

15 (28) января 1918 г. началось восстание киевских рабочих против Рады. Рада сосредоточила против восставшего киевского пролетариата все свои силы и после шести дней упорных уличных боев добилась временной победы. К тому же мятеж I Польского корпуса отвлек часть революционных сил и помешал продвижению на Украину советских войск¹⁸². Однако дни Рады были сочтены; 26 января (8 февраля) ее власть пала и в Киеве. Накануне этого дня в Бресте еще раз весьма четко проявились две линии в международной политике и, в частности, две линии в польском вопросе.

25 января (7 февраля) по требованию советской делегации на Брестской конференции было предоставлено слово для выступления представителю польского народа делегату СДКПиЛ С. Бобиньскому¹⁸³. Сообщение советской делегации о том, что в ее состав вошли представители трудящихся масс Польши и о том, что советская делегация не возражает, как и ранее, против участия в переговорах представителей Регентского совета, было сделано еще 21 января (3 февраля).

Во вступительной части своей речи С. Бобиньский указал, что на Брестской конференции в прениях по вопросу о Польше «не прозвучал еще голос непосредственно заинтересованной страны, а именно голос польского народа»¹⁸⁴. Далее Бобиньский огласил пространную декларацию, в которой указывалось, что наряду с Бельгией и Сербией Польша представляет собой наиболее разрушенную и пострадавшую от войны страну; ее население принуждено было сражаться за целых три чужих «отечества», но, несмотря на это, миллионные трудовые массы городов и деревень не имеют возможности защищать на конференции свои интересы и интересы своей страны. До тех пор пока в мирных переговорах не участвуют непосредственные представители Польши, подлинные желания польских трудящихся будут высказаны представителями двухмиллионного польского населения, загнанного войной в Россию, ибо польские беженцы благодаря русской революции имеют возможность свободно сказать о своих нуждах и стремлениях.

Польский народ требует: 1) уничтожения национального гнета; 2) устранения полицейских перегородок между тремя частями одной страны; 3) возможности свободно устраивать жизнь собственной страны. В декларации отмечалось, что эти требования населения польских земель, находящихся под австрийским и германским игом, согласуются со стремлениями всего польского народа, но окончательное их выражение должно принадлежать непосредственным представителям трудящегося населения этих областей.

Что же касается так называемого Королевства Польского, то требования его населения гласят:

¹⁸² «Отрезая революционный фронт под Киевом от отрядов, спешащих на помощь нашим товарищам, Довбор-Мусыницкий наносил изменнический удар революции и делу демократического мира», — справедливо писал Ю. Ленский («Труба» 20.II 1918).

¹⁸³ Появление С. Бобиньского на Брестской конференции привлекало внимание польской буржуазной печати, выходившей в условиях австро-германского господства («Dziennik Poznański», 12.II 1918; «Kraj», 15.II 1918 и др.). Впервые указание на целесообразность включения польского представителя в состав советской делегации содержится в письме Народного комиссариата по делам национальностей Польскому комиссариату от 20 декабря 1917 г. (2 января 1918 г.). ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 1533, л. 16 об.

Небезынтересно, что хотя советская печать не помещала никаких сведений о привлечении польских революционеров к переговорам в Бресте, уже через несколько дней в галицийской польской печати появилось сообщение о возможном участии комиссара по польским делам Ю. Лещиньского в брестских переговорах («Kurjer Lwowski», Wydanie wieczorne. 5.I.1918).

¹⁸⁴ «Труба», 17.II 1918.

1. Немедленный вывод оккупационных войск и очищение Польши от всех правительственных органов, учрежденных оккупационными властями, так как только такие условия дадут народу возможность свободного волеизъявления.

2. Полная свобода печати, слова, собраний, союзов и т. д., без какого бы то ни было давления со стороны более сильных соседних стран.

3. Волеизъявление народных масс Польши может считаться правоммерным только после возвращения беженцев, изгнанных войной из страны, и рабочих, насильственно увезенных в Германию и Россию.

4. Разрушенные области Польши должны быть восстановлены на средства международного фонда, составленного путем обложения имущих классов всех воюющих стран.

5. Вопрос о границах разрешается путем голосования и соглашения с соседним, заинтересованным в этом деле населением.

Далее в декларации изобличался грабительский полицейский режим, установленный центральными державами на оккупированных ими в ходе войны землях, и их лживые утверждения о том, что Польша якобы уже самоопределилась.

В заключительной части декларации указывалось, что «до сих пор только революционная Россия стоит на страже истинных интересов и свободы польского народа... Отказ же Германии вывести войска из Польши и скрывающиеся за этим отказом намерения сделать Польшу орудием завоевательных стремлений Германии являются скрытой аннексией и вмешательством во внутренние дела Польши. Вместе с тем эта политика поддерживает польские имущие классы в ущерб интересам польских трудящихся масс. Царский гнет заменен в Польше гнетом более современным. Польский рабочий класс, имеющий за собой в прошлом героическую борьбу с царизмом, никогда на это не согласится»¹⁸⁵.

Декларация СДКПиЛ на Брестской конференции представляла собой программный документ выдающегося политического значения. Особо следует отметить, что декларация СДКПиЛ не содержала непосредственно неосуществимой программы социалистических преобразований, ограничившись выдвижением задач, связанных с очищением польской земли от оккупантов и предоставлением польскому народу условий для свободного волеизъявления. Каждый пункт программы, намеченной СДКПиЛ, проникнут глубоким демократизмом и патриотизмом. Огромное принципиальное значение, далеко выходящее за рамки собственно польских интересов, имели предложения о возложении тягот по ликвидации последствий войны на классы, политика которых вызвала войну, и о решении пограничных вопросов на основе добрососедских отношений смежных народов.

В декларации СДКПиЛ на Брестской конференции прозвучал голос самого польского народа. Народ полностью поддерживал ту политику, которую последовательно отстаивало в польском вопросе Советское правительство. Хотя немецкая цензура и польская буржуазная пресса¹⁸⁶ не давали польским трудящимся правдивой информации о той титанической борьбе во имя интересов польского и других угнетенных народов, которую проводило Советское правительство, польский народ знал, что Советская Россия действует как его друг и брат. Глубокие чувства симпатии польских трудящихся к Советскому правительству с большой силой

¹⁸⁵ «Трубуна», 17.II.1918; «Мирные переговоры в Брест-Литовске», т. I, стр. 171—175.

¹⁸⁶ Немецкая сторона не решилась ознакомить население Германии и Австро-Венгрии и оккупированных ими земель с позицией, изложенной представителями СДКПиЛ в Бресте, и через телеграфное агентство Вольфа распространила фальсифицированное изложение декларации («Трубуна», 28.II.1918).

проявились во время перерыва в переговорах в Бресте, устроенного 21—24 января по предложению немецкой стороны, когда советская делегация провела около полутора суток в Варшаве. Несмотря на препятствия, чинимые немецкой полицией, толпы народа встречали советскую делегацию восторженными возгласами в честь русской революции¹⁸⁷.

Декларация СДКПиЛ на Брестской конференции не успела получить широкого отклика. Но даже много лет спустя, в 1933 г., офицер санационной Польши, подготовивший для исторического бюро генерального штаба обзор развития польского вопроса во время брест-литовских переговоров, вынужден был дать заслуженную оценку выступлению польского представителя на этой конференции. «Надо подчеркнуть исторически важный факт, что впервые за многие годы поляк принял участие в международных переговорах, выступая по польскому вопросу. Станислав Бобиньский, член Комиссариата по национальным делам, в острой и решительной форме выступил против оккупантов...»¹⁸⁸.

Как можно судить по статье, опубликованной позднее в газете «Трыбуна», деятели СДКПиЛ пытались привлечь к выступлению в Бресте также представителей ППС-левицы и ППС-«фракции». Но последние уклонились от того, чтобы разделить честь и ответственность за изложение перед лицом германского империализма программы, отвечавшей коренным интересам польского народа¹⁸⁹.

Оккупанты не стали обсуждать декларацию СДКПиЛ, так как у них был уже подготовлен план грабительского, аннексионистского мира с обанкротившейся украинской Центральной радой. Подписание этого договора, которым Германия и Австро-Венгрия рассчитывали создать хоть какое-нибудь юридическое основание для захвата и грабежа Украины, произошло 27 января (9 февраля). Договор предусматривал «уступку» Центральной раде ряда польских земель. Переходом в состав украинской «державы» Хэлмщины Центральная рада и ее хозяева надеялись в какой-то мере укрепить положение Рады.

В полных гнева статьях «Правда» и другие органы советской печати оценили преступный сговор контрреволюционной Центральной рады с империалистами центральных держав как измену революции, предательство Украины и России и новый раздел Польши¹⁹⁰. Брестский договор центральных держав и Рады, писала «Правда», кровавой межой делит Польшу. «Четвертый раздел — вот ответ, который получили польские лакеи и холопы Вильгельма и Карла и предатели Довбор-Мусницкие, перешедшие на сторону Гофмана...»¹⁹¹. Совет Народных Комиссаров отдал распоряжение об аресте членов Центральной рады и членов украинской делегации в Бресте и о предании их революционному суду за измену народу в связи с заключением мира с Германией¹⁹². Вслед за тем ЦИК Советов принял резолюцию, в которой отметил, что «считает поведение делегации бывшей Украинской рады актом измены и предательства по отношению к революции и объявляет недействительным тот договор, который заключили с германским правительством агенты украинской буржуазии, низвергнутые победоносным движением трудящихся классов Украины»¹⁹³.

¹⁸⁷ WAPKг, NKN, sygn. 139, l. 448; «Социал-демократ», 14(I).II 1918.

¹⁸⁸ AAN, S. W. Wojstromskij. Sprawa Polska w rokovaniach pokojowych w Brześciu Litewskim, t. 8, N 1773, l. 47.

¹⁸⁹ «Трыбуна», 12.IV 1918.

¹⁹⁰ «Правда», 14 (I).II 1918.

¹⁹¹ «Правда», 2.III 1918.

¹⁹² «Социал-демократ», 31.I (13.II) 1918.

¹⁹³ «Декреты Советской власти», т. I. М., 1957, стр. 462. Нельзя не отметить без глубокого возмущения, что в изданном в годы второй мировой войны группой польских

Брестский договор Германии и Австро-Венгрии с Центральной радой еще раз убедительно показал, что политика польских эксплуататорских классов, строившаяся на сотрудничестве с врагами Советской власти, была направлена против польского народа. Если Начполь, командование I и других польских корпусов в России видели в Центральной раде своего союзника в борьбе против социалистической революции, если мятеж I корпуса отсрочил разгром Рады, то эта цепь контрреволюционных интриг и заговоров завершилась открытым союзом Начполя и I корпуса с поработителями польского народа — австро-германскими империалистами и новым разделом польских земель центральными державами.

Преступный Брестский договор Рады и центральных держав вызвал огромное возмущение всего польского народа. Выражая патриотические чувства народных масс, Главное правление СДКПиЛ в Польше выпустило 12 февраля нелегально отпечатанное воззвание, в котором заклеямило передачу Хэлмщины украинским буржуазным националистам как дележ живого, кровоточащего тела Польши. «Новый раздел Польши!.. Новый раздел страны делает сейчас совершенно ясным для каждого рабочего, что дело освобождения Польши неразрывно связано с делом международной социальной революции, которая разобьет всякие кандалы, уничтожит всякий национальный и классовый гнет»¹⁹⁴. Так же заклеимила новый раздел Польши и ППС-левица.

Негодование народа действиями центральных держав вылилось в Варшаве 14 февраля, а в Кракове 18 февраля во всеобщие стачки. Стачки и демонстрации против оккупантов произошли также в Ченстохове, Люблине, Кельцах, Тарнуве и других городах Польши. 17 февраля, вслед за нападением германских империалистов на Советскую республику, в Лодзи состоялась широкая демонстрация, подготовленная местными организациями СДКПиЛ и ППС-левицы. Маршируя под красными знаменами, рабочие провозглашали лозунги, направленные против войны и оккупации. Против демонстрантов была брошена немецкая полиция, применившая оружие¹⁹⁵. В Познаньщине, где издавна свирепствовал прусский полицейский режим, распространялись листовки с резким осуждением действий Германии и Австро-Венгрии.

Даже поддерживавшие оккупантов круги польской буржуазии и помещиков были глубоко задеты произволом оккупантов. Возмущение надругательством над Польшей вынудило даже Регентский совет выпустить обращение «К народу польскому», в котором осуждалась сделка Германии и Австро-Венгрии с Центральной радой. Полный крах расчетов на самую возможность сотрудничества с австро-германскими

эмигрантских, английских и американских историков труде по истории Польши (вышедшем в претендующей на солидность кембриджской серии работ по истории различных народов) дается не только неверное освещение истории польского народа, но в угоду настроениям авторов самым грубым образом искажаются сами факты. Так при изложении Брестского договора между Германией и Радой сообщается, что он был заключен якобы между кайзеровской Германией и... Украинской Советской Республикой! («The Cambridge history of Poland from Augustus II to Pilsudski». Cambridge, 1941, p. 473—474). Автор другой работы, специально посвященной дипломатической истории польского вопроса в 1914—1919 гг., И. Блоцшевский всем своим изложением наводит читателя на мысль, будто этот новый раздел Польши был прямым результатом советско-германских переговоров; он совершенно обходит молчанием как позицию Советского правительства в отношении сделки германских империалистов с украинской контрреволюцией, так и все акты Советского государства, направленные на восстановление свободы и независимости Польши (J. Błociszewski. La Restauration de la Pologne et la diplomatie européenne. Paris, 1927, p. 86 и др.)

¹⁹⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 446, оп. 1, д. 24, л. 18.

¹⁹⁵ «Materiały do historii polskiego ruchu rodotniczego». cz. II. Warszawa, str. 20.

оккупантами заставил марионеточное «правительство» Кухажевского выйти в отставку.

В связи с Брестским договором и новым разделом Польши бурную деятельность развила ППС-«фракция», руководство которой убеждалось, что все надежды на мало-мальски приемлемое решение польского вопроса центральными державами терпят неудачу. В совместном воззвании, принятом ППС-«фракцией» и ее союзниками (Польской крестьянской партией и др.) в ответ на брестскую сделку, хотя и осуждались германские империалисты, но ни слова не говорилось о позиции Советской России в польском вопросе. Не было в этом воззвании и оценки действий Центральной рады, которую до того поддерживали группы ППС на Украине.

Обстановка как в оккупированной Польше, где все явственнее становилась неизбежность борьбы с оккупантами, так и в Советской России, где потерпели крах Начполь и I Польский корпус, побуждала ППС-«фракцию» к усилению своей деятельности в России с тем, чтобы попытаться найти опору своей политике среди сотен тысяч польских беженцев и солдат. Поэтому незадолго до Брестского договора лидеры ППС и их союзники из других партий приняли решение направить через линию фронта в Россию в качестве эмиссаров активных деятелей разведывательно-диверсионной Польской военной организации («Польска организация войскова» — POW). Первые тайные ячейки POW были образованы на территории России вслед за тем, как в 1915 г. сложилась эта организация, возглавленная Ю. Пилсудским, а после его ареста в 1917 г. Э. Рызд-Смиглым. Один из наиболее крупных агентов POW, Т. Голувко, перебрался через фронт в то самое время, когда банкротство открыто пронемецкой политики пилсудчиков и изменения в соотношении сил внутри страны привели к появлению на советской земле еще одного польского формирования: 15 февраля после ожесточенных боев с австрийскими войсками перешла в Россию ранее входившая в состав австрийской армии 2-я бригада польских легионов под командованием Ю. Галлера¹⁹⁶.

В февральских событиях в оккупированной Польше участвовали гораздо более широкие круги, и эти события носили более глубокий характер, чем январские стачки и демонстрации. Февральские события обнажили кризис оккупационного режима, но действенная революционная сила событий оказалась в значительной мере ограничена, так как руководство ими сумели закрепить за собой ППС-«фракция» и буржуазные элементы. «Польская буржуазия, боровшаяся всеми силами против январских стачек, старается примазаться к теперешним стачкам, забрать их в свои руки, придав им характер национального протеста... Позиция господствующих классов — это вынужденная фронда», — писала «Правда». Русская революция, заканчивала газета статью о польских событиях, может с надеждой смотреть через лес германских штыков на далекие польские города и деревни, на революционную Варшаву, где загорается пламя революционного пробуждения масс и борьбы с империализмом¹⁹⁷.

Продолжая в тяжелых условиях единоборство с германскими империалистами, Советское правительство добилось 27 января (9 февраля) на проходивших параллельно брестским переговорам переговорах в Петрограде подписания русско-германского договора об обмене гражданскими пленными. Особое значение этого договора состояло в том,

¹⁹⁶ О переходе через фронт 2-й бригады польских легионов Польский комиссариат опубликовал «Краткое сообщение» («Трубіна», 22.II.1918).

¹⁹⁷ «Правда», 2.III.1918.

что по дополнительному протоколу, подписанному тогда же, устанавливалось, что вступление в силу договора будет иметь место не ранее того времени, когда от германского правительства будет получено согласие на возвращение принудительно увезенных на работу в Германию жителей областей, оккупированных войсками Германии или ее союзников¹⁹⁸. Тем самым Советское правительство делало все от него зависящее, чтобы вернуть польскому народу многие сотни тысяч принудительно угнанных в Германию польских людей¹⁹⁹. Эта забота была одним из проявлений глубокого гуманизма, свойственного политике Советского правительства.

27 января (9 февраля) 1918 г., вслед за подписанием договора с украинской Центральной радой, Германия и ее союзники потребовали от Советской Республики принятия их условий мирного договора. В соответствии с директивами Центрального Комитета большевистской партии и Советского правительства советская делегация должна была избежать разрыва переговоров и заключить мир на тяжелых условиях, предложенных в ультимативной форме германскими империалистами²⁰⁰. Но Троцкий не выполнил указаний партии и правительства. 28 января (10 февраля) он заявил, что Советская Россия мира не подписывает, войну прекращает, армию демобилизует. Эта позиция была пагубна для дела социалистической революции и всецело соответствовала замыслам самых ярых германских аннексионистов.

VII

Грубо нарушая условия перемирия, Германия заявила 16 февраля, что с 12 часов дня 18 февраля она считает себя вновь в состоянии войны с Россией.

Вечером 17 февраля происходило заседание ЦК партии большевиков. Если все присутствовавшие члены ЦК (кроме Сокольников) высказались за то, чтобы оказывать всяческое сопротивление в случае начала наступления Германии, то за немедленное предложение Германии вступить в новые переговоры для подписания мира высказались только пять членов ЦК во главе с В. И. Лениным. Большинство присутствовавших членов ЦК были против возобновления переговоров о мире²⁰¹. На следующий день, 18 февраля, утром состоялось новое заседание ЦК партии. По настоянию В. И. Ленина вновь был обсужден вопрос об отправке телеграммы с предложением мира. Ленинское предложение возобновить мирные переговоры собрало шесть голосов, против него было подано семь голосов сторонников точки зрения Бухарина и Троцкого²⁰².

Днем 18 февраля немецкие войска начали наступление.

Вечером, после получения известий о том, что Германия перешла в наступление, снова состоялось заседание ЦК партии. Троцкий предлагал обратиться в Берлин и в Вену с запросом, какие требования предъявляются к Советской республике; практически предложение Троцкого предоставляло захватчикам время для дальнейшего продвижения в глубь России. Бухарин утверждал, что события, дескать, разворачива-

¹⁹⁸ «Правда», 9.II (27.I) 1918.

¹⁹⁹ По довольно точным данным, в Германию из Королевства Польского было вывезено 800 тыс. человек («Ekonomista», t. III, Warszawa, 1918, str. 237).

²⁰⁰ Перед отъездом в Брест Троцкий обязался затягивать переговоры, держаться до ультиматума немцев, после же предъявления ультиматума делегация должна была подписать аннексионистский мир (см. В. И. Ленин. Сочинения, т. 27, стр. 90).

²⁰¹ «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), август 1917 — февраль 1918 г.», стр. 194—195.

²⁰² Там же, стр. 197—199.

ются как должно, тогда как в действительности империалисты создали прямую угрозу самому существованию Советской власти. Ленин решительно требовал покончить с игрой в войну и мир. «Теперь нет возможности ждать, — говорил он. — Это значит сдавать русскую революцию на слом... Теперь на карту поставлено то, что мы, играя с войной, отдаем революцию немцам»²⁰³. На этот раз за ленинское предложение немедленно заключить мир было подано семь голосов, против — пять. К противникам ленинского предложения присоединился отсутствовавший на заседании Дзержинский²⁰⁴.

В ночь с 18 на 19 февраля Советское правительство направило германскому правительству радиограмму с протестом против военных действий и заявлением, что Советское правительство вынуждено подписать мир на условиях, предъявленных германским правительством. Но немцы не торопились дать ответ, стремясь захватить как можно больше советской земли.

Наступление германских войск вызвало активизацию всей контрреволюции. Русская буржуазия, забыв о своих четырехлетних истощающих воплях против кайзеровской Германии, встречала наступавшие немецкие войска как освободителей от революционной власти. В Минске вступавшие в город немецкие войска в парадном строю, с развернутыми знаменами приветствовали уцелевшие от разгрома части мятежного I Польского корпуса, полностью сомкнувшиеся со злейшими врагами своей родины²⁰⁵.

21 февраля Совет Народных Комиссаров обнародовал воззвание «К трудящемуся населению России», в котором был изложен ход переговоров о мире и определялись задачи Советов в деле организации Красной Армии. Поскольку германские войска продолжали наступление, 21 февраля Совет Народных Комиссаров принял декрет-воззвание «Социалистическое отечество в опасности!». Как и все другие центральные советские газеты, «Трибуна» опубликовала этот декрет 22 февраля. Тексту декрета предшествовал набранный через всю первую полосу газеты страстный призыв: «К оружию! Революция в опасности! Польский рабочий народ умеет бороться и погибать за свободу! Станем все в первых рядах революционной армии!». Этот же призыв был повторен газетой на следующий день²⁰⁶.

23 февраля «Трибуна» опубликовала уведомление о том, что Польский комиссариат производит запись рабочих, солдат, военнопленных в ряды социалистической армии²⁰⁷. В двух редакционных статьях, помещенных в газете 22 февраля, «Трибуна» разъясняла интернациональный долг польских трудящихся и их революционную и патриотическую заинтересованность в защите социалистической революции в России. Газета писала, что в час тяжких испытаний агитации, слов, резолюций уже недостаточно. «Необходимо действие, действие массовое..., кто в состоянии носить оружие, кто оказался демобилизован — записывайтесь в социалистическую армию, становитесь снова в ряды борющихся». Поражение революции нанесло бы огромный удар международному пролетариату. Польша в случае поражения русской революции «станет страной дичайшего произвола и неограниченного насилия». Вместе с тем газета по сути дела вообще не допускала возможности заключения мира с

²⁰³ «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), август 1917 — февраль 1918 г.», стр. 201.

²⁰⁴ Там же, стр. 204.

²⁰⁵ «Социал-демократ», 22(9).II 1918.

²⁰⁶ «Трибуна», 22, 23.II 1918.

²⁰⁷ «Трибуна», 23.II 1918.

Германией и Австро-Венгрией и уповала в основном на победу революции на Западе²⁰⁸.

Несмотря на то, что по вопросу о подписании мирного договора руководство СДКПиЛ в России продолжало занимать отрицательную позицию, оно в то же время в ряде важнейших вопросов резко расходилось с «левыми коммунистами». Когда 22 февраля на заседании ЦК партии большевиков обсуждался вопрос об отношении к предложенной Францией помощи для усиления сопротивления Германии и Бухарин заявил, что недопустимо пользоваться поддержкой какого бы то ни было империализма, большинство членов ЦК отвергло доктринерскую и сектантскую позицию Бухарина. Ф. Дзержинский заявил, что он «противник подписания мира, но самый решительный противник точки зрения Бухарина»²⁰⁹. В. И. Ленин, отсутствовавший на заседании ЦК, прислал записку, в которой просил присоединить его голос «за взятие картошки и оружия у разбойников англо-французского империализма»²¹⁰.

Тогда же группа членов ЦК и народных комиссаров, поддерживавшая Бухарина, вошла в ЦК партии с письменным заявлением, осуждавшим позицию большинства ЦК по вопросу о мире, заявив, что они начинают широкую агитацию против линии партийного центра. Среди подписавших это заявление, направленное на подрыв организационных основ большевистской партии, был и деятель СДКПиЛ М. Бронский²¹¹. Но наиболее авторитетный деятель СДКПиЛ в России, член ЦК большевистской партии Ф. Дзержинский письменно уведомил ЦК, что хотя он продолжает быть против подписания мира, но не поддерживает заявления Бухарина и других, так как занятая ими позиция может привести к расколу партии, что недопустимо²¹².

Таким образом, на примере отношения к вопросам о возможности использования помощи иностранных империалистов и о единстве партии видна глубокая грань между позицией «левых коммунистов», заявлявших, что лучше пойти на ликвидацию Советской власти, чем подписывать грабительский мир, и позицией авторитетных руководителей СДКПиЛ, хотя и допускавших серьезные ошибки, но всегда считавших своей первой обязанностью защиту и углубление завоеваний революции, укрепление единства партии.

Расхождение между позициями «левых коммунистов» и СДКПиЛ особенно проявилось на следующем заседании ЦК РСДРП(б) 23 февраля, где были рассмотрены наконец поступившие от центральных держав условия мира, оказавшиеся еще более тяжелыми, чем условия, отвергнутые Троцким в Брест-Литовске 28 января (10 февраля). На этом заседании «левые коммунисты» опять потребовали отклонить германские условия. На этот раз Ф. Дзержинский не голосовал с ними, считая, что их линия ведет к расколу партии и препятствует решению задач пролетарской революции в России²¹³. Но в целом руководство СДКПиЛ не сумело правильно оценить катастрофические последствия политики троцкистов и «левых коммунистов» и уяснить величайшую революционную силу ленинской позиции.

«Трибуна» продолжала печатать статьи против принятия немецких условий мира²¹⁴, а на заседании ЦИК в ночь с 23 на 24 февраля один из

²⁰⁸ «Трибуна», 22, 24.II 1918 и др.

²⁰⁹ «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), август 1917 — февраль 1918 г.», стр. 207.

²¹⁰ Там же, стр. 208.

²¹¹ Там же, стр. 210.

²¹² Там же.

²¹³ Там же, стр. 216.

²¹⁴ «Трибуна», 23.II 1918.

лидеров «левых коммунистов», Радек, выступил против Ленина и большинства ЦК не только как представитель антипартийной фракции, но и от имени СДКПиЛ²¹⁵. Ю. Уншлихт от имени ЦИК групп СДКПиЛ огласил на заседании ЦИК Советов декларацию, в которой руководство СДКПиЛ, упорствуя в своих ошибочных позициях, утверждало, что принятие немецких условий мира равносильно политическому самоубийству революции, и призывало к обороне революции²¹⁶.

Характерно; что в этот момент крики о спасении русской революции от германского нашествия раздавались как раз со стороны тех элементов, которые, еще оставаясь в составе Советов, имели своей главной целью именно ликвидацию Советской власти. Выступая против принятия немецких условий мира, меньшевики и эсеры рассчитывали руками германских империалистов свергнуть Советскую власть. К антисоветской позиции меньшевиков и эсеров приближалась и позиция лидеров ППС-левицы в России, которые так же истерически поносили Советское правительство за его отношение к вопросам войны и мира, как и правые партии, и даже заявляли о полном банкротстве Советской власти и политики большевистской партии. На заседании ЦИК Советов в ночь с 23 на 24 февраля взгляды ППС-левицы были изложены в декларации, оглашенной П. Лапиньским. ППС-левица требовала революционной войны против Германии²¹⁷.

Но вопреки стараниям явных врагов Советской власти, их более или менее случайных единомышленников и всяких авантюристов, предававших дело революции, ЦИК Советов большинством голосов стал на позицию Ленина и решил принять германский ультиматум²¹⁸.

Не считаясь ни с согласием Советской республики на подписание грабительского мира, ни с протестами Советского правительства, немецкое командование еще в течение некоторого времени продолжало наступление.

По призыву Ленина, под его непосредственным руководством по сигналу фабричных гудков на защиту революции от германского империализма поднялся весь рабочий класс, организуемый партией большевиков.

Деятельное участие в отпоре нашествию германского империализма приняли организации СДКПиЛ, широкие круги польских трудящихся-беженцев. В заметке «От слов к делам» «Трибуна» писала об огромном притоке рабочих в отряды, спешащие на фронт для отпора врагу²¹⁹. 26 февраля Польский комиссариат на заседании своей коллегии признал необходимым сократить текущую работу до возможного минимума и призвал всех своих сотрудников, за исключением тех, без кого не может продолжаться деятельность комиссариата, занять место в общероссийской работе по обороне революции²²⁰.

Германское нашествие ускорило происходившее с января 1918 г. перестроение находившегося в Москве Белгородского польского запасного полка. Основная часть его солдат вошла в состав I Польского революционного полка (Революционный полк Красной Варшавы), ряд других подразделений полка положил начало другим польским по составу частям Красной Армии. Одним из первых из состава Белгородского

²¹⁵ «Трибуна», 26.II 1918.

²¹⁶ Там же; «Социал-демократ», 26(13).II 1918.

²¹⁷ «Robotnik w Rosji», 10.III 1918.

²¹⁸ Не располагая данными о позиции во время голосования членов ЦИК, входивших в СДКПиЛ, отметим лишь, что отсутствовавший на заседании ЦИК в связи с болезнью Я. Фенигштейн (В. Долецкий) в открытом письме сообщил, что голосовал бы против принятия условий мира («Трибуна», 27.II 1918).

²¹⁹ «Трибуна», 26.II 1918.

²²⁰ «Трибуна», 27.II 1918.

полка выделился отряд в 600 человек под командованием П. Боревица. Этот отряд вскоре стал успешно сражаться на юге против немецких войск и войск украинских националистов²²¹.

Ян Кречыньский (один из псевдонимов С. Бобиньского) в статье, опубликованной в «Трибуне», разъяснял польским трудящимся-беженцам, что защита революции необходима в интересах не только народов России, но и польского народа. «Разгром революции и занятие Петербурга явится последним разгромом Польши и поражением Варшавы»²²².

27 февраля ЦИК групп СДКПиЛ в России принял воззвание к польскому пролетариату в России. В этом воззвании была сделана попытка обосновать позицию, занятую ЦИК СДКПиЛ по вопросу о мире, и указывалось, что его отрицательное отношение к заключению мира обусловлено не тем, что мир оставляет «наших братьев в Королевстве Польском под грубой стопой пруссачества», а тем, что мир, по мнению СДКПиЛ, грозит гибелью русской революции. Если своим неверным отношением к проблеме мира и войны ЦИК СДКПиЛ продолжал занимать позицию, близкую к «левым коммунистам», то в практической деятельности не имел ничего общего с «левыми коммунистами». Тогда как последние дезорганизовывали работу большевистской партии и органов Советской власти и даже злорадствовали по поводу того, что, несмотря на выраженную Советским правительством готовность подписать грабительский мир, Германия продолжала захваты советских земель, ЦИК СДКПиЛ призывал к борьбе, к оружию, к поддержке русской революции.

«Польские рабочие,— обращался ЦИК СДКПиЛ,— если вы не хотите, чтобы вас гнал из Петрограда прусский жандарм на тяжелые работы в Пруссию, как это делают с беженцами, возвращающимися в Польшу и Литву, если не хотите, чтобы была разрушена первая великая победившая народная революция, которая вызывает к бою за освобождение пролетариев всех стран, то вставайте в ряды Красной Армии, берите оружие и бейте врага! Ныне,— заканчивалось воззвание ЦИК СДКПиЛ,— когда немецкий юнкер и капиталист ставят ногу на горло Русской революции, вы подниметесь все, как один, польские пролетарии, помня славную историю польского пролетариата, помня великое будущее, которое его ждет. Пусть никто не посмеет в будущем сказать, что мы, которым русская революция несет свободу, не защищали ее до последней капли крови!»²²³

«Трибуна» с гордостью за рабочий класс России писала, что вопреки усилиям внутренних и внешних врагов повсеместно строится новая власть, новая, свободная жизнь²²⁴; всюду создаются отряды, готовые к обороне революции. В одном только Петрограде в Красную Армию вступили десятки тысяч людей, социалистическая армия одерживает первые победы²²⁵.

Руководство СДКПиЛ в России продолжало в то же время твердить о недопустимости подписания грабительского мира и выступать против ленинской идеи о «передышке». Даже Ян Кречыньский в «Трибуне»²²⁶ пытался полемизировать с положениями, развитыми В. И. Лениным в знаменитой статье «Странное и чудовищное», срывавшей все маски с пустого фразерства «левых коммунистов»²²⁷.

²²¹ A. Zatorski. Dzieje pulku Biełgorodzkiego. Warszawa, 1960, стр. 248—249.

²²² «Трибуна», 27.II 1918.

²²³ «Трибуна», 28.II 1918.

²²⁴ «Трибуна», 1.III 1918.

²²⁵ «Трибуна», 2.III 1918.

²²⁶ Там же.

²²⁷ В. И. Ленин. Сочинения, т. 27, стр. 46—53.

3 марта в связи с сообщением о предстоящем подписании еще более тяжелого договора, чем это можно было сделать до 10 февраля (ст. ст.), «Трыбуна» выступила против ратификации договора ЦИКом, но в то же время много внимания уделила необходимости всяческого упрочения диктатуры пролетариата в России. Тогда как «левые коммунисты» заявляли, что Советская власть в связи с подписанием мира «становится теперь чисто формальной», орган ЦИК СДКПиЛ в России призывал удерживать диктатуру пролетариата в России любой ценой²²⁸.

Со страниц той же «Трыбуны» Т. Гневич (З. Фаберкевич), развивая ленинские мысли о задачах «передышки», писал, что заключение мира требует сосредоточить усилия революции на том, чтобы создать твердые экономические и финансовые основы. «Сегодня дело организации экономической жизни страны нужно поставить на первый план. Крестьянин возвращается к земле и должен дать народу хлеб и продукты питания. Рабочий должен стать у станка для того, чтобы дать продукцию, необходимую для жизни деревни и города...»²²⁹ Редакция «Трыбуны» сопроводила статью своим примечанием, в котором, поддержав призыв Т. Гневича к организации экономической жизни, назвала утопичным его мнение, что Советская власть может рассчитывать на «передышку» для осуществления своей экономической программы²³⁰. Все еще не разобравшись в позиции «левых коммунистов», «Трыбуна» обещала им полную поддержку со стороны польской социал-демократии на собравшемся VII съезде большевистской партии и даже приветствовала выход в Петрограде их фракционной газеты²³¹.

Среди 46 делегатов VII съезда партии с решающим голосом и 58 с совещательным было 2 делегата с совещательным голосом, представившим ЦИК групп СДКПиЛ в России — С. Бобинский и Ю. Ленский (Лещинский); кроме того, польский социал-демократ Я. Фенигштейн (Долецкий) был избран одним из делегатов с решающим голосом от Петроградской городской организации большевиков, среди пяти приглашенных на съезд гостей был видный деятель СДКПиЛ З. Фаберкевич (Гневич)²³². Кроме Фенигштейна, никто из польских социал-демократов не выступал на заседаниях съезда; наиболее значительным было выступление Я. Фенигштейна по докладу В. И. Ленина о пересмотре программы и названия партии. Фенигштейн предложил создать комиссию для доработки программы партии и единогласно принять предложение В. И. Ленина об изменении названия партии: вместо РСДРП(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков)²³³.

По основным вопросам порядка дня VII съезда — отчету ЦК партии и вопросу о войне и мире — польские социал-демократы делегаты и гости съезда не выступали. Однако в своих комментариях к организационному отчету ЦК партии, сделанному Я. М. Свердловым²³⁴, газета «Трыбуна»²³⁵ выражала сомнение в целесообразности роста партии, происходившего якобы в основном за счет крестьянства, хотя сам доклад Я. М. Свердлова не содержал каких-либо оснований для такого рода утверждений и сомнений.

²²⁸ «Трыбуна», 3.III 1918.

²²⁹ «Трыбуна», 7.III 1918.

²³⁰ Там же.

²³¹ «Трыбуна», 6.III 1918.

²³² «Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б) Седьмой съезд». М.—Л., 1928, стр. 188—189.

²³³ Там же, стр. 159.

²³⁴ Я. М. Свердлов. Избранные произведения, т. 2. М., 1959, стр. 132—135.

²³⁵ «Трыбуна», 8.III 1918.

О решении съезда утвердить подписанный мирный договор с Германией «Трибуна» писала как об «угнетающем поражении», но тут же в отличие от «левых коммунистов», продолжавших и усиливавших дезорганизаторскую деятельность, призывала к укреплению рядов пролетариата, подчеркивала ответственность и польских рабочих в России за упорочение и оборону революции²³⁶. Газета дала правильное, хотя и сжатое, изложение доклада В. И. Ленина о войне и мире²³⁷. В этом докладе, убедительно доказав всю несостоятельность позиции «левых коммунистов», Ленин разоблачил опасный авантюризм противников заключения мира с Германией, дал глубокий анализ хода социалистической революции в России, охарактеризовал задачи и трудности, стоявшие перед партией и страной в деле строительства социалистического хозяйства: В. И. Ленин показал необходимость заключения мира с целью получить мирную передышку и укрепить Советское государство. Не останавливаясь на позиции руководства польской социал-демократии в России, В. И. Ленин между прочим заметил, что фракционная газета «левых коммунистов» носит кличку «Коммунист», «но ей следует носить кличку «Шляхтич», ибо она смотрит с точки зрения шляхтича, который сказал, умирая в красивой позе со шпагой: «Мир — это позор, война — это честь»»²³⁸.

К чести руководства СДКПиЛ в России следует отметить, что ЦИК СДКПиЛ в России не поддержал раскольнических действий «левых коммунистов», пытавшихся воспрепятствовать свободному избранию съездом Центрального Комитета партии. Среди членов ЦК, избранных съездом, был член ЦИК групп СДКПиЛ в России, председатель ВЧК Ф. Дзержинский²³⁹.

Освещая в печати работу съезда, С. Бобинский уделил большое внимание вопросу о пересмотре партийной программы, изложенном в особом докладе В. И. Ленина²⁴⁰. Следуя за ленинскими положениями, С. Бобинский отметил, что новая программа партии должна содержать характеристику империализма и начавшейся эры международной социалистической революции, характеристику Советов как государства нового типа, завоеванного международной рабочей революцией, которая взяла свое начало от Парижской Коммуны 1871 г.²⁴¹ Далее С. Бобинский привел исключительно важное соображение В. И. Ленина, что, идя вперед к Советской власти, к советскому типу государства, партия пролетариата не должна при определенных условиях отказываться от буржуазного парламентаризма. Но, как известно, весьма скоро, практически лишь в 1921 г. КПП — преемница СДКПиЛ — стала на ленинские позиции в отношении парламентаризма и отказалась от проводившейся ею раньше тактики бойкота буржуазного сейма, созданного в Польше в начале 1919 г.

Значительное место в статье С. Бобинского о VII съезде партии отводилось изменению названия революционной партии российского пролетариата (этому же была посвящена и небольшая редакционная заметка в том же номере газеты). Обосновывая и приветствуя это изменение, Бобинский указывал, что польские коммунисты в России не могут изменять названия своей партии, так как это вправе сделать только

²³⁶ «Трибуна», 9.III 1918.

²³⁷ См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 27, стр. 65—86.

²³⁸ Там же, стр. 82.

²³⁹ «Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд», стр. 177.

²⁴⁰ В. И. Ленин. Сочинения, т. 27, стр. 102—114.

²⁴¹ «Трибуна», 10.III 1918.

партийный съезд СДКПиЛ²⁴². Но СДКПиЛ в России в своем органе газете «Трибуна», а также в своих официальных документах начиная с 1 марта 1918 г. предпосылала своему названию слова «Коммунистическая партия России», после которых значилось: «Социал-демократия Королевства Польского и Литвы».

Продолжая выражать недовольство решениями VII съезда РКП(б) о Брестском мире, «Трибуна» обращала в то же время особое внимание на необходимость организаторской работы, борьбы с угрозой голода, за восстановление экономики²⁴³. Газета требовала, чтобы все силы польских трудящихся в России были целиком отданы на службу делу народной революции²⁴⁴.

Несомненно, что после VII съезда большевистской партии довольно быстро происходило излечение деятелей СДКПиЛ от «революционной чесотки». Уже во время работы IV Чрезвычайного съезда Советов, принявшего решение о ратификации Брестского договора, и тем самым завершившего борьбу В. И. Ленина и большинства ЦК за «передышку», ни ЦИК СДКПиЛ, ни «Трибуна» не пытались противопоставить линии партии свою прежнюю установку на революционную войну²⁴⁵.

О том, что и до IV съезда Советов позиция части руководящих деятелей СДКПиЛ в России по вопросу о войне и мире не разделялась широкими кругами польских беженцев и солдат, можно судить по поступившему в адрес IV Чрезвычайного съезда Советов обращению от Совета рабочих и солдатских депутатов г. Белгорода. Несмотря на передислокацию Белгородского польского запасного полка, в этом городе оставалось еще немало польских деятелей. Пост председателя Исполнительного комитета Совета продолжал занимать член ЦИК третьего созыва Я. Озембловский, который и подписал телеграмму, направленную съезду Советов. Основная мысль этой телеграммы, содержавшей весьма широко обоснованное выступление в поддержку позиции В. И. Ленина, состояла в том, что «воевать нельзя, надо заключить мир и все оставшиеся силы направить на социальное строительство внутри страны»²⁴⁶.

Если в подавляющем большинстве деятели СДКПиЛ в России сумели сделать правильные выводы из трагических для Советской власти последствий срыва Троцким подписания Брестского мира на первоначально поставленных Германией условиях, то в позиции руководства ППС-«фракции» и ППС-левицы никаких изменений не произошло. ППС-«фракция» не сумела понять значение «передышки» и видела выход из-под ярма Брестского мира только в революционной войне, одним из последствий которой должно быть восстановление независимости Польши²⁴⁷.

Что касается ППС-левицы, то она направила IV Чрезвычайному съезду Советов декларацию, полную меньшевистско-левоэсеровской трескотни о неизбежной гибели революции, недопустимости расчетов на «передышку» и т. д.²⁴⁸ Один из лидеров ППС-левицы в России, С. Ланинский, писал в партийном органе «Роботник в России», что подписа-

²⁴² «Трибуна», 10.III 1918.

²⁴³ «Трибуна», 14.III 1918.

²⁴⁴ «Трибуна», 15.III 1918.

²⁴⁵ Надлежит отметить, однако, что среди 65 лиц, подписавших декларацию группы коммунистов — депутатов IV съезда Советов, являвшихся противниками заключения мира, был член ЦИК СДКПиЛ в России Ю. Уншлихт («Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд», стр. 273, прим. 140).

²⁴⁶ «Стенографический отчет IV Чрезвычайного съезда Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов». М., 1920, стр. 112.

²⁴⁷ «Głos robotnika i żołnierza», 1.V 1918.

²⁴⁸ «Стенографический отчет IV Чрезвычайного съезда Советов...», стр. 80—82.

ние мира явилось будто величайшим поражением пролетариата, обусловленным не просто соотношением внутренних и внешних сил, но и тем, что революция в России дошла якобы до состояния маразма! Внешняя политика Советской власти, измышлял Лапиньский, колебалась между пролетарским социализмом и примитивным крестьянским пацифизмом; борьбу за «передышку» он объяснял партикуляристской, провинциальной крестьянской психологией и пророчил полную гибель революции²⁴⁹.

В гневной статье «Трыбуна» бичевала пепеэсовцев за их левоэсеровскую позицию. Она писала, что в позиции ППС-левицы проявилась вовсе не революционность польского пролетариата, а лишь революционное фразерство польского радикального интеллигента. Отделяя верхушку ППС-левицы от пролетарской ее части, газета призывала последнюю занять место в рядах большевистской партии²⁵⁰. Можно считать, что в этом выступлении печатного органа ЦИК СДКПиЛ в России проявился перелом, наметившийся в позиции руководства польской социал-демократии. Газета, ссылаясь на В. И. Ленина, энергично критиковала «рыцарей революционной фразы», требуя концентрирования усилий на созидательной революционной деятельности, которая одна только и в состоянии укрепить государство и революцию.

* * *

Выход Советской республики из империалистической войны имел огромное значение для дела социалистической революции. Советская власть, коммунистическая партия, следуя мудрому политическому курсу, прокладывавшемуся В. И. Лениным, сорвали расчеты своих врагов, считавших, что немецкими штыками удастся уничтожить Советскую власть, реставрировать в России господство эксплуататорских классов и иностранных империалистов. Завоеванная советским народом мирная передышка позволила упрочить Советскую власть, продолжить социалистическое строительство, приступить к созданию социалистической экономики. Наконец, борьба Советского государства за всеобщий и демократический мир, выход Советской России из империалистической войны оказали огромное революционизирующее влияние на трудящихся всех стран, в том числе на рабочий класс и широкие народные массы Польши. Значительная часть польских трудящихся, активно поддерживавшая Советскую власть в ее борьбе за мир, приняла деятельное участие в последующей борьбе советского народа против внешних и внутренних врагов Советского государства, за социальное и национальное освобождение всего польского народа.

²⁴⁹ «Robotnik w Rosji», marzec 1918.

²⁵⁰ «Trybuna», 20.III 1918.

А. Х. Клеванский

ИЗ ИСТОРИИ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИИ
(1914 — февраль 1917 г.)

Статья А. Попова «Чехословацкий вопрос и царская дипломатия в 1914—1917 гг.»¹ — первая и, пожалуй, единственная в советской исторической литературе, подробно освещающая некоторые существенные вопросы истории чехословацких политических организаций в России в годы первой мировой войны. Хотя А. Попов использовал в своей работе почти исключительно документы царского министерства иностранных дел, а другие виды источников привлекал только в отдельных случаях и почти не учитывал разнообразную зарубежную историческую литературу, его исследование, увидевшее свет более 30 лет назад, не потеряло своего научного значения. В настоящей статье² сделана попытка дополнить документальный материал, находящийся в научном обороте, и несколько раздвинуть тематические рамки исследования, опираясь на достижения советской и чехословацкой марксистской историографии³ и используя весьма значительную по объему буржуазную, прежде всего чехословацкую, историческую литературу.

* * *

Имеющиеся в литературе сведения о количестве чехов и словаков, живших в России до первой мировой войны, разноречивы. Большинство чехословацких буржуазных историков и публицистов, а вслед за ними и некоторые русские буржуазные авторы утверждали, что к 1914 г. в России, по официальным данным, жило не менее 100 тыс. чехов и словаков. Эту цифру можно встретить и в издававшихся в России перед войной чешских периодических изданиях и в некоторых записках и меморандумах чехословацких организаций и отдельных лиц, адресованных в правительственные учреждения России в 1914—1917 гг.

¹ «Красный архив», т. 33, 34. М.—Л., 1929.

² Статья является вариантом первой главы подготавливаемой монографии, посвященной истории чехословацких революционных и буржуазно-националистических организаций в России (1914—1921 гг.).

³ В. Краль. О контрреволюционной и антисоветской политике Масарика и Бенеша. Пер. с чешского. М., 1955; J. Veselý. Češi a Slováci v revolučním Rusku 1917—1920. Praha, 1954; V. Vávra. Klamná cesta. Praha 1958; L. Holotík. Štefaníkovská legenda a vznik CSR. Bratislava, 1958; J. Křížek. Jaroslav Hašek v revolučním Rusku. Praha, 1957; J. Křížek. Česká buržoasní politika a «Česká otázka» v letech 1900—1914. «Československý časopis historický», 1958, N 4; J. Křížek. Příspěvek k dějinám rozpadu Rakouska-Uherska a vzniku Československa. «Příspěvky k dějinám KSČ», Praha, 1958, N 5.

В современной чехословацкой историографии эта цифра также не подвергалась сомнению. В то же время один из русских буржуазных историков — Флоринский — считал, что к 1911 г. чехов в России было около 65 тыс., а другой — Белгородский — утверждал, что в России 70 тыс. чехов⁴. Некоторые чехословацкие буржуазные исследователи (Ауерхан) склонялись к тому, что истина лежит где-то посередине, а другие (Куделя), что ближе к ней цифра 60 тыс.⁵ Словаков, по данным Флоринского и Белгородского, в России и других странах, кроме Австро-Венгрии и государств Америки, было 2 тыс.

Между тем лишь данные всеобщей переписи 1897 г., по которым в Российской империи проживало 50 385 чехов и словаков⁶, хотя неполные и неточные, являются единственными, на которые можно ссылаться, как на данные официальные. За последующие почти два десятилетия число чехов и словаков в России бесспорно увеличилось, однако насколько оно возросло, с полной определенностью сказать трудно. Во всяком случае на Волыни и в Подолии, где сосредоточена была большая часть чешских и словацких переселенцев (55%, по данным переписи 1897 г.⁷), число их увеличилось приблизительно с 26 до 30—35 тыс. человек⁸.

Интенсивная эмиграция из чешских земель и Словакии в Россию, главным образом на Украину и в Крым, началась после 1861 г. Основные причины эмиграции следует искать в социально-экономическом и политическом развитии чешских земель и Словакии во второй половине XIX и начала XX в. Буржуазно-демократическая революция 1848 г. в Австрии содействовала быстрому развитию капиталистических отношений. Однако в силу того, что общественные преобразования проходили после поражения революции, путем правительственных реформ, развитие капитализма в сельском хозяйстве Австрии, а потом Австро-Венгрии пошло по так называемому прусскому пути. Крупное землевладение не только сохранилось, но получило возможность дальнейшего развития на новых, капиталистических основах, а эксплуатация сельского трудящегося населения стала еще более интенсивной и всеобъемлющей.

В результате резко усилился процесс классовой дифференциации в чешской и словацкой деревне, обезземеливания и пролетаризации основных масс крестьянства. Если еще учесть систематически повторяющиеся кризисы перепроизводства (1856—1857, 1862—1865, 1869, 1873 гг.), препятствовавшие поглощению городом полупролетарских масс, выбрасываемых деревней, и, наконец, затяжной аграрный кризис последней трети XIX в., то станут понятными и причины невиданной до того эмиграции из чешских земель и Словакии и социальный состав основной массы переселенцев. С конца 60-х годов XIX в. до 1910 г. из чешских земель эмигрировало более миллиона, а из Словакии — около $\frac{2}{3}$ миллиона человек, главным образом крестьян и ремесленников⁹.

⁴ Т. Д. Флоринский. Этнографическая карта западного славянства и западной Руси. Киев, 1911, стр. 24; А. В. Белгородский. Порабощенное славянство. Пг., 1915, стр. 7.

⁵ J. Auernhan. České osady na Volyni, na Krymu a na Kavkaze. Praha, 1920, str. 7; J. Kudela. Revoluční hnutí na Rusi do anabase. «Cyklus přednášek. Československa revoluce». Praha, 1924, str. 332.

⁶ «Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года», т. II. СПб., 1905, стр. XI.

⁷ Там же.

⁸ J. Auernhan. Указ. соч., стр. 7.

⁹ «Československé vystěhovalství, jeho příčiny, důsledky a vyhlídky». Praha, 1928, str. 25; «Přehled československých dějin», d. II. Praha, 1960, sv. I, str. 571; sv. II, str. 920.

Этническое родство с русским и украинским населением, традиционные культурные, экономические и политические связи, близость к границам Австро-Венгрии новых районов поселения, плодородие почв, широкий простор для разнообразной предпринимательской деятельности, относительная по сравнению с австрийской дешевизна земли и, наконец, льготы, предоставляемые первоначально переселенцам царским правительством, могли, казалось, служить достаточным основанием для массового переселения чехов и словаков на территорию Российской империи. Однако основной поток эмигрантов, прежде всего словаков, направлялся за океан, в государства Северной и Южной Америки.

Политический строй царской России, очевидно, не вызывал энтузиазма у значительной части переселенцев. Необходимо также иметь в виду, что колонисты, переселявшиеся в Юго-Западный край, должны были платить за землю, ибо она покупалась у частных лиц. Колонистам нужны были какие-то минимальные средства на первоначальное обустройство. Постановление кабинета министров от 10 июля 1870 г. «О водворении чехов в Волынской губернии» предусматривало освобождение переселенцев на пять лет от уплаты податей и освобождение «с наличными при водворении их в России сыновьями» от рекрутской повинности. Чехам разрешалось принимать русское подданство немедленно, без представления полицейских свидетельств о благонадежности и пятилетнего испытательного срока, давалось право по желанию приписываться к крестьянским обществам и волостям или образовывать отдельные общества и волости с собственным самоуправлением и, наконец, право пользоваться «свободой веры». Но это постановление и еще ранее вступившие в силу льготные условия поселения чехов в Таврической губернии¹⁰ не изменили резко основное направление чешской и словацкой эмиграции. Вместе с тем следует учитывать и то, что покупка и раздел земель оказались в руках так называемых уполномоченных — узкой группы разбогатевших на спекуляции земельными участками колонистов, тесно связанных с местными царскими чиновниками. Уполномоченные брали у переселенцев всю сумму стоимости заторгованных имений, заключали с помещиками контракт на свое имя и делили земли между поселенцами. Кроме того, они собирали с них деньги за уплату крепостных пошлин¹¹ и за посредничество. Так как разделы и другие сделки производились зачастую без всяких официальных документов, то вскоре многие фактические владельцы участков были или согнаны с земли уполномоченными, за которыми числились эти участки, или попадали в полную кабалу к ним. «Только в Глинской волости, — свидетельствует Е. М. Крыжановский, русский клерикальный деятель, посетивший Волынь в 80-х годах, — таких случаев имеется несколько сот, если не более тысячи»¹². Часто на купленных имениях оказывались долги, некоторые проданные имения вообще находились под запрещением. Все это при покупке скрывалось от переселенцев, а когда становилось известным, уполномоченные, получившие от своих доверителей полную сумму стоимости закупленных имений, нередко скрывались.

¹⁰ Колонисты, селившиеся в Таврической губернии, получали бесплатно земельный надел от 9—15 до 20—30 десятин на мужчину, а также денежные и натуральные субсидии. — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (далее — ЦГИАЛ), ф. 932, оп. 1, д. 165, л. 1; ф. 381, оп. 8, д. 3708, лл. 184, 376—377; «Růský běsch», 18 (31). V 1907.

¹¹ Пошлины за заключение купчей крепости на имя каждого поселенца. В 1873 г. чехи были освобождены от уплаты крепостных пошлин при покупке имений у лиц польского происхождения (ЦГИАЛ, ф. 932, оп. 1, д. 165, л. 2).

¹² Е. М. Крыжановский. Чехи на Волыни. Собр. соч., т. II. Киев, 1890, стр. 840.

Таким образом, далеко не всем чехам и словакам, переселившимся на Украину и в Крым, удалось прочно обосноваться на новых местах и обрести материальный достаток. Многие эмигранты или окончательно разорились и нищими возвращались на родину, или оставались работать на предприятиях и в имениях своих разбогатевших земляков. В начале XX в. можно уже констатировать наличие значительной прослойки чешских, а также словацких зажиточных предпринимателей и землевладельцев, ведущих интенсивное капиталистическое хозяйство. Более или менее компактные массы чешского и словацкого главным образом сельского населения были на Волыни и в Крыму, но и на всей остальной территории России (включая Кавказ, Сибирь и Среднюю Азию) можно было встретить переселенцев из чешских земель и Словакии. Небольшие группы чехов и словаков, насчитывающие от нескольких десятков до нескольких тысяч человек, жили в Киеве, Москве, Петербурге, Варшаве, Одессе, Лодзи, Харькове, Ростове, Екатеринославе.

К началу мировой войны только на Волыни было около 130 чешских, чешско-украинских и чешско-немецких поселений, большая часть которых была основана во второй половине XIX в. Подавляющая масса колонистов (до 90 %) вела хозяйство на собственной земле. Число средних и крупных хозяйств (в частности, свыше 100 десятин), так же как и среднее количество скота, приходившееся на 100 жителей в чешских колониях, значительно превышало относительное число таких же хозяйств и количество скота в среднем по всей Волыни¹³.

В крупных и даже средних хозяйствах колонистов в XIX — начале XX в. применялись разнообразные сельскохозяйственные машины: паровые молотилки, веялки, соломорезки, сеялки, культиваторы, сепараторы и т. п.

Зажиточные чешские колонисты широко использовали наемный труд главным образом коренного украинского населения. «В настоящее время, — указывал в своей брошюре В. Олич, — безземельные украинские крестьяне массами нанимаются батраками в чешские колонии»¹⁴. В Крыму в крупных хозяйствах чешских колонистов зимой и летом держали от 5 до 15 и более батраков¹⁵. Статистика свидетельствует, что в начале XX в. значительная часть хозяйств чешских колонистов Украины и Крыма принадлежала к категории середняцких и кулацких, товарность которых была относительно высокой¹⁶.

По данным 1913 г., 46,8% денежного дохода чешские хозяйства Волыни получали от полеводства, 36,7% — от животноводства и 16,5% — от выращивания специальных культур, главным образом хмеля¹⁷. Одна десятина хмеля на Волыни давала в 70-х годах почти 176 руб. чистого дохода, в то время как в Чехии лишь 57 руб.¹⁸ В наиболее благоприятные годы чистый доход с десятины хмеля достигал 400 руб.¹⁹ В 1911 г. в связи с неурожаем хмеля в Западной Европе волынские хмелеводы получили более 4 млн. руб. прибыли²⁰. Уровень жизни чешских коло-

¹³ Z. Cichocka. Kolonje czeskie na Wolyniu. Warszawa, 1928, str. 17—19, 36—52; «Ruský čech», 9 (22).II 1907; J. Auerhan. Указ. соч., стр. 31.

¹⁴ V. Olič. Dějiny českého vystěhoavectví na Rus. Kyjev, 1908, str. 45.

¹⁵ «Ruský čech», 17 (30).VIII 1907.

¹⁶ J. Auerhan. Указ. соч., стр. 31, 33, 38; Z. Cichocka. Указ. соч., стр. 17—19, 36—52; «Ruský čech», 17 (30).VIII 1907; 9 (22).II 1907.

¹⁷ «Статистико-экономические очерки областей, губерний и городов России». Киев, 1913, стр. 329.

¹⁸ ЦГИАЛ, ф. 932, оп. 1, л. 146, л. 9.

¹⁹ «Ruský čech», 11 (24).V 1907.

²⁰ J. Auerhan. Указ. соч., стр. 35.

нистов, по данным Цихощкой, был в среднем в два-три раза выше уровня жизни украинских крестьян Волыни²¹.

В начале XX в. в руках чешских и словацких капиталистов находилось значительное количество промышленных предприятий²², сотни крупных и мелких торговых контор, магазинов, складов, трактиров. К 1911 г. чешские акционеры контролировали крупнейшую на Волыни кредитную кассу по мелким ссудам в Барятине, а также хмелеводческую ссудную кассу в Дубно²³. Уже в годы войны в Киеве был основан Чехословацкий кредитный банк с филиалами в Житомире и Здолбунове, ставший важным финансовым центром чешской буржуазии в России.

Разбогатевшая верхушка чешских и словацких колонистов становилась надежной опорой царского правительства в «трудных» районах Юго-Западного края. Имея в виду именно эти слои чешского населения России, можно согласиться с утверждением чешской газеты «Глас народа», которая в корреспонденции из Житомира 23 сентября 1886 г. писала, что «чехи верные подданные и образцовые граждане русского царя»²⁴.

Следует учитывать, что, содействуя поселению чехов в русских пределах, и, в частности, на Волыни, царское правительство преследовало прежде всего свои политические цели. Так, ходатайствуя 9 февраля 1870 г. перед министром внутренних дел о разрешении дальнейшей чешской колонизации Волыни, генерал-губернатор Юго-Западного края А. М. Дондуков-Корсаков писал, что чешские колонисты «отличаются замечательным трудолюбием, уважением к властям, самую строгою честностью и примерной нравственностью, преследуя самым строгим образом и исключая из своей среды неблагонадежных или безнравственных своих сограждан...». Однако наиболее важным считал он то, что в политическом отношении можно будет попытаться противопоставить чешских колонистов польскому населению, а в религиозном они смогут содействовать ослаблению католичества в Юго-Западном крае, а затем и полной победе православия²⁵. «Кто знает,— отмечал в письме к Макову 24 февраля 1870 г. Дондуков-Корсаков —... не будет ли чешское дело первым шагом к образованию независимой от Рима и чуждой антинациональных стремлений католической церкви в России»²⁶. Хотя попытка воссоздать на русской почве самостоятельную чешскую церковь, особую религию (гуситство), которая «внесла бы раскол в католическую церковь, привлекла бы к себе сельское католическое население,

²¹ Z. Cichocka. Указ. соч., стр. 52.

²² В том числе такие, как Акционерное машиностроительное общество Гертер и Крживанек в Киеве, изготавлившее оборудование для сахароваренных заводов (более 1200 рабочих); завод сельскохозяйственных орудий Фильверт и Дедина в Киеве (более 500 рабочих); завод Неедлы и Унгерман (Киев), производивший запасные части для сельскохозяйственных машин; вагоностроительный завод «Чешская возовка» (Киев); завод сельскохозяйственных машин и орудий И. В. Мартынек (Дубно); механический и котельный завод Г. В. Сук (Киев); чугуно-литейный и механический завод К. Л. и В. К. Гусник (Екатеринодар); ткацкая фабрика Седлак и Баксант (Клинцы); фабрики музыкальных инструментов В. Ф. Червенный и сыновья (Киев); шоколадная фабрика К. Бездек (Петроград); граверно-ювелирная фабрика Л. Г. Пахман (Одесса) и другие предприятия в Москве, Харькове, Варшаве, Лодзи, Житомире, Ровно, Бердичеве, Здолбунове, Квасилове. Только на Волыни им принадлежало 15 пивоваренных заводов, в том числе такой, как житомирский, вырабатывавший около 200 тыс. ведер пива в год («Чешско-русское единение», Киев, 1915, № 2, 3; V. Svihovský. Kijev a kijevisť češi. Praha, 1924, str. 8—9; «Ruský čech», 2.VI 1907).

²³ J. Auerhahn. Указ. соч., стр. 38.

²⁴ Цит. по: Е. М. Крыжановский. Указ. соч., т. II, стр. 898.

²⁵ Там же, стр. 821.

²⁶ ЦГИАЛ, ф. 932, оп. 1, д. 148, л. 19.

а затем постепенно слилась бы с православием»²⁷, потерпела крушение, предположение царских чиновников и церковных деятелей относительно слабой приверженности чехов к католицизму оказалось в значительной степени оправданным. Так, по данным переписи 1921 г., в той части Волыни, которая отошла к Польше по Рижскому договору, 71% чехов были православными (в 1888 г. 2/3 чехов были католиками)²⁸.

Убедившись в нереальности попыток создания особой чешской религии, в малой эффективности мер по ослаблению польского землевладения путем чешской колонизации, царское правительство в 1874 г. ликвидировало льготы, предоставляемые чешским колонистам. Мало того, распоряжением от 27 декабря 1884 г. оно вообще запретило чехам покупать земли в Юго-Западном крае (позднее, в 1892 г., приобретение недвижимости было разрешено лишь тем чехам и словакам, которые перешли в православие) и начало ликвидацию чешского общинного самоуправления, чешских церковных приходов и чешских школ²⁹ (если в 1890 г. на Украине была 31 чешская школа, то в 1903 г. осталась лишь одна в Киеве³⁰). Таким образом, царское правительство в отношении чешского и словацкого населения также встало на путь насильственной русификации и обращения в православие.

Хотя после принятия всех этих мер чешское и словацкое население России продолжало увеличиваться, но все большее количество прибывавших в Россию эмигрантов уклонялось от принятия российского подданства. Если же власти настаивали на этом, то вновь прибывшие стремились получить российское гражданство лично; с тем чтобы их потомки могли бы оставаться австро-венгерскими подданными. Точной статистики чехов и словаков австро-венгерских подданных, временно или постоянно живших в России, не существует: во всех официальных отчетах они входили в общую рубрику «иностраннных подданных». Крыжановский считал, что в конце 80-х годов только в районе Киева и на Волыни их было не менее 5 тыс. человек³¹.

В дальнейшем число чехов и словаков австро-венгерских подданных в России еще более возросло. Есть сведения, что к началу войны на Украине их было 8 тыс.³² Значительную часть их составляли предприниматели, землевладельцы, зажиточные ремесленники, высокооплачиваемые специалисты: инженеры, мастера, квалифицированные рабочие. Многие представители чешской и словацкой интеллигенции (преподаватели классических и новых языков, гимнастики, врачи, музыканты, скульпторы) нашли в России свою вторую родину. Социально разнородные группы чешских и словацких переселенцев, разбросанные по всей России, не могли, естественно, составлять сколько-нибудь единого общественно-политического целого. Разрозненные и малочисленные культурно-просветительные и благотворительные чехословацкие общества, кружки и союзы, возникшие в конце XIX в., включали, как правило, представителей чешской и словацкой буржуазии и интеллигенции, живших в круп-

²⁷ Е. М. Крыжановский. Указ. соч., т. II, стр. 890.

²⁸ Z. Čičoska. Указ. соч., стр. 29—30.

²⁹ Е. М. Крыжановский, командированный в апреле 1888 г. на Украину для изучения религиозных дел у чехов, сделал вывод, что особые чешские волости, приходы, школы являются «перегородками между чехами и православием», и их необходимо снять. Правительственными распоряжениями в 1888 г. были ликвидированы чешские приходы, а в 1891 г. — чешское местное самоуправление (Е. М. Крыжановский. Состояние религиозных дел волыньских чехов в начале 1888 года. Собр. соч., т. II, стр. 976).

³⁰ V. Oľič. Указ. соч., стр. 5.

³¹ Е. М. Крыжановский. Указ. соч., т. II, стр. 882.

³² Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. Особый политический отдел, оп. 474, д. 204, л. 88.

ных городах. Так, еще с конца XIX в. в Петербурге существовало «Чешское вспомогательное общество», в Киеве — «Чешское просветительное и благотворительное общество имени Я. А. Коменского», позднее возникли «Чешский кружок», «Чешско-русский союз памяти Я. Гуса» и певческое общество «Лумир» в Москве, союз «Единство» в Лодзи, «Чехословацкая беседа» в Варшаве, «Чешская литературная беседа» в Зубовщине (Волынь) и др. Авторы мемуаров, публицисты и историки различных политических направлений единодушно отмечают консервативность взглядов не только чешских и словацких буржуазных кругов в России, но и значительной части буржуазной интеллигенции, отсутствие заметных связей ее с прогрессивной русской общественностью. Ю. Клецанда в апреле 1917 г. на страницах газеты «Чехословак» заявлял, что «наши представители в России перед войной не могли способствовать завоеванию нам симпатии у широкой русской общественности»³³. Т. Г. Масарик, характеризуя в своих мемуарах чешскую колонию в России, писал: «С передовой и радикальной интеллигенцией в России, с социалистами всех оттенков и с либералами у наших людей была весьма незначительная связь»³⁴. Еще более резко характеризовали «русских чехов» чехословацкие коммунисты в своей публикации «Чехословаки в войне и революции», вышедшей в 1919 г. «Между широкими слоями русского народа, — заявляли они, — и русскими чехами была непроходимая пропасть. Русские чехи в своей рабской приверженности к царизму не стремились и не искали связей с демократическими элементами»³⁵.

Следует согласиться с такой характеристикой буржуазных слоев чехословацкой колонии в России. Ее справедливость подтверждает ряд материалов русских архивов и анализ чешской довоенной периодической печати, в частности издававшейся В. Вондраком газеты «Руски чех» (Киев, 1906—1908), В. Прохазкой — «Ческоруске листы» и «Еднота» (Лодзь, 1906—1908), И. Индржишеком, В. Клихом, а позднее В. Швиговским — «Чехослован» (Киев, 1911—1914). Но прежде всего о ее правомерности свидетельствует деятельность наиболее активных представителей чешской и словацкой буржуазии в России во время войны и революции. Мы, к сожалению, располагаем еще весьма скудными сведениями о жизни чешских и словацких трудящихся, и, в частности, промышленных рабочих³⁶, представителей прогрессивной интеллигенции для того, чтобы рассматривать, как это еще нередко делается до сих пор, всех чехов и словаков, живших в России, в виде сплошной реакционной или пассивно-консервативной массы.

* * *

Для того чтобы понять условия развития чехословацкого антиавстрийского движения в начале войны, следует иметь в виду, что расчеты всех воюющих держав были основаны на предположении, что военные действия закончатся в кратчайшие сроки. Первоначальное успешное наступление русских войск на Юго-Западном фронте оказывало определяющее воздействие на политические планы царского правительства и его западных союзников, в частности, в чехословацком вопросе. С неминуемой, как тогда казалось, оккупацией чешских земель и Словакии

³³ J. Pároušek. Jiří Klecanda bojovník za věc národa. Praha, 1928, str. 233.

³⁴ Т. Г. Масарик. Мировая революция, т. I. Прага, 1926, стр. 88.

³⁵ «Česko-slováci ve válce a v revoluce». Moskva, 1919, str. 15.

³⁶ Из мемуарной литературы известно, что в 80-х годах XIX в. в Россию эмигрировали активные участники чешского рабочего движения, основатели первых социал-демократических организаций: рабочие-металлисты Ян Аубрехт, Эдуард Зеллер, Вацлав Черновицкий и др. Я. Аубрехт еще в начале 30-х годов жил в СССР.

русскими войсками считались и чешские и словацкие буржуазные политики антантофильского направления как на родине, так и в эмиграции.

Внутри антантофильской группировки чешских и словацких буржуазных политиков имелось два основных направления: одно из них ориентировалось на царскую Россию, другое — на ее западных союзников. Борьба этих направлений была отражением империалистических противоречий внутри Антанты. Прорусская внешнеполитическая ориентация чехословацких буржуазных политиков, демагогически использовавшая традиционные и глубокие симпатии чешского и словацкого народов к русскому народу, в первые месяцы войны выступила на первый план не только в России и в чешских землях, но даже в некоторых западных странах Согласия. Так, во Франции при участии специально командированного и финансируемого царским правительством чешского журналиста С. Коничка в конце 1914 — начале 1915 г. развернул свою деятельность Национальный совет чехословацкой колонии и издавал двухнедельник «Эндепанданс Чек», ведущий активную панславистскую, прорусско-монархическую агитацию. Представлявшие прорусскую политическую ориентацию младочехи (К. Крамарж, А. Рашин, Я. Прейс), национальные социалисты (В. Клофач) и руководители сокольского движения (Шейнер) играли на родине в этот период ведущую роль в чешской буржуазной политике антантофильского направления. К. Крамарж, наиболее последовательный сторонник этой ориентации, еще до войны во время своих неоднократных поездок в Петербург вел неофициальные переговоры с царскими министрами, был связан с русскими дипломатическими представителями и осведомителями в Вене и Праге.

Накануне войны из-под пера Крамаржа и его окружения вышел реакционный проект создания Славянской империи, выдержанный в духе махрового панславизма. В состав Славянской империи во главе с династией Романовых должны были войти польское, чешское, болгарское, сербское, черногорское королевства или вице-королевства. При этом чешское королевство включало в себя, кроме чешских земель и Словакии, серболужицкие земли и некоторые другие соседние районы. Каждое из этих королевств пользовалось, согласно проекту, местной автономией и управлялось русскими великими князьями³⁷. Условием вхождения чешских земель в Славянскую империю Крамарж и его единомышленники ставили прежде всего создание единой таможенной территории, чтобы обеспечить чешской буржуазии экономическое преобладание на новом гигантском рынке. Русский консул в Праге Жуковский в одном из своих донесений прямо указывал, что Крамарж и его партия «клеветает идеал экономического проникновения в Россию»³⁸. Проект Славянской империи в этой ее части существенно дополнялся идеей создания единого славянского банка, вынашиваемой еще с 1908 г. Ярославом Прейсом и другими заправилami крупнейшего чешского банка — Живностенского. Славянский банк должен был представлять все славянские страны на западных денежных рынках, кредитовать промышленность, транспорт, сельское хозяйство. Центральные учреждения банка предполагалось открыть в Москве, а филиалы в Константинополе, Салониках, Праге и Нью-Йорке. Уже во время войны один из ближайших сотрудников Крамаржа, А. Рашин, через доверенное лицо передавал русскому осведомителю в Цюрихе, что главным доводом за создание «чешского королевства под державой русской» были те выгоды, которые

³⁷ M. Paulová. Dějiny Maffie, d. I. Praha, 1937, str. 69.

³⁸ «Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств 1878—1917 гг.», серия III, т. II. М.—Л., 1935, стр. 382.

получат чехи при государственно-таможенном объединении с Россией, выгоды, которые могут быть закреплены благоприятным торговым договором и будут распространяться одинаково и на чешские торгово-промышленные круги и на чешских аграриев. Предполагалось провести также «национализацию» предприятий, железных дорог, курортов и т. д., находившихся в руках немцев³⁹. Таким образом, проектируемая чешскими панславистами империя призвана была обеспечить чешской промышленной буржуазии, банковским дельцам и аграриям экономическое преобладание на новой обширной территории, ликвидировать конкуренцию австро-венгерского и германского капитала и заменить необходимую при политической слабости чешской буржуазии австрийскую военную-бюрократическую государственную машину царской.

Однако младочехи вели двойную игру. Имея в виду как максимальную программу создание Славянской империи, они, хотя и осторожно, делали ставку и на другую карту, т. е. не упускали из вида, что война может закончиться и таким образом, что Австро-Венгрия будет сохранена. Крамарж надеялся, что в этом случае Россия «оградит интересы чешского народа», т. е. поможет обеспечить чешской буржуазии в послевоенной монархии Габсбургов такое же привилегированное положение, какое имели австрийская и венгерская⁴⁰. Следовательно, речь могла идти и о минимальной программе — автономии чешских земель в рамках Австро-Венгрии.

Круги, ориентировавшиеся на западные державы Антанты, были представлены прежде всего Т. Г. Масариком, его политической группой «реалистов», «государственно-правовыми прогрессистами» (Л. Шихрава) и другими политическими группировками и партиями чешской либеральной буржуазии. Масарик выехал из Австро-Венгрии в конце 1914 г. и обосновался в Париже, где уже в 1915 г. был создан политический центр чешской буржуазной эмиграции — так называемый Чешский комитет действия, переименованный в мае 1916 г. в Национальный совет чешских и словацких земель (Чехословацкий национальный совет).

Первоначально ни Масарик, ни кто-либо другой из близких ему по взглядам чешских буржуазных политиков не сомневались, что вопрос о будущем чешских земель будет решать прежде всего Россия. И хотя их максимальной целью было создание конституционного монархического чехословацкого государства, поскольку это будет возможным, с нерусской династией во главе, однако наиболее реальной перспективой они считали династию славянскую и, очевидно, скорее всего, романовскую. В конфиденциальном меморандуме английскому министру иностранных дел Грею по чешскому вопросу Масарик писал: «Предполагается Чехию сделать монархическим государством; за чешскую республику стоят лишь немногочисленные радикальные политические деятели... Чешский народ — это надо подчеркнуть еще раз — весь проникнут русофильством. Русская династия в какой-либо форме была бы наиболее популярной, чешские политические деятели желают, по меньшей мере, установления чешского королевства в полном согласии с Россией. Желания и планы России будут иметь решающее влияние»⁴¹. Масарик, как и Крамарж, настаивал на длительной оккупации Чехии русскими войсками и высказывался за единую таможенную территорию. Необходимость последней Масарик особо подчеркивал в разговоре с русскими представителями в Риме.

³⁹ «Красный архив», т. 33, стр. 12.

⁴⁰ «Международные отношения в эпоху империализма», серия III, т. VI, ч. 2, стр. 235.

⁴¹ Там же, т. VIII, ч. 1, стр. 21.

При неофициальных переговорах Масарик вначале лишь осторожно оговаривался, что осуществление всех этих планов зависит от «политического и военного могущества России в момент окончания войны»⁴². Позднее в своих мемуарах он утверждал, что с самого начала не исключал «нового издания японской войны» и именно поэтому заранее стремился обеспечить «симпатии всех союзников»⁴³.

Чешская буржуазная историография приписывает Масарику и его сторонникам заслугу последовательной пропаганды на Западе идей полного расчленения Австро-Венгрии и создания самостоятельного чехословацкого государства. Однако в действительности и они, особенно в начале войны, исходили из возможности сохранения империи Габсбургов и, следовательно, необходимости обеспечить интересы чешской буржуазии и в этом случае. Об этом свидетельствует, в частности, письмо Масарика в Прагу от 18 февраля 1915 г., в котором он доказывал своим единомышленникам, что чешской эмиграции необходимо выступить официально, даже если нет надежды добиться расчленения Австро-Венгрии, и обещал повести дело так, «чтобы за пролитую кровь вы дома всегда могли потребовать от Вены политических уступок»⁴⁴. Об этом же свидетельствует редакционная статья, опубликованная 22 августа 1915 г. в первом номере начавшей выходить в Париже газеты «Чехословенская самостоятельность», объявлявшая общей для всех слоев чешского народа старую программу «политической самостоятельности чешской и словацкой нации» в рамках Австро-Венгрии. Лишь позже, в конце 1915 г., чешская буржуазная эмиграция на Западе впервые официально выступила с заявлением о своем стремлении добиваться создания независимого чехословацкого государства и расчленения Австро-Венгрии⁴⁵. Таким образом, и здесь налицо минимальная программа — преобразование Австро-Венгрии в триединую монархию.

Словацкое буржуазно-националистическое течение антантофильской ориентации было представлено внутри страны политическими деятелями, еще до войны сотрудничавшими с чешскими буржуазно-либеральными кругами («гласисты» — В. Шробар и др.), а за границей — словацкими националистическими организациями в странах Антанты и Америки. В то время как одни представители этого течения, поддерживая «теорию» единой «чехословацкой нации», отрицавшую всякую самобытность словаков, видели в ней гарантию приобретения в будущем государстве равных экономических и политических прав с чешской буржуазией, то другие считали необходимым обеспечить это равноправие заключением официальных соглашений. Среди словацких буржуазных политиков, ориентировавшихся на победу Антанты, были и сторонники создания единого чехословацкого государства под эгидой западных держав, и приверженцы включения Словакии в Славянскую империю Романовых наряду с чешскими землями, но независимо от них, и пропагандисты создания федеративного государственного союза чешских земель и Словакии.

* * *

Чешские и словацкие буржуазные круги в России развернули активную деятельность с первых же дней войны. Выступления на верноподданнических манифестациях чешских и словацких землячеств в Москве, Петрограде, Варшаве, Одессе, Киеве, Ростове, призывы в печати встать на сторону России — «охранительницы европейского мира» и

⁴² Там же, т. VI, ч. 2, стр. 269.

⁴³ Т. Г. Масарик. Указ. соч., т. I, стр. 19, 23.

⁴⁴ E. Beneš. Světová válka a naše revoluce, d. III. Praha, 1928, dok. №. 3, str. 16.

⁴⁵ «Československá samostatnost», 22.VIII, 3.XII 1915.

поддержать «белого царя — надежду и защитника славянства» — все, казалось, свидетельствовало о полном единодушии руководящей верхушки, присвоившей себе право говорить от имени всех чехов и словаков, населявших Россию. Сделав скидку на националистические настроения, захлестнувшие чешских и словацких переселенцев, следует внимательно присмотреться и к зачастую весьма прозаическим мотивам, которыми в данном случае руководствовалась прежде всего зажиточная их часть.

Если чехи и словаки (русские подданные), сохранившие и поддерживавшие личные связи с различными политическими организациями, редакциями газет, торговыми, финансовыми и промышленными учреждениями в Австро-Венгрии, вызывали у русских властей подозрение в возможной нелояльности, то подданные Австро-Венгрии (обязанные военной службой вражескому государству) по законам военного времени подлежали интернированию, высылке в отдаленные губернии, заключению в концентрационные лагеря. Последним угрожала конфискация зачастую весьма значительного имущества и, конечно, ни те, ни другие не могли использовать благоприятную военную конъюнктуру, как русские предприниматели или предприниматели — подданные дружественных держав.

«Все австрийские и германские подданные мужского пола, — гласила одна из циркулярных телеграмм министра внутренних дел Маклакова от 11 августа 1914 г., — в возрасте от 18 до 45 лет, способные носить оружие, подлежат немедленному аресту и высылке...» Далее министр устанавливал, что местом высылки могут быть ближайшие от места задержания губернии Заволжья, Урала, Сибири и Севера. В этих губерниях подданные вражеских государств могут жить лишь под полицейским надзором, дав подписку о невыезде⁴⁶. Вслед за этим были изданы распоряжения о наложении секвестра на промышленные предприятия, об ограничении и лишении прав землевладения подданных воюющих с Россией государств⁴⁷.

Вряд ли ввиду этого может вызвать удивление, что те, кто вначале вывешивал траурные флаги и публично выражал свое горе по поводу убийства наследника австро-венгерского престола, теперь горячо поддерживали идею выступить с оружием в руках против «Габсбургов — извечных врагов славянства». При этом некоторые из этих «патриотов», по свидетельству весьма доброжелательных мемуаристов, откровенно признавались, что, будучи австрийскими подданными, решили пойти «добровольцами» в русскую армию вместо того, чтобы идти в Сибирь⁴⁸. И. Швец (впоследствии активный участник антисоветского мятежа чехословацкого корпуса) рассказывал в своем дневнике: узнав, что австрийских подданных хватают, сажают в полицейские участки, а затем высылают, он «приготовив все, как на смерть», выразил желание вступить добровольцем в чешскую дружину, хотя и не знал, какие цели преследует ее формирование⁴⁹.

Идея создания специального чешского воинского формирования в рядах русской армии была поддержана чехами и словаками — русскими и австрийскими подданными (о том, кто был ее инициатором, в буржуазной литературе долго шли споры: одни называли московских, другие киевских чешских деятелей). Выступая за создание чешской дружины, чехи и словаки — русские подданные — лишний раз подчеркивали свою лояль-

⁴⁶ АВПР, ф. Дипломатическая канцелярия, оп. 617, д. 83, л. 88.

⁴⁷ В. Лазаревский. Россия и чехословацкое возрождение. Париж, 1927, стр. 36.

⁴⁸ Там же, стр. 19.

⁴⁹ «Deník plukovníka Švece». Praha, 1921, str. 12.

ность, австрийские подданные — стремились добиться для себя исключения из общих правил о высылке и конфискации имущества. Не следует, конечно, упрощать и схематизировать; нередко в дружину шли молодые люди, искренне руководствовавшиеся наивно патриотическими и националистическими убеждениями. Но число их было невелико, как, впрочем, невелико было вообще число добровольцев в дружине. Да и инициаторы вначале не помышляли о создании крупной воинской части⁵⁰, рассчитывая исключительно на чехов и словаков, австрийских подданных, так как русские подданные несли воинскую повинность в обычном порядке. Военные власти, давая разрешение на формирование особых чешских подразделений, преследовали прежде всего политические цели. «Формирование означенных частей, — писал начальник штаба Верховного главнокомандующего начальнику штаба Юго-Западного фронта 14 августа 1914 г., — производится главным образом из политических соображений, имея в виду, что при действиях наших войск в пределах Австрии части эти разобьются на отдельные партии, дабы стать во главе чешского движения против Австрии»⁵¹. В связи с этим русский Генеральный штаб и предписывал, чтобы чешские формирования считались не боевыми частями, а «объединением пропагандистов в интересах русской армии»⁵². Однако вплоть до вступления в пределы Австро-Венгрии чешские части, по предложению В. Вондрака и Л. Тучека, главной своей задачей поставили «как можно более всесторонний (всеобъемлющий) шпионаж и детальное выяснение, как размещены, какова численность и сосредоточение передовых частей и каково состояние тыла австрийской армии»⁵³. Согласно инструкции Генерального штаба, командование формируемой чешской воинской частью должно было быть поручено русскому офицеру, не менее трети командного состава ее также должны были составить русские. За политическую благонадежность рядовых чехов должны были поручиться чешские организации.

К осени 1914 г. дружина была сформирована. Она насчитывала 903 человека, из них 26 офицеров, в основном русских, 744 рядовых чеха и словака и 133 русских нестроевых солдата⁵⁴. Дружина была распределена между пятью пехотными дивизиями III армии Юго-Западного фронта, образовав при каждой из них особые разведывательные команды.

В дальнейшем, когда III армии генерала Радко Дмитриева пришлось вести бои против частей германской армии, чешские подразделения были переданы VII, VIII и XI армиям, против которых действовали австро-венгерские войска.

Команды чешских дружинников выполняли задания разведывательного характера как на передовых позициях, так и в тылу противника. Одновременно они несли и службу связи, охраны штабов, сопровождали в тыл пленных, нередко помогали при реквизициях продуктов, ловили дезертиров, участвовали в обысках и облавах, т. е. использовались для несения полицейской службы в прифронтовых районах⁵⁵.

⁵⁰ В предписании о формировании чешской дружины от 20 августа 1914 г. указывалось: «В настоящее время предполагается, что добровольцев явится около 540 чел., и потому проектируется сформировать дружину двухротного состава» (Е. Mašín. *Ceská Družina*. Praha, 1922, str. 103).

⁵¹ Центральный государственный военно-исторический архив (далее — ЦГВИА), ф. 4067, оп. 1, д. 2985, л. 4.

⁵² «Za svobodu. Obrázková kronika československého revolučního hnutí na Rusi 1914—1920» (далее — «Za svobodu»), д. I. Praha, 1926, str. 43.

⁵³ J. P a p o u š e k. *Carské Rusko a naše osvobození*. Praha, 1927, dok. № 3, str. 56.

⁵⁴ «Za svobodu», д. I, str. 38.

⁵⁵ Е. Mašín. Указ. соч., стр. 81—82.

Однако особенно эффективной была их агитационная работа в неприятельской армии, чему способствовали антиавстрийские и антивоенные настроения, широко распространенные среди солдат многочисленных славянских частей австро-венгерской армии. Наиболее значительным своим успехом командование чешской дружины считало организацию перехода на сторону русских войск весной 1915 г. двух батальонов 28-го Пражского полка (1100 солдат и 21 офицер), происшедшего, как доносил русским властям В. Вондрак, после нескольких дней переговоров, ведущихся разведчиками чешской дружины⁵⁶, а в дальнейшем значительного числа солдат 18, 21, 36 и 98-го полков австро-венгерской армии. Русское военное командование ценило агитационно-разведывательную и другого рода службу чешских подразделений на фронте, что усиленно использовалось, и первоначально с известным успехом, чехословацкими буржуазными деятелями в Киеве, Москве и Петрограде.

В этот период разрозненные чешские и словацкие культурно-просветительные и благотворительные общества, кружки, комитеты постепенно приобретали характер политических организаций. В заявлениях, записках и меморандумах руководителей чешских и словацких землячеств формулировались первые программные политические положения. Одновременно предпринимались шаги к объединению и созданию единого центра, руководящего чехословацким движением в России. Уже в заявлении представителей московской чешской колонии 7 августа 1914 г. во время аудиенции у царя в Кремле была в общих чертах сформулирована программа, которая впоследствии стала знаменем наиболее реакционного крыла чехословацких буржуазных политиков в России. Исходя из неизбежности и необходимости «освобождения и объединения Россией всех славян», этот первый программный документ выражал пожелание, чтобы «свободная и независимая корона святого Вацлава засияла в лучах короны Романовых». Эта же мысль была высказана и во время второй аудиенции у царя в Петрограде 4 сентября 1914 г. О. Червеным, выступившим от имени четырех чехословацких организаций — московской, петроградской, киевской и варшавской. Однако за этим внешним единством уже в первые месяцы войны можно заметить скрытую борьбу различных чехословацких буржуазных политических групп, фракций и течений в России.

Споры вызывали вопросы организации и тактики движения, внешне-политической ориентации и будущего государственного устройства. Совместное заявление четырех организаций 4 сентября было плодом компромисса, достигнутого под нажимом бывшего русского консула в Праге Жуковского на совещании, проходившем в конце августа — начале сентября в Петрограде. И хотя политические концепции различных групп еще не определились с полной ясностью, сохранившиеся документы и другие свидетельства дают возможность проследить их зарождение и развитие. И. Куделя утверждает, что уже тогда «москвичи» (С. Коничек, Л. Тучек) понимали чешский вопрос как вопрос исключительной компетенции русского правительства, в то время как некоторые представители петроградской чешской колонии (Ю. Клецанда) считали его вопросом международным и, хотя они исходили из приоритета России как основного вершителя судеб славянства, принимали во внимание и позицию ее западных союзников⁵⁷. Различные мнения высказывались и

⁵⁶ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 544, лл. 48—51.

⁵⁷ J. Kudela. Указ. соч., стр. 342.

о форме будущего государственного устройства чешских и словацких земель.

С одной стороны, выдвигалась старая панславистская концепция в ее чистом виде — концепция «всеславянского государства под главенством России», предусматривавшая присоединение славянских областей Австро-Венгрии к России как автономных частей (причем Чехии и Словакии отдельно)⁵⁸. Ей противопоставлялась идея создания самостоятельного конституционного чешского (или чехословацкого) королевства с представителями дома Романовых на троне и образование федерации славянских государств⁵⁹. Высказывались мнения о желательности выборности чешского короля, существовали расхождения и по религиозным вопросам. Все это делает понятным нарочитую туманность и неопределенность первых официальных документов, создававшую возможность различного их толкования.

На упомянутом выше совещании в Петрограде был создан подготовительный комитет, в задачу которого входил созыв съезда чешских и словацких обществ в России и выработка устава будущей чехословацкой политической организации. Весьма показательным является состав этого комитета. В него вошли В. Червёный — совладелец известной фабрики музыкальных инструментов, Ф. Дедина — совладелец фабрики сельскохозяйственных орудий и Ф. Пауль — собственник машиностроительного завода. Первоначально предполагалось создать будущий руководящий центр под названием «Совет чехов в России», но после «консультаций» с правительственными органами он получил название «Союз чешских (в дальнейшем — чехословацких) обществ в России». 10 декабря 1914 г. министерство внутренних дел утвердило устав союза, целью которого объявлялось «объединение всех проживающих в России чехов для развития национального сознания, любви и преданности славянству и его защитнице России, для создания чешской дружины добровольцев для сбора средств жертвам войны и для обеспечения вдов, сирот и калек-воинов, сражавшихся в русской армии. После окончания войны союз ставит себе целью содействие культурному и экономическому развитию и объединению всех славян»⁶⁰. Таким образом, политические цели создаваемой организации в этом документе, прошедшем редакцию царских чиновников, формулировались еще более расплывчато, чем ранее.

22—26 февраля 1915 г. в Москве состоялся съезд чехословацких обществ. В нем участвовали 34 делегата от 11 организаций, насчитывавших около 1350 членов⁶¹. Съезд принял решение о создании чехословацкого войска и политическую декларацию, сформулированную в духе предшествующих программных документов. «Самостоятельное Чехословацкое государство, — говорилось в ней, — во главе которого должен стать король славянский, может удержаться лишь в полном единстве со всем славянским миром, особенно же с Россией, своей великой заступницей»⁶². На съезде местонахождением правления союза был избран

⁵⁸ «Мы уверены, — заявил сотруднику газеты «Новое время» С. Коничек, — что Россия станет во главе объединения славян и что всероссийский государь император станет монархом объединенного славянства» («Новое время», 22.VII 1914).

⁵⁹ Эту точку зрения отстаивал Ю. Клецанда в секретной записке в министерство иностранных дел 9 февраля 1915 г. (АВПР, ф. Особый политический отдел, д. 216, лл. 9—10).

⁶⁰ АВПР, ф. Особый политический отдел, оп. 474, д. 222, л. 2.

⁶¹ Крупнейшими из них были: Чешский комитет в Москве (256 членов). Благотворительное и просветительное общество Я. А. Коменского в Киеве (323 члена), Чешское вспомогательное общество в Петрограде (360 членов), Чехословацкая беседа в Варшаве (219 членов) (J. K u d e l a. Указ. соч., стр. 347).

⁶² «Za svobodu», d. I, str. 109.

Петроград, военной комиссии — Киев и ревизионной — Москва. В соответствии с этим и сами руководящие органы были составлены из лиц, проживавших постоянно в этих городах. Председателем правления союза стал Б. Чермак (директор бельгийской табачной фабрики «Гаванера», член правления нефтяного общества Ахвердов и К⁰), товарищем председателя — Я. Моравец (совладелец писчебумажной фабрики), секретарем — Ю. Клецанда (помощник библиотекаря славянского отдела библиотеки Академии наук) и членами — А. Вельц (старшина Петроградского биржевого комитета, владелец торгового дома в столице) и Ф. Рейф (доверенный завода военно-походного снаряжения «Жюль Миллер») ⁶³. Военную комиссию возглавили В. Вондрак (миллионер, владелец имения в Волынской губернии и гостиницы «Прага» в Киеве, губернский гласный Волынского земства) и Л. Тучек (представитель младоболеславского автомобильного завода «Лаурин и Климент» в Росии) ⁶⁴.

С самого начала правление Союза и его военная комиссия начали действовать не только самостоятельно, но зачастую вопреки друг другу. При этом характерно, что если царские военные и гражданские власти до известной степени шли навстречу Союзу, стремившемуся расширить свою пропагандистскую и военно-разведывательную антиавстрийскую деятельность, то всякие попытки чехословацких организаций приобрести хотя бы частичную самостоятельность в организационных, финансовых, а тем более внешнеполитических вопросах, заручиться конкретными политическими обязательствами царского правительства на будущее — встречали решительный отпор.

В начале 1915 г. чехословацким организациям удалось добиться для чехов и словаков — австрийских подданных — некоторых льгот: было разрешено не выселять их из Петербурга, а позднее вообще не выселять из мест их жительства ⁶⁵. В конце 1915 г. для них было сделано изъятие из распоряжения о наложении секвестра на недвижимое имущество подданных враждебных государств. Им был разрешен доступ к замороженным в начале войны денежным вкладам в банках. Уже в конце 1914 г. в ответ на просьбу военной комиссии о зачислении в дружину добровольцев из числа военнопленных было разрешено набирать их, но лишь непосредственно в прифронтовой полосе и при условии ручательства за их политическую благонадежность ⁶⁶. Позднее было разрешено и привлечение (в ограниченных размерах) военнопленных-специалистов на чешские предприятия Киева и отдельные фабрики и заводы в других местах, работающие на нужды войны ⁶⁷, так же как в хозяйства чешских коло-

⁶³ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 545, л. 63.

⁶⁴ АВПр, ф. Дипломатическая канцелярия, оп. 617, д. 93, л. 121.

⁶⁵ Председатель правления Союза чехословацких обществ телеграфировал министру внутренних дел еще 11.VI 1915 г., что «из многих местностей правление Союза получает известия о поголовном выселении чехов и словаков в отдаленные губернии вследствие их австрийского паспорта» (ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 11, д. 864, л. 11).

⁶⁶ Этот шаг военной комиссии был обусловлен тем, что уже в конце 1914 г. слабый приток добровольцев из числа чехов и словаков австро-венгерских подданных совершенно иссяк. Поэтому Л. Тучек, помощник командира чешской дружины, сначала просил начальника штаба Верховного главнокомандующего посылать в дружину не только чехов и словаков — австрийских подданных, но и русских подданных, попавших в другие части, а вслед за этим военная комиссия начинает привлекать и военнопленных. Однако и среди них нашлось немного добровольцев. С 15 декабря 1914 г. до 1 февраля 1915 г. лишь 248 военнопленных выразили желание поступить в дружину (ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 324, л. 24; ф. 2067, оп. 1, д. 2985, л. 61).

⁶⁷ Так, правление Союза добилось в конце декабря 1915 г. разрешения сосредоточить на военном заводе Русско-балтийского общества в Таганроге военнопленных чехов и словаков в количестве, превышающем установленную норму в 15% от общего количества рабочих. К зиме 1916 г. из 7 тыс. занятых здесь рабочих и служащих 1852 были

нистов Волынской губернии. Однако попытки чешских деятелей добиться разрешения под руководством Союза чехословацких обществ формировать самостоятельные национальные воинские части и «признать заветные чешские надежды», за которые 15—20 тыс. чехов и словаков будут сражаться вместе с русской армией, не встретили поддержки. В этом отношении характерна реакция правительственных кругов на переданную правлением Союза вскоре после съезда (31 марта 1915 г.) докладную записку в Совет министров. В записке содержалось предложение о формировании «особого войска» из военнопленных чехов и словаков. Наряду с просьбой освободить желающих вступить в армию из плена, представить Союзу денежный заем и право «моральной и политической ответственности», правление хотело, чтобы царское правительство заявило, что не будет препятствовать «признанию независимости самостоятельного чешско-словацкого государства, если таковая будет провозглашена». Эту свою последнюю просьбу правление сопровождало весьма характерным примечанием о том, что считало бы такое заявление «лишь формулировкой возможных отношений в будущем и отнюдь не обязательством или обещанием со стороны императорского правительства возобновить самостоятельность чешско-словацкого государства», и цинично добавляло, что «правлению Союза оно необходимо для более успешного набора среди пленных»⁶⁸.

23 апреля против этого проекта высказался министр юстиции Щегловитов, вслед за этим — министр иностранных дел Сазонов, начальник штаба Верховного главнокомандующего Янушкевич и военный министр Сухомлинов. Все они указывали, что как с формально-правовой, так и с военной и тем более государственно-политической точки зрения Россия не заинтересована в создании такого независимого и сильного войска и тем более в предоставлении широких полномочий Союзу. Они утверждали, что вполне достаточно и того, что военнопленным чехам и словакам разрешено вступать в дружину «при условии гарантии их благонадежности». При этом юрисконсульская часть министерства иностранных дел заявила, что предложение Союза является «настолько несерьезным, что едва ли заслуживает подробного рассмотрения»⁶⁹, а Сухомлинов категорически утверждал, что «русское общество... в достаточной мере утомлено освободительной деятельностью, имевшей неоднократно место в течение всего прошлого столетия; положение же, принятое при настоящих событиях болгарским правительством, приводит к убеждению в политической бесполезности принесенных Россией жертв»⁷⁰. Наиболее четко мотивировал свою позицию Сазонов: «В виды нашего правительства, — писал он, — не может входить связать себя какими-либо формальными заявлениями в отношении национальных вожеланий чехов, так как никакие политические интересы наши не дают основания стеснять подобными заявлениями нашу свободу действий в будущем»⁷¹.

Кроме туманных намеков Николая II представителям чешских обществ во время аудиенции, весьма сомнительного с точки зрения достоверности заявления Сазонова чешской делегации, посетившей его 15 сентября 1914 г.⁷², не менее туманных обещаний о «помощи чешскому

чехи и словаки, главным образом из числа военнопленных, переброшенных из концентрационных лагерей Туркестана («*Naše revoluce*», г. VIII, sv. 4. Praha, 1932, str. 431).

⁶⁸ АВГР, ф. Особый политический отдел, д. 215, лл. 32—34.

⁶⁹ Там же, л. 38 об.

⁷⁰ Там же, л. 43.

⁷¹ «Международные отношения в эпоху империализма», серия III, т. VII, ч. 2, стр. 465.

⁷² В протоколе, составленном чешской делегацией, посетившей Сазонова 15 сентября 1914 г., записано, что Сазонов заверил ее, что «если господь бог даст победу русскому

народу от святой Руси в борьбе против угнетателей», содержащихся в воззвании Верховного главнокомандующего «К чешскому народу» (середина декабря 1914 г.), — нет никаких свидетельств о стремлении царской России официально определить свое отношение к будущему чешских и словацких земель. Впрочем чехословацкие буржуазные политики считали, по свидетельству Штейдлера, эти заявления (и особенно заявление Сазонова) «гранитной основой и наилучшей гарантией» своих надежд⁷³. Осторожность царской России вполне понятна. Расчленение Австро-Венгрии не входило в военные планы союзников России. Англия и Франция боялись усиления влияния России в Центральной Европе в случае создания на территории Австро-Венгрии самостоятельных славянских государств. Кроме того, они опасались присоединения немецких областей Австрии к Германской империи. Французский и американский капитал опасался серьезных материальных потерь в случае уничтожения Австро-Венгерской монархии⁷⁴.

Царское правительство считалось с возможностью как расчленения Габсбургской монархии, так и ее сохранения в более или менее приемлемых для себя формах. Царская дипломатия видела две возможности решения чешского и словацкого вопросов после расчленения двуединой монархии. Во-первых, создание самостоятельного Чешского (или Чехословацкого) монархического государства, связанного с Россией персональной или реальной унией. Во-вторых, включение чешских и словацких земель как автономных королевств или вице-королевств в будущую Славянскую империю Романовых. В случае же сохранения Австро-Венгрии планировалось создание автономного Чешского королевства в рамках триединой монархии Габсбургов, ослабленной и уже не являющейся союзницей Германии. При этом предполагалось присоединение Галиции к России. Эту минимальную программу высказал Сазонов союзным послам осенью 1914 г.

Таким образом, целью России, а также ее союзников вопреки многократным заявлениям чехословацких буржуазных политиков, вовсе не было предоставление действительной независимости угнетенным народам Австро-Венгрии и, в частности, чехам и словакам. Их целью был военный разгром центральных держав, и одним из средств для достижения этого являлось использование чехословацкого национального движения при помощи буржуазных политических организаций и их лидеров.

6 мая 1915 г., собрав превосходящие силы на узком участке фронта, австро-германские войска прорвали оборону русских армий в районе между Горлицей и Тарновом. Русские войска вынуждены были отступить из Галиции и Буковины. Германские войска успешно наступали в Прибалтике и Польше. Неудачи на фронте, дипломатические провалы (осенью Болгария выступила на стороне центральных держав), хозяйственная разруха в тылу, разоблачение аферы военного министра Сухоминова, слухи о планах сепаратного мира, вынашиваемых при дворе, —

оружию, то обновление полностью самостоятельного чешского королевства находится в согласии с намерениями русского правительства, что этот вопрос обсуждался еще до начала войны и в принципе был решен в смысле, благоприятном для чехов» («*Za svou bodu*», d. I, str. 37).

⁷³ F. VI. Steidler. *Ceskoslovenské hnutí na Rusi*. Praha, 1922, str. 6.

⁷⁴ Уже в 1903 г. почти треть общей суммы иностранных вложений в Австро-Венгрии составляли французские (см. В. И. Ленин. Тетради по империализму. М., 1939, стр. 509). Американский капитал предоставлял австрийскому правительству крупные кредиты, в частности, в обмен на нефтяные концессии в Галиции. Только перед войной Австрия получила в американских банках заем в 125 млн. долларов (В. Край. Указ. соч., стр. 60).

все это активизировало оппозиционные круги русской буржуазии. Буржуазная оппозиция объединяет свои силы в «прогрессивном блоке» (август 1915 г.) и выступает с требованием создания правительства из людей, «пользующихся доверием страны». Стремление разбогатевшей на войне, экономически и политически усилившейся русской буржуазии мобилизовать народное хозяйство и «оздоровить» правительство для успешного ведения войны было поддержано значительной частью чехословацких буржуазных политиков в России.

Летом 1915 г. правление Союза чехословацких обществ ходатайствует перед Генеральным штабом о разрешении организовать для нужд военной промышленности массовый набор добровольцев-специалистов среди военнопленных чехов и словаков. Чехословацкие предприниматели просят предоставить им более широкую возможность участия в снабжении русских войск. Члены московского Чешского вспомогательного общества ходатайствуют перед правительством о предоставлении в их распоряжение одного из «бездействующих железоделательных и машиностроительных заводов для постройки железнодорожных вагонов, для производства снарядов, телег и иных принадлежностей снаряжения»⁷⁵. Чехословацкие политические деятели все более и более концентрируют свое внимание на массах военнопленных чехов и словаков, разбросанных по сотням лагерей Европейской и Азиатской России.

Использование военнопленных для работы в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве с начала войны практиковалось всеми воюющими государствами. В России, производительные силы которой были истощены и подорваны неоднократными мобилизациями основных контингентов трудоспособного мужского населения, уже в конце 1915 и особенно в 1916 г. военнопленные наряду с женщинами и подростками стали основным резервом пополнения рабочей силы. Это относилось как к промышленности (в том числе и работающей непосредственно на войну), так и особенно к сельскому хозяйству.

Сопоставление имеющихся в нашем распоряжении сведений дает основание утверждать, что за годы войны в России оказалось около 2 млн. военнопленных⁷⁶.

⁷⁵ Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (далее ЦГАОР), ф. 579, оп. 1, д. 2125, л. 2.

⁷⁶ Приведем некоторые, на наш взгляд наиболее заслуживающие внимания, общие данные о количестве военнопленных в России. Первая группа сведений основана на материалах Главного штаба и Центральной коллегии о пленных и беженцах, вторая исходит из иностранных источников.

В 1925 г. Центральное статистическое управление в сборнике «Россия в мировой войне 1914—1918 гг.» опубликовало таблицу «Движение численности иностранных военнопленных, взятых с начала войны по 1 сентября 1917 г. (по данным б. Главного штаба)», согласно которой из общего числа 1 961 333 военнопленных 159 390 было германских, 1 736 764 — австро-венгерских, 64 509 — турецких и 670 — болгарских (стр. 41, табл. 33). В соответствии с другой, не опубликованной таблицей, озаглавленной «Сведения об общем количестве неприятельских военнопленных, находящихся в России на 1 мая 1918 года» (ЦГВИА, ф. 13554, оп. 6, д. 25, л. 7), пленных солдат и офицеров германской армии было 183 268, австро-венгерской — 1 815 469, турецкой — 47 775, болгарской — 145. Всего 2 046 657 человек.

В сводке статистико-справочного отдела Центроэваку о состоянии и движении пленных и беженцев (от 1 апреля 1920 г.) говорится: «...Общее число иностранных военнопленных, бывших у нас в плену, исчисляется в 1 972 156 человек. Из них германцев — 186 347, австро-венгерцев — 1 876 038, болгар — 183, турок — 50 078», т. е. всего 2 112 646, что превышает первоначально названную общую цифру на 140 490 человек (ЦГВИА, ф. 13554, оп. 6, д. 11, л. 200). Эльза Брандстрем (дочь шведского посла в России) в своей книге «Unter Kriegsgefangenen in Russland und Sibirien 1914—1920» (Leipzig, S.16) приводит следующие данные: пленных солдат и офицеров германской армии — 167 082, австро-венгерской — 2 104 146, турецкой — 950, болгарской — 200. Всего 2 322 378 человек.

В современной чехословацкой историографии также не существует общего мнения по этому вопросу. Так, например, И. Веселый считает, что в России было не менее 400 тыс. военнопленных чехов и словаков (из них около 100 тыс. словаков). В. Краль склонен считать их количество равным приблизительно 300 тыс. человек. В. Вавра признает более близкой к действительности цифру около 250 тыс. человек (из них около 30 тыс. словаков)⁷⁹. Возможно, что военнопленных словаков действительно было больше 30 тыс., однако и нам представляется, что общее число чехословацких военнопленных не превышало 200—250 тыс. человек⁸⁰.

Выступая на заседании комиссии по военным и морским делам IV Государственной думы в марте 1916 г., представитель военного министерства генерал Беляев отмечал, что первоначально военнопленные не назначались на работы, имеющие непосредственное значение для обороны, а использовались в сельском хозяйстве. Однако уже осенью 1915 г. «ввиду крайнего недостатка рабочих рук на заводах» началось широкое привлечение военнопленных во всех отраслях хозяйства. Первым с ходатайством о предоставлении военнопленных для работ обратилось к военному министерству министерство путей сообщения еще в ноябре 1914 г., а затем министерство торговли и другие ведомства и организации. Осенью 1914 г. было разрешено использовать военнопленных на строительстве железных дорог частными обществами, в 1915 г. для работ на частных промышленных предприятиях. Уже к сентябрю 1915 г. только во внутренних военных округах на работах находилось 556 644 военнопленных⁸¹. «Во избежание создания конкуренции русским рабочим,— отмечал в своем докладе генерал Беляев,— было постановлено, что количество военнопленных не должно превышать 15% числа рабочих. Однако число русских рабочих так сократилось, что о конкуренции не могло быть и речи»⁸². Поэтому ограничительные нормы числа пленных для каждого предприятия были отменены. При этом следует отметить, что если первоначально на работах «как наиболее благонадежные» использовались преимущественно военнопленные славяне, то в 1916—1917 гг. труд военнопленных всех национальностей получил самое широкое распространение. Во второй половине 1916 г. количество занятых на различных работах военнопленных достигает миллиона, а к концу 1916 и в первой половине 1917 г. превышает 1,5 млн. человек.

Изменение численности военнопленных, занятых на различных работах во внутренних военных округах (Московском, Казанском, Омском,

sovětské vztahy v letech 1918—1922. Praha, 1957, str. 59), следует, что в декабре 1917 г. в России было 120 415 чехов и словаков, из них словаков 23 005. Неясно, однако, идет ли здесь речь об общем количестве чехов и словаков в России или только о военнопленных.

⁷⁹ J. Veselý. První strana československých komunistů. «Tvorba», 1958, № 23, str. 538; В. Краль. Указ. соч., стр. 53; В. Вавра. Указ. соч., стр. 66.

⁸⁰ Известный интерес представляют сведения, приведенные в книге Э. Брандстрем. Она указывает, что в течение 1919—1921 гг.: из России было репатрировано более 230 тыс. чехословаков, в том числе 60 тыс. легионеров. Кроме того, в числе 726 тыс. военнопленных австро-венгерской армии, вернувшихся на родину сразу же после заключения Брестского мира (1918—1919 гг.), так же, очевидно, было значительное количество чехов и словаков (E. Brandström. Указ. соч., стр. 198, 236). По более точным сведениям, из Сибири в Чехословакию было репатрировано 67 730 человек (из них 56 459 солдат и офицеров и 11 371 гражданских лиц). Среди них было значительное количество русских, польских, сербских и других белогвардейцев, бежавших от наступающей Красной Армии вместе с чехословацким корпусом (R. Raše. Evakuace. «Cyklus předpašek», str. 506).

⁸¹ ЦГВИА, ф. 13354, оп. 3, д. 575, лл. 1—4.

⁸² АВПР, ф. Дипломатическая канцелярия, оп. 617, д. 86, лл. 28—29.

Иркутском, Приамурском и Туркестанском) и в прифронтовых районах, иллюстрирует приведенная таблица⁸³.

Дата	Количество военно- пленных	Размещение
1915 г.		
1 сентября	556 644	Во внутренних военных округах
1916 г.		
1 января	571 249	»
1 марта	608 096	Во внутренних военных округах и прифронтовых районах
1 апреля	648 792	»
1 мая	581 446	Во внутренних военных округах
1 сентября	984 604	»
1 декабря	1 689 317	Во внутренних военных округах и прифронтовых районах
1917 г.		
1 января	1 382 298	»
1 апреля	1 648 317	»
1 мая	1 104 744	Во внутренних военных округах
1 июля	1 000 241	»
1 сентября	1 134 069	»

В 1915—1917 гг. около полумиллиона военнопленных, т. е. $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{2}$ всего количества военнопленных, находившихся на работах, использовались в сельском хозяйстве, остальные на строительных работах (до 200 тыс.) и в горнодобывающей промышленности (200—300 тыс.). В четырех основных каменноугольных бассейнах России (Донецком, Уральском, Подмосковном и Западно-Сибирском) в первой половине 1917 г. военнопленные составляли в среднем около 27% всех рабочих, в металлургической промышленности юга России — около 26%, в железорудной — около 60%, в горнозаводской промышленности Урала — около 30% и на добыче торфа — около 28% (в Центральном промышленном, Самарском и Воронежском районах)⁸⁴. По неполным данным анкеты Особого совещания по обороне (1917 г.), военнопленные составляли более 10% рабочих на предприятиях, непосредственно работавших на войну. В Сибири труд военнопленных также использовался очень широко (здесь, как и на Урале, была основная масса крупнейших концентрационных лагерей⁸⁵), однако статистических данных об их использовании почти нет.

⁸³ ЦГВИА, ф. 13554, оп. 3, д. 575, лл. 1—4; 30; ф. 2003, оп. 2, д. 550, лл. 17, 58; АВПР, ф. Дипломатическая канцелярия, оп. 617, д. 86, л. 29; «Статистика труда», 1918, № 2—3, стр. 31—32.

⁸⁴ В Петроградском и Центральном промышленных районах число военнопленных на промышленных предприятиях военного значения было относительно невелико (1,4—1,5%), так же как на Кавказе. В этих районах они в основном использовались на торфоразработках, строительных работах, заготовке дров и лишь отчасти в стекольно-керамической, цементной, текстильной и угледобывающей промышленности. Сведения по Средней Азии почти совершенно отсутствуют, хотя известно, что в разное время здесь было размещено в 30 лагерях до 200 тыс. военнопленных (Е. Brandström. Указ. соч., стр. 85).

⁸⁵ В Европейской России находились многочисленные мелкие лагеря (от 2 тыс. до 10 тыс. человек), в Сибири — крупные, в которых одновременно содержалось до 35 тыс. военнопленных (Е. Brandström. Указ. соч., стр. 45).

Значительное количество военнопленных находилось в распоряжении фронтов, на строительстве дорог и укреплений (в конце 1916 — начале 1917 г. — около 400—550 тыс.), 70—80 тыс. военнопленных строили Мурманскую железную дорогу⁸⁶. Царское правительство, как и правительства других воюющих держав, рассматривало военнопленных как свою военную добычу, которой можно бесконтрольно распоряжаться. Никакие международные конвенции не были препятствием для беззастенчивой и всеобъемлющей эксплуатации миллионов людей, оказавшихся в плену. Военнопленные фактически были отданы на произвол местных военных властей, комендантов лагерей и охраны, частных предпринимателей и подрядчиков, которые (и об этом прекрасно были осведомлены центральные власти) не думали выполнять правил, распоряжений и инструкций, в обилии рассылаемых центральными учреждениями и должностными «регулировать» содержание военнопленных как в лагерях, так и на различных работах. По официальным данным военного ведомства, в 1914—1915 гг. военнопленные в лагерях довольствовались наравне с русскими нижними чинами⁸⁷, но с апреля 1916 г. нормы питания были значительно снижены⁸⁸. Первоначально военнопленные, используемые на работах, не получали никакой платы. Принудительный труд их был малопродуктивным и нередко, как справедливо заметил Ю. Н. Кирьянов⁸⁹, труд неквалифицированных военнопленных обходился частным предпринимателям дороже труда низкооплачиваемых русских рабочих. «За редким исключением, — писал в отчете за 1915 г. старший фабричный инспектор Тверской губернии, — большинство военнопленных всякими способами стараются уклониться от работы... не берегут и бросают выданные им инструменты... У товарищества Тверской мануфактуры было много военнопленных, которые... совершенно отказывались работать или так работали, что их работа была безусловно убыточной»⁹⁰. Все это, с одной стороны, содействовало тому, что было решено «для поддержания рвения рабочих и поощрения наиболее усердных»⁹¹ ввести денежное вознаграждение, но, с другой стороны, стремление сделать труд военнопленных как можно более дешевым привело к резкому ухудшению их снабжения и условий содержания на работах.

Как свидетельствуют документы Отдела по эвакуации и заведованию военнопленными Главного управления Генерального штаба, царское правительство распорядилось выдавать военнопленным плату при использовании их на работах по военному ведомству по усмотрению местных военных властей, однако не выше 10% существующей в данном районе оплаты дневного труда для данной категории русских рабочих. При привлечении же их на работы гражданскими ведомствами и частными лицами заработная плата определялась местными властями согласно местным расценкам, причем из этой заработной платы вычиталась стоимость их содержания и окарауливания, на руки выдавалось не более

⁸⁶ Об использовании труда военнопленных см. «Материалы к учету рабочего состава и рабочего рынка», вып. 2. Пг., 1917, стр. 18, 22, 23, 28, 48, 66, 116, 120, 121, 124; «Статистика труда», 1918, № 2-3, стр. 31—32; А. Рашин. Формирование рабочего класса России. М., 1958, стр. 81; Е. Grandström. Указ. соч., стр. 177; «Борьба классов», 1935, № 3, стр. 55; Ю. Н. Кирьянов. Влияние первой мировой войны на изменение численности и состава рабочих России. «Вопросы истории», 1960, № 10, стр. 94—95; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 550, лл. 17—18, 58; ф. 13554, оп. 3, д. 575, л. 30; д. 576, л. 1.

⁸⁷ АВПР, ф. Дипломатическая канцелярия, оп. 617, д. 86, л. 29.

⁸⁸ ЦГВИА, ф. 13554, оп. 3, д. 575, л. 8; ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 14, д. 449, л. 5.

⁸⁹ Ю. Н. Кирьянов. Указ. соч., стр. 94.

⁹⁰ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 19, д. 38, л. 79.

⁹¹ АВПР, ф. Дипломатическая канцелярия, оп. 617, д. 86, л. 29.

50 коп., а все остальное поступало в доход казны⁹². Многочисленные официальные документы свидетельствуют, что массовое применение труда военнопленных оказалось чрезвычайно выгодным, особенно на казенных лесных, гидротехнических мелиоративных, дорожных и других работах, так как «давало возможность,—как указывалось в докладной записке от 22 июня 1915 г. Главного управления землеустройства и земледелия,—понизить обычную стоимость работ в некоторых районах даже до 50%...»⁹³. Что же касается сельскохозяйственных работ, то в специальной справке Комитета по землеустроительным делам подчеркивалось, что, поскольку заработная плата военнопленных в полтора-два раза ниже обычной для местных сельскохозяйственных рабочих, «располагать военнопленными за низкую плату оказывается выгоднее, чем нанимать свободных рабочих» не только крупным, но и средним и мелким земле-владельцам⁹⁴.

Официальные документы центральных правительственных учреждений царской России не отражают действительного положения военнопленных в лагерях, рабочих командах, на промышленных предприятиях и в сельскохозяйственных работах, на строительстве дорог, мостов, каналов. Значительно более близкую к действительности картину рисуют докладные записки, ходатайства и рапорты от различных благотворительных и национальных обществ и организаций. В качестве примера можно привести рапорт военной комиссии Союза чехословацких обществ главному начальнику Киевского военного округа от 10 декабря 1915 г. Указывая на «полную беззащитность военнопленных, отпускаемых на работы в частные и общественные предприятия», на стремление предпринимателей «использовать эту беззащитность и эксплуатировать попавших в их руки славян самым беззастенчивым образом», военная комиссия констатировала, что заработную плату получают военнопленные лишь на единичных предприятиях, а в большинстве им платят рубль в одну-две недели и везде бесконтрольно вычитают за обувь, белье, платье, доски для нар и т. д., питание же в большинстве случаев сдается на откуп подрядчикам⁹⁵, которые всеми средствами стараются сократить и ухудшить его, «дабы нажиться на своем подряде возможно больше». В другом рапорте, от 25 декабря 1915 г., приводилась жалоба военнопленных, занятых на строительстве окопов в прифронтовой полосе, в которой указывалось, что у пленных нет белья, нет возможности мыться и стирать, работают они и в воскресенье с 3 часов утра, у них нет верхней одежды, а на работу их «гонят без брюк, в одних исподних, несмотря на мороз». Платы военнопленные не получают, их обворовывают подрядчики и охрана, «у них нет тарелок и чашек, хлебают пищу прямо из котла, стоя на коленях в снегу». Согласно акту специальной комиссии, осматривавшей помещение военнопленных чехов, работающих в Киевской вой-

⁹² Размер отчислений части заработной платы военнопленных в казну был снижен с $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{4}$ «для облегчения», как указывалось в записке военного министра Поливанова от 13 августа 1915 г., углепромышленным и горнопромышленным предприятиям «возможно широкого использования труда военнопленных» (ЦГИАЛ, ф. 1278, оп. 7, д. 405, л. 27; ЦГАОР, ф. 1235, оп. 78, д. 84, л. 17).

⁹³ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 11, д. 784, л. 3.

⁹⁴ Там же, д. 783, л. 34.

⁹⁵ Не лучше обстояло дело и в том случае, если «кормовые деньги» выдавались пленным на руки. В докладе заведующего делопроизводством о военнопленных московскому губернатору указывалось, что военнопленные, находящиеся на работах в карьере для прокладки шоссе Вороново — Борщеве, обратились к нему с жалобой, что выдача им на руки денег для покупки пищи «при теперешней дороговизне и отсутствии в продаже продуктов первой необходимости ставит их подчас в безвыходное положение... Были случаи, когда военнопленные... должны были остаться без всякой пищи» (ЦГАОР Московской обл., ф. 176, оп. 1, д. 72, лл. 46—47).

сковой управе (29 декабря 1916 г.), было обнаружено, что белье военнопленных совершенно износилось, спят они на голых нарах, верхнего платья у многих нет, сапоги изношены, брюки изорваны, питьевой воды нет, помещение грязное, обращение начальства плохое⁹⁶.

В литературе уже известна специальная записка генерала Брусилова от 24 декабря 1916 г. на имя генерала Алексеева, составленная на основе материалов, представленных ему Русским народным советом Прикарпатской Руси и правлением Союза чехословацких обществ в России. Факты, приведенные в ней, имели целью обрисовать незавидное положение военнопленных славян в противовес якобы благополучному положению плененных немцев, австрийцев и венгров. Естественно, что в действительности дело обстояло скорее наоборот, однако это не уменьшает ценности фактов, изложенных в записке. Брусилов констатировал, что военнопленные славяне «оказались в положении рабов, голодных, босых, полуголых, нередко больных, вынужденных нести непосильный труд и выносить бесчеловечное обращение... работы, на которые они наряжаются, тяжелы и обставлены такими пагубными условиями, так негигиеничны, что славяне-пленные не только страдают, но гибнут там без счету... санитарные условия в лагерях не выдерживают никакой критики».

На строительстве Мурманской железной дороги около половины военнопленных умерло от цынги. В Тоцком лагере из 16 тыс. славян более 6 тыс. умерло от тифа, в Троицком лагере из 4,5 тыс. умерло от тифа более половины. «В лагерях Туркестана благодаря злоупотреблениям администрации половина плененных славян умерла от тифа, малярии, дизентерии и цынги»⁹⁷. В 1915 г. эпидемии, главным образом тифа, свирепствовали в 40 лагерях, в 1916 г. — в 52 (особенно в Тоцком лагере, в лагерях Екатеринославской губернии, в Сретенске и в Омском круге⁹⁸), в 1917 г. — в 33⁹⁹. В Канском лагере в течение двух месяцев (март — апрель 1915 г.) из 1200 плененных, загнанных в конюшню для 30 лошадей, умерло 1120 человек¹⁰⁰. Когда в августе 1917 г. было проведено специальное расследование причин и последствий эпидемии тифа в Тоцком лагере, то выяснилось, что из-за крайне неудовлетворительных санитарных условий, недостатка питания и одежды, перегруженности лагеря (600—700 человек в одном бараке) от эпидемии, длившейся почти год, умерло почти 8 тыс. военнопленных. При этом характерно, что по просьбе МИД, опасавшегося международного скандала в связи с тем, что в свидетельствах о смерти военнопленных «в подавляющем большинстве случаев отмечается брюшной и сыпной тиф», начальник Генерального штаба отдал 3 сентября 1915 г. распоряжение, чтобы впредь в свидетельствах «приводились причины смерти без указания на тиф, а просто на желудочные заболевания с обозначением их колитом и энтеритом». Лишь категорический протест рядовых русских врачей заставил военное ведомство в феврале 1916 г. отменить это распоряжение¹⁰¹.

Не умножая более примеры, мы приведем в заключение лишь один факт, доложенный генералом Беляевым в комиссии по военным и морским делам Государственной думы. «Невнимание местных властей, — заявил Беляев, — доводит иногда военнопленных до ужасных бедствий. Так, например, было в Харьковской губернии на станциях Алмазной и

⁹⁶ ЦГВИА, ф. 1759, оп. 3, д. 447, лл. 2, 10—11, 19.

⁹⁷ Н. Каржанский. Чехословаки в России. М., 1918, стр. 18—21.

⁹⁸ АВПР, ф. Дипломатическая канцелярия, оп. 617, д. 86, л. 30 об.

⁹⁹ А. А. Мюллер. В пламени революции. Иркутск, 1957, стр. 9; ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 136.

¹⁰⁰ И. Шнейдер. Указ. соч., стр. 56.

¹⁰¹ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 14, д. 449, лл. 1, 7, 8, 30.

Алчевской, где по просьбе горного ведомства были устроены запасы военнопленных для надобностей частных горнопромышленников Донецкого бассейна. Вследствие сокращения выработки угля, вызванного затруднением железнодорожных перевозок, требований на труд военнопленных в действительности не поступало. На упомянутых станциях на военнопленных никто не обращал внимания, и сараи, где они жили, постепенно превращались в склады трупов»¹⁰².

Все вышешложенное, однако, может быть правильно понято лишь в том случае, если принять во внимание, что положение русских военнопленных в Германии и Австро-Венгрии, как свидетельствуют многочисленные документы, было в такой же, если не в большей, степени бедственным. Нельзя, далее, упускать из виду, что условия жизни значительной части трудящихся России в годы войны зачастую мало чем отличались от условий жизни военнопленных. Разумеется, следует различать отношение к военнопленным официальной России и простых людей труда, видевших в них прежде всего такие же жертвы войны, какими являлись они сами и их близкие.

Царское правительство сознательно стремилось разобщить военнопленных, изолировать их от населения России и противопоставить ему. В привилегированном положении находились офицеры (повышенное денежное содержание, особые лагеря или бараки, освобождение от работ и т. п.). Сознательно и настойчиво разжигалась вражда между славянами, с одной стороны, немцами, австрийцами и венграми — с другой. В то же время чехи противопоставлялись словакам, поляки — украинцам и т. п.¹⁰³ Немало было положено усилий для того, чтобы использовать военнопленных как штрейкбрехеров и доносчиков и таким образом противопоставить их рабочему классу России¹⁰⁴. Эксплуатируемые, забитые, разобщенные массы военнопленных нередко поддавались националистической агитации, иногда провоцировались на конфликты с военнопленными других национальностей, а в ряде случаев становились и невольными штрейкбрехерами. Однако все большее число военнопленных постепенно становилось на путь сначала стихийной, а потом и организованной борьбы против режима безудержной эксплуатации.

В начале мая 1916 г. министр внутренних дел Штюрмер созвал совещание губернаторов центральных губерний России с целью получить информацию о положении в стране. На основе материалов совещания Штюрмер составил «всеподданнейшую записку» царю, в которой отмечал, что губернаторов чрезвычайно беспокоит, наряду с волнениями крестьян и фабричных рабочих, ростом оппозиционных настроений буржуазии, также и поведение военнопленных, «...которые ведут себя

¹⁰² АВПР, ф. Дипломатическая канцелярия, оп. 617, д. 86, л. 30. Больные, обмороженные, голодные и раздетые военнопленные назначались на самую черную и тяжелую работу. «...за последнее время, — сообщало Главное управление Генерального штаба 24 декабря 1916 г., — от ведомств стали поступать заявления, что в числе командированных им на работы пленных оказываются больные и совершенно к труду не приспособленные, причем число таковых в среднем составляет около 15%, а бывают партии, где оно превышает 50%» (ЦГАОР Московской обл., ф. 176, оп. 1, д. 68, л. 5).

¹⁰³ В одном из докладов Главного управления Генерального штаба указывалось, что «в видах политических... признано необходимым распределять военнопленных по национальностям: славян и дружественно расположенных национальностей размещать в Московском, Казанском, Омском и Туркестанском военных округах, а немцев и венгров — преимущественно в Иркутском и Приамурском и только в случае недостатка мест отчасти в Омском и Туркестанском военных округах. Во всяком случае, указанные группы должны были размещаться отдельно одна от другой... Режим был неодинаков, сообразно с национальностью» (ЦИАЛ, ф. 1276, оп. 14, д. 449, л. 3).

¹⁰⁴ Одним из условий освобождения чехов и словаков из лагерей и направления на работы в промышленные предприятия, работающие на войну, министерство внутренних дел поставило требование информировать власти о настроениях русских рабочих.

распущенно, дерзко и при малейшей возможности изыскать повод отказываются от исполнения назначаемых им работ». Губернаторы в один голос утверждали, что «отказ от работ — явление заурадное». И причина этого, по их мнению, заключалась лишь в том, что они не располагают возможностью применять против военнопленных меры более строгие, чем арест. «Единственной действительной мерою совещание признало введение телесного наказания», как это практиковалось в арестантских исправительных отделениях и каторжных тюрьмах, причем совещание требовало предоставить такое право не только военным, но и гражданским властям, а чтобы избежать юридических осложнений, предварительно причислить проявляющих сопротивление военнопленных к разряду штрафных, т. е. «юридически опороченных», и затем применять к ним телесные наказания¹⁰⁵.

Отказ военнопленных от работ, главным образом по причинам плохого питания, незаконных вычетов, отсутствия одежды, — явление широко распространенное, очевидно, уже в конце 1916 и в самом начале 1917 г. Об этом свидетельствуют даже материалы Московской губернии, где военнопленных было относительно немного. 27 декабря 1916 г. забастовали военнопленные, производящие рубку леса в Измайловском удельном имении, за что были подвергнуты строгому аресту; 12 января 1917 г. военнопленные, работавшие в санатории «Крюково», «в дерзкой форме отказались от работы»¹⁰⁶; 13 января, требуя освобождения своих арестованных товарищей, забастовали военнопленные, работающие на фабрике товарищества Озерской мануфактуры¹⁰⁷; 7 января военнопленные, работавшие в имении графини Бобринской, отказались от работ, «указывая на то, что их почти не кормят»; в феврале бастовали военнопленные на фабрике товарищества Франц Рабенек (с. Болшево), протестуя против несправедливых вычетов¹⁰⁸; в имении губернского секретаря Сергеева (дер. Сиротино), где им четыре дня не давали хлеба¹⁰⁹; на строительстве шоссе Варшава — Боршево и в других местах. Об этом с беспокойством доносили губернатору исправники, полицейские надзиратели, начальник жандармского управления, а командующий войсками Московского округа, сообщая 16 февраля 1917 г. губернатору о том, что «во многих предприятиях время от времени происходят забастовки пленных, каковые отражаются на общем ходе работ по обороне государства», настоятельно просил пресекать их в корне и заставлять пленных работать, не останавливаясь перед принятием самых жестоких репрессивных мер¹¹⁰. Еще в первой половине 1916 г. председатель совета Съезда горнопромышленников юга России в докладной записке министру торговли и промышленности высказывал мысль о том, что увеличение числа пленных на предприятиях явится одним из средств для «предупреждения возникновения забастовок». Тогда нередко, особенно во времена крупных забастовок, военнопленных действительно использовали как невольных штрейкбрехеров¹¹¹, но уже в конце 1916 г. военнопленные участвовали в забастовках совместно с русскими рабочими на предприятиях Урала, Донбасса, в Серпухове, Надеждинске, Старой Русе, в Тверской и Иваново-Вознесенской губерниях, на строительстве Мурманской железной дороги и даже в восстании 1916 г. в Средней Азии¹¹².

¹⁰⁵ «Красный архив», т. 33, стр. 148, 156—157.

¹⁰⁶ ЦГАОР Московской обл., ф. 176, оп. 1, д. 68, лл. 3, 9.

¹⁰⁷ Там же, л. 27.

¹⁰⁸ Там же, лл. 35, 83.

¹⁰⁹ Там же, лл. 72, 77.

¹¹⁰ Там же, л. 68.

¹¹¹ Ю. Н. Кирьянов. Указ. соч., стр. 94—95.

¹¹² ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 51, лл. 2—3.

Обстановка в концентрационных лагерях и на принудительных работах создавала, казалось, благоприятную почву для агитации за добровольное вступление в национальные воинские формирования, тем более, что специальные агенты-вербовщики не гнушались никакими средствами для привлечения добровольцев, используя угрозы и обещания. Вербовщики, отмечает в своих воспоминаниях В. Найбрт, встречая в распределительных лагерях только что попавших в плен чехов и словаков, «в черных красках рисовали тяжелые условия лагерной жизни и в розовых тонах расписывали свободу, благополучие и изобилие, существующие в дружине, являвшейся частью русской армии»¹¹³. Одновременно, свидетельствует другой очевидец, они не забывали упомянуть, что «те, которые не пойдут в армию, пойдут в Сибирь»¹¹⁴.

И хотя следует признать справедливость замечания одного из бывших военнопленных, что «мороз, голод, тиф и другие болезни были там (в лагерях.— А. К.) лучшими союзниками Антанты»¹¹⁵, однако значительного успеха агитация за вступление чехословацких военнопленных добровольцами в действующую русскую армию не имела. «Вероятно десятки тысяч,— констатировал В. Найбрт,— прошли летом 1916 г. через Дарницу и десятки тысяч были отправлены на работы в другие лагеря. Набрано же было для дружины, для армии — несколько сотен»¹¹⁶. Военнопленные неохотно шли в чехословацкие воинские части и предпочитали, чтобы вырваться из лагерей, добровольно идти на различные работы, в том числе и на военные предприятия. Показательно, что если до апреля 1916 г. правление Союза чехословацких обществ получило 20—25 тыс. заявлений от желающих поступить на военные предприятия¹¹⁷, то до начала февраля 1916 г., как свидетельствует рапорт Тучека и Реймана начальнику штаба Верховного главнокомандующего, поступило лишь около 300 заявлений от военнопленных, изъявивших желание вступить в чехословацкий стрелковый полк¹¹⁸, причем действительно вступило только 65 человек¹¹⁹. Из 2500 человек, числившихся в чехословацкой бригаде¹²⁰, не менее трети были русскими офицерами и солдатами, остальные же в большинстве являлись или австро-венгерскими подданными, фактически вынужденными вступить в чехословацкие полки, или чехами и словаками — русскими подданными, мобилизованными в армию и направленными для прохождения службы в эти части¹²¹.

При ответе на вопрос, чем объяснялась такая, по сравнению с общим количеством чехов и словаков, оказавшихся в России, относительно незначительная численность чехословацких воинских частей, следует учитывать целый ряд разнообразных обстоятельств. Прежде всего необходимо отметить, что наивное славянофильство, руководившее значительной частью чехов и словаков, добровольно сдававшихся в плен русским войскам, очень быстро выветривалось в концентрационных лагерях и на принудительных работах. У основной массы военнопленных, только что избежавших смерти на поле боя и измученных войной, разо-

¹¹³ V. Najbrt. Berezovka. Z zajateckého tabora do řad legií. Praha, 1924, str. 30.

¹¹⁴ Čecho-slováci ve válce a v revoluci, str. 41.

¹¹⁵ V. Kaplický. Gornostaj. Praha, 1955, str. 21.

¹¹⁶ V. Najbrt. Указ. соч., стр. 30.

¹¹⁷ В. Лазаревский. Указ. соч., стр. 37; F. V. Šteidler. Указ. соч., стр. 19.

¹¹⁸ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 324, л. 238.

¹¹⁹ «Za svobodu», d. II, str. 138.

¹²⁰ Первый чехословацкий стрелковый полк в середине января 1916 г. насчитывал 1597 человек, второй стрелковый полк в начале июня 1916 г. — 839 человек («Za svobodu», d. I, str. 230, 392).

¹²¹ Куделя утверждает, что из 1976 чехов и словаков — русских подданных, вступивших в бригаду до мая 1917 г., настоящих добровольцев было не более 120 человек, а остальные мобилизованы (J. Kudela. Указ. соч., стр. 397).

чарование сменялось глубокой политической апатией, а у наиболее активных из них вызывало стихийный рост недовольства господствовавшими в царской России порядками. Последнее создавало, с одной стороны, благоприятные условия для буржуазно-националистической прозападной агитации сторонников Чехословацкого национального совета, а с другой — являлось благоприятной почвой для роста антивоенных, революционных настроений. В то же время ни одно из этих обстоятельств не способствовало приливу добровольцев в чехословацкие части, тем более что среди военнопленных был широко известен панславистский, монархический и клерикальный дух, господствовавший в них. Не следует также забывать, что многих останавливали и те последствия, которые грозили добровольцам и их семьям в случае, если они попадали в руки австрийских властей. Для военнопленных — выходцев из буржуазных кругов и представителей интеллигенции — далеко не последнюю роль играло и то, что вольноопределяющиеся, а зачастую и бывшие офицеры запаса австро-венгерской армии зачислялись в чехословацкие части рядовыми. В этом смысле показательно, что в сербские национальные части, формирующиеся в России, чехи и словаки — вольноопределяющиеся и офицеры шли с большей охотой, чем в чехословацкие, так как там им гарантировались или офицерские должности, или поступление в офицерские школы. Из 800—1000 добровольцев чехов и словаков в сербском корпусе половину составляли бывшие офицеры¹²².

Однако важнейшей причиной, тормозившей расширение чехословацких воинских формирований, являлось противодействие русских правящих кругов. Царское правительство в первые годы войны не испытывало острой нужды в людских резервах для армии. С точки зрения внутриполитической, создание крупных чехословацких национальных формирований было «дурным примером» для угнетенных народов России, а с внешнеполитической — царское правительство опасалось ответного шага австрийского и германского правительств, т. е. создания в рядах их армий польских, украинских и других национальных формирований. Кроме того, широкое участие чехословацких частей в военных действиях как на Восточном, так и на Западном фронтах могло вынудить царское правительство к определенным политическим уступкам, заставить более серьезно считаться с требованиями чехословацких буржуазных политиков и создавало широкие возможности для закулисных политических интриг западных союзников России.

В дальнейшем, когда военные круги начали склоняться к более широкому привлечению военнопленных чехов и словаков в воинские части, этому воспротивились русские промышленники и крупные землевладельцы, испытывавшие острую нужду в рабочих руках. И военные власти вынуждены были считаться с этим. Правда, в начале февраля 1916 г. чешская дружина была переименована в чехословацкий стрелковый полк, а в середине апреля было получено разрешение генерала Алексева начать формирование чехословацкой стрелковой бригады. Однако по сравнению с теми возможностями, которые существовали в России, следует признать, что мероприятия русских властей по формированию чехословацких воинских частей были чрезвычайно ограниченными и осторожными.

Неудаче широко задуманных руководящими чехословацкими кругами мероприятий по созданию национальной армии и массовому привлечению военнопленных чехов и словаков на работы в военные предприятия, кроме противодействия русских властей, способствовала и внутренняя

¹²² J. Cermak: *Věrnost za věrnost. Čechové v srbské divisi v Dobruždi v r. 1916.* Praha, 1921, str. 10.

борьба различных направлений и группировок в чехословацких организациях, особенно обострившаяся в 1916 г. Внешне казалось, что споры между ними вызывали лишь вопросы тактики, форм организации и методов руководства движением, а зачастую даже чисто личные симпатии и антипатии. Однако в действительности сущность противоречий лежала глубже. Борьба группировок в чехословацком буржуазно-националистическом движении в России, получивших в литературе весьма условные названия «киевской» и «петроградской», была отражением внутриполитической борьбы в правящих классах России и империалистических противоречий в лагере Антанты. Внешнеполитическая ориентация разделяла чешских деятелей на «западников» и «русофилов». Эти последние в свою очередь были далеко не однородны. На крайнем правом фланге стояли такие ярые монархисты, сторонники создания славянской православной империи во главе с Романовыми, как киевский фабрикант Ф. Дедина, богатый владелец хлебопекарни В. Зивал, журналист и владелец книгоиздательства «Славия» С. Коничек-Горский, профессор В. Штепанек, бывший председатель чешского общества в Болгарии инженер Ф. Краль. За их спиной стояли виднейшие представители черносотенно-монархических кругов России — Распутин, Штюрмер, Бобринский, Протопопов и др.

Им противостояла либерально-монархическая группировка кадето-октябристского толка, так называемый чехословацкий «прогрессивный блок» (В. Вондрак, Л. Тучек, В. Швиговский и др.). Эта группировка во многом солидаризировалась со сторонниками Масарика, но пыталась отстоять известную самостоятельность от Чехословацкого национального совета в делах, касающихся чехов и словаков — русских подданных. Деятели этого направления были связаны с буржуазными русскими и украинскими оппозиционными кругами, с думским «прогрессивным блоком», Союзом земств и городов и др. И хотя социальной базой обеих группировок русофильской ориентации были прежде всего зажиточные чехи и словаки — русские подданные, но они все более стремились найти массовую базу также в среде военнопленных. Западники-масариковцы, рекрутировавшие своих наиболее последовательных сторонников в мелкобуржуазной среде националистически настроенных военнопленных (Б. Чермак, Ю. Клецанда, Б. Павлу и др.), до февраля 1917 г. не имевшие, естественно, возможности говорить во весь голос и зачастую официально выступавшие еще более лояльно по отношению к царским властям, чем прочие, отличались гораздо большей политической ловкостью и демагогической разносторонностью, чем их политические противники. Им ближе всего по духу были русские буржуазные и мелкобуржуазные партии от кадетов до трудовиков и меньшевиков-оборонцев.

Уже в ноябре 1915 г. чешские организации, объединившиеся вокруг военной комиссии, находившейся в Киеве, потребовали созыва нового съезда. Но правление Союза в Петрограде отказало. Начавшая выходить в Петрограде под редакцией Б. Павлу новая газета «Чехословак» начала нападать на военную комиссию, обвиняя ее в самоуправстве и нарушении устава. Тогда киевская оппозиция возобновила издание своей газеты «Чехослован»¹²³ (редактор Швиговский), и спор был перенесен на страницы печати. Под нажимом оппозиционных групп правление Союза вынуждено было уступить и созвать съезд.

Состоявшийся в Киеве 25 апреля — 1 мая 1916 г. съезд Союза чехословацких обществ окончился победой оппозиции и возглавлявшей ее военной комиссии. Местом пребывания нового правления Союза (предсе-

¹²³ Издание ее было временно прекращено из-за материальных затруднений в конце 1914 г.

датель Вондрак, заместитель Орсак¹²⁴, члены Вольф, Индржишек¹²⁵, Тучек) был определен Киев. Съезд постановил создать чехословацкую армию и признал необходимым освобождать военнопленных из лагерей, лишь имея в виду последующую их мобилизацию в армию¹²⁶ или использование на работах. Было решено ввести подоходный, так называемый национальный налог, причем обложению подлежали не только все виды собственности и доходы колонистов, но и зарплата военнопленных. При всем том, что споры, казалось, не выходили из рамок чисто организационных вопросов, следует отметить и некоторые политические моменты, проявившиеся в ходе съезда. Новый устав, в отличие от старого, гласил, в частности, что Союз чехословацких обществ в России учреждается «для содействия созданию самостоятельного чешско-словацкого государства на основании полного равноправия и координации этих двух братских народов, для набора и организации чешских и словацких войсковых частей к совместной работе с русской армией...»¹²⁷. Кроме того, съезд отправил в Париж телеграмму, в которой говорилось о признании Чешского заграничного комитета «верховным органом политической деятельности»¹²⁸.

Съезд показал, что в стремлении политически и организационно теснее связать чехословацкое движение в России с эмигрантскими организациями в других странах Антанты не было особой разницы между старым (петроградским) и новым (киевским) руководством Союза чехословацких обществ. Еще до съезда Б. Чермак от имени Союза специальной телеграммой выразил доверие Масарику. Подпись Чермака стояла и под опубликованным в Париже заявлением Чешского заграничного комитета, объявившем о решимости бороться за «самостоятельное Чехословацкое государство». Орган старого правления союза «Чехословак» еще с осени 1915 г. осторожно, но настойчиво начал пропагандировать деятельность Масарика, а в номере от 5 ноября сообщил, что Масарик «встал во главе» политического сопротивления за границей. Все это вызвало резкий отпор прежде всего со стороны правого, монархического и панславистского крыла чехословацких политических деятелей в России. Дедина, Зивал и другие выступили против либералов, «апостолов Масарика», как они именовали «киевлян» (Вондрака, Тучека и Швиговского) и «петроградцев» (Клецанду и Павлу), призывали отвергнуть решения съезда, признавшего руководство «Масарика и масариковцев»¹²⁹. Московские единомышленники Дедины, руководители московского Чешского комитета и Словацко-русского общества памяти Штура (Конишек, Штепанек, Грабье и др.) выступили в русской реакционной прессе¹³⁰ с протестом против «сепаратистских тенденций» киевского съезда. Заявляя, что нынешнюю

¹²⁴ Я. Орсак — словак, купец первой гильдии, совладелец торгового дома «Братья Орсак».

¹²⁵ Г. Индржишек — миллионер, владелец крупнейшего в России завода грампластинок, пивоваренного завода, совладелец ряда каменноугольных шахт, вагоностроительного завода, позднее директор Чехословацкого кредитного банка в Киеве.

¹²⁶ «Петроградцы», т. е. сторонники старого правления Союза, демагогически выступали против принципа обязательной службы освобожденных военнопленных в армии и настаивали на необходимости добиваться освобождения военнопленных независимо от их желания или нежелания служить.

¹²⁷ АВПР, ф. Особый политический отдел, оп. 474, д. 222, л. 21.

¹²⁸ По примеру чешской колонии в Париже, отказавшейся в пользу этого комитета (в дальнейшем Чехословацкого национального совета) от самостоятельных выступлений политического характера (АВПР, ф. Особый политический отдел, оп. 474, д. 226, л. 59).

¹²⁹ Из листовки Дедины «Земляки» от 15 мая 1916 г. (АВПР, ф. Особый политический отдел, оп. 474, д. 204, лл. 201—202).

¹³⁰ «Московские ведомости», 1.V 1916.

войну следует считать войной «не только за всеславянское освобождение, но и за объединение под главенством России», они отвергали «всякое вмешательство западных держав в дело славян» и всякие компромиссные проекты¹³¹, препятствующие «освобожденным народам и государствам вступать в одно союзное всеславянское государство под главенством России». Для борьбы за эту программу они призывали всех «русо-славян», «всеславян», «славянофилов» и «панславистов» объединиться «против сепаратистов и масариковцев». Это заявление было сочувственно прокомментировано русскими черносотенными газетами и поддержано панславистскими организациями¹³².

Используя свои связи в штабе Киевского военного округа и местных влиятельных кругах, Дедина, Зивал, Гампл и другие в июле 1916 г. основали собственное Общество чешско-русского единения¹³³, которое добилося права брать на поруки военнопленных, определять их на работу, а позднее и выдавать им справки, дающие право свободного передвижения по городу. Причем, если правление Союза брало на поруки лишь тех военнопленных, которые давали обязательство служить в армии и платить «национальный налог», то Дедина принимал их без всяких обязательств, что и обеспечило быстрый рост числа членов новой организации главным образом за счет военнопленных. Общество чешско-русского единения стало издавать свой печатный орган — газету «Славянский вестник» на русском, сербском и чешском языках. Таким образом, после киевского съезда борьба еще более обострилась. Новое правление Союза вынуждено было отражать и нападки справа, и бороться с интригами устраненных от руководства «петроградцев» и их единомышленников из числа киевских военнопленных, принятых еще старым правлением на службу в аппарат Союза. Последние создали особую организацию — Клуб сотрудников, тесно связанную с масариковцами Павлу и Клецандой через бывшего военнопленного Я. Папоушка. Но главным противником нового правления Союза было царское министерство иностранных дел, начавшее активно вмешиваться в дела чехословацкого буржуазно-националистического движения в России.

Особое внимание царского министерства иностранных дел к чехословацкому вопросу в этот период войны не случайно. Серьезные изменения в отношении к чехословацкому антиавстрийскому движению со стороны правящих кругов Антанты начинают определяться тогда, когда в политике воюющих держав намечился поворот от империалистической войны к империалистическому миру. Объективные экономические условия, содействовавшие этому повороту, заключались в сильном истощении обеих воюющих коалиций к концу 1916 г., известном пресыщении финансового капитала, нажившего миллиарды на войне¹³⁴. Инстинкт классового самосохранения, страх перед растущим революционным движением во всех воевавших странах, также вынуждал буржуазию стремиться к быстрейшему завершению войны империалистическим миром. Когда (прежде всего во Франции) стал сказываться острый недостаток людских резервов, французское военное командование и правительственные круги начинают активно поддерживать (с лета 1916 г.) усилия Чехословацкого национального совета по вербовке военнопленных в армию и для работы

¹³¹ Такими «компромиссными проектами», по их мнению, являлись проекты создания славянских государств с неславянскими династиями или нейтральных славянских государств по типу Швейцарии.

¹³² «Духом программы Масарика был пропитан весь съезд, — писало 12.VI 1916 г. «Русское знамя» — ...Вот почему мы приветствуем от души особое мнение чехов-русофилов».

¹³³ АВПР, ф. Особый политический отдел, оп. 474, д. 204, л. 199.

¹³⁴ См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 23, стр. 257.

на промышленных предприятиях, ведут переговоры с русским правительством о разрешении набора и отправки во Францию чехословацких военнопленных из России. Создание добровольческих чехословацких воинских формирований начинало приобретать в условиях всеобщей усталости от войны и роста антивоенных настроений среди солдат Антанты и пропагандистское значение, которым также не пренебрегали державы Антанты, чтобы подчеркнуть справедливый характер ведущейся с их стороны войны «за свободу малых наций». В кругах чехословацкой буржуазной эмиграции на первый план постепенно выдвигается Т. Масарик, все более явно ориентирующийся на западные державы. Выступления английской и французской печати со статьями в поддержку чехословацких эмигрантских организаций, прием Масарика французским министром иностранных дел, тревожные сообщения русских дипломатов из Лондона и Парижа о быстрой эволюции взглядов Масарика в сторону признания руководящей роли Франции и Англии в чешском вопросе, предупреждения конфиденциальных информаторов о том, что все руководство чешским движением (в том числе и в России) постепенно сосредоточивается в руках Масарика, не могли не насторожить министерство иностранных дел.

Уже 18 августа 1916 г. МИД заявляет, что считает необходимым исключить из принятого киевским съездом нового устава Союза «такие статьи, которые могли бы иметь предпрещающее значение по отношению к политическим результатам войны, или представить союзу слишком большую самостоятельность и даже возможность распространять свою деятельность за пределы России»¹³⁵. Однако особенно наглядно отрицательное отношение русских правящих кругов к политической линии правления Союза чехословацких обществ сказалось при обсуждении проекта «освобождения славян», инициатором которого выступили чехословацкие политические деятели в России, встретившие вначале известную поддержку, в частности, в высших военных сферах. 8 апреля 1916 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Алексеев обратился к царю с докладом, в котором указывал, что правление Союза чехословацких обществ возбудило ходатайство об освобождении военнопленных чехов и словаков, «доказавших свою преданность славянской идее и имеющих поручительство чешско-словацкой организации» с целью более широкого и целесообразного использования их главным образом на работах для нужд фронта. Царь выразил свое «принципиальное согласие» на освобождение славян¹³⁶. Уже 19 мая Приклонский (позднее начальник Особого политического отдела министерства иностранных дел) информирует начальника дипломатической канцелярии Ставки о точке зрения министерства по этому вопросу. Неодобрительно отзываясь о факте перенесения центра деятельности Союза в Киев, Приклонский отрицательно характеризует новое правление и его планы. Целью киевского руководства Союза, по мнению Приклонского, является бесконтрольное и абсолютное подчинение себе и, таким образом, лондонскому комитету Масарика всех чехов и словаков в России. Лондонский комитет, отмечает он, уже принял характер «революционного правительства будущей Чехии» и «совершенно ускользает или во всякое время может ускользнуть

¹³⁵ АВПР, ф. Особый политический отдел, оп. 474, д. 22, л. 27.

¹³⁶ АВПР, ф. Дипломатическая канцелярия, оп. 617, д. 86, лл. 39—40. Как следует из переписки Алексеева с военным министром (май 1916 г.), предполагалось прежде всего освободить бывших солдат 28 и 38-го чешских полков, добровольно перешедших на сторону России, славян — беженцев из Австро-Венгрии, ушедших вместе с отступившими русскими войсками, а также тех пленных славян, за лояльность которых поручатся славянские общества в России (там же, лл. 41—42).

от всякого влияния русской власти». Именно поэтому, считал Приклонский, недопустимо предоставление союзу возможности создавать свои вооруженные силы и иметь собственные материальные средства путем сбора «национального налога». Поскольку Вондрак «известен своими анти-русскими¹³⁷ и антимонархическими взглядами», а «антирусское направление» Масарика также известно, как и более чем вероятно «материальное иноземное влияние» на него, делает вывод Приклонский, политика киевского и лондонского комитетов противоречит интересам России как во внешней, так и во внутренней политике. Поэтому, по его мнению, необходимо прежде всего отменить или хотя бы отсрочить «освобождение пленных славян по рекомендации национальных комитетов» и под негласным надзором министерства иностранных дел создать в Петрограде новый чешский и словацкий (отдельно) комитеты во главе с людьми, «сочувствующими России» и материально поддерживаемыми правительством.

Эта недвусмысленная программа сосредоточения руководства чехословацким движением непосредственно в руках МИД не встретила, очевидно, сразу же поддержки военных властей. Во всяком случае 5 июня 1916 г. военный министр генерал Шуваев обратился к царю с запиской, в которой ссылаясь на предшествующую благоприятную резолюцию на докладе генерала Алексеева и вновь поднимал вопрос об освобождении славян, «за полную лояльность коих в отношении России ручаются легализованные у нас общества славян...». 27 июня царь вновь выразил свое согласие на «осуществление изложенных выше предположений»¹³⁸. Но в это время в решение вопроса вмешиваются более влиятельные силы. Об этом свидетельствует письмо царицы Александры Федоровны от 4 августа в Ставку. Распутин, пишет она царю, «спрашивает, правда ли то, что пишут газеты, что будет освобождение военнопленных славян? Он надеется, что это неправда, так как это была бы большая ошибка»¹³⁹.

Проект освобождения, в котором как о деле решенном писали и «Чехословак» и «Чехослован», был передан Особому совещанию по объединению всех усилий по снабжению армии и флота и организации тыла, потом специальному частному совещанию при Главном управлении Генерального штаба, где и находился без движения вплоть до Февральской революции, после которой вновь обсуждался Временным правительством, но так и не был никогда утвержден¹⁴⁰.

Во второй половине 1916 г. царское правительство все более беспоконили планы западных держав в отношении способов и форм разрешения чехословацкой проблемы после войны¹⁴¹. Поэтому, всемерно ограничи-

¹³⁷ В других документах Вондрак характеризуется как «украинофил» и «русофоб».

¹³⁸ Н. Каржанский. Указ. соч., стр. 14. Генерал Шуваев делает лишь одну оговорку. Он предполагает обязать всех славян, находящихся на работах, «остаться при исполнении своей работы в течение месяца со дня освобождения, дабы работодатели могли заблаговременно приискать себе заместителей освобожденных пленников».

¹³⁹ «Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II», т. II, Берлин, 1922, стр. 152.

¹⁴⁰ Выработанный правительственными учреждениями проект освобождения и использования военнопленных славян предусматривал перечисление их в разряд «трудообязанных» и привлечение в обязательном порядке к работам без права оставления работ, на которые они назначены. За «освобожденными» устанавливался надзор «как во время нахождения на работах, так и вне их». Зарплату устанавливало правительство или соответствующее ведомство. Характерно, что почти всякое вмешательство славянских обществ в вопрос о перечислении из числа военнопленных в число трудообязанных исключалось. Вопрос этот входил в компетенцию только военных властей (АВПР, ф. Особый политический отдел, оп. 474, 376, лл. 2, 6, 30—31, 43—70).

¹⁴¹ Одна из записок, составленная в министерстве иностранных дел 17.X 1916 г. и озаглавленная «Россия и Англия в вопросе о Чехословацком государстве», констатировала, что после войны «со стороны Англии, а весьма возможно и Франции, не исклю-

вая деятельность существующих в России чехословацких организаций, правящие круги России прилагали усилия к тому, чтобы противопоставить влиянию Масарика и стоящим за его спиной Англии и Франции — новый центр чехословацкого движения, руководимый русской дипломатией. В противовес Масарику и его сторонникам в России выдвигается приглашенный царским правительством в Петроград аграрий Йозеф Дюрих. Личные взгляды консервативно настроенного богатого мукомола и землевладельца Дюриха, инструкции, данные ему Крамаржем¹⁴², тот факт, что он был, как и Масарик, депутатом австрийского парламента и товарищем председателя Чехословацкого национального совета и его полная готовность действовать по указаниям царских чиновников, — все это делало Дюриха весьма удобной политической фигурой.

Мотивы, которыми руководствовалось царское правительство, приглашая Дюриха в Россию, были изложены Сазоновым в письме к генералу Алексееву 13 февраля 1916 г. Главным, по его мнению, было то, что в Чехии налицо тенденция к созданию «одной национальной чешской партии и выработке общей политической программы». Так как к этой новой группировке политических партий «с большим вниманием» относятся в союзных странах, а «политические круги Англии и Франции уже не замедлили вступить в сношение с их вожаками», то и России следовало бы установить контакт с таким «горячо симпатизирующим России» влиятельным чешским деятелем, как «глава аграрной партии» Й. Дюрих¹⁴³. О том, что Дюрих желает работать «в контакте» исключительно с русским правительством, а не с какими-либо организациями русских чехов, и, таким образом, если понадобится, его можно будет противопоставить правлению Союза чехословацких обществ, писал Сазонову русский посланник в Берне еще в мае 1915 г.¹⁴⁴ Не ошиблось министерство иностранных дел и в том, что Дюриха можно будет противопоставить Масарику. Вскоре после приезда в Россию (в начале июня 1916 г.) Дюрих заявил, что с Масариком ничем не связан и, если это понадобится, выступит открыто против него¹⁴⁵. Политическая программа Дюриха также пока вполне устраивала МИД¹⁴⁶.

Дюрих готовился к поездке в Россию с согласия Масарика, который вначале считал, что через него сможет подчинить чехословацкие организации в России руководству Национального совета. Подготовка поездки вначале не препятствовало и французское правительство, надеясь через Дюриха ускорить решение вопроса о переброске нескольких десятков тысяч военнопленных чехов и словаков во Францию. Однако уже нака-

чены попытки к созданию в Средней Европе самостоятельного и соперничающего с Россией центра славянского объединения, так сказать, Западной Славии. Такая федерация (имеется в виду федерация небольших средневропейских государств, созданных на развалинах Австро-Венгрии. — А. К.), конечно, представляла бы для нас в будущем немало затруднений... Чехо-Славия ввиду ее центрального положения, по всей вероятности, явилась бы ядром... федерации средне-европейских государств, к созданию которой по всем признакам будут стремиться наши союзники» («Красный архив», т. 33, стр. 26—27).

¹⁴² Как вспоминал позднее Дюрих, Крамарж при свидании накануне его отъезда из Австро-Венгрии в 1915 г. заявил ему: «Работайте для великой славянской империи» («Красный архив», т. 33, стр. 28).

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Там же, стр. 29.

¹⁴⁵ АВР, ф. Дипломатическая канцелярия, оп. 617, д. 93, л. 57.

¹⁴⁶ Основой ее был принцип «Русский царь как король чешский, и автономия чешского королевства». В руках короля сосредоточивалась законодательная и военная власть. Обязательным условием осуществления этой программы была, по мнению Дюриха, оккупация Чехии русскими войсками (J. P a r o u š e k. C a r s k é R u s k o... стр. 95).

нуне его отъезда и французские правительственные круги и Масарик начинают сомневаться в том, подходит ли кандидатура Дюриха для этих целей. Их опасения вызывали прежде всего неумеренные симпатии агрария к русскому царизму. Но воспрепятствовать его отъезду не представлялось возможным ввиду официального приглашения царского правительства. Поэтому компетенцию Дюриха постарались ограничить лишь областью взаимоотношений с чехословацкими организациями в России, и немедленно вслед за ним в Россию направили другого члена Чехословацкого национального совета, офицера французской службы словака М. Штефаника. Штефаник, выехавший в Россию без ведома и согласия Дюриха, как официальный представитель французских военных властей был уполномочен вести переговоры с русским правительством¹⁴⁷. Штефаник был рьяным сторонником создания чехословацкого монархического государства под эгидой Франции. По его мнению, в России из чехословацких военнопленных должна была быть создана 50—100 тысячная армия, как автономная часть французских вооруженных сил. Такая армия, переброшенная на французский фронт, могла бы в будущем обеспечить независимость чехословацкого королевства от России. Французские военные круги не поддерживали эти предложения Штефаника, так как они, по их мнению, чересчур явно были направлены против России. Ему была дана инструкция пока добиваться от царского правительства разрешения лишь дополнить русский экспедиционный корпус во Франции военнопленными чехами и словаками из России или согласия на включение их в иностранный легион. Одновременно с этим официальным заданием задач Штефаника являлся контроль за Дюрихом, чтобы в случае необходимости парализовать его неблагоприятную для Франции деятельность¹⁴⁸. В связи с этим, кроме полномочий французского правительства, Штефаник имел полномочия Чехословацкого национального совета «для совместного с Дюрихом участия в обсуждении чешских дел»¹⁴⁹, как он заявил об этом начальнику дипломатической канцелярии Ставки Базили. Однако если в действительной роли Штефаника не сразу разобрались в Ставке, а генерал Алексеев даже хотел использовать его для организации новых чехословацких воинских формирований¹⁵⁰, то министерство иностранных дел, очевидно, с самого начала не питало никаких иллюзий на его счет, несмотря на то, что Штефаник всемерно подчеркивал свою «русофильскую ориентацию». Уже 26 августа, сообщая начальнику департамента полиции Климовичу о приезде Штефаника, МИД просило установить за ним «в самой осторожной форме негласный надзор»¹⁵¹.

С приездом Дюриха борьба внутри чехословацких политических группировок в России разгорелась с новой силой. Каждая из них стремилась сделать Дюриха своим знаменем и с помощью его авторитета раздавить соперников. Этим и объясняется тот факт, что вначале все они единодушно приветствовали его приезд. Петроградская оппозиция постаралась использовать первую встречу с Дюрихом, чтобы соответствующим образом проинформировать его о деятельности киевского правления

¹⁴⁷ В телеграмме Вондраку Масарик писал, что Штефаник делегирован французским правительством для переговоров с русским правительством о чехословацком войске. Дюрих же должен заниматься лишь пропагандой среди военнопленных. «Все официальные переговоры,— подчеркивал он,— доверены Штефанику» («Čechno-slováci ve válce a v revoluci», str. 70).

¹⁴⁸ L. Holotík. Указ. соч., стр. 148—149.

¹⁴⁹ «Красный архив», т. 33, стр. 7.

¹⁵⁰ На генерала Алексеева, по словам Базили, Штефаник «произвел впечатление несомненно толкового и умного человека» (АВГР, ф. Дипломатическая канцелярия, оп. 617, д. 93, л. 96).

¹⁵¹ «Красный архив», т. 34, стр. 7.

и создать впечатление, что единственным препятствием к объединению всего чехословацкого движения в России под его руководством является Вондрак. При этом «Чехословак» подчеркивал, что приветствует Дюриха прежде всего как члена Чехословацкого национального совета и именно поэтому «полномочного представителя нашей нации»¹⁵². Правление Союза, используя свое положение официального органа, представляющего чехословацкое движение в России, с которым Дюрих только и уполномочен был вести переговоры, надеялось, предоставив Дюриху место формального руководителя и окружив его своими людьми, окончательно укрепиться и задушить оппозицию¹⁵³. Поэтому, приехав в Петроград, Вондрак заявил Дюриху, что готов уйти в отставку, передав ему свои полномочия председателя правления Союза.

Не меньшие надежды на монархиста Дюриха возлагал и Дединз со своими единомышленниками, считая его своим естественным союзником. Правление Общества чешско-славянского единения в письме министру иностранных дел 12 июля 1916 г. заявляло, что признает Дюриха «полномочным представителем народа», доверяет ему и считает целесообразным «образование чешского совета во главе с депутатом Дюрихом»¹⁵⁴.

Следует отметить, что русские власти не заблуждались по поводу той явной и тайной возни, которая началась вокруг Дюриха. Ее целью, гласил один из документов министерства иностранных дел, было стремление споривших между собой чехословацких организаций «привлечь его на свою сторону и таким образом захватить руководство чехословацким делом в России»¹⁵⁵. Именно поэтому всякие попытки подчинить Дюриха влиянию каких-либо групп и течений или ограничить его правомочия (исходили ли они от Штефаника, от правления Союза, от петроградской оппозиции, или даже от архиконсервативного Дедины) категорически пресекались МИД. Дюрих не оправдал надежд, возлагавшихся на него его соотечественниками, его взял в свои цепкие руки Особый политический отдел министерства иностранных дел. Уже эпизод с так называемым киевским пактом показал, что царское правительство не намерено упускать из своих рук благоприятную возможность полностью использовать Дюриха в своих политических целях.

После состоявшегося 16 (29) августа 1916 г. в Киеве совещания Дюриха с представителями правления Союза, в присутствии и при активном участии Штефаника был подписан документ о программных принципах деятельности чехословацких организаций в России, именуемый в литературе «киевским пактом» или «киевским соглашением». В этом документе прежде всего указывалось на стремление чехов и словаков к созданию «политически единой, неделимой и свободной нации под защитой и покровительством Антанты». Наряду с «абсолютным доверием к России» в нем говорилось и о «твердой вере в искренние и действительные симпатии» к нуждам и чаяниям «чехословацкой нации» со стороны Франции, Англии и Италии. Далее подчеркивалось, что все чехословацкие организации за границами родины признали Чехословацкий национальный совет как «единственный ответственный и компетентный» орган и что все дела военные и касающиеся военнопленных как неотъемлемая часть дипломатическо-политической деятельности изымаются из компетенции чехословацких обществ и передаются Национальному

¹⁵² «Cechoslovak», 5.VIII (22.VII) 1916.

¹⁵³ Вондрак, пишет в своей книге близко знавший его военный корреспондент «Русских ведомостей» Н. Каржанский, заявил ему осенью 1916 г.: «Мы его (Дюриха.— А. К.) объездим» (Н. Каржанский. Указ. соч., стр. 31).

¹⁵⁴ АВПР, ф. Особый политический отдел, оп. 474, д. 204, л. 199.

¹⁵⁵ J. P a r o u š e k. Carské Rusko... док. № 6С, стр. 184.

совету. Дюрих признавался представителем Национального совета в России и должен был в своей деятельности опираться на специальных сотрудников, подобранных с его согласия Чехословацким национальным советом. Союз же чехословацких обществ обязывался содействовать Чехословацкому национальному совету в осуществлении его стремлений¹⁵⁶.

Этот компромиссный документ не удовлетворил никого — ни французское правительство, ни Чехословацкий национальный совет, ни правление Союза чехословацких обществ, ни тем более царское министерство иностранных дел. Штефанику пришлось оправдываться перед Масариком и перед начальником французской военной миссии в России генералом Жаненом, указывая на то, что большего ему трудно было достичь из-за недоверия к нему русского правительства¹⁵⁷. Дюрих же в ответ на запрос министерства иностранных дел вначале оправдывался тем, что его согласие на подчинение Чехословацкому национальному совету было продиктовано лишь желанием, отнимая у Союза чехословацких обществ все его права на руководство чехословацким движением в России, «позолотить пилюлю». Когда же ему пришлось подыскивать и другие аргументы, он заявил, что документ, дескать, был неудачно отредактирован, а согласие на его подписание у него вырвали в спешке за час до отъезда из Киева, и он, сознавая свою ошибку, готов объявить «киевской пакт» недоразумением¹⁵⁸. Вскоре Дюрих, выступая публично, объявил «киевское соглашение» недействительным и добавил, что он в своих решениях не зависит от каких бы то ни было указаний, исходящих из-за границы.

Обеспечив безоговорочное подчинение Дюриха, министерство иностранных дел развернуло энергичную деятельность по созданию нового органа, руководящего чехословацким движением. Небезынтересно отметить, что Особому политическому отделу, инициатору новой, «жесткой» линии в чехословацком вопросе, пришлось преодолеть известное сопротивление влиятельных военных кругов и, в частности, генерала Алексева, сомневавшегося в целесообразности такой политики. Трудно с полной определенностью сказать, какие соображения руководили влиятельным начальником штаба Верховного главнокомандующего, когда он заставлял себя убеждать в необходимости полного устранения от военно-организационных дел сначала правление Союза чехословацких обществ и Вондрака, а затем и Национальный совет с его представителем Штефаником. Возможно, что его сдерживала близость французской военной миссии, или этот связанный с русскими буржуазно-либеральными кругами генерал не верил в дальновидность Штюмерера, Протопопова, Аверьянова и других лиц из клики Распутина, или не желал вникать в дипломатические интриги, которые плелись в Особом политическом отделе. Документы свидетельствуют, что Алексеев требовал более гибкой, «реалистической» политики в чехословацком вопросе. Он считал, что всех чехов — правых и левых, монархистов и республиканцев, русофилов и западников — следует «заставить служить целям России» и, не давая никаких конкретных политических обещаний на будущее, использовать в той мере, в какой это возможно. При этом он настаивал, чтобы их привлекали к участию в решении военно-технических и организационных вопросов, но не давали никакой внешнеполитической инициативы. Политику министерства иностранных дел он считал «чересчур партийной», негибкой

¹⁵⁶ J. P a r o u š e k. *Carské Rusko...*, док. № 31, стр. 106—107.

¹⁵⁷ L. H o l o t í k. Указ. соч., стр. 171.

¹⁵⁸ «Красный архив», т. 34, стр. 12. Интервью Дюриха корреспонденту газеты «Вечернее время».

и практически бесперспективной. Значительный интерес в этой связи представляет переписка министерства иностранных дел со Ставкой, длившаяся с начала августа до ноября 1916 г.

Сообщая Нератову о посещении Ставки Дюрихом 4 августа, Базили указывает на отрицательное отношение генерала Алексеева к идее допущения наряду с Союзом чехословацких обществ самостоятельной деятельности Дюриха, которая, по его мнению, носит «слишком партийный и произвольный» характер. Не считая правильным противопоставление Союзу какой-то новой организации, хотя он сам не был удовлетворен деятельностью Союза, генерал Алексеев высказывал мысль о необходимости вхождения Дюриха в правление Союза или создания ими одной общей организации¹⁵⁹. 25 августа Базили сообщает Нератову о том благоприятном впечатлении, которое произвел на генерала Алексеева прибывший в Ставку Штефаник, и отмечает, что «все им здесь предпринятое вполне подтверждает его желание действовать в полном согласии с пожеланиями нашего правительства и командования». Базили не увидел ничего предосудительного в «киевском соглашении» и сочувственно отнесся к предложению Штефаника дать Дюриху (так как он «уже несколько стар и слаболобен») сотрудников по соглашению с Чехословацким национальным советом. Генерал Алексеев предполагал ввести Штефаника в состав членов проектируемой им специальной комиссии по организации чехословацких частей¹⁶⁰. 25 августа Нератов телеграммой предупреждает Базили о том, что соглашение, достигнутое в Киеве, «основано на недоразумении» и поэтому не может быть «ни принято, ни одобрено»¹⁶¹.

Однако генерал Алексеев и Базили в ответных телеграммах Нератову 27 и 28 августа, хотя и признают целесообразным «использовать Дюриха как известную политическую вывеску», подчеркивают, что не доверяют ему и считают Штефаника, которого всемерно поддерживает генерал Жанен, в частности в вопросах военных и практических, более полезным¹⁶². Тогда на следующий день Нератов шлет в Ставку телеграмму, в которой категорически заявляет, что для обеспечения «дальнейшего течения чешского дела согласно интересам России» необходимо «объединение действительно преданных России чешских элементов, а не подчинение их внушающей нам сильные опасения, к тому же заграничной организации, для которой русофильство является, по-видимому, лишь временным тактическим приемом». К этому Нератов добавляет, что та роль, которую сыграл Штефаник, вырвав у Дюриха в Киеве согласие на подчинение Национальному совету, «и опасение подобной деятельности его в будущем заставляет нас желать недопущения его к чешским делам в России как бы он ни был полезен в военном отношении». Министерство иностранных дел высказывалось и против комиссии из лиц им предложенных, «ввиду заведомой масариковской их окраски»¹⁶³.

Считая, очевидно, и эти соображения недостаточно убедительными, 30 августа Нератов вновь телеграфирует в Ставку: «Согласно тайному протоколу Лондонского комитета 6 июля, текст коего в наших руках»¹⁶⁴,

¹⁵⁹ «Красный архив», т. 34, стр. 5—6.

¹⁶⁰ Там же, стр. 7—8.

¹⁶¹ J. P a r o u š e k. Carské Rusko..., док. № 35, стр. 113.

¹⁶² Там же, док. № 36, 37; стр. 113—114; АВПР, ф. Дипломатическая канцелярия, оп. 617, д. 93, л. 105.

¹⁶³ АВПР, ф. Дипломатическая канцелярия, оп. 617, д. 93, л. 107.

¹⁶⁴ Имеется в виду протокол совещания, состоявшегося в Лондоне, между Т. Масариком и представителями правления Союза чехословацких обществ в России З. Рейманом и В. Ванеком, на котором была достигнута договоренность, что вопрос о династии, как затрагивающий интересы многих держав, не будет подниматься в настоящее

все переговоры о политическом устройстве Чехии сосредоточиваются в руках Масарика, деятельность же Дюриха ограничивается исключительно агитацией среди военнопленных чехов в России под близким надзором агентов Масарика, главнейшим из которых является Стефаник»¹⁶⁵. Далее Нератов заявлял, что «государственный интерес России» требует, чтобы центр чехословацкого движения был сосредоточен не за границей, а в России, и для этого необходимо, «ограничив по возможности влияние и сферу деятельности союза в настоящем его составе, обеспечить не фиктивно, а действительно главенствующую в нем роль Дюриха под наблюдением и направляющим воздействием правительственной власти»¹⁶⁶.

Однако Алексеев продолжал отстаивать свою точку зрения, указывая на то, что Дюрих, по его мнению, лишен способностей к практической деятельности и «вождем его назвать и признать нельзя». Участие же Штефаника в вопросах военно-организационных, обещает генерал Алексеев, будет более чем скромным, ибо все дело это должно быть взято в руки военным министерством. При этом Алексеев раздраженно заявлял, что «нам разбираться в партиях чехов, ставить одних направо, на нашу сторону, других отталкивать, направляя налево, едва ли практично». Предоставляя министерству иностранных дел, если оно желает, взять на себя политическое руководство Дюрихом, Алексеев, однако, настаивал, что в делах военных «между штабом Верховного главнокомандующего и военным министерством, с одной стороны, и МИД, с другой стороны, должна быть полная солидарность, чтобы чешские деятели не видели в нас двух противоположных лагерей и не пользовались искусно этим обстоятельством...»¹⁶⁷.

В ответ на это 8 сентября Нератов препровождает Алексееву конфиденциальную записку. В первой части этого обширного документа подчеркивается тот интерес, который проявляют союзники к освободительному движению чехов и словаков, и указывается на покровительство, которое оказывают политические круги Лондона и Парижа чехословацким эмигрантским политическим организациям. Авторы записки, ссылаясь на явную тенденцию этих политических кругов забрать чехословацкое движение в свои руки, настаивают на необходимости использовать благоприятную обстановку войны для того, чтобы влияние России в послевоенной Центральной Европе оказалось преобладающим. Чехия имеет в этом смысле решающее значение. Кроме того, ее географическое положение и национальный состав, по мысли авторов записки, важны для решения Россией польского и украинского вопросов, не говоря уже о том экономическом интересе, который представляет Чехия ввиду высокого развития в ней промышленности и сельского хозяйства.

Во второй части записки излагается история Союза чехословацких обществ в России и подчеркивается, что его руководство симпатизирует Масарику и, таким образом, налицо опасность «создания в России строго дисциплинированного политического иноземного целого, послушного велениям заграничных организаций, которые и могут воспользоваться им в целях, не совпадающих с государственными интересами России». Отсюда вытекает необходимость ряда срочных мер, которые и предлагаются авторами записки в третьей ее части.

Меры эти должны были привести, во-первых, к тому, чтобы чехи и словаки, «ныне пребывающие в России, после войны, каковы бы ни были

время и для переговоров по этому вопросу с русским правительством Масарик сам придет в Россию. («Красный архив», т. 34, стр. 5).

¹⁶⁵ Так в тексте.

¹⁶⁶ АВВР, ф. Дипломатическая канцелярия, оп. 617, д. 93, л. 108 об.

¹⁶⁷ Там же, лл. 114—115.

ее конкретные результаты, служили у себя на родине проводниками русского влияния», и, во-вторых, к тому, что за Россией останется решающее слово «при разрешении выдвинутого мировой войной вопроса об устранении Средней Европы на новых началах». Для этого предлагалось всех военнопленных чехов и словаков задержать в России, полностью устранить Союз чехословацких обществ от формирования чехословацких воинских частей и привлечения военнопленных на работы для нужд войны. Во главе всего чехословацкого дела поставить Дюриха и в помощь ему создать специальный комитет из лиц, подобранных министерствами иностранных и внутренних дел¹⁶⁸.

Вслед за этим на Алексеева оказывает давление и военный министр Д. Шуваев. 6 ноября он в письме к Алексееву на основании материалов, полученных им от министерства иностранных дел, категорически утверждает, что правление Союза чехословацких обществ «вполне определенно стремится играть роль временного правительства Чешского государства» и что его члены являются последователями Масарика. Масарик же, согласно имеющейся в министерстве его конфиденциальной записке французскому правительству¹⁶⁹, не только противник русской династии на чешском престоле, но и вообще склоняется к республиканизму и предоставляет Франции преобладающую роль в будущем чехословацком государстве. «Таким образом, — делает вывод Шуваев, — проф. Масарик является представителем политической партии, явно враждебной интересам нашего государства, а посему признание его правлением Союза чешско-словацких обществ своим вождем вполне определяет тот вред, который можно ожидать от деятельности у нас названного правления». Соглашаясь с министерством иностранных дел, Шуваев считает Дюриха приемлемым кандидатом для того, чтобы возглавить какой-то орган из «вполне надежных чехов» и противопоставить его правлению Союза и Масарику¹⁷⁰.

Вслед за этим и генерал Алексеев сделал крутой поворот, высказавшись за полное устранение чехословацких организаций от формирования национальных воинских частей. Глава французской военной миссии генерал Жанен вынужден был до лучших времен откомандировать Штефаника в Румынию с тем, чтобы не вызывать излишних осложнений со Ставкой и министерством иностранных дел.

8 августа в Ставку прибыл командированный Дюрихом без согласования с правлением Союза чех, генерал русской службы Я. Червинка со своим проектом формирования чехословацких воинских частей. Проект

¹⁶⁸ АВПР, Дипломатическая канцелярия, оп. 617, д. 93, лл. 129—143. Вслед за этой запиской в министерстве иностранных дел было составлено дополнение к ней (20 октября 1916 г.), в котором рассматривались три возможных, по мнению царских дипломатов, варианта разрешения вопроса будущего устройства чешских и словацких земель: оставление их в составе Австро-Венгрии, присоединение в виде автономной области к России и, наконец, создание самостоятельного чехословацкого государства. Они считали неприемлемыми два первых варианта и склонялись к третьему, который предусматривал расчленение Австро-Венгрии, удовлетворение за ее счет территориальных претензий союзников и создание на оставшейся части самостоятельных государств, в том числе и чехословацкого с представителем русской династии во главе его. В том случае, если бы союзники воспротивились воцарению русской династии, авторы предлагали противодействовать утверждению на чешском престоле вообще какой-либо династии, связанной с великими державами, и высказывались за то, чтобы посадить на трон члена царствующего дома какого-либо мелкого государства, не заинтересованного в славянских делах, например, Бельгии (J. P a r o u š e k. Cerské Rusko... док. № 45, стр. 133—142).

¹⁶⁹ Имеется в виду меморандум «Пангерманская Центральная Европа, или независимая Чехия», поданный Масариком французскому правительству в феврале 1916 г.

¹⁷⁰ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 326, лл. 130—131.

Червинки предусматривал создание чешских частей русских войсковых соединений, причем правление Союза устранилось от всякого участия в нем. Обосновывая свой проект, генерал Червинка писал в докладе Главному управлению Генерального штаба, что «главная масса военнопленных чехов станет в русские ряды в том только случае, если организация чешских войск будет вверена нашим военным властям и самим военнопленным с чешским депутатом Дюрихом во главе»¹⁷¹. Таким образом, проект Червинки сводил на нет старый проект, представленный правлением Союза еще в марте 1916 г. и с тех пор лежавший фактически без движения¹⁷².

25 августа Алексеев на основании доклада Червинки принимает решение о целесообразности передачи дела формирования чехословацких частей Главному управлению Генерального штаба. Проект Червинки был отправлен в Главное управление Генерального штаба, где принцип предоставления всего дела формирования чехословацких частей русским военным властям и устранения от него Союза чехословацких обществ получил полное одобрение. 8 декабря проект Положения о формировании чехословацких войсковых частей был одобрен Военным советом, но вновь был задержан по инициативе министерства иностранных дел, которое настаивало на том, что формирование чехословацких частей может быть начато только после создания нового центра руководства чехословацкими организациями в России во главе с Дюрихом.

Идея создания такого нового органа принадлежала правым чешским кругам. Еще в записке от 22 июля 1916 г. Штепанек предлагал «создание нового верховного органа для чешских дел при министерстве, который был бы русским центром, противопоставленным лондонскому и парижскому»¹⁷³. Это же, как отмечалось выше, еще 12 июля предлагало правление Общества чешско-русского единения¹⁷⁴. О том, что высказанной идеей весьма заинтересовалось министерство иностранных дел, свидетельствуют многие упоминавшиеся ранее документы¹⁷⁵. 18 ноября Нератов знакомит управляющего министерством внутренних дел Протопопова с проектом устава новой организации — Чешско-словацкого народного совета. В его состав предполагалось ввести 13 человек, половина из них должна была быть назначена председателем Дюрихом и половина чехословацкими обществами, по согласованию с министерствами иностранных дел, внутренних и военным. 29 ноября Нератов одобрил доклад Особого политического отдела, в котором дело создания Чешско-словацкого народного совета ставилось на прочную материальную основу. Министерство иностранных дел испрашивало ежегодного

¹⁷¹ АВПР, ф. Особый политический отдел, оп. 474, 266, л. 6.

¹⁷² 20 октября 1916 г. Вондрак и Тучек в записке Алексею подчеркивали, что основная идея проекта правления Союза состоит в стремлении обеспечить «всемирный характер» войска, формируемого путем мобилизации всех военнопленных от 18 до 30 лет, способных носить оружие. Это войско должно было стать, согласно проекту, «военным оплотом» будущей Чехии. Они настаивали на необходимости сохранения представительства и внешнеполитической инициативы «в руках самих чехов и словаков», т. е. в руках правления Союза (J. Pároušek. *Carské Rusko...* стр. 142; «Красный архив», т. 34, стр. 15).

¹⁷³ «Красный архив», т. 34, стр. 9.

¹⁷⁴ АВПР, ф. Особый политический отдел, оп. 474, д. 204, л. 199.

¹⁷⁵ 28 августа Нератов в письме к Аверьянову между прочим указывал, что не исключена возможность возникновения наряду с Союзом чехословацких обществ и других чешских и словацких организаций, которые было бы целесообразно признать русскому правительству. 6 сентября в записке по чехословацкому вопросу министерство иностранных дел предлагало создать во главе с Дюрихом комитет из специально подобранных лиц. Наконец, в записке Шуваева 6 ноября упоминается о предложении министерства создать специальный орган из благонадежных чехов с тем, чтобы противопоставить его правлению Союза и Масарику.

ассигнования 105 800 руб., указывая одновременно, что было бы «в высшей степени нежелательно» проникновение в печать и публику сведений о назначении его ¹⁷⁶.

В середине декабря Совет министров одобряет в принципе ходатайство министерства иностранных дел об отпуске средств «для упорядочения деятельности чешско-словацких организаций» в России. Вынужденное считаться с мнением правительственных кругов, правление Союза чехословацких обществ не решилось возражать против создания дюриховского Народного совета. «Практически настроенные чехи,— замечает по этому поводу Н. Каржанский,— выросшие в условиях лояльной борьбы, не были склонны к максимализму в русском вкусе» ¹⁷⁷. Но против него выступили представители петроградской оппозиции. Указывая, что назначение председателем половины членов совета лишит этот орган доверия и поддержки не только в России, но и за границей и главным образом на родине, они настаивали на том, чтобы новый совет установил связь и согласовал свою деятельность с Чехословацким национальным советом. Следует отметить, что оппозиционная русская буржуазная пресса («Русская будущность», 25.I 1917, «Вечернее время», 9.I 1917, «Утро России», 9.II 1917) выступает с поддержкой масариковцев, критикуя министерство иностранных дел за внесение раскола в чехословацкие национальные организации, «объединенные в европейском национальном комитете с Масариком во главе» ¹⁷⁸. Но министерство иностранных дел игнорирует все протесты и упорно проводит линию на утверждение Дюриха и его немногочисленных единомышленников во главе чехословацких организаций в России.

В январе 1917 г. группирующиеся вокруг Дюриха чехословацкие деятели представляют в министерство иностранных дел документ под названием «Чешско-славянская программа». «Чешский вопрос,— гласит первый пункт программы,— решается окончательно освобождением из австрийской опеки и возобновлением бывшего независимого государственного строя земель чешской короны св. Вячеслава (Чехия, Моравия, Силезия) при одновременном включении этого государства (может быть, с некоторым увеличением и исправлением границ) в будущий союз славянских государств (всеславянское соборное государство) под главенством России». Далее указывалось, что вопрос о будущем Словакии подлежит дополнительному решению «в согласии с Россией» и подчеркивалось, что «инициатива России в этих вопросах должна быть осуществлена уже теперь не на словах, а на деле созданием компетентных славянских центральных органов в самой России, а не за границей, как до сих пор». Монархическая форма правления с русской династией во главе является, по мнению авторов программы, наиболее желательной, причем возможна или личная уния или автономия, «одинаковая с будущей Польшей».

Приветствуя создание Чешско-словацкого народного совета во главе с Дюрихом, действующего «параллельно с лондонско-парижским Национальным комитетом, а не в подчинении у него», подписавшие программу Штепанек, Краль, Цркал и Коничек настаивали на том, что этот совет должен состоять не из русских чехов, а из представителей чешской политической эмиграции, «обратившейся не на запад, а в

¹⁷⁶ Предусматривалась выплата 5 тыс. руб. Дюриху единовременно и 12 тыс. руб. ежегодно, шестерым членам совета (лишь тем, которые будут назначены Дюрихом) — по 7200 руб. в год, на издание новой газеты — 38 тыс. руб. Остальные деньги ассигновались на агитационную работу в лагерях и за границей, а также на содержание аппарата совета («Красный архив», т. 34, стр. 17—19).

¹⁷⁷ Н. Каржанский. Указ. соч., стр. 31.

¹⁷⁸ «Красный архив», т. 34, стр. 25—26.

Россию»¹⁷⁹. 10 января Совет министров одобряет устав Чешско-словацкого народного совета¹⁸⁰.

Получив сведения о деятельности Дюриха, Масарик, лишенный каких-либо возможностей эффективно воздействовать на русские правительственные круги, присылает правлению Союза телеграмму, в которой категорически заявляет, что Дюрих «не имеет права» создавать в России самостоятельный Народный совет, а лишь филиал Чехословацкого национального совета. Вслед за этим вернувшийся в конце января 1917 г. из Румынии Штефаник официально ставит в известность министерство иностранных дел, что Дюрих единогласно исключен из состава Чехословацкого национального совета. Однако министерство игнорирует заявление Штефаника несмотря на то, что генерал Жанен в специальном письме в Ставку недвусмысленно подчеркнул, что деятельность Штефаника «высоко ценится во Франции»¹⁸¹. Дюрих спешно с помощью Особого политического отдела подбирает членов нового совета и торопит правление Союза, требуя выполнения обещания назначить в него своих представителей. Лишь в начале марта Дюрих, наконец, представил в министерство иностранных дел список членов совета. Но обстановка в России уже изменилась. Февральская буржуазно-демократическая революция спутала все карты русских и чехословацких монархистов. Дюриховский совет — это дегище распутинщины — умер, едва успев родиться, несмотря на то, что формальное распоряжение о его ликвидации последовало лишь в начале апреля.

* * *

Мировая война открыла эпоху кризиса империализма. Активизировались национальные движения угнетенных народов Европы, проявившиеся в самых различных формах вплоть до попыток восстаний в тылу и на фронте. Освободительное движение славянского, в частности чешского и словацкого населения Австро-Венгрии, старались всемерно использовать в своих корыстных целях правящие круги держав Согласия. Царская Россия, с одной стороны, Англия и Франция — с другой, создают под своей эгидой руководящие политические центры чехословацкой эмиграции. Империалистические противоречия внутри Антанты определили характер и ход той подспудной борьбы, которая велась между различными группировками чехословацких буржуазных политиков антантофильской ориентации. Рассматриваемый период характеризовался упорным стремлением наиболее реакционного, панславистско-монархического направления, всемерно поддерживаемого и направляемого царским правительством, безраздельно сосредоточить в своих руках руководство чехословацким антиавстрийским движением. Социальной базой этого консервативного крыла чехословацкой буржуазной политики в России был весьма узкий слой зажиточных колонистов и эмигрантов. Военнопленные, т. е. основная масса трудящихся чехов и словаков, находившихся в России, в этот период не выступают еще как активный и самостоятельный фактор в политической борьбе, а являются пока лишь объектом усиленной политической спекуляции со стороны чехословацких буржуазных деятелей различных направлений.

¹⁷⁹ АВПР, ф. Особый политический отдел, оп. 474, д. 224, лл. 67—70.

¹⁸⁰ Устав предусматривал, что любой член совета может быть устранен, а сам совет в любое время закрыт по требованию министерства внутренних дел (Н. Каржанский. Указ. соч., стр. 29—30).

¹⁸¹ «Красный архив», т. 34, стр. 34.

И. Ф. Бэлза

**РАЗВИТИЕ МУЗЫКАЛЬНОЙ НАУКИ
В ПОЛЬШЕ И ЧЕХОСЛОВАКИИ
в 1945—1960 гг.**

Глубокие социальные изменения, которые произошли в западнославянских странах после освобождения их от фашистского гнета, обусловили расцвет национальной культуры. Развитие ее во всех областях перестало зависеть от частной инициативы и различных форм меценатства, а получило прочную основу, надежно обеспеченную государством, организовавшим исследовательские и учебные заведения, издательства, инструментальные и вокальные ансамбли, филармонии, систему радиовещания, а затем и телевидения.

Принцип «государственного музыкального строительства», провозглашенный в историческом ленинском декрете от 12 июля 1918 г. (о национализации Петроградской и Московской консерваторий), начал претворяться в жизнь не только в Советском Союзе, но и в странах народной демократии, вступивших после разгрома фашизма в новый период своей истории.

Период этот ознаменовался бурным ростом национального самосознания и в годы мужественной борьбы с гитлеровскими захватчиками и в годы радостного и свободного созидательного труда, когда после беспримерных в истории человечества жертв была завоевана победа над врагом. Деятели культуры участвовали в войне с оружием в руках, подобно погибшему у Дукельского перевала чешскому композитору-воину Виту Неедлому (1912—1945). Наряду с его именем в Чехословакии чтут имена крупнейшего моравского музыковеда Владимира Гельфerta (1886—1945), который последние шесть лет своей жизни подвергался мучениям в гестаповских застенках, молодого пражского музыковеда Зденка Немца (1914—1945), обезглавленного фашистским палачом за свою патриотическую статью о симфоническом цикле Бедржиха Сметаны «Моя родина», и многих других музыкантов, писателей, ученых — соотечественников и соратников Юлиуса Фучика.

Точно так же героическое сопротивление польского народа проявлялось не только в вооруженной борьбе, которую вели партизаны, взрывая военные объекты, эшелоны с гитлеровскими разбойниками и вооружением, расстреливая в упор врагов, ворвавшихся в страну. Народ Коперника и Шопена, Мицкевича и Словацкого стальной рукой преградил щипам свастики путь к сердцам польской молодежи, воспитывая ее на традициях великой, многовековой отечественной культуры, которую

защищали отряды как польских партизан, так и польских педагогов, так же мужественно выполнявших свой долг перед Родиной, как воины, шедшие на смерть за нее.

В числе этих педагогов были многие прославленные польские ученые, и среди них — Тадеуш Котарбинский, ныне президент Польской академии наук, читавший в то время в Радоме лекции по философии на курсах, о существовании которых не знали гитлеровцы. Для того чтобы создать представление об этом патриотическом почине, достаточно сказать, что в последний год оккупации в подпольных средних и высших учебных заведениях Польши учились свыше полутора миллионов польских детей и подростков, учились на польском языке, знакомясь с историей родной страны, с ее героическим прошлым, воплотившимся в бессмертных образах польской литературы и искусства. Руководил всей этой системой подпольного образования Чеслав Вышех, ныне маршал сейма Польской Народной Республики.

Годы борьбы с фашизмом были годами величайшего напряжения физических и моральных сил народов Советского Союза и братских славянских народов, а вместе с тем ростом того чувства национального достоинства, национальной гордости, которое запечатлелось в лучших произведениях литературы и искусства, созданных в военные и послевоенные годы, а также в работах историков и искусствоведов.

И совершенно закономерно, что преимущественное внимание западнославянских искусствоведов привлекали сокровища народного творчества, национальное классическое наследие, развитие его традиций в нашу эпоху и обогащение их новым содержанием, непосредственно почерпнутым из ее великих свершений, неразрывно связанных с высоким гуманизмом и идейно-эмоциональными устремлениями строителей социализма.

Особое значение приобрела на протяжении последних пятнадцати лет проблема справедливой, исторически достоверной оценки значения культуры славянских народов, их общности, восходящей к далекому прошлому, и связям, прослеживающимся в различных областях художественного творчества. Проблема эта разрабатывается не только в западнославянских, но и в южнославянских странах, в частности в трудах болгарского ученого академика Николы Мавродинова¹.

О тенденциозных искажениях истории мировой музыкальной культуры, допускавшихся и допускаемых буржуазными авторами с целью принижения роли славянских народов в ее развитии, уже не раз писали академик Зденек Неедлы² и другие авторитетные исследователи, опираясь на громадный фактический материал. Свыше ста лет тому назад А. Н. Серов, называя имена Шопена, Глинки, Моноюшко и Даргомыжского, подчеркивал: «Их музыка в любом произведении носит на себе ясную печать «славянизма», оттого проникнута оригинальностью, в сравнении с музыкальными сочинениями остальной Европы»³.

Серов указал на мировое значение музыкальной культуры славянских народов, проникательно отметив, в частности, ее воздействие на формирование венской музыкальной классики. Развивая основополагающий глинкинский тезис о музыке, творимой народом, Серов писал: «У многих народов существуют оригинальные народные напевы, и в этих напевах всегда кроется живительная сила для композиторов. Там, где

¹ См., например, Н. Мавродинов. Връзките между българското и руското изкуство. София, 1955.

² См., например, З. Неедлы. Бедржих Сметана. Прага, 1945, стр. 5 и сл.

³ А. Н. Серов. Избранные статьи. Русалка. Опера А. С. Даргомыжского, т. I. М.—Л., 1950, стр. 278.

песенный элемент, как у славянских племен, весьма значителен, есть надежда на богатое, самобытное развитие «новых» сторон искусства»⁴.

Не будет преувеличением сказать, что музыкальная славистика как дисциплина, без которой немислимо комплексное развитие славяноведения, сформировалась именно на протяжении послевоенного пятнадцатилетия. Основным стимулом здесь явился подъем национального самосознания славянских народов и укрепление их братского единства. В процессе формирования ее творческий опыт и высказывания мастеров славянской музыкальной классики приобрели особое значение. Пришло глубокое понимание ценности народного творчества, таящего в себе, по выражению Серова, «живительную силу для композиторов». Это понимание способствовало накоплению и изучению фольклорных материалов, запись и публикации которых в Польше и Чехословакии в наше время включены в обширную программу «государственного музыкального строительства».

* * *

Наиболее значительным достижением польской этнографии прошлого столетия явилось многотомное собрание Оскара Кольберга (1814—1890) «Народ, его обычаи, образ жизни, язык, предания, пословицы, обряды, волхования, игры, песни, музыка и танцы». Собрание это содержит громадный текстовой и мелодический материал, распределенный в основном по региональному принципу (так, например, песням Мазовии посвящено пять томов, в том числе примерно восемь тысяч мелодий). Громадное количество записей Кольберга осталось после его смерти неизданным, причем некоторую часть их опубликовал в 1891 г. Изыдор Коперницкий, предпослав подготовленному им тому очерк о жизни и деятельности Кольберга.

Собрание Кольберга, изучавшего и записывавшего, подобно Вацлаву Залескому⁵, не только польские, но и западноукраинские песни, не утратило значения вплоть до нашего времени. Руководствуясь желанием сделать капитальный труд Кольберга достоянием широких кругов польской общественности, Государственный Совет Польской Народной Республики принял в 1960 г. решение о переиздании всего собрания.

В промежутке между двумя мировыми войнами крупнейший польский музыковед, профессор (впоследствии почетный академик) Адольф Хибиньский (1880—1952)⁶ неоднократно выступал с работами и статьями, в которых указывал на огромное значение собирания отечественного музыкального фольклора и разработки подлинно научной организации записи и публикации как текстов, так и вокальных и инструментальных народных мелодий⁷. На протяжении многих лет Хибиньский вел

⁴ Там же, стр. 277—278.

⁵ Вацлав Залеский (1799—1849) под псевдонимом Wacław z Oleska издал в 1833 г. во Львове сборник «Pieśni Polskie i Ruskie Ludu Galicyjskiego», которым, как известно, пользовался Гоголь, назвавший этот сборник «очень замечательной вещью» (И. Бэлла. История польской музыкальной культуры, т. 2. М., 1957, стр. 137—150).

⁶ Очерк о жизни и деятельности Хибиньского, а также список его печатных трудов (свыше 400 названий), доведенный до 1950 г., см. в сборнике, выпущенном к 70-летию этого выдающегося ученого: «Księga pamiątkowa ku czci profesora Adolfa Chybińskiego». Polskie Wydawnictwo Muzyczne (далее — PWM), 1950. Труды Хибиньского давно уже получили заслуженное признание не только в Польше, но и в России. См., например, заметку «Адольф Хибиньский, выдающийся современный польский ученый музыкант» («Музыка и жизнь», 1911, № 3, стр. 8—10).

⁷ См., в частности, его работы: Potrzeba organizacji pracy w zakresie folkloru muzycznego. «Słowo Polskie», 1921, № 98—102; O organizację pracy nad melodiami ludowymi. «Lud», 1919, t. 21; — Śladami Oskara Kolberga. «Kurier Literacko-Naukowy», 1926, № 9.

также практическую работу в этой области, постепенно накапливая и систематизируя свои записи, отличающиеся высокой тщательностью.

Одним из итогов этой работы явилась двухтомная антология «От Татр до Балтики» (1950—1951), в первый том которой вошло 218 песен, а во второй — 125 инструментальных мелодий, записанных в различных польских землях. Используя некоторые материалы собрания Кольберга и другие источники, Хибинский включил в оба тома и часть собственных записей.

Во вступительных статьях к томам ученый остановился на важнейших задачах польской музыкальной фольклористики, указав, в частности, на необходимость обратить серьезное внимание на записи народно-инструментального творчества, включая и ансамблевое, представленное до того времени только в сборнике Ст. Мерчиньского «Музыка Подгалья», 1930.

Хибинский высказывает глубокое убеждение в том, что композитор должен изучать музыкальное творчество родного народа не «от случая к случаю», а постоянно находиться в общении с народной музыкой, проникаясь ее духом, воспринимая богатство ее мыслей, образов и средств выразительности. В качестве примеров плодотворности такого общения Хибинский ссылается на произведения Кароля Шимановского, Леоша Яначка и Бела Бартока⁸. И хотя имена основоположников русской и польской музыкальной классики не названы во вступительной статье к первому тому, но в ней отчетливо и убедительно развивается глинковский тезис о музыке, творимой народом, столь близкий и Шопену, и Сметане.

Весьма показательно, что второй том антологии посвящен памяти «великого скрипача народа подгальского Бартломея Оброхты». Это первый случай в истории музыковедения, когда эпитет «великий» был применен к народному музыканту и применен не поэтом под впечатлением дивного искусства «зачинателя игры», а мудрым ученым, глубоко постигшим опыт мировой музыкальной культуры⁹.

Принципиально важна региональная классификация, положенная в основу труда Хибинского, который отмечает исключительное значение постижения «всех мелодических типов польского фольклора» (т. I, стр. 12), а следовательно, и его ладовых и ритмических особенностей. В предисловии к первому тому, датированному сентябрем 1949 г., Хибинский сообщает, что ему известны записи около 20 тыс. народных мелодий. Через пять лет это количество уже почти утроилось. В картотеке Государственного института искусств¹⁰ было зарегистрировано свыше 55 тыс. польских народных мелодий, причем около 47 тыс. из них были заново записаны на магнитофонную пленку в живом исполнении. В последующие годы эти цифры возрастали неуклонно и стремительно, а одновременно с увеличением фонотеки института публиковались результаты его фольклорных экспедиций (почти все эти экспедиции Польское радио обеспечило новейшей звукозаписывающей аппаратурой).

Среди многочисленных музыкально-этнографических трудов Государственного института искусств выделяются сборники, подготовленные Марьяном и Ядвигой Собескими. Ядвига Собеская опубликовала первые свои работы под фамилией Петрушинская. В первый том сборника польских народных песен¹¹ вошли 133 записи текстов и мелодий, во второй, составленный Марьяном Собеским, — 142 записи.

⁸ A. Chybiński. *Od Tatr do Bałtyku*, t. I. Kraków, 1950, str. 11—12.

⁹ Десять первых инструментальных мелодий второго тома антологии Хибинского представляют собой расшифровку записей игры Б. Оброхты.

¹⁰ В 1959 г. этот институт вошел в систему Польской академии наук.

¹¹ «Wybór polskich pieśni ludowych», t. I. PWM, 1955. В этот том частично были

В обоих томах был выдержан принцип, положенный в основу антологии Хибиньского. Иными словами, сохранялась региональная классификация и отбирались песни, наиболее характерные для того или иного мелодического типа, представленного в данной классификации. При этом решались и другие проблемы, выходящие за пределы собственно музыкального фольклора, но связанные с диалектологическими особенностями текста.

Надо сказать, что проблемы эти возникали и раньше. В знаменитый восьмитомный «Словарь польского языка», известный под названием «Варшавского словаря»¹², были включены многие слова и выражения, взятые из текстов польских песен, записанных в различных областях страны. В этой работе, как и в уточнении музыкальной терминологии, большую помощь оказал сын одного из составителей словаря, выдающийся польский композитор Мечислав Карлович (1876—1909). Однако только в народной Польше комплексная работа над изучением народной песенности приобрела такой размах¹³. В эту работу включились также выдающиеся лингвисты во главе с руководителем отдела диалектологии Варшавского университета академиком Витольдом Дорошевским. В свою очередь изучение текстов польских народных песен значительно обогатило науку о языке, в чем нетрудно убедиться, перелистав хотя бы первые тома нового «Словаря польского языка», который Польская академия наук начала издавать в 1958 г. под общей редакцией Дорошевского¹⁴. Параллельно с изучением народной вокальной и инструментальной музыки развернулось собирание хореографического фольклора. Особенно интересной в этом отношении представляется нам книга Влодзимежа Котоньского о танцах подгальских горцев¹⁵. Здесь наряду с текстами и мелодиями «збуйнических» песен приведены записи народно-инструментальной ансамблевой музыки, до известной степени восполняющие тот пробел, на который указывал Хибиньский, а также даны описания танцев.

«Збуйнический» в дословном переводе означает «разбойничий». Жанр «збуйнических» песен и танцев получил поэтическое развитие в балете Шимановского «Атаманы», музыка которого основана на непосредственном изучении музыкально-хореографического материала, привлекавшего внимание композитора на протяжении многих лет. В этом жанре получили воплощение образы социального протеста, побуждавшего польских, словацких и украинских крестьян уходить в горы и бороться с помещичьим гнетом. «Збуйники» нападали на панов, зачастую отдавая захваченное у них добро беднякам, которые в свою очередь помогали «горным хлопцам» скрываться от преследований жандармерии, а иногда и регулярных войск, получавших задания «усмирять» этих отважных народных мстителей. Совершенно естественно, что в санационной Польше нечего было и думать о систематической публикации богатейшего «збуйнического» фольклора, так же, впрочем, как и других материалов, связанных с народно-освободительным движением. Польская буржуазная историография стремилась представить восстания середины прошлого столетия преимущественно как антирусские, тенденциозно извращая факты и умалчивая

включены записи, сделанные Собескими еще в период их работы в Музыкальном архиве в Познани, а также в отделе народной музыки Института народного искусства.

¹² J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki. Słownik języka polskiego. Warszawa, 1900—1927. В 1952—1953 гг. Государственный издательский институт в Варшаве выпустил фотоофсетное переиздание этого капитального труда.

¹³ Почти все польские издания народных песен иллюстрированы репродукциями произведений польского народного изобразительного искусства.

¹⁴ Второй том вышел в 1960 г., третий — в 1961 г.

¹⁵ W. Kotoński. Góralski i zbójnicki. Tańce góralskie i zbójnickie. PWM, 1956.

о том, что польский народ поднимался на борьбу не только против национального, но и против социального гнета и что в этой борьбе на сторону польских повстанцев переходили сотни, а в 1863 г. даже тысячи русских воинов.

В изучении истории польской народно-революционной песенности существуют еще очень серьезные пробелы. «Быть может, только будущее принесет решение вопросов, которые сейчас тревожат каждого фольклориста. Почему, например, на Келецких землях или в Силезии мы находим большое количество песен, отчетливо акцентирующих тему социальной несправедливости, или бунтарских песен, но почти не встречаем таких песен ни в теперешних, ни в старых собраниях Люблинщины, которая, однако, имела богатые традиции крестьянских бунтов, восстаний и забастовок», — пишут польские исследователи¹⁶.

Сборник народных песен Вармии и Мазур Марьян Собеский открывает двадцатью «песнями труда, несправедливости и нужды»¹⁷, относящихся к тяжелому прошлому польского народа. Во вступительной статье составитель сборника отмечает древность многих типов польских мелодий, в частности танцевальных, черты которых с давних пор получали развитие в творчестве как польских, так и зарубежных композиторов.

И чем более обширный материал накапливают польские и чехословацкие фольклористы, тем более неоспоримым делается мировое значение западнославянской песенности, оказавшей сильное и благотворное воздействие на творчество отечественных и зарубежных мастеров. Это относится не только богатейшему польскому танцевальному фольклору, не только к мазуркам и полонезам, ранее всего и более всего получившим распространение в Европе.

Темы тяжелого труда польского крестьянина раскрываются в записях, сделанных еще до провозглашения Польской Народной Республики, но опубликованные только в наше время. Таков, например, сборник трудовых келецких песен, подготовленный Яном Хоросиньским¹⁸. Сборник этот, изданный с учетом всех новейших требований фиксации мелодий и диалектологических особенностей текстов, показателен еще и в том отношении, что он, так же как и некоторые другие работы польских фольклористов, помогает достаточно определенно представить себе жизненное отношение польского народа и его оптимистическую мужественность, которая всегда была залогом победы в многолетней борьбе за социальное и национальное раскрепощение.

Естественно, что польские фольклористы глубоко изучают новое народно-музыкальное творчество, явившееся прямым результатом коренных изменений в жизни народа. Впервые зазвучала в польских народных песнях тема свободного созидательного труда. Ей посвящены, например, многие песни силезских горняков, созданные и записанные уже после окончания второй мировой войны и создания Польской Народной Республики¹⁹.

Новые идейно-эмоциональные стимулы обусловили значительное расширение и обогащение средств выразительности. Вместе с тем лирические и обрядовые песни прошлого продолжают бытовать в польском селе. В этом отношении музыкальный быт польского, так же как, скажем, чешского и словацкого народов, существенно отличается от музыкального быта Западной Германии, где, как жалуются фольклористы,

¹⁶ «Wybór polskich pieśni ludowych», t. I, str. 10.

¹⁷ «Pieśni ludowe Warmii i Mazur». Wybrał i opracował Marian Sobieski. PWM, 1955.

¹⁸ «Pieśni pracy ludu Kieleckiego». Zebrał i opracował Jan Chorośiński. PWM, 1955.

¹⁹ См., например, сборник: «Pieśni górnicze Górnego Śląska». Zebrał i opracował Stanisław Wallis. PWM, 1954.

народная традиция постепенно вытесняется потоком шлягерно-джазовых новинок, внедряемых американскими войсками, расположившимися по всей стране.

Записи 50-х годов убедительно показывают, что национально-своеобразная традиция оказалась прочной и устойчивой в польском народном творчестве. Польские крестьяне и рабочие тоже смотрят фильмы из разных стран, знакомятся с механическими записями модных танцев и песенок. Несмотря на увлечения молодежи модными мелодиями, все же многие десятки тысяч народных песенно-танцевальных мелодий продолжают существовать, передаваться из уст в уста, а вновь созданные песни, насыщенные новым содержанием, обогащают народную традицию.

Об этом достаточно красноречиво свидетельствуют региональные сборники, в которых записи, относящиеся к прошлому, сопоставляются с новыми фольклорными материалами²⁰.

В процессе изучения народно-музыкальных традиций польские фольклористы серьезное внимание обращают на очищение различных жанров от искажений, возникавших в результате проникновения тех или иных чужеродных влияний и непонимания первозданной красоты народного творчества. В этом отношении особенно ценными представляются нам краткие характеристики, которые Ядвига и Марьян Собеские дают таким жанрам, как ходзоны (*chodzony*), т. е. «пеший танец», некогда крестьянский обрядовый, исполнявшийся на свадьбах: «...Надлежит здесь остерегаться подражания шляхетскому полонезу: никаких поклонов или театральной жестикуляции, а вместо этого совершенно спокойная, свободная поступь»; как виват: оживленный танец, распространенный преимущественно в Великой Польше; как свадебный марш: исполняется в более оживленном темпе, чем ходзоны, но медленнее вивата и др.²¹

В народной Польше увидели свет и собрания тех патриотов — собирателей песенного творчества народа, которые не были опубликованы в буржуазной республике. Некоторые из этих собраний послужили основой для исследовательских трудов современных польских ученых. Так, например, Антонина Возачиньская написала ценную работу о курпёвских песнях, основанную на изучении уцелевших записей В. Скерковского, погибшего в 1941 г. в фашистском лагере в Дзялдове²².

Незаконченная работа Хиби́нского об оравских песнях, основанная на единственном собрании этих песен, записанных Эмилем Микой — учителем в Липнице Велькей, — в 1957 г. была посмертно опубликована в одной книге с текстом этих песен²³. В этой работе Хиби́нского, как и в трудах других исследователей, на конкретном материале показана исконность славянской культуры западных польских земель, полностью подтверждающаяся обширными материалами, собранными в Силезии и на Поморье.

Важно подчеркнуть, однако, что эту исконность доказывает не только народное творчество (включая также памятники изобразительного искусства), но и произведения многих польских мастеров, деятельность

²⁰ См., например, J. Sobieska. Wielkopolskie śpiewki ludowe. PWM, 1957; «Pieśni ludu Krakowskiego». Opracował Włodzimierz Poźniak. PWM, 1956.

²¹ «Szlakiem kzoła Lubuskiego. Pieśni i muzyka instrumentalna Ziemi Lubuskiej». Zebrał i opracował Jadwiga i Marian Sobiescy. PWM, 1954. Один из лучших сборников, в полной мере отражающий достижения современной польской фольклористики.

²² A. Wozaczynska. Pieśni kurpiowskie, ich struktura i charakterystyka w świetle zbiorów W. Skierkowskiego. Wrocław, 1956. Несколько тетрадей собрания «Puszcza Kurpiowska w pieśni» Скерковскому удалось выпустить в 1928—1934 гг.

²³ «Pieśni orawskie». Emil Miki. Pieśni orawskie. Adolf Chybiński. Pieśni ludu polskiego na Orawie. PWM, 1957. Впервые собрание Мики, пользовавшегося музыкальной консультацией Хиби́нского и лингвистической консультацией академика Казимежа Нитша, было издано в ограниченном количестве экземпляров в 1934 г.

которых протекала в областях, отторгнутых от Польши в течение долгих лет, но не терявших своего национально-самобытного облика ни в одной из областей культуры. К этому выводу, разумеется, можно было прийти только после того, как были обследованы и изучены многочисленные памятники польской культуры.

В послевоенные годы было сделано множество публикаций памятников польской архитектуры, скульптуры, живописи и графики, в том числе изданы альбомы, посвященные прославленному Мариацкому алтарю Вита Ствоша в Кракове. Воспроизведение ансамбля и деталей этой гениальной многофигурной композиции позволило самым широким кругам польской и зарубежной общественности убедиться в том, что великий мастер алтаря, выполняя задание официальных церковных кругов, вместе с тем создал в своем произведении далеко не потусторонние религиозные образы, а глубоко человеческие, запечатлев под видом апостолов и святых польских крестьян и горожан.

Анализ одного из древнейших памятников польской художественной культуры — бронзовых дверей кафедрального собора в Гнезне (первой столице Польского государства) — позволил польским исследователям назвать этот памятник, также изобилующий многофигурными композициями, «выражением сознания польской народности в XII веке»²⁴.

В многочисленных коллективных работах, появившихся на протяжении последних лет в Польше, прослеживаются национальные традиции всех польских земель, включая и западные. Среди этих работ выделяется подготовленный Национальным музеем в Познани трехтомник «Десять веков Познани»²⁵. В этом издании участвовали археологи, историки, экономисты и историки культуры. К подготовке монографии об исконном польском городе Быдгощи²⁶ были привлечены 40 авторов. Чрезвычайно ценные публикации о памятниках польской художественной культуры содержатся в издаваемом Институтом истории искусств Польской академии наук «Бюллетене истории искусства», где печатаются исследования и репродукции произведений изобразительного искусства, а также статьи о славянском своеобразии и самобытности польской культуры²⁷.

Борьба за утверждение самобытности, неразрывно связанная с высоким чувством национального достоинства, ведется и в области музыкальной культуры. Это относится и к творчеству польских композиторов, и к научной и публицистической деятельности польских музыковедов. Мы старались показать, насколько значительны достижения польской музыкальной фольклористики, отнюдь не исчерпывающиеся, разумеется, названными работами. Не менее важны труды польских теоретиков и историков музыки.

Здесь следует прежде всего сказать о серии «Издания древней польской музыки», основанной еще до второй мировой войны Хибиньским. Он готовил к печати выпуски этой серии в содружестве со своим учеником, ныне крупнейшим композитором, теоретиком и педагогом Казимежем Сикорским, Тадеушем Охлевским и другими передовыми деяте-

²⁴ «Drzwi Gnieźnieńskie». Praca zbiorowa pod redakcją Michała Walickiego t. I (текст и альбом). Wrocław, 1956.

²⁵ «Dziesięć wieków Poznania», t. I. Dzieje społeczno-gospodarcze; t. 2. Kultura umysłowa, literatura i teatr; t. 3. Sztuki plastyczne. Poznań — Warszawa, 1956.

²⁶ «Bydgoszcz. Historia. Kultura. Życie gospodarcze». Gdynia, 1959.

²⁷ В качестве примера такой полемической статьи, затрагивающей давно уже дебатруемый вопрос о польских истоках творчества Вита Ствоша, можно назвать рецензию на книгу А. Jaeger, *Weit Stöss* (1958): Ks. Szczepny Dettloff, *Zawiła i dziwna praca o Wicie Stoszu*, «Biuletyn historii sztuki», 1960, № 1.

лями польской музыкальной культуры²⁸. После смерти Хибиньского главным редактором серии стал его ученик, ныне профессор Варшавского университета Иероним Фейхт.

В десятки выпусков серии вошли произведения Миколая из Радома, Вацлава из Шамотул, Миколая Гомулки, Марцина Львовчика, Миколая Зеленяского, Марцина Мельчевского, Бартломея Пенкеля, Адама Яжембского, Гжегожа Гервасия Горчицкого, Станислава Сильвестра Шажиньского и многих других мастеров. Их произведения, как и произведения композиторов, имена которых не удалось установить (например, автора великолепной инструментальной «Думы» конца XVI в.), зачастую впервые публиковались на основании уникальных рукописных и печатных источников. Они показывают многовековую, непрерывную преемственность национальных традиций польской музыки и, поскольку речь идет о ее крупнейших представителях, связь с народными истоками.

Многочисленные произведения, включенные в работы профессоров Варшавского университета Зофи Лиссы и Юзефа Хоминьского, посвященные музыке польского Возрождения, также служат доказательством этой преемственности²⁹. Вместе с тем произведения данного периода свидетельствуют о рано проявившемся в польской музыке жанровом богатстве, которое объясняется тесной связью с народно-музыкальной традицией.

Совершенно естественно поэтому, что во многих работах польских музыковедов эта связь сделалась предметом особо пристального внимания и что появились также работы о национально-своеобразных формах польской профессиональной и бытовой музыки. В некоторых из этих работ, например, в ценной книге Яна Проснака «Музыкальная культура Варшавы в XVIII столетии» отмечаются связи между польской, русской и украинской культурами, основанные на общности их народных истоков³⁰.

В предисловии к этой работе автор подчеркивает, что изучение варшавского музыкального быта данной эпохи особенно важно, так как помогает уяснить себе среду, оказавшую непосредственное воздействие на формирование творческого облика Шопена³¹. Именно этим объясняется усиленный интерес к непосредственным предшественникам и старшим современникам Шопена, которым посвящены, в частности, некоторые работы, выпущенные в шопеновском — 1960 году.

Еще до этой годовщины Алина Новак-Романович подвела итоги своей многолетней работы над изучением жизни, творчества, музыкально-педагогической и общественной деятельности Юзефа Эльснера³². Несмотря на некоторые пробелы (ряд рукописей Эльснера и другие архивные материалы утеряны) и недочеты, отмеченные в рецензии профессора Фейхта³³, работа Новак-Романович дает правильное представление о многообразии интересов и деятельности Эльснера, о его творчестве, хотя и отмеченном чертами эклектизма, но, вне всякого сомнения, не лишенном национального своеобразия³⁴.

²⁸ T. Ochlewski. Z dziejów pracy wydawniczej Prof. A. Chybińskiego. «Księga pamiątkowa ku czci profesora Adolfa Chybińskiego». PWM, 1950.

²⁹ Русский перевод основной части работы Лиссы и Хоминьского «Музыка польского Возрождения» опубликован Музгизом: «Избранные статьи польских музыковедов», сб. 2. М., 1959.

³⁰ J. Prosnak. Kultura muzyczna Warszawy XVIII wieku. PWM, 1955.

³¹ Там же, стр. 5.

³² A. Nowak-Romanowicz. Józef Elsner. PWM, 1957.

³³ «Ruch Muzyczny», 1958, N. 11.

³⁴ Характеристику творчества Эльснера, несколько отличающуюся от той, которая содержится в монографии Новак-Романович, и наблюдения над развитием думы, поло-

Ценнейшие сведения об Эльснере как о деятеле польской художественной культуры содержатся в его автобиографических записках, изданных в серии «Мемуарно-литературные источники истории польской музыки»³⁵. В эту же серию издательство включило и польский перевод «Писем о музыке» Михала Клеофаса Огиньского со вступительной статьей молодого польского музыканта Тадеуша Струмилло (1929—1956), последнего ученика Хибиньского.

Струмилло много занимался польской музыкой конца XVIII—начала XIX столетия³⁶. Естественно, что его внимание привлекла творческая деятельность Огиньского, который, как нам уже не раз приходилось отмечать³⁷, положил начало развитию различных жанров инструментальной миниатюры на национально своеобразной полонезной основе, а также создал первые образцы польской революционной песни (в том числе, как полагают некоторые исследователи, и гимна «Еще Польша не згинела»). К сожалению, однако, молодому исследователю не было известно подавляющее большинство архивных материалов, характеризующих деятельность Огиньского. Поэтому его оставшаяся незаконченной, но опубликованная после смерти в доработанном редакцией (также не располагавшей нужными материалами) виде статья «Взгляды на музыку Михала Клеофаса Огиньского»³⁸ содержит неправильные суждения об авторе «Прощания с родиной».

Струмилло ошибочно считает, что соратник Косьцюшко, участник восстания 1794 г. Огиньский впоследствии изменил свои взгляды и примкнул к аристократическому крылу польской эмиграции, став равнодушным к судьбам отечественной музыкальной культуры. Такое суждение полностью опровергается сотнями неопубликованных документов³⁹, в частности перепиской Огиньского. Он не только продолжал свою творческую деятельность, живя во Флоренции, но и поддерживал польских музыкантов (в этом отношении особенно интересна его переписка с Шимановской), собирал лексикографические материалы, внимательно следя за развитием отечественной литературы и искусства.

Публикации последних лет показали, что Эльснер, Огиньский, Шимановская, Курпиньский, Лессель и другие старшие современники Шопена были настоящими патриотами, много сделавшими для того, чтобы проложить путь к тем вершинам искусства, которые были достигнуты величайшим польским композитором. «Царице звуков» (так Мицкевич назвал Шимановскую в своем альбомном стихотворении) посвящены монография Марии Иванейко и книга, написанная Теофилом Сыгой совместно со Станиславом Шеницем⁴⁰.

неза и других польских национальных жанров в его музыке читатель найдет в первом и втором томах «Истории польской музыкальной культуры» автора этих строк (М., 1954, 1957).

³⁵ J. Elsnier. Sumariusz moich utworów muzycznych. Z objaśnieniami o czynnościach i działaniach moich jako artysty muzycznego. Kraków [1957].

³⁶ См., например, его книги: «Szkice z polskiego życia muzycznego XIX w.», PWM, 1954; «Źródła i początki romantyzmu w muzyce polskiej», PWM, 1956 (посмертная публикация, выпущенная вскоре после трагической гибели автора под снежной лавиной в Татрах).

³⁷ См., в частности, названную выше «Историю польской музыкальной культуры», том 1, а также монографии «Мария Шимановская» (М., 1956) и «Фридерик Францишек Шопен» (М., 1960).

³⁸ T. Strumiłło, A. Nowak-Romanowicz, T. Kuryłowicz. Poglądy na muzykę kompozytorów polskich doby przedchopinowskiej. PWM, 1960.

³⁹ Центральный государственный архив древних актов, Госархив, разряд XII.

⁴⁰ M. Iwanekko. Maria Szymanowska. PWM, 1959; T. Syga, St. Szenic. Maria Szymanowska i jej czasy. Państwowy Instytut Wydawniczy (далее — PIW), 1960.

Оба последних автора дают увлекательное жизнеописание Шимановской на широком общественно-историческом фоне, рисуя картины жизни тех стран, в которых выступала знаменитая пианистка. Иванейко детально анализирует произведения Шимановской. Они привлекают внимание и других польских исследователей, изучающих дошопеновский период развития отечественной музыки, причем в процессе этого изучения все более и более отчетливо выступают ее прочные, никогда не терявшиеся связи с народной почвой⁴¹.

Утрата многих произведений польских композиторов, гибель рукописных и уникальных печатных материалов во время варварского уничтожения фашистами культурных ценностей Польши — все это по-прежнему не дает возможности составить достаточно полное представление о прошлом польской музыки. Лишь в 1958 г. Государственное музыкальное издательство в Москве опубликовало сборник фортепьянных произведений Феликса Островского (1802—1860), имени которого не упоминает ни один из историков польской музыки, хотя музыка «брильянтового Феликса» (так называли Островского еще при жизни) по справедливости может считаться одним из звеньев в цепи, соединяющей творчество Шопена с произведениями его предшественников.

До сих пор еще встречаются в польской литературе высказывания, свидетельствующие о почти полном забвении произведений и деятельности Игнация Платона Козловского (1786—1860), который был первым музыкантом, введшим в педагогический обиход шопеновское «tempo rubato», и участником композиторских опытов Мицкевича. Игнация Платона Козловского смешивают иногда с Юзефом Козловским — учителем Огиньского. Такую ошибку допустили, например, комментаторы последнего издания переписки семьи Словацкого, оставившие также без внимания последние публикации песен Шимановской на слова Мицкевича и отнесшие эти песни к числу ее утерянных произведений⁴².

И все же можно считать, что 50-е годы принесли решительный перелом в изучение истории польской музыкальной культуры. Многие произведения и факты вошли в научный обиход, а некоторые сочинения забытых и полужабытых польских композиторов вновь начинают звучать в концертах, очаровывая слушателей своей поэтической выразительностью и своеобразием. Меняется представление о творческом облике Шопена.

Если в монографии Януша Микетты о мазурках Шопена⁴³ преобладал формально-структурный анализ, то Юзеф Хоминьский в своей работе о шопеновских сонатах⁴⁴ показал не только художественное совершенство этих великих творений, но и благородство патриотических чувств, побудивших композитора создать их, и новаторство композитора.

Польское шопеноведение в послевоенные годы обогатилось множеством работ, перечень которых, доведенный, правда, только до начала 50-х годов, можно найти в обширном библиографическом указателе Бронислава Эдварда Сыдова и в дополнении к этому указателю, вышедшем уже после смерти составителя. Оба тома содержат в общей сложности свыше одиннадцати с половиной тысяч названий книг и

⁴¹ См., например, работы, помещенные в юбилейном сборнике Варшавского университета — «F. F. Chopin» (1960): B. Chmaga. Do genezy nokturnu instrumentalnego przed Chopinem; D. Idaszak. Mazurek przed Chopinem.

⁴² «W kręgu bliskich poety. Listy rodziny Juliusza Słowackiego». PIW, 1960, str. 313, 358—359.

⁴³ J. Miketta. Mazurki Chopina. PWM, 1949.

⁴⁴ J. Chomiński. Sonaty Chopina. «Studia muzykologiczne», t. II, 1953; t. III, 1954; t. IV, 1956. Отдельное издание этой работы вышло в 1960 г. (рец.: И. Бэлза. Польские издания шопеновского года. «Советская музыка», 1960, № 8).

статей о Шопене, вышедших во всем мире ⁴⁵. Не менее ценным вкладом в польскую шопениану следует признать труд «Портрет Фридерика Шопена», подготовленный Сыдовым совместно с Мечиславом Идзиковским и опубликованный в Кракове в 1952 г. с вступительной статьей председателя Общества им. Фридерика Шопена профессора Збигнева Джевецкого.

Деятельность общества, опирающаяся на щедрую поддержку государства, отличается разносторонностью: собрание шопеновских рукописей и реликвий, сосредоточенных ныне в помещении восстановленного после войны дворца Острогских, расширение усадьбы-заповедника в Желязовой Воле — все это сочетается с напряженной публикаторской работой, включающей издание полного собрания сочинений великого композитора, исследований о нем и популярных работ.

Биография Шопена понемногу очищается от вымыслов, виновники-ми которых следует считать в основном Жорж Санд и ее окружение, а также ксендза Александра Еловицкого. К сожалению, придуманная им версия об «обращении» Шопена на ложе смерти, полностью опровергнутая родными и близкими мастера, до сих пор еще встречается в некоторых книгах, примером чему может служить работа Францишка Германа «Шопен и варшавские литераторы» ⁴⁶. Автор книги собрал интересные и ценные материалы, но совершенно некритически отнесся к измышлениям Еловицкого, искажающим истинный облик Шопена.

Полностью несостоятельными нужно признать попытки новоявленных «шопеноведов» — бывшего адвоката Матеуша Глиньского и поэта Казимежа Вежиньского — защищать подлинность таких грубых фальшивок, как пресловутые «письма Шопена к Дельфине Потоцкой». Подложность этих «писем» доказали уже авторы прекрасных монографий о Шопене Ярослав Ивашкевич и Артур Хэдли. Польская общественность с негодованием отмечает, что шумиха, поднятая в печати Глиньским и Вежиньским, давно уже находящимися в Соединенных Штатах Америки, финансируется, как осторожно выражаются дипломаты, «одним иностранным государством», не жалеющим долларов для этой цели.

«Кто бы ни старался привлечь любой ценой к себе внимание таким достойным сожаления путем, даже если бы он мог утверждать в свое оправдание, что занимается этим с успехом уже много лет, пусть ради всего святого перестанет это делать, привлекая имя Шопена. Потому что вне всякого сомнения — конечно, касается это только польских писателей и музыковедов — его назовут на родине лжепророком. Правда, это... тоже реклама. А она, как известно — двигатель торговли. Но это — недостойная торговля», — завершает свою статью видный польский композитор Генрик Сволкень, разоблачая истинный характер «деятельности» Глиньского и советуя ему оставить в покое память Шопена, священную для каждого человека, претендующего на право называться поляком или другом польского народа ⁴⁷.

Истинный облик Шопена как человека и музыканта раскрывается в книгах крупнейшего польского писателя Ярослава Ивашкевича, опу-

⁴⁵ B. Sydow. Bibliografia F. F. Chopina. Warszawa, 1949 (Suplement. Warszawa, 1954). Существенные дополнения к этому труду собраны в указателе Б. С. Яголима «Литература о Шопене, опубликованная в Советском Союзе» в сб. «Фридерик Шопен. Статьи и исследования советских музыковедов», под ред. Г. Я. Эдельмана. М., 1960.

⁴⁶ F. German. Chopin i literaci warszawscy. [Kraków], PWM, 1960. Разбор этой книги содержится в упомянутой статье автора в журн. «Советская музыка», 1960, № 8.

⁴⁷ H. Swolkién. Listy czy apokryfy. «Ruch Muzyczny», 1960, № 20, str. 7—9. Там же помещено письмо в редакцию Артура Хэдли, выступившего с протестом против оскорбляющей память Шопена возни американских бизнесменов.

бликованных в Польше и в других странах, в том числе и в Советском Союзе. К числу значительных достижений польской музыкально-исторической науки следует отнести также не раз издававшуюся монографию о Шопене профессора Ягеллонского университета в Кракове Здзислава Яхимецкого (1882—1953), которая в 1957 г. была включена в собрание его сочинений в качестве второго тома.

Особо следует подчеркнуть, что Яхимецкий наглядно показывает творческие связи Шопена не только с песенными, но и с другими славянскими народными истоками, а также с профессиональными достижениями его предшественников и старших современников, в особенности с Огиньским. Углубленное изучение этих связей неизменно приводит к выводу о непрерывности развития польской музыкальной культуры и о прочности ее национальной основы, созданной народом.

Этот вывод убедительно подкрепляется циклом работ о Монюшко⁴⁸, опубликованных на протяжении нескольких лет неутомимым исследователем его творчества Витольдом Рудзиньским, подготовившим также к печати письма автора «Гальки»⁴⁹. Так же, как и некоторые другие биографы Монюшко⁵⁰, но основываясь на гораздо более обширном и зачастую впервые вводимом в научный обиход материале, Рудзиньский показывает подлинную народность творчества композитора. В книгах и статьях Рудзиньского с исчерпывающей полнотой раскрывается значение Монюшко как основоположника польской национальной оперы и полным голосом говорится об освободительных стремлениях, пронизывающих основные музыкально-сценические произведения композитора.

Внимание исследователя не могут не привлечь слова Монюшко: «Я не создаю ничего нового. Странствуя по польским землям, я наполняюсь духом народных песен. Из них, помимо моей воли, вдохновение переливается во все мои сочинения»⁵¹. Слова эти воспринимаются как утверждение тезиса Глинки о музыке, творимой народом. В полной мере относятся они и к операм Монюшко, и к его вокальной лирике.

Проблема развития национальной школы на народной основе, становление национальной классики; воплощающей в художественных образах прогрессивные освободительные идеи, все более и более часто ставится и разрабатывается в польской музыкально-исторической науке. Ее передовые представители борются не только с буржуазными концепциями Запада, извращающими представление о музыкальной культуре славянских народов и о ее мировом значении, но и с теми реакционными измышлениями, которые время от времени появляются в самой польской печати.

Нет надобности обходить молчанием имена немногочисленных польских музыковедов, деятельность которых не может быть признана ни полезной, ни даже сколько-нибудь отвечающей нормам национального достоинства, в высокой степени присущего великому польскому народу. Мы имеем в виду не отдельные статьи молодых критиков, увлекающихся «авангардизмом», а «концепцию», последовательно проведенную

⁴⁸ W. Rudziński. Stanisław Moniuszko. Studia i materiały. Cz. 1. PWM, 1955; cz. 2, 1961; W. Rudziński. Moniuszko. Wyd. drugie. PWM, 1957 (авторизованный русский перевод этого издания выпущен в 1960 г.)

⁴⁹ W. Rudziński. Listy Stanisława Moniuszko w okresie 1826—1842. «Studia Muzykologiczne», t. II, 1953; Listy Stanisława Moniuszko w latach 1843—1855. «Studia Muzykologiczne», t. IV, 1956; Я. Проспак. Письма Монюшко. Сб. «Станислав Монюшко». М.—Л., 1952.

⁵⁰ См., например, К. Стромменгер. Станислав Монюшко. (Русский перевод этой работы, впервые изданной в Лодзи в 1946 г., помещен в одноименном сборнике).

⁵¹ «Станислав Монюшко», стр. 14.

краковским музыковедом Богуславом Шеффером в «Альманахе современных польских композиторов»⁵².

Шеффер уже довольно давно занимается пропагандой наиболее упадочных, наиболее порочных течений в музыке Запада. Собственно говоря, к музыкальному искусству эти явления, как известно, прямого отношения не имеют. Если даже трюки Булеза, Штокгаузена и проделываю-ются на концертных эстрадах, то это еще не значит, что трюки эти можно назвать музыкой или вообще, каким бы то ни было искусством.

Хорошо понимая, что почесывание струн рояля металлическими предметами и тому подобные приемы выведения из строя музыкальных инструментов трудно связать с национальными традициями польской музыкальной культуры, Шеффер выдвинул тезис о необходимости «усвоения современных достижений мировой музыки и поднятия нашей музыки до уровня высот европейской культуры».

Видимо, Шеффер забыл о том, что польская музыка уже несколько сот лет тому назад достигла «высот европейской культуры». «Мисса пульхеррима» Бартломея Пенкеля была создана еще до «Высокой мессы» Баха. Что же касается нашего времени, то Шеффер пытается доказать недоказуемое и объяснить болотные низины декаданса «высотами европейской культуры»⁵³.

Но в спорах об этих «высотах» привлекается еще одно «доказательство». Называя имена Шопена и Шимановского, польские критики-«авангардисты» пытаются уверить читателя, что эти великие композиторы вошли в пантеон мировой музыкальной культуры именно благодаря тому, что приобщились к современной им европейской культуре. Но надо ли говорить, что величие Шопена и блистательное дарование Шимановского проявились в их национально-своеобразных произведениях и что Шопен сам оказал громадное влияние на Листа, Вагнера, Дебюсси, Равеля и других крупнейших мастеров Запада?!

Тот же Шеффер пытается объявить период развития польской музыки между Шопеном и Шимановским какой-то «торричеллиевой пустотой», отрицая, например, преемственную связь Моноюшко, Носковского, Зарембского и Карловича с шопеновскими традициями польской музыки. Нам уже пришлось показать несостоятельность этой «концепции»⁵⁴, но здесь нужно вернуться к ее критике, потому что она переплетается с антипатриотической легендой об «иностранных учителях» чуть ли не всех польских мастеров.

До сих пор еще бытует отвергнутая передовой наукой версия о том, что гений Шопена созрел на чужбине, хотя в настоящее время нет никаких сомнений, что Шопен приехал в Париж вполне сложившимся художником. Ярослав Ивашкевич в своих «Воспоминаниях о Шимановском»⁵⁵ показал всю противоречивость творческого пути этого мастера и ту ущербность среднего периода его творчества, которую он преодолел лишь путем обращения к народным истокам и национальным традициям, обусловившим его формирование как польского композитора в ранний период его творчества.

⁵² B. Schäffer. Almanach polskich kompozytorów współczesnych oraz rzut oka na ich twórczość. PWM, 1956.

⁵³ Убедительную критику писаний Шеффера дал советский музыковед Г. М. Шнеерсон в своей статье «Музыка или мелика» («Советская музыка», 1958, № 8). См. также вступительную статью автора этих строк ко второму сборнику «Избранных статей польских музыковедов», стр. 16—17.

⁵⁴ И. Бэлза. Шопеновские традиции польской музыкальной культуры. Сб. «Фридерик Шопен». М., 1960.

⁵⁵ J. Iwaszkiewicz. Spotkania z Szymanowskim. Kraków, 1947.

Вопрос о стойкости и непрерывности этих традиций в процессе борьбы за передовую направленность современной польской музыкальной культуры приобретает первостепенное значение. Справедливость требует признать, однако, что Шеффер не является сколько-нибудь типичным представителем польской музыкально-исторической науки, в целом отличающейся своей патриотической направленностью. Именно патриотические побуждения заставляют польских исследователей раскрывать богатство отечественной художественной культуры, изучать процесс развития ее реалистических устремлений, характеризующих, например, уже критические статьи Мауриция Мохнацкого, о котором написал прекрасную работу Стефан Яроцинский⁵⁶. В другой своей работе Яроцинский показал, как представители польской музыкальной мысли отстаивали реалистическое направление в отечественном искусстве⁵⁷.

Совершенно естественно, что, изучая историю искусства, польские музыковеды обратились к материалам, позволившим создать монографии о многих крупных деятелях польской музыкальной культуры, в том числе о воспитателе почти всех мастеров «Молодой Польши» — Зыгмунте Носковском (1846—1909), Юльише Зарембском, Эугениуше Панкевиче и др.⁵⁸ Особо должна быть отмечена капитальная работа Хибиńskiego о Карловиче, оставшаяся, к сожалению, незаконченной⁵⁹.

Среди большой литературы о Шимановском выделяются, помимо упоминавшейся книги Ивашкевича, обширная монография профессора Краковского университета Стефании Лобачевской⁶⁰ и сборник работ под редакцией профессора Юзефа Хоминьского⁶¹. Во всех этих трудах, ценным дополнением к которым служат биографические работы (в особенности «Горькая слава» Леонии Градштейн и Ежи Вальдорфа, 1960), собраны материалы, позволяющие постичь творческий облик Шимановского, оценить его громадное значение в истории польской и мировой музыкальной культуры.

Сравнительно немногочисленны работы о современных польских композиторах и их отдельных произведениях. Здесь можно назвать очерки З. Лиссы о Третьей симфонии Болеслава Шабельского, о Тадеуше Шелиговском и его опере «Бунт жаков», В. Рудзиньского о кантате «Пророк» Болеслава Войтовича (на пушкинский текст в переводе Юлиана Тувима), Юзефа Хоминьского о концерте для струнного оркестра Гражины Бацевич. Обширный фактический материал собран в сборнике «Музыкальная культура народной Польши (1944—1955)», изданном в 1957 г. под редакцией З. Лиссы и Ю. Хоминьского и содержащем разделы, посвященные всем жанрам музыкального творчества и музыковедению.

Как в этом труде, так и в первом томе коллективного труда «Из истории польской музыкальной культуры» (под редакцией Зыгмунта Швейковского, 1958) ощущается стремление польских ученых к серьезным историческим обобщениям на основе марксистско-ленинского учения. Если в двух выпусках оставшегося незаконченным очерка истории

⁵⁶ S. Jarociński. Maurycy Mochnacki jako krytyk muzyczny. «Studia muzykologiczne», t. III, 1954.

⁵⁷ «Antologia polskiej krytyki muzycznej XIX i XX wieku (do roku 1939)». Opracował Stefan Jarociński. Kraków, PWM, 1955.

⁵⁸ A. Sutkowski. Zygmunt Noskowski. PWM, 1957; W. Wroński. Zygmunt Noskowski. PWM, 1960; T. Strumiłło. Juliusz Zarębski. PWM, 1954; W. Poźniak. Eugeniusz Pankiewicz. PWM, 1958.

⁵⁹ A. Chybiński. Mieczysław Karłowicz (1876—1909). Kronika życia artysty i tatarnika. PWM, 1949.

⁶⁰ S. Łobaczewska. Karol Szymanowski. PWM, 1950.

⁶¹ «Z życia i twórczości Karola Szymanowskiego». PWM, 1960.

польской музыки Яхимецкого⁶² процесс развития музыкального искусства далеко не всегда связывается с процессом общественного развития, то в названных нами коллективных трудах, выпущенных в последние годы, эта связь выявлена уже достаточно отчетливо и убедительно.

Наряду с этим успешно развивается в Польше и музыкальная эстетика. Здесь в первую очередь должны быть отмечены книги и статьи З. Лиссы, переведенные на немецкий и китайский языки. В этих работах сделаны интересные, хотя иногда и дискуссионные попытки осмыслить наследие прошлого и различные направления в современном музыкальном искусстве в свете марксистско-ленинской эстетики. Серьезной заслугой Лиссы следует считать привлечение историко-теоретических данных, взятых не только из польской музыки, но и из других музыкальных культур, в частности русской⁶³.

Из всего сказанного явствует, какой круг проблем более всего привлекает внимание польских музыковедов. Количество работ, посвященных ими зарубежной музыке, менее значительно, чем число трудов об отечественной музыкальной культуре. Из книг о западноевропейской музыке можно назвать научно-популярные монографии Стефании Лобачевской о Бетховене, Стефана Яроцинского о Моцарте, Тадеуша Марка о Шуберте. Под редакцией Хоминьского и Лиссы в 1957 г. вышел первый том коллективного труда «История всеобщей музыки». Принципиально важным и здесь является плодотворное применение марксистско-ленинского исторического метода, обусловившего в целом правильное понимание социальных и национальных особенностей музыкального искусства и научную обоснованность его периодизации.

Утверждение марксистско-ленинских критериев музыкальной эстетики привело в Польше к усилению борьбы с упадочными течениями в буржуазной музыке, со всевозможными извращениями, многие из которых, кстати сказать, почему-то демонстрируются во время концертов «Варшавской осени». Не только советские деятели музыкальной культуры, бывающие на этих фестивалях, но и польские музыканты разоблачают убожество пресловутого «авангардизма».

«Это — большое море скуки, независимо от того, изливается оно из-под французских перьев Булеза и Ами, итальянского пера Лунджи Ноно или польских перьев Шабельского и Пендерецкого. Лично я боюсь, что пуантилистическая техника может стать лазейкой, через которую в музыку вторгнутся графоманы. Установить серию звуков и оперировать ими в соответствии с готовыми математическими схемками — нетрудно. Гораздо труднее мне было понять слушателей фестиваля, из которых никто не оказался настолько смелым, чтобы встать и крикнуть «Король гол», что пуантилизм, возможно, является занятой звуковой головоломкой, но что это уже не музыка», — пишет Ежи Вальдорф в статье, озаглавленной «Король гол»⁶⁴.

Здзислав Серпиньский упрекает польские концертные организации в том, что они недооценивают творчество многих отечественных мастеров, включая даже Кароля Шимановского. Говоря о репертуаре концертов, критик пишет: «Если допустить, что в Польше найдется даже тысяча любителей модернизма — в чем я очень сомневаюсь, — то все же не будем забывать о миллионе людей, которые придут в концертный зал, если

⁶² Z. Jachimiecki. Muzyka polska w rozwoju historycznym, t. I, cz. I. Kraków, 1948; cz. 2, 1951.

⁶³ Z. Lissa. Historia muzyki rosyjskiej. [Kraków], PWM, 1955.

⁶⁴ J. Waldorff. Król jest nagi. «Świat», 1959, № 40.

услышат в нем музыку, которую они будут в состоянии полюбить и понять. Но никого не привлечет в эти залы и никого ничему не научит слушание музыки в манере Штокгаузена и Булеза...»⁶⁵.

Приведенные нами высказывания Вальдорфа и Серпиньского крайне симптоматичны для настроения польской общественности, которая отказывается внимать немногочисленным апологетам «авангардизма», все более и более глубоко разбираясь в его реакционной, антинародной сущности, враждебной высоким гуманистическим идеалам польской художественной культуры.

* * *

Наиболее значительные достижения чехословацкой музыкально-исторической науки уже на протяжении нескольких десятков лет связаны с именем крупнейшего ученого страны, государственного и общественного деятеля академика Зденека Неедлого (1878—1962)⁶⁶.

Большинство трудов Неедлого посвящено истории чешской музыкальной культуры⁶⁷. Однако в сферу его интересов входят также история чешского, а в последние годы и словацкого народа, история мирового революционного движения, отечественная литература, театр, изобразительное искусство, эстетика, историческая общность и культурные связи славянских народов. Не будет преувеличением сказать, что академик Неедлы более чем кто-либо другой достиг в своих работах такой комплексности, которая позволяет назвать его историком культуры, ученым принципиально нового направления. В этом отношении чрезвычайно показательна фраза Неедлого, сказанная им во время беседы с автором этой работы по поводу своей семитомной монографии о Сметане: «Собственно говоря, это книга не о Сметане, а о чешском народе».

Для Неедлого жизнь настоящего художника неотделима от жизни народа и его передовых стремлений. Вступлению Неедлого в ряды Коммунистической партии Чехословакии предшествовало глубокое изучение им марксистско-ленинского учения о закономерностях развития человеческого общества. За торжество великих идей этого учения Неедлы мужественно боролся и в годы габсбургского гнета, и в краткий период существования буржуазной Чехословацкой республики, и в годы войны.

⁶⁵ Z. Sierpiński. Dla tysiąca czy dla miliona? «Życie Warszawy», 23.XI.1960.

⁶⁶ В ознаменование 70-летия Неедлого в Чехословакии предпринято в 1948 г. издание собрания его сочинений («Spisy Zdeňka Nejedlého»). Издание это, близкое к завершению, состоит из нескольких десятков томов. Различные стороны деятельности Неедлого освещены в сб. «Zdeňku Nejedlému Československá Akademie-Věd» (Praha, 1953), открываемая статьей академика Б. Д. Грекова «Великий чешский ученый». Деятельности Неедлого как воспитателя поколений чехословацких историков культуры посвящена книга: J. Jiránek. Zdeněk Nejedlý učitel mladé generace (Praha, 1952). В 1953 г. в ознаменование 75-летия З. Р. Неедлого Славянский комитет СССР, Институт истории, Институт славяноведения АН СССР, Московский государственный университет и Всесоюзное общество культурной связи с заграницей организовали научные сессии, материалы которых частично опубликованы в «Кратких сообщениях Института славяноведения», вып. 11. М., 1953 (доклады П. Н. Третьякова, С. А. Никитина, С. В. Никольского и И. Ф. Бэла). В 1960 г. Государственное издательство «Искусство» (Ленинград) выпустило сборник избранных статей Неедлого об искусстве (составитель В. Досталя), а Государственное музыкальное издательство — сборник его музыковедческих работ (составитель В. Егорова). Первый том «Истории чешского народа» Неедлого (остающейся пока незавершенной) опубликован в русском переводе в Москве в 1952 г.

⁶⁷ Характеристика трудов содержится в работах автора этой статьи, опубликованных в упомянутом юбилейном сборнике Чехословацкой академии наук и в «Кратких сообщениях Института славяноведения», а также в статьях: «Музыковедческие труды академика Зденека Неедлого» («Советская музыка», 1951, № 7) и «Монография о Бедрихе Сметане» («Славяне», 1954, № 12).

И когда власть в стране перешла в руки освобожденного народа, ученый вошел в состав правительства, а в 1951 г. возглавил Чехословацкую академию наук, став ее первым президентом.

Политическая и общественная деятельность Неедлого неотделима от научной деятельности, в которой он около семидесяти лет отстаивал и последовательно развивал концепцию культуры, творимой народом. В 1952 г. в работе, написанной в ознаменование 100-летия со дня рождения Миколаша Алеша (1852—1913), Неедлы назвал этого выдающегося чешского художника третьим (вслед за Бедржихом Сметаной и Алоисом Ираском) представителем чешского «наиболее национального искусства»⁶⁸, выросшим «на чешской почве, на земле чешской, из чешского народа»⁶⁹.

Еще раньше, в книге об операх Сметаны, изданной за 45 лет до работы об Алеше, Неедлы, глубоко анализируя процесс становления чешской музыкальной классики, писал: «Сметана является не представителем одного какого-либо направления, а истинным отцом чешской музыки, ибо он первый сочетал нашу музыку с жизнью нашего народа и тем самым сделал нашу музыку жизненной и правдивой»⁷⁰.

В капитальной «Истории гуситского пения»⁷¹, также принадлежащей к числу ранних работ Неедлого, он не только ввел в научный обиход громадное количество первоисточников, но и сделал обобщения, показавшие, как органически связано творчество народа с его жизнью. Подъем освободительного движения неизменно сопровождается бурным развитием творческой силы народа. Этот вывод Неедлы обосновал и в «Истории гуситского пения», и в упоминавшейся уже монографии о Сметане⁷², в которой облик «чешского Глинки» рисуется на гребне культурно-национальной волны будительского движения.

В послевоенные годы Неедлы четко сформулировал те задачи, которые стоят перед строителями социалистической культуры Чехословакии. В 1946 г. он опубликовал книгу «Коммунисты — наследники великих традиций чешской нации»⁷³. В данной работе Неедлы прослеживает этапы многовековой борьбы за эти великие национальные традиции. Он говорит также о том, что в Чехии утвердилось «правильное понимание сущности русской революции, а тем самым и Советского Союза, сознание близости его к нашим национальным идеалам... И при встрече Красной Армии-освободительницы звучала уже ясно не только благодарность за освобождение, но и приветствие братьям по крови и по духу»⁷⁴.

В этих словах Неедлы вновь подчеркивает значение исторической общности славянских народов и их революционной солидарности, ставшей в нашу эпоху незыблемой основой единства всех стран социалистического лагеря. Борьбу за укрепление этого единства в области культуры возглавил в Чехословакии именно Зденек Неедлы.

Его блистательная эрудиция в сочетании с политической зоркостью ученого-коммуниста позволила дать в названной книге, задуманной по существу как публицистическое выступление, проницательный анализ движущих сил истории и истории культуры чешского народа и подчеркнуть «демократизм, прогрессивность и революционность чешских нацио-

⁶⁸ Z. Nejedlý. Mikoláš Aleš. Praha, 1954, str. 7.

⁶⁹ Там же, стр. 9.

⁷⁰ «Spisy», sv. XVII, 1954, str. 263.

⁷¹ «Spisy», sv. XL—XLV, 1954—1956.

⁷² «Spisy», sv. XXI—XXVII, 1950—1954.

⁷³ Сокращенный русский перевод этой книги вошел в упомянутое ленинградское издание «Статей об искусстве» Неедлого.

⁷⁴ Цит. по сб.: «Статьи об искусстве», стр. 591.

нальных традиций»⁷⁵. Проблеме изучения и развития этих традиций в социалистическую эпоху Неедлы посвятил работы о поэтах Йиржи Волькере (1900—1924), Станиславе Костке Неймане (1875—1947), об «отце чешского театра» Йозефе Кайетане Тыле (1808—1856), об Алеше, Швабинском и других отечественных мастерах.

Во всех этих работах Неедлы показывает взаимосвязи различных областей культуры Чехословакии, подчеркивает преемственность передовых традиций отечественной культуры и пути ее развития после победы социализма. В своем выступлении, посвященном 70-летию ученого, Клемент Готвальд сказал: «Зденек Неедлы пришел в лагерь рабочего класса, на позиции социализма не вопреки тому, что он любил Ираска и Сметану, не вопреки тому, что он был хранителем национальных традиций нашей истории и культуры, а именно потому, что любил Ираска, Сметану, Немцову и хранил наследие нашего прошлого, потому что глубоко понял смысл и логику нашей истории, потому что понял, что рабочий класс и трудовой народ являются новой, руководящей силой нации, хранителем и умножателем того лучшего, что создал народ в прошлом»⁷⁶.

В многочисленных выступлениях Неедлого на съездах писателей, композиторов и художников, на творческих конференциях, дискуссиях, в печати и по радио обосновывались принципы строительства новой, социалистической культуры, раскрывались ее преемственные связи с классическим наследием, обличались реакционные, антиреалистические течения, мешавшие утверждению высоких идеалов народности и реализма в художественной культуре Чехословакии.

В борьбе с этими течениями значительную роль приобрело изучение национальных традиций чешской музыкальной культуры, способствующее постижению той закономерности ее развития, на которую всегда обращали особое внимание Неедлы и другие передовые представители чехословацкого искусствоведения. В этом отношении такое же большое значение, как начатая Хибинским серия «Издание древней польской музыки», имеет чешская серия «Музыка антиква Богемика», издание которой было предпринято еще до войны по инициативе моравского ученого-патриота профессора Владимира Гельферта, успевшего подготовить лишь первые выпуски серии.

После смерти Гельферта главным редактором серии стал выдающийся чехословацкий музыковед, профессор Брненского университета Ян Рацек. В настоящее время издано уже свыше 50 выпусков серии, в которые вошло около 200 органических, клавирных, ансамблевых и оркестровых произведений чешских композиторов XVII—XIX столетий. Помимо высокого уровня редакционно-текстологической работы, следует отметить, что все выпуски снабжены вступительными статьями, перечнем рукописных источников, нотографией и библиографией. Наряду с произведениями Богуслава Черногорского, яромержицких мастеров, Бриксы, Мысливечка, Йиржи Бенды, Вейвановского, Дусика, Душка, Рейхи и других известных композиторов группа ученых, возглавляемая Рацеком, вводит в научный обиход наследие забытых или полузабытых авторов. Примером этому может служить изданный в 1959 г. 40-й выпуск серии — «Баллетти э сонате» Яна Толара, деятельность которого относится ко второй половине XVII в.

Множество произведений чешских композиторов XVII—XVIII столетий выпустил также «Музыкальный фонд» в Праге. Не будет преувели-

⁷⁵ Там же, стр. 582.

⁷⁶ Цит. по докладу Генерального секретаря Союза чехословацких композиторов М. Барвика на первом пленуме СЧСК в апреле 1950 г. (М. Barvik. Skladatelé jdou s lidem. Praha, 1951, str. 58).

чением сказать, что именно в последние годы произошел решающий сдвиг в деле публикации памятников чешской музыкальной культуры прошлого. Это помогло постичь не только богатство, но и ту народность истоков этой культуры, которая обусловила ее своеобразие как музыкальной культуры славянского народа.

В предисловии к своей книге «Чешская музыка»⁷⁷ Рацек указывает, что писал ее как «обобщающее дополнение к источниковедческому изданию «Музыка антиква Богемика». В работе Рацка собраны ценные данные, постепенно накапливавшиеся в процессе подготовки очередных выпусков серии. Проблема научно достоверного изучения процесса развития отечественной музыкальной культуры в послевоенные годы стала одной из основных проблем чешского музыковедения. Правда, классические труды Неедлого, а также такие выдающиеся исследования, как монографии Гельферта о Франтишке Миче и Йиржи Бенде⁷⁸, были созданы еще раньше, но все же многие достижения чешской музыки оставались забытыми, что затрудняло понимание ее значения в истории народа и роли музыкальной культуры славянских народов в истории мировой культуры.

Как Неедлы, так и Гельферт многократно указывали на своеобразие чешской музыки. Говоря, например, о Богуславе Черногорском (1684—1742), Гельферт замечает: «Некоторые темы его фуг звучат словно эхо свежей и сочной народной мелодики»⁷⁹. О народных истоках творчества этого мастера, прозванного «чешским Бахом», пишет и Ян Рацек⁸⁰. Именно после освобождения страны от национального и социального гнета эти истоки развития передовых течений в чешской и словацкой музыке получили разностороннее обоснование, что стало возможным только благодаря систематическому собиранию, изучению и публикации материалов в плане «государственного музыкального строительства».

О плодотворности работы чешских музыковедов в этом направлении свидетельствуют не только многочисленные выпуски серии «Музыка антиква Богемика», но и другие издания. Особо следует отметить среди них подготовленный Йиржи Берковцем том произведений Криштофа Гаранта из Полжиц (1564—1621) — одного из 27 руководителей антигабсбургского восстания, казненных на Староместской площади в Праге. После битвы у Белой Горы, приведшей к потере Чехией своей государственной самостоятельности на триста лет, началось ожесточенное гонение на чешских патриотов и на чешскую культуру, сопровождавшееся варварским истреблением ее ценностей.

Даже на основании дошедших до нас трех полифонических произведений и четырех отрывков (альтовые голоса) из других вокальных произведений Криштофа Гаранта из Полжиц можно судить о высоком мастерстве этого действительно выдающегося композитора, сведения о жизни и творчестве которого собраны во вступительной статье к данному изданию⁸¹. Вместе с тем оно дает много для постижения своеобразных черт чешской полифонии, значительный вклад в изучение которой сде-

⁷⁷ J. Racek. *Česká hudba*. Praha, 1958.

⁷⁸ V. Helfert. *Hudební barok na českých zámcích*. Jaromeřice za hr. J. A. z Questenberku. V Praze, 1916; V. Helfert. *Hudba na jaromeřickém zámku*. František Miča. V Praze, 1924; V. Helfert, Jiří Benda, č. I. Brno, 1929; č. II, d. I, Brno, 1934.

⁷⁹ «Чехословацкая музыка». Прага, 1946, стр. 18.

⁸⁰ См., например, его вступительную статью к 12-му выпуску серии «Musica antiqua bohémica». 1953.

⁸¹ «Kryštof Harant z Polžic a Bezdržic». Editor. Jiří Berkovec. Praha, MCMLVI.

ляли также пражские исследователи Йитка Сnižкова и Ярослав Ваницкий⁸².

Обследовав сотни рукописей, уцелевших в различных хранилищах, Сnižкова опубликовала антологию «Чешское полифоническое творчество»⁸³, в которую вошли произведения, созданные в период с 1480 до 1620 г., т. е. до белогорской трагедии, явившейся рубежом в истории чешского народа и его культуры. Составив списки произведений 52 чешских композиторов, переведя десятки из этих произведений с мензуральной (преимущественно белой) на современную нотацию, Сnižкова убедительно показала, какого высокого уровня достигло чешское полифоническое искусство во второй половине XVI и в начале XVII столетия.

«Габсбургская ночь», протершаяся над страной после белогорской битвы, прервала жизнь Криштофа Гаранта из Полжиц и творческий путь других мастеров, помешала расцвету чешской культуры, но не смогла приостановить ее развития. Оно продолжалось благодаря стойкости национальных традиций и славянскому своеобразию образного строя и средств выразительности, убедительно показанному в антологии Сnižковой и в работах Ярослава Ваницкого⁸⁴. Подчеркивая это своеобразие, оба исследователя не обходят, однако, молчанием рано возникшие связи чешского профессионального искусства с западноевропейским (они освещены, например, в исследовании Ваницкого о миннезанге⁸⁵).

Эти связи прослеживаются и в послебелогорский период, характеризующийся прежде всего героической борьбой чешского народа с поработителями, борьбой, развертывавшейся и во всех областях культуры, самобытность которой отстаивалась даже в самые трудные годы габсбургского гнета. К числу памятников этой борьбы принадлежат многие произведения чешских композиторов, найденные или восстановленные Эмилианом Трольдой (1871—1949), посвятившим десятки лет поискам рукописей и сведением голосов в партитуры, а также опубликовавшим десятки работ о забытых или полузабытых произведениях чешских мастеров⁸⁶.

Неустанная и самоотверженная работа Трольды значительно обогатила представление не только об интенсивности творчества этих мастеров, но и о тех характерных чертах, которыми оно отличалось в послебелогорский период. Нужно сказать, что история чешского народа и его культуры в данный период не раз подвергалась извращениям, примером чему могут служить хотя бы книги такого реакционного историка, как Вацлав Томек, видевший в порабощении Чехии габсбургскими захватчиками победу абсолютизма над сословной анархией. Результатом этой победы, по мнению Томека, было приобщение культуры «малой страны» к более высокой культуре «великой страны».

Порочность подобной концепции в наше время достаточно очевидна и не нуждается в каких-либо разъяснениях. Но следует напомнить, что

⁸² Об их работах см.: И. Бэлза. Из прошлого чешской музыки. «Советская музыка», 1959, № 6.

⁸³ «Česká polyfonní tvorba». Sestavila Jitka Snižková. Praha, MCMLVIII.

⁸⁴ См., например, J. Vanický. Přehled dějin české hudby. Praha, 1955 (с приложением библиографии и нотных образцов).

⁸⁵ J. Vanický. Minnesang. Praha, 1958 (вступительная статья, тексты, обширные комментарии и библиография).

⁸⁶ О жизни и деятельности Трольды см.: A. Buchner. Hudební sbírka Emiliána Troldey. Praha, 1954. Подавляющее большинство рукописей, найденных и восстановленных Трольдой, все еще не опубликовано. Некоторые материалы фонда Трольды, хранящегося в музыкальном отделе Национального музея в Праге, использованы в первом томе «История чешской музыкальной культуры» автора этих строк.

эта концепция была воскрешена в годы, непосредственно предшествовавшие фашистской оккупации Чехословакии и в годы самой оккупации, когда гитлеровская пропаганда навязывала миф о «благотворности» воздействия «великой немецкой культуры» на культуру «малого народа». Вряд ли нужно теперь доказывать, что культура немецкого народа и фашизм — понятия принципиально противоположные. Но демагогическое отождествление этих понятий подкреплялось историческими аналогиями, и заслуживший печальную известность «Европейский литературный клуб» в Праге издал в 1940 г. сборник «Чешское барокко», в котором послебелогорская «эпоха тьмы» провозглашалась периодом расцвета чешской культуры.

Еще в 1928—1933 гг. реакционный историк Вацлав Пекарж опубликовал четырехтомную монографию о национальном герое чешского народа Яне Жижке⁸⁷, в которой извращал историю освободительного табаритского движения. В 1938 г. он был инициатором организации выставки «Пражское барокко», устроенной с целью фальсифицировать историю чешской культуры. Наш современник академик Йозеф Мацек справедливо считает, что «именно монография Пекаржа о Жижке после 1939 г. служила нацистским оккупантам в качестве орудия в борьбе за систематическое искоренение любой прогрессивной чешской идеи. В силу своих антинародных взглядов идеолог контрреволюции стал находкой для нацистской пропаганды подобно тому, как ранее он служил интересам отечественных фашистов»⁸⁸.

Между тем еще учитель Неедлого профессор Пражского университета Отакар Гостинский, а за ним и другие выдающиеся чешские ученые показали, что «чешское самобытное творчество и чешская культура были надломлены политическими последствиями Белой Горы»⁸⁹. Неедлы подверг сокрушающей критике реакционные концепции Пекаржа⁹⁰ и попытки фальсифицировать историю чешской культуры, предпринятые Пекаржем, Зденком Калистой и другими авторами.

Из всего сказанного явствует, какое значение приобретает в истории культуры правильное понимание и решение проблемы «чешского барокко», не всегда достаточно четко освещаемой чешскими историками культуры. Конечно, можно согласиться с теми из них, которые пишут о творческих достижениях отечественных мастеров в данный период⁹¹. Но очень важно подчеркнуть, что достижения эти объясняются не тем, что Чехия была поработана Габсбургами, а, наоборот, тем, что народ чешский продолжал героическую борьбу за свою независимость, за самобытность своей богатой и древней культуры. «Остается фактом, что барокко для чешского народа было эпохой тьмы», — констатирует один из крупнейших чехословацких музыковедов проф. Йозеф Плавец⁹².

Напомним, что термин «эпоха тьмы» вошел в обиход чешских историков после появления знаменитого романа Алоиса Ираска «Тьма», который Неедлы считает величайшим произведением писателя. Такую характеристику романа мы находим в послесловии Неедлого к пражскому изданию 1955 г., открывающемуся фронтисписом Адольфа Кашпара,

⁸⁷ V. Pekař. Žižka a jeho doba, sv. I—IV. Praha.

⁸⁸ И. Мацек. Табор в гуситском революционном движении, т. I. М., 1956, стр. 39.

⁸⁹ V. Helfert. O české hudbě. Praha, 1957, str. 67.

⁹⁰ Z. Nejedlý. Z české kultury. «Spisy», sv. 15. Praha, 1951.

⁹¹ См., например, J. Racek. Указ. соч.; J. Němeček. Nstin české hudby XVIII století. Praha, 1955.

⁹² J. Plavec. Dějiny české a slovenské hudby. Praha, 1955, str. 18. К сожалению, этот источниковедческий труд, как и курс истории чешской музыки Ваницкого, издан литографским способом и очень небольшим тиражом.

изображающим иезуита, хищные руки которого разрывают и бросают в пламя костра «еретические» (т. е. чешские) книги и рукописи⁹³.

Иезуит Кониаш, фигурирующий в романе и изображенный Кашпаром — лицо историческое. По собственным словам Кониаша, он один уничтожил несколько десятков тысяч книг и рукописей. И вспоминая о преступлениях варваров XVII в. (впрочем, чешские канционалы истреблялись и в XVIII в.), мы можем в полной мере оценить многолетний труд чешских патриотов, затраченный на поиски уцелевших памятников культуры. Собранные Трольдой материалы свидетельствуют, что в чешской музыкальной культуре шла ожесточенная борьба двух течений. Даже в официально репрезентативные вокально-инструментальные жанры врываются живые народнопесенные интонации, обуславливающие национальное своеобразие музыки.

Говоря об этих интонациях, Плавец подчеркивает, что именно в послебелогорский период в песенном творчестве чешского народа развиваются бунтарские, «збойничьи» мотивы⁹⁴. Они получают отражение и в профессиональном творчестве. Таким образом, тезис Неедлого о том, что свободололюбивые стремления и порывы чешского народа были мощными стимулами развития его художественной культуры, получает развитие в трудах современных чехословацких ученых, вносящих существенные поправки в понятие «чешского барокко», извращенного реакционными авторами.

К числу серьезных проблем чехословацкого музыковедения следует отнести также изучение периодов «чешской музыкальной эмиграции» и будительского движения. Что касается первой проблемы, то за исключением упоминавшейся уже монографии Гельферта об Йиржи Бенде, оставшейся, к сожалению, незаконченной, и книги Ярослава Чеды о Мысливечке⁹⁵, в которой преобладает биографический материал, здесь нельзя назвать ни одной сколько-нибудь значительной работы, хотя разумеется, не только братья Бенда, но и Мысливечек⁹⁶, и Дусик, и многие другие мастера XVIII в. заслуживают самого серьезного внимания.

Помимо вопроса о сохранении своеобразия творческого облика чешскими музыкантами, находившимися за пределами родной страны, следует говорить и о влиянии, несомненно оказывавшемся ими на европейскую музыкальную культуру, в которую интенсивно проникали славянские элементы, доказательством чему служит, в частности, творчество всех четырех великих венских классиков. Вопрос о роли чешской музыки и ее представителей в истории мировой музыкальной культуры не может считаться разработанным. Нельзя даже сказать, чтобы на эту столь важную для музыкальной славистики проблему в Чехословакии было обращено должное внимание.

В то же время можно с удовлетворением отметить, что иначе обстоит дело с изучением будительского периода. Правда, до сих пор нет монографий ни о Томашке, ни о Воржишке (оказавшем, видимо, ошутимое влияние на Шуберта и Шумана). Но зато Плацу принадлежит капитальное исследование о создателе первой чешской оперы Франтишке Шкroupе⁹⁷, а Вацлав Ян Сикора опубликовал книгу о жизни и творчестве

⁹³ Иллюстрации Кашпара к «Тьме» были созданы еще в 1921 г.

⁹⁴ J. Plavec. Указ. соч., стр. 15.

⁹⁵ J. Čedá. Josef Mysliveček. V Praze, 1946.

⁹⁶ Попытка охарактеризовать творчество Мысливечка сделана в первом томе «Истории чешской музыкальной культуры» автора этих строк (М., 1960).

⁹⁷ J. Plavec. František Skroup. Praha (s. a.).

друга Моцарта — «отца чешского фортепьянного искусства»⁹⁸ Франтишка Ксавера Душка⁹⁹.

Книгой о Шкroupе не исчерпывается итог многолетней работы Плава над будительским периодом истории чешской музыкальной культуры. К числу ценнейших публикаций последнего времени можно отнести также переиздание «Венка». Под таким названием Шкroup и его либреттист поэт Йозеф Красослав Хмеленский (1799—1839) выпускали в 1835—1839 гг. ежемесячные сборники патриотических песен и отрывков из популярных музыкально-сценических произведений. После смерти Хмеленского Шкroup продолжал в 1843—1844 гг. публикацию этих сборников, а в 1960 г. Плавец переиздал 158 произведений сорока чешских композиторов-будителей, печатавшихся в «Венке»¹⁰⁰. Эта публикация, а также книги и статьи пражского ученого в значительной степени помогают составить правильное представление об интенсивности творчества музыкантов-будителей, а также о его своеобразии, почерпнутом из народных истоков.

Такая связь ощущается и в творчестве основоположника чешской пианистической школы Франтишка Ксавера Душка, в чем убеждают нас многочисленные материалы, собранные в упомянутой книге Сикоры. Свидетельства современников о Душке, Дусике, Франтишке Бенде, Томашке и Воржишке чрезвычайно важны для нас еще и потому, что содержат сведения о той необычайной напевности их игры, которая уже с давних пор являлась отличительной чертой славянских исполнительских школ. Инструментарий чешского народно-музыкального и профессионального искусства также является подтверждением этого вывода¹⁰¹.

Синтетическое обозрение истории чешской музыкальной культуры от ее истоков до юношеской патриотической «Песни свободы» Бедржиха Сметаны дано в обширной антологии Ярослава Поганки¹⁰². Несмотря на некоторые пробелы, антология эта примечательна тем, что в нее наряду с образцами профессионального творчества включены народно-песенные мелодии, ритмо-интонационный строй которых не оставляет сомнения в том, насколько сильное воздействие оказывал он на формирование выразительных средств чешских мастеров.

Можно подчеркнуть также, что вслед за Неудлым и Гельфертом такие выдающиеся исследователи, как Плавец, Рацек, Сихра и другие современные чехословацкие музыковеды, стремятся к широким историко-культурным обобщениям, к постижению процесса развития отечественной музыкальной культуры в тесной связи с историей родного народа. В этом отношении особенно показательна исследовательская и текстологическая работа над классическим наследием чешской музыки.

Прежде всего нужно остановиться на тщательно прокомментированных, снабженных вступительными статьями и сверенных с рукописями и другими источниками изданиях произведений Бедржиха Сметаны. В 1959 г. была закончена публикация оперных партитур «чешского Глинки»¹⁰³, предпринятая Музеем Сметаны в Праге, возглавляемым Аль-

⁹⁸ Так Душек назван в надписи на мемориальной доске, сооруженной в 1951 г. на доме в Хотеборках, где он родился.

⁹⁹ V. J. Sýkora. František Xaver Dušek. Praha, 1958.

¹⁰⁰ «Věpec ze zpěvů vlasteneckých». Sborník odrozenských písní, Praha, 1960. (Рец.: И. Бэлза. Чешские патриотические песни. «Советская музыка», 1960, № 10). В 1951 г. в Праге была впервые опубликована «Хрудимская увертюра» Шкroupa с вступительной статьей, которую по архивным материалам написали Йиржи Ежек и Мария Свободова.

¹⁰¹ A. Buchner. Hudební nástroje od pravěku k dnešku. Praha, 1956; A. Buchner. Zaniklé dřevěné dechové nástroje 16. století Praha, 1952.

¹⁰² J. Poňanka. Dějiny české hudby v příkladech. Praha, 1958.

¹⁰³ И. Бэлза. Оперные партитуры Сметаны. «Советская музыка», 1959, № 8.

фонсом Вайсаром. 15 лет длилась текстологическая работа редакционного коллектива (Франтишек Бартош, Милан Зуна, Ладислав Ласка, Йиндржих Масло, Йозеф Плавец, Карел Шольц), исправившего тысячи погрешностей в старых изданиях. Партитура «Чертовой стены», завершившая эту серию, была опубликована впервые. Также впервые была издана в 1955 г. партитура единственной («Торжественной») симфонии Сметаны (1853—1854), подготовленная к печати той же редакционной коллегией, которая опубликовала в 1956 г. том хоровых произведений Сметаны с обширной вступительной статьей Йозефа Плавца.

Как в этой статье, так и в монографии о хоровом творчестве Сметаны¹⁰⁴ Плавец показал прочность связей этого творчества не только с народнопесенными мелодиями, в частности с чешской традицией мужского хорового пения, но и с будительскими освободительными стремлениями. Можно еще раз высказать сожаление по поводу того, что Неедлы довел свою монографию лишь до середины 40-х годов прошлого столетия¹⁰⁵, но нельзя сомневаться в том, что именно он так блистательно и разносторонне раскрыл значение Сметаны как величайшего выразителя этих патриотических стремлений. Плавец шел по пути, указанному Неедлым, развивая его тезис о народности чешской музыкальной классики, получивший обоснование и в других работах современных чехословацких музыковедов¹⁰⁶, а также в книгах и статьях советских авторов¹⁰⁷.

Серьезной заслугой чешского музыковедения является также изучение творческого наследия Дворжака и правильное решение ряда проблем, вызывавших споры на протяжении нескольких десятилетий, предшествовавших утверждению народно-демократического строя в Чехословакии. Во время этой длительной дискуссии делались попытки объявить творчество Дворжака «менее национальным», «менее народным», а следовательно, и менее самобытным, чем творчество Сметаны.

Но прежде чем говорить о дворжаковской проблематике, необходимо отметить, что в Чехословакии была проделана громадная работа по накоплению фактического материала о жизни и творчестве Дворжака, по изданию и популяризации его произведений. Исключительно велики в этом отношении заслуги Отакара Шоурека (1883—1956) — автора монографии о Дворжаке¹⁰⁸ и нескольких десятков других работ, переведенных на многие языки. Шоурек возглавлял также деятельность пражских издательств, выпускавших новые, критически пересмотренные издания произведений Дворжака, в том числе и те, которые были собственностью зарубежных фирм и в силу международной конвенции об авторском праве до 31 декабря 1954 г. не могли быть переизданы на родине композитора¹⁰⁹.

Обильный материал, собранный Шоуреком, содержит множество данных о связях Дворжака с той же канторской средой, которая оказала воздействие и на формирование творческого облика Сметаны, с народно-национальными истоками чешской музыки, получившими своеобразнейшее развитие в дворжаковских произведениях. Во многих

¹⁰⁴ J. Plavec. Smetanova tvorba sborová. Praha, 1954.

¹⁰⁵ Дополнением к монографии можно считать книгу Неедлого об операх Сметаны («Zpěvohry Smetanovy». Praha, 1907).

¹⁰⁶ См., например, A. Sychra. Realismus Bedřicha Smetany. «Hudební rozhledy», 1949, № 8, 9.

¹⁰⁷ См., например, З. Гулинская. Бедржих Сметана. М., 1959.

¹⁰⁸ O. Sourek. Život a dílo Antonína Dvořáka. I—IV. Praha, 1954—1957 (новое переработанное издание).

¹⁰⁹ В настоящее время издание полного собрания сочинений Дворжака близится к завершению.

отношениях Дворжак продолжал дело Сметаны¹¹⁰. Вместе с тем, как справедливо считают некоторые чехословацкие исследователи, в творчестве Дворжака отчетливо проступает стремление к синтетическому обобщению черт различных славянских культур¹¹¹.

Наиболее широко изучил вопрос о народности дворжаковской музыки пражский музыковед Антонин Сихра, посвятивший этому свою докторскую диссертацию «Эстетика симфонического творчества Дворжака»¹¹². Несмотря на то, что книга Сихры, как явствует из ее заглавия, посвящена в основном лишь одному жанру дворжаковского наследия, круг проблем, поставленных и в той или иной мере решенных в этой книге, значительно шире. Вступительный раздел (стр. 15—42) посвящен, в частности, «интонациям и жанрам народной музыки в дворжаковском творчестве», а следующий раздел (стр. 43—54) называется «Народная песенность — основа дворжаковской эпикки».

Сихре удалось установить близость мелодики Дворжака к интонациям чешской народной песенности и даже к ее конкретным образцам. Но как бы интересны ни были сами по себе такие сопоставления и обнаруженные исследователем фольклорные цитаты, гораздо более важным представляется нам вывод о той народности идейно-эмоционального строя произведений Дворжака, которая обусловила их национальное своеобразие и значительность. Для понимания эстетики Дворжака, как справедливо замечает Сихра, необходимо рассматривать ее в тесной связи с эстетикой не только Сметаны, но и Эрбена.

В эскизных набросках Дворжака, изученных Сихрой, удалось найти много пометок, не оставляющих сомнения в том, что мелодические очертания многих тем в программных симфонических произведениях Дворжака рождались как песенный отклик на певучие интонации эрбеновского стиха. О своеобразии этого приема «инструментальной декламации», раскрывающей музыкальными средствами просодию стиха, приема, особенно широко применявшегося именно Дворжаком (хотя такого рода декламацией пользовались уже Бетховен и Лист, в симфонии которого с потрясающей силой прозвучала надпись на вратах дантовского ада), нам приходилось писать еще раньше, анализируя «эрбеновские» поэмы Дворжака¹¹³. Сихра показал, как глубоко воспринял композитор типично будительское содержание этих поэм, к которым так близки и сметановская «Либуше», и симфонический цикл «Моя Родина».

Проблема изучения будительских основ творчества обоих основоположников чешской музыкальной классики неотделима от проблемы постижения ее традиций и изучения процесса их развития. Изучение это охватывает наследие Зденка Фибиха, Леоша Яначка и мастеров дворжаковской школы — Йозефа Сука, Витезслава Новака, Оскара Недбала.

Если чехословацкие музыковеды после войны посвящали Фибиху только источниковедческие труды и сборники материалов, которые окажут помощь будущему биографу и исследователю творчества автора «Падения Арконы»¹¹⁴, то о Леоше Яначке помимо такого рода изданий¹¹⁵ появилось громадное количество работ, освещающих различные

¹¹⁰ Z. Nejedlý. O Antonínu Dvořákovi. Praha, 1954, str. 8.

¹¹¹ См., например, J. Bachtík. Dvořákovy Slovanské tance. Praha, 1947.

¹¹² A. Sychra. Estetika Dvořákovy symfonické tvorby. Praha, 1959.

¹¹³ И. Бэлза. Очерки развития чешской музыкальной классики. М.—Л., 1951, стр. 412, 575.

¹¹⁴ Назовем прежде всего двухтомник «Zdeněk Fibich» (Praha, 1951—1952, свыше 1400 страниц), а также нотографический указатель с приложением краткой библиографии и дискографии: L. Boháček. Dílo Zdenka Fibicha. Praha, 1950.

¹¹⁵ Среди них наибольшую ценность представляют книги моравского музыковеда Богумира Штедрня «Произведения Леоша Яначка» (нотографический указатель на

стороны деятельности этого замечательного, глубоко своеобразного музыканта.

О творческом пути и стиле Яначка, о значении его в истории чехословацкой и мировой музыкальной культуры давно уже идут споры не только на родине композитора. Еще Гельферт¹¹⁶ подчеркивал самобытность музыки Яначка, его пламенный патриотизм, чувство, которое не слабело у композитора даже в периоды наиболее рискованных творческих исканий, объяснявшихся на Западе воздействием общеевропейского модернизма.

О том, насколько прочно сам Яначек чувствовал себя связанным с родной почвой, с культурой Чехословакии и ее народно-национальными традициями, свидетельствуют его многочисленные письма, опубликованные Яном Рацком и Артушем Ректорьсем в нескольких томах «Архива Яначка», а также обширное собрание высказываний Яначка о народно-музыкальном творчестве с вступительными статьями Яна Рацка и Йиржи Вислоужила¹¹⁷, последний особо останавливается на деятельности Яначка как собирателя народных песен¹¹⁸.

Гельферт, Рацек, Штедронь, Йозеф Бурьянек¹¹⁹ и другие исследователи подробно изучили интонационный строй музыки Яначка, показав, что не только в его вокальных, но и в инструментальных произведениях постепенно получает развитие стройная система, возникшая в результате многолетних наблюдений и творческих исканий. С самых юных лет Яначек был очарован поэзией моравской народной песни, танца и инструментальной музыки¹²⁰. Однако наряду с этим он постоянно вслушивался в интонации человеческой речи, улавливая в них различные эмоциональные градации и тщательно записывая, а затем систематизируя мелодические и ритмические очертания этих интонаций, которые затем ложились в основу тематических образований, получавших развитие в различных произведениях композитора. Так возникали музыкальные образы счастья, гнева, боли, радости, скорби, волевой сосредоточенности, рождавшиеся из эмоциональных эквивалентов человеческой речи. До известной степени этот творческий метод близок к дворжакской инструментальной декламации поэтической речи.

В связи с изучением творчества всех четырех классиков чешской музыки — Сметаны, Дворжака, Фибиха и Яначка — в чехословацком музыковедении широко разрабатывается тема общности славянских культур, которой придавали огромное значение эти мастера, как явствует из их высказываний, исполнительской и общественной деятельности. На протяжении последних лет данные эти получили достаточно широкое распространение как в чехословацкой, так и советской музыковедческой литературе¹²¹, поэтому нам нет надобности останавливаться на них.

Укажем лишь на изобилующую ценным фактическим материалом работу Владимира Штепанка о приездах Чайковского в Прагу¹²², на книги русского языка. Прага, 1959) и сборник «Janáček ve vzpomínkách a dopisech» (Praha, 1946).

¹¹⁶ V. Helfert. Leoš Janáček, 1—5. Brno, 1938—1939 (первый том, который составляют эти пять выпусков, доведен лишь до 1888 г.).

¹¹⁷ «Leoš Janáček o lidové písni a lidové hudbě». Praha, 1955.

¹¹⁸ J. Vysloužil. Janáčková tvorba ve světle jeho hudebně folklorní teorie. «Sborník Janáčkovy Akademie múzických umění», II. Brno, 1960.

¹¹⁹ J. Burján. Janáčková Kát'a Kabanova a Ostrovského Bouře. «Musikologie», sv. 3. Praha, 1955 (весь этот том посвящен Яначку).

¹²⁰ J. Procházka. Lašské kofeny života i díla Leoše Janáčka. Praha, 1948.

¹²¹ См., в частности, опубликованные в 1954—1956 гг. два сборника «Из истории русско-чешских музыкальных связей».

¹²² V. Štěpánek. Pražské návštěvy P. I. Čajkovského. Praha, 1952.

ректора Брненской академии искусств им. Яначка, профессора Людвига Кундеры о педагогической и общественной деятельности автора «Ее падчерицы»¹²³, а также на ряд работ Богумира Штедрона, опубликованных в «Сборниках трудов философского факультета Брненского университета» («Яначек и Чайковский», 1953; «Леош Яначек и Польша», 1954 и др.) и в «Чешско-польском сборнике» («Польские отзвуки в чешской музыке», 1955).

Вместе с тем именно изучение наследия Яначка, а отчасти и Новака должно было привести чехословацких исследователей вплотную к рассмотрению проблемы проникновения модернистских веяний в чешскую музыку. Нельзя сказать, чтобы веяния эти замалчивались¹²⁴. Но они не подвергались сколько-нибудь действенной критике и даже не привлекали должного внимания. Наоборот, в необозримой литературе о Яначке, появившейся на протяжении последних 15 лет, заметна тенденция замалчивания противоречий и кризисных явлений, несомненно, существующих в некоторых поздних произведениях (в том числе и музыкально-сценических) этого выдающегося мастера, который не избежал противоречий в конце своего творческого пути.

Это вовсе не означает, что чехословацкое музыковедение и музыкальная критика равнодушно относятся к модернистским извращениям Запада. Борьба с ними началась сразу же после освобождения страны от фашистского гнета, и в этом отношении очень большое значение имели выступления Неедлого, продолжавшего борьбу за утверждение принципов реализма и народности в искусстве, которую он вел еще в междувоенный период, разоблачая порочность пресловутых экспериментов с четвертыми, шестыми и восьмыми долями тона и других извращений.

Неедлы был не одинок в этой борьбе. Крупнейшие чешские композиторы Отакар Йеремиаш, Вацлав Добиаш, Йозеф Станислав, Ян Гануш, а также словацкие мастера, о которых мы будем говорить дальше, развивали в своем творчестве традиции Сметаны, противопоставляя их космополитическим блужданиям отдельных композиторов. Как Добиаш, так и Станислав систематически выступали в печати с теоретическим обоснованием принципов социалистического реализма.

О преемственной связи этих принципов с классическим наследием писали виднейшие чехословацкие музыковеды во главе с Неедлым. Здесь можно назвать, например, ряд статей Антонина Сихры, в частности те, которые включены автором в сборник, вышедший в пражской серии «За новую музыку»¹²⁵. Написанные в 1949—1952 гг. статьи эти дают оценку деятельности Неедлого и его учителя Гостинского (1847—1910)¹²⁶, которого Сихра справедливо называет «борцом за реализм в чешском искусстве». В ряде других статей на примере произведений Добиаша (нонет «О родной земле»), Сухоня (опера «Водоворот»), Станислава (массовые песни), Сейдля (кантата «Люди, будьте бдительны») и других произведений чехословацких композиторов автор показывает, как классические традиции насыщаются новым содержанием, рожденным нашей эпохой. В работах Сихры выдвигается на первый план проблема истинного и ложного новаторства, причем автору — в особенности в ста-

¹²³ L. Kundera. Janáčková varhanická škola. Olomouc, 1948; L. Kundera. Janáček a klub přátel umění. Olomouc, 1948.

¹²⁴ См., например, упоминавшуюся уже работу Бурьянка о «Кате Кабановой».

¹²⁵ A. Sucha. O hudbu zítřka. Praha, 1952.

¹²⁶ В 1956 г. в Праге был опубликован большой сборник работ Гостинского (Ota-
kar Hostinský. O umění), в который вошли статьи о музыке, изобразительном искусстве, театре и литературе, а также об эстетике, курс которой Гостинский читал в Пражском университете с 1877 г.

тях о нонете Добиаша и опере Сухоня — удается достаточно убедительно раскрыть основные черты социалистического реализма как творческого метода, стимулирующего развитие самых разнообразных индивидуальностей, а не нивелирующего их. При этом Сихра останавливается и на некоторых произведениях советских композиторов. Советской музыке посвящены многочисленные статьи и других чехословацких музыковедов, внимательно следящих за развитием и достижениями творчества наших композиторов, за достижениями исполнительского искусства, за историческими и теоретическими работами.

В некоторых из этих статей дается не только анализ произведений советских мастеров, но и ставится проблема патриотического долга строителя социалистической культуры, рассматривается важнейший вопрос о патриотических импульсах художественного творчества. Тем самым чехословацкое музыковедение выступает против реакционных попыток буржуазных авторов, стремящихся утвердить фрейдистские и неопрейдистские концепции о «потаенных глубинах бессознательного», якобы определяющих «сублимативную» сущность и направленность творческого процесса.

Несомненную ценность представляет большая монография пражского музыковеда Ярослава Иранка о Вите Неедлом (1912—1945) — чешском музыканте-воине, талантливом композиторе и дирижере, создателе Художественного ансамбля Чехословацкой армии, которому было впоследствии присвоено его имя¹²⁷. Автор книги рассказывает о жизненном и творческом пути безвременно погибшего единственного сына З. Неедлого, о том, как передовые идеи, за торжество которых боролась вся семья ученого-патриота, воплощались в творчестве Вита Неедлого.

Иранек справедливо считает его творчество и деятельность примером беззаветного служения родине, достойным изучения и подражания. Как известно, З. Неедлы с семьей, так же как и многие другие его соотечественники, во время фашистской оккупации Чехословакии жил в Советском Союзе, где провел несколько лет и Вит Неедлы до отъезда на фронт. Повествуя об этих годах, Иранек на обширном фактическом материале показывает, как в период войны крепили традиции дружбы народов Советского Союза и Чехословакии.

В работах и выступлениях З. Неедлого, его учеников и последователей говорится, что в период образования стран народной демократии традиции эти вступили в новую фазу развития, основанного не только на ощущении братской общности, но и той революционной солидарности славянских народов, которая объединяет их и с другими народами, вступившими на путь строительства социализма. Этой важнейшей теме посвящен ряд статей, систематически печатающихся в пражском журнале «Музыкальное обозрение»¹²⁸. Как в этом журнале, издающемся с 1948 г., так и в ежемесечнике «Словацкая музыка», который начал выходить в 1957 г., отражается борьба передовых кругов чехословацкой музыкальной общественности за утверждение принципов социалистического реализма в отечественной культуре и, в частности, стремление защитить ее от тлетворных влияний модернизма, от проникновения в нее космополитических, упадочных тенденций.

¹²⁷ J. Jiránek. Vít Nejedlý. Praha, 1959. Песни Вита Неедлого и его обработки чешских и словацких народных песен неоднократно издавались в Чехословакии и СССР (И. Бэлза. Песни музыканта-воина. «Славяне», 1956, № 1). Выставка, посвященная памяти Вита Неедлого, была организована Музеем Сметаны в Праге в 1956 г. (см. аннотированный каталог выставки).

¹²⁸ Обзоры этого журнала помещены в «Советской музыке», 1954, № 7; 1955, № 3, 5, 10, 12; 1956, № 4, 6 и др.

* * *

Словацкое музыковедение начало развиваться приблизительно 40 лет тому назад. В 1921 г. Доброслав Орел, получивший образование в Праге (под руководством Витезслава Новака) и в Вене (под руководством Гвидо Адлера), начал вести музыковедческий семинар на философском факультете Братиславского университета. Преемником Орла стал его ученик Конштантин Гудец. Оба они написали ряд работ о словацкой музыке и ее международных связях. Но только в послевоенные годы деятельность словацких музыковедов приобрела широкий размах ¹²⁹.

Следует напомнить, что несмотря на то, что словаки с давних пор отличались музыкальностью, а некоторые из них приобрели известность и за пределами своей родины (первые достижения польского оперного творчества связаны, в частности, с именем словака Мацея Каменьского), все же расцвет профессиональной композиторской школы начался в Словакии лишь в середине 40-х годов нашего столетия, когда достигли творческих вершин такие крупные мастера, как Эуген Сухонь (создатель первой словацкой оперы «Водоворот», поставленной на многих, в том числе и советских, сценах), Александр Мойзес, Ян Циккер, Андрей Оченаш, Шимон Юровский и другие талантливые словацкие композиторы.

Одной из основных задач словацкого музыкознания в эти годы было изучение национальной самобытности народного творчества, ставшего основой отечественного музыкального искусства, призванного сыграть большую роль в развитии художественной культуры Чехословакии. Громадную работу, способствовавшую успешному решению этой проблемы, проделали словацкие фольклористы, коллектив которых сплотился вокруг Государственного института народной песни при Словацком университете в Братиславе, а затем после реорганизации вошел в состав Отдела музыкального фольклора Музыковедческого института Словацкой академии наук.

Важнейшим итогом работы этого коллектива была многотомная публикация словацких народных песен, начатая под руководством профессора Конштантина Гудца (директора Государственного института народной песни), а после его смерти продолженная под редакцией доктора Франтишка Полочка. Первый том этого собрания (1950 г.) содержит мелодии и тексты 373 народных песен, второй (1952 г.) — 608, третий (1956 г.) — 938 песен. В предисловии к первому тому Гудец сообщил, что руководимый им коллектив собирателей и исследователей предполагает опубликовать около 20 тыс. песен.

Уже первые тома данного собрания позволили сделать ряд чрезвычайно важных выводов об общеславянских чертах, жанровом богатстве и своеобразных особенностях словацкой народной песенности, не утратившей своей самобытности на протяжении целого тысячелетия иноземного владычества, под игом которого находился словацкий народ. В предисловии к первому тому Гудец выступает против гипотезы Бартока об «акклиматизации» западноевропейской песни в славянских странах путем внесения в нее элементов «ладовой экзотичности». Впрочем, этому тезису Бартока противоречат его собственные высказывания о той общности, которую он обнаружил между венгерскими, словацкими, закарпатско-украинскими и хорватскими песнями, констатируя, что они соз-

¹²⁹ Об этом свидетельствуют, в частности, данные, которые собрал Юрай Потучек в двух библиографических указателях: J. Potúček. Súpis slovenských hudobní a literatúry o hudobníkoch. Bratislava, 1952; J. Potúček. Súpis slovenských hudobnoteoretických prac. Bratislava, 1955.

даны одним племенным объединением¹³⁰. Не вдаваясь здесь в рассмотрение вопроса об этногенезе славянских и венгерского народов, можно констатировать, однако, что процессы «мадьяризации» словацкой и «славянизации» венгерской песенности свидетельствуют прежде всего о давних культурных связях между этими народами, но отнюдь не снимают вопроса об их этнической дифференциации.

Наиболее обстоятельно рассмотрен вопрос об отличительных чертах словацкой народной песни в труде братиславского музыковеда и композитора Иозефа Кресанка «Словацкая народная песня с музыкальной точки зрения»¹³¹. Здесь не только широко использованы материалы, накопившиеся в Государственном институте народной песни, но и дан исторический обзор формирования различных жанров и типов словацкого народнопесенного и инструментального творчества. Последовательно рассматривая различные этапы этого процесса, Кресанек останавливается и на высказываниях многих отечественных и зарубежных исследователей, привлекая множество новых материалов, подтверждающих самобытность художественной культуры словацкого народа.

Словацкие искусствоведы успешно раскрывают эту самобытность не только в области музыки, но и архитектуры, скульптуры, живописи, керамики, вышивки и всех видов декоративного ремесла¹³². Самобытность, проявляющаяся во всех областях народного творчества, прослеживается затем и в профессиональном искусстве как его надежная, прочная основа.

Главной проблемой, которой посвящены обобщающие труды словацких музыковедов, стало изучение этой народно-национальной основы и ее развития в конкретных исторических условиях, игнорировавшихся в трудах Доброслава Орла. Его методологические ошибки повторили и его ученики, в том числе Конштантин Гудец, написавший краткий очерк развития словацкой музыкальной культуры¹³³.

На эти кардинальные недостатки трудов Орла и Гудца указали в предисловии к «Истории словацкой музыки» авторы книги Зденка Бокесова, Ладислав Бурлас, Иван Грушовский, Эрнест Заварский, Иозеф Кресанек, Ладислав Мокрый, Зденек Новачек, Павел Полак, Рихард Рибарич, Иозеф Шамко и Вероника Шедива¹³⁴. Несмотря на некоторые пробелы, обусловленные, как отметили сами авторы, гибелью многих рукописных источников, этот коллективный труд можно без всякого преувеличения считать важным этапом в истории словацкого музыковедения.

История словацкой музыкальной культуры тесно связана в книге с историей словацкого народа, с его тысячелетней борьбой за свою независимость, борьбой, которая так же, как в Польше и Чехии, велась и во всех областях культуры. В книге последовательно проводится и развивается тезис об основополагающем значении народа как создателя и хранителя культуры, расцвет которой в Словакии, как показывают авторы, начался после победы над фашизмом, после образования народно-демократической Чехословацкой Республики.

Процесс многовековой борьбы за самобытность словацкой культуры описан и в другой коллективной монографии — «Музыка в Словакии в XVII столетии». В его создании участвовали Ладислав Бурлас, Ян Фишер

¹³⁰ B. Bartók. La musique populaire des Hongrois et des peuples voisins. «Archivum Europae centro-orientalis». Budapest, 1936, p. 33.

¹³¹ J. Kresánek. Slovenská ľudová pieseň so stanoviska hudobného. Bratislava, 1951.

¹³² См., например, «Slovenské ľudové umenie». Výtvarný prejav. Bratislava, 1953.

¹³³ K. Hudec. Vývin hudobnej kultúry na Slovensku. Bratislava, 1949.

¹³⁴ «Dejiny slovenskej hudby». Bratislava, 1957.

и Антонин Горжейш¹³⁵. Материалы, собранные в книге, были отчасти использованы и в названном нами обобщающем труде и в немалой мере способствовали уяснению роли народных истоков в развитии профессионального творчества, в проникновении светских элементов в церковную музыку.

Понимание интенсивности процесса такого проникновения стало на протяжении последнего времени гораздо более полным и глубоким благодаря плодотворным исследованиям и расшифровкам памятников древней нотации, выполненным Ладиславом Мокрым, участвовавшим и в подготовке книги «Музыка в Словакии в XVII столетии». Его работы помогли решить также проблему интонационного своеобразия словацкой мелодики, обусловленного устойчивостью народной основы.

Это своеобразие, как показали Эрнест Заварский¹³⁶ и другие исследователи, ярко проявилось в творчестве Яна Левослава Беллы (1843—1936) в особенности в последние годы его жизни, когда были созданы произведения, утвердившие значение этого мастера как основоположника словацкой музыкальной классики и ее национальных традиций.

Полного расцвета творчество словацких композиторов достигло лишь в послевоенные годы. Традиции этого творчества обогатились новым содержанием, почерпнутым непосредственно из тех великих свершений, которыми ознаменовался новый период в истории Чехословакии. В многочисленных монографиях об отечественных мастерах¹³⁷ словацкие музыковеды показывают, какими высокими идеями, какими достижениями социалистического строительства вдохновляются композиторы, ставшие достойными участниками этого строительства, служащие родному народу своим искусством и создающие новые ценности национальной культуры.

Одной из наиболее важных и значительных проблем как чешского, так и словацкого музыкознания стало всестороннее изучение того идейно-эмоционального и образного обогащения музыкального творчества, которое характеризует новый период его развития в социалистическую эпоху. Нет сомнения, что эта задача неизменно будет находиться в центре проблематики музыкознания не только западнославянских, но и всех других стран народной демократии.

¹³⁵ L. Burlas, J. Fišer, A. Hořejš. Hudba na Slovensku v XVII storočí. Bratislava, 1954.

¹³⁶ E. Zavarský. Jan Levoslav Bella. Život a dielo. Bratislava, 1955.

¹³⁷ E. Zavarský. Eugen Suchoň. Bratislava, 1955; J. Samko. Jan Cikker. Bratislava, 1955; J. Fišer. Andrej Očenáš. Bratislava, 1955; Z. Nováček. Dezider Kardoš. Bratislava, 1955; Z. Bokesová. Šimon Jurovský. Bratislava, 1955; L. Burlas. Alexander Moyzes. Bratislava, 1956; M. Palovčík. Frisco Kafenda. Bratislava, 1957; F. Klina. Alexander Albrecht. Bratislava, 1959.

Н. С. Йованович (Богдановская)
**ДВИЖЕНИЕ НАРОДНЫХ МАСС ЮГОСЛАВИИ
ПРОТИВ НАСТУПЛЕНИЯ РЕАКЦИИ
И МОНАРХО-ФАШИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ
(1928—1929)**

Государственный переворот 6 января 1929 г. и установление монархо-фашистской диктатуры явились заключительным этапом десятилетнего господства сербской буржуазии во главе с королем Александром в многонациональном государстве сербов, хорватов, словенцев. Этот акт означал конец буржуазного конституционного периода в истории Югославии.

Видовданская конституция 1921 г. провозгласила централизм основой внутреннего устройства Югославского государства. Принятая с целью консолидации власти буржуазии, эта конституция санкционировала существовавшие социально-экономические отношения и национальное угнетение.

Первое десятилетие существования Югославии было заполнено классово и национально-освободительной борьбой трудящихся, острыми политическими столкновениями в парламенте, ростом фашизма и наступлением реакции на завоеванные в первые годы послевоенного революционного подъема демократические права и свободы. Эти процессы происходили при растущих экономических затруднениях, ухудшении внешнеполитического положения страны. К концу первого десятилетия особенно остро проявилась неспособность господствовавшей сербской буржуазии стабилизировать экономическое и политическое положение Югославии.

Важнейшим источником для изучения социально-экономических отношений в стране являются «Стенографические отчеты народной скупщины Королевства сербов, хорватов и словенцев», дающие возможность проследить экономическую политику господствующих кругов, состояние экономики страны, положение народных масс.

Многочисленные интерpellации и выступления оппозиционных депутатов дают возможность судить о глубоком аграрном кризисе в Далмации, Боснии, Герцеговине, Македонии. Протоколы скупщины представляют богатый материал по национальной политике в несербских районах, они являются ценным источником еще и потому, что отражают требования различных политических партий.

Основной источник, позволяющий проследить первые акты монархо-фашистской диктатуры, ее законодательство, — «Службене новине», сборники правительственных распоряжений и законов.

К следующей группе источников относятся архивные материалы по истории Коммунистической партии Югославии, опубликованные в послевоенный период, в частности второй том «Исторического архива КПЮ»¹ и сборник документов о VIII Загребской конференции, состоявшейся в феврале 1928 г.² Эти издания помогают при изучении политики КПЮ, положения в партии, борьбы за ее консолидацию против фракционности и оппортунизма части руководства.

В серии «Исторический архив КПЮ» опубликовано «Открытое письмо членам КПЮ» Коминтерна³. Материалы этого тома отражают отношение КПЮ к событиям 6 января 1929 г., ее оценку установившегося в стране режима.

Мемуары одного из крупных буржуазных деятелей Югославии Светозара Прибичевича⁴ и членов демократической партии (представителей ее левого крыла), примкнувших в годы народно-освободительной борьбы к коммунистической партии Ивана Рибара⁵ и Драгослава Смильянича⁶, важны и представляют интерес прежде всего для раскрытия острой внутриполитической борьбы в стране накануне установления монархо-фашистской диктатуры. В них показаны взаимоотношения различных политических партий, борьба оппозиции в парламенте, отношение видных буржуазных деятелей к самому перевороту.

Книга Прибичевича содержит много интересных материалов о политике правящих кругов накануне переворота, о роли короля Александра в подготовке и осуществлении государственного переворота. Тот факт, что написана она была в 1932 г., когда Прибичевич находился в политической эмиграции, наложил заметный отпечаток на характер оценок событий, личностей, действий различных политических группировок. В книге критически осмыслены совершившиеся события. Она является итогом политической эволюции взглядов автора от ярого приверженца монархии и сторонника строгого централизма до поборника федерального устройства государства и противника диктатуры короля Александра. Необходимо, разумеется, критически относиться к оценкам автором политической деятельности отдельных представителей буржуазных партий, в частности Степана Радича, к попыткам изобразить себя поборником демократии, врагом сербской правящей клики, скрыть цели и причины эволюции своих политических воззрений. Прибичевич замалчивает и игнорирует революционное движение в стране, стремится всю ответственность за установление монархо-фашистской диктатуры возложить лишь на короля Александра, пытается представить себя жертвой личной вражды к нему короля.

Вторая книга воспоминаний Рибара посвящена событиям, непосредственно предшествовавшим перевороту 6 января 1929 г., в частности показу тех сил, на которые опирались король и его клика. Автор отмечает героизм и решительность коммунистической партии — единственной партии, выступившей против диктатуры⁷. Он подробно останавливается на первых мероприятиях диктаторского правительства генерала Живковича, терроре и преследованиях прогрессивных деятелей после установления диктатуры.

¹ «Историјски архив КПЈ», т. II. Београд, 1950.

² «VIII mjesna konferencija zagrebačke organizacije KPJ». Zagreb, 1959.

³ «Историјски архив КПЈ», т. II, стр. 447—453.

⁴ S. Pribičević. La dictature du roi Alexandre. Paris, 1933. Сербско-хорватский перевод: S. Pribičević. Diktatura kralja Aleksandra. Beograd, 1953.

⁵ J. Ribar. Politički zapisi, knj. II. Beograd, 1949.

⁶ D. Smiljanić. Sećanja na jednu diktaturu. Beograd, 1960.

⁷ J. Ribar. Указ, соч., стр. 218.

Драгослав Смильянич характеризует внутривластическую обстановку в стране, раскрывает беспринципность, продажность и трусость ведущих буржуазных деятелей, своим предательством и малодушием способствовавших осуществлению замыслов реакции.

Воспоминания участников рабочего движения опубликованы в сборниках «Сорок лет», посвященных 40-летию КПЮ. Они освещают страницы героической борьбы КПЮ и комсомола Югославии в условиях жестоких репрессий, деятельность замечательных коммунистов и руководителей рабочего класса Джуро Джаковича, Перы Поповича-Аги, Мишко Орешки Ягича и многих других.

Историография интересующего нас вопроса незначительна, так как ни в югославской, ни в советской литературе нет еще ни одного специального исследования на эту тему. Она исчерпывается рядом статей тогдашних руководящих деятелей КПЮ, опубликованных ими в советских журналах довоенного периода⁸, и статьями в органе революционной эмиграции в Вене «Балканская федерация»⁹.

Отдельным вопросом истории борьбы Коммунистической партии и Союза коммунистической молодежи Югославии посвящены некоторые работы современных югославских авторов. Так, в брошюре одного из старейших деятелей рабочего движения Югославии Йосипа Цази «Коммунистическая партия Югославии и профсоюзы»¹⁰ рассматривается стачечная борьба пролетариата в 1919—1939 гг., отношение КПЮ к профсоюзам. В монографии Войо Райчевича «Студенческое движение в Загребском университете в 1918—1941 гг.»¹¹ освещается и период борьбы против подготовки диктатуры, студенческие демонстрации и стачки накануне переворота.

В книге приведены интересные документы, листовки, выпущенные в первые месяцы 1929 г. Загребским клубом студентов-марксистов. Характеристика деятельности КПЮ в этот период, оценка режима, установившегося в стране после 6 января 1929 г., даны в выступлении Йосипа Броз-Тито на пятом съезде КПЮ¹².

* * *

Стабилизация капитализма в Югославии, начавшаяся в 1925 г., несколько укрепила позиции великосербской буржуазии. Но она не была прочной и длительной из-за нерешенности аграрного вопроса, увеличивавшейся из года в год зависимости страны от иностранного капитала и, наконец, постоянного дефицита государственного бюджета.

Югославия была аграрной страной с мелкокрестьянским хозяйством и пережитками феодально-крепостнических отношений. 76% населения страны занимались земледелием, скотоводством и рыболовством¹³. Уровень развития земледелия и скотоводства был низким, агротехника находилась в зачаточном состоянии, урожай зависел только от природных условий. Земледелие было экстенсивным, преобладали зерновые культуры. Увеличение сбора зерновых в стабилизационный период происходило в основном не за счет повышения их урожайности, а за счет расширения

⁸ «Коммунистический Интернационал», 1928, № 11, 28; 1929, № 5, 36, 37; «Красный Интернационал профсоюзов», 1929, № 4.

⁹ «La Fédération Balkanique», 1928, № 105; 1929, № 107, 108.

¹⁰ J. Cazi. Komunistička partija Jugoslavije i sindikati. Beograd, 1959.

¹¹ V. Rajčević. Studentski pokret na zagrebačkom sveučilištu 1918—1941. Zagreb, 1959.

¹² «V конгрес КПЈ». Београд, 1949.

¹³ «Statistički godišnjak za 1931», knj. III. Beograd, 1934, str. 51.

площадей¹⁴. Урожай были очень низкими¹⁵. Обработка земли производилась в большинстве случаев ручным способом. Лишь в Воеводине, Хорватии и Словении в имениях помещиков и зажиточных крестьян употреблялись машины. Одной из основных отраслей югославского сельского хозяйства было скотоводство. Количество скота в период стабилизации не достигло довоенного уровня. К 1928 г. количество лошадей составляло лишь 71%, крупного рогатого скота 52%, свиней 58% от довоенного уровня¹⁶.

Югославия была одним из крупных поставщиков зерновых, рогатого скота, муки и мяса в страны Средней Европы, и ее внешняя торговля служила своеобразным барометром экономического развития. Лишь три года — в 1924, 1925 и 1926 гг. — внешнеторговый баланс был активным, с 1927 г. он сокращается. Вывоз только двух главных культур — пшеницы и кукурузы — в 1926—1927 гг. уменьшился на 70%¹⁷. Общий экспорт в 1927 г. сократился по сравнению с 1926 г. на 12% по количеству и на 18% по стоимости¹⁸. Уже в 1926 г. цены на зерновые на мировых рынках были ниже их себестоимости в Югославии¹⁹, что свидетельствовало о наступлении сельскохозяйственного кризиса. Он выразился в падении цен внутри страны. В 1924 г. 100 кг пшеницы стоили в среднем 417 динаров, в 1925 г. 281 динар, а в 1928 г. 230 динаров; цена кукурузы упала с 219 динаров за 100 кг в 1924 г. до 120 динаров в 1926 и 110 динаров в 1927 г.²⁰

Покупательная способность крестьянства в связи с этим тоже падала. В 1926 г. она составила лишь 60% от уровня 1924 г.²¹ Это привело к сужению внутреннего рынка. Внутриторговый оборот в стране к 1928 г. уменьшился на 30—40% по сравнению с 1924 г.²² Сокращение экспорта сельскохозяйственной продукции отразилось на тех отраслях промышленности, которые были связаны с переработкой сельскохозяйственного сырья. Мукомольная промышленность, сосредоточенная главным образом в Воеводине, в 1928 г. использовала лишь 20% своих мощностей, кожевенная — 40%, сахарная — около 50%²³. По данным министра финансов Суботича, представленным им скупшине в ноябре 1928 г., только за два года в стране обанкротилось 1648 промышленных и банковских предприятий²⁴. К началу 1928 г. из 809 новых предприятий, построенных в стабилизационный период, 123 прекратили свою деятельность (среди них 44 пищевых, 4 текстильных, 27 деревообрабатывающих)²⁵.

Эти неполные данные свидетельствуют о том, что уже в конце 1927 и в 1928 г. в отдельных отраслях югославской промышленности наблюдались признаки надвигающегося кризиса, потрясшего страну в 1929—1933 гг. Все это свидетельствовало о непрочности капиталистической стабилизации в Югославии.

¹⁴ С 1922 по 1926 г. площадь под кукурузой выросла на 10%, под пшеницей на 22% («Статистический ежегодник по мировому сельскому хозяйству». М., 1932, стр. 551).

¹⁵ Сбор пшеницы с 1 га в 1921 г. составлял в среднем 9,4 ц, в 1923 г. поднялся до 10,7 ц, а в 1924 г. 9,2 ц («Экономист», 1929, бр. 1, 2, стр. 125—126; «Политика», 27.XII 1928).

¹⁶ «Izvoz stoke i zadrugarstvo». Beograd, 1940, стр. 7—8.

¹⁷ «Аграрные проблемы», 1928, кн. 4, стр. 40.

¹⁸ «L'Humanité», 7.III 1928.

¹⁹ Б. Бошкович. Перед новым взрывом на Балканах. М., 1934, стр. 38.

²⁰ М. Mirković. Економска historija Jugoslavije. Zagreb, 1957, стр. 348.

²¹ «Стенографске белешке Народне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца» (далее — «Стенографске белешке»), Београд, 1927, кн. 5, стр. 344.

²² «Историјски архив КПЈ», т. II, стр. 149.

²³ Там же.

²⁴ «Стенографске белешке», 1928, кн. 1, стр. 451.

²⁵ «Коммунистический Интернационал», 1929, № 11, стр. 22.

Не менее ярким показателем экономических затруднений являлось состояние финансов страны и ее бюджет (в среднем ежегодно с 1924/25 г. бюджет равнялся 12 млрд. динаров)²⁶. Бюджетный дефицит рос из года в год. В 1924/25 г. он составлял 1 млрд. динаров, а в первые пять месяцев 1926/27 г. достиг 2 млрд. динаров и был включен в новый бюджетный год²⁷. При этом доходная часть бюджета сокращалась, а расходы на вооружение увеличивались²⁸. Даже орган промышленных кругов Сербии «Привредни преглед» вынужден был признать, что «военный бюджет составляет пятую часть всех бюджетных расходов и почти треть государственных бюджетных доходов. Поэтому он действительно несносен»²⁹. Более трети бюджета шло на содержание огромного чиновничьего аппарата и королевского двора. В то же время расходы на сельское хозяйство, дававшее ежегодно 39% всего национального дохода, в бюджетном 1928/29 г. не превышали 0,2%³⁰.

Для покрытия растущего бюджетного дефицита правящие круги Югославии обращались к иностранным кредиторам и заключали тяжелые в экономическом и политическом отношении займы, которые объявлялись «спасительным якорем»³¹. Югославский народ должен был своим трудом оплачивать громадные долговые обязательства. По данным югославской статистики, к 1927 г. государственный долг достиг 32 млрд. динаров, из которых 26 млрд. приходилось на долги иностранным государствам³². При этом около 50% составляли долги Франции, долговые обязательства с которой не были урегулированы, 30% — долги Англии, 20% — США³³. Таким образом, на каждого жителя страны приходилось в год более 2 тыс. динаров долга.

Финансовая политика правителей Югославии ставила экономику страны под непосредственный контроль иностранного капитала. Это вело к политическому подчинению страны интересам крупнейших империалистических государств.

Таким образом, к концу 1928 г. Югославия находилась перед опасностью надвигающегося кризиса, а ее стабилизация становилась все более неустойчивой.

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1928 г.

Крестьянское движение и крестьянские партии

Особой остроты противоречия капитализма в Югославии достигли к 1928 г., когда выявилась полная несостоятельность политики правящих кругов в области экономики, их попыток стабилизации внутривнутриполитической жизни и международного положения Югославии. Для этого периода характерно усиление крестьянского и национально-освободительного движения, оживление рабочего движения во главе с коммунистической партией, обострение политической борьбы в парламенте.

²⁶ «La Jougoslavie par les chiffres». Belgrad, 1935, p. 43.

²⁷ «Radnik», 14.II 1927.

²⁸ Доход от прямых налогов в 1927/28 бюджетном году сократился по сравнению с предыдущим годом на 74 млн. динаров, расходы на военные нужды в 1928/29 г. увеличились по сравнению с 1927/28 г. на 25 млн. динаров («La Jougoslavie par les chiffres», стр. 45. Отдел. рукописных фондов Института истории АН СССР, д. 16, № 5а, 16с.).

²⁹ «Привредни преглед», 11.I 1928.

³⁰ «Bulletin du bureau international agraire», Prage, 1928, p. 73.

³¹ «Привредни преглед», 16.IX 1928.

³² «Привредни преглед», 19.IV 1928; «Политика», 23.XII 1928.

³³ «La Fédération Balkanique», 1928, № 86.

Крестьянское и национально-освободительное движение в 1927—1928 гг. разворачивалось по двум основным линиям: борьба за окончательное решение аграрного вопроса и ликвидацию всех остатков феодализма, за землю, против ростовщичества и борьба против денационализаторской политики правящей сербской буржуазии в несербских районах, против засилия сербского чиновничества и военщины, против несправедливого налогового обложения.

Аграрная реформа, провозглашенная в 1919 г., не разрешила основных противоречий югославской деревни, которая страдала от малоземелья и безземелья, была задавлена непосильными налогами, находилась в кабале у ростовщиков и банков, испытывала на себе произвол властей. Частые неурожаи, голод, свирепствовавший во многих районах страны, резко ухудшили положение крестьянства. Оно поднималось на борьбу. В апреле-мае 1928 г. многочисленные митинги и собрания состоялись в Сербии. Основными требованиями были введение закона о крестьянской задолженности, уменьшение процентов по долгам, наделение беднейшего крестьянства землей. На крестьянском митинге в Вальеве, организованном в знак протеста против чрезмерной задолженности, выступления ораторов сопровождалось криками крестьян: «Долой ростовщиков! Долой банкиров! Больше так не хотим!» В резолюции, принятой на митинге, говорилось, что тяжелое экономическое положение, в котором находится крестьянство, угрожает ему гибелью. «Ростовщичество разных видов,— писали крестьяне,— превратилось в настоящее угнетение!» Участники митинга потребовали от правительства издания закона об аннулировании крестьянских долгов, запрета ростовщичества, предоставления крестьянам дешевого кредита³⁴.

В конце 1927 и начале 1928 г. волна крестьянских митингов охватила Хорватию, Далмацию, Герцеговину, Воеводину. Во многих районах Далмации и Герцеговины крестьяне нападали на помещичьи и кулацкие усадьбы, захватывая скот и зерно³⁵. 9 июня в селе Мартоноша (Воеводина) произошло кровавое столкновение крестьян с членами аграрной комиссии, прибывшей в село для пересмотра совершенного по аграрной реформе раздела общинной земли. Крестьяне избили и выгнали из села представителей министерства аграрной реформы, решив, что они хотят лишить крестьян принадлежавшей им земли³⁶.

В несербских областях народные массы несли все тяготы национального угнетения. Это прежде всего отражалось в налоговом обложении. Если в Сербии в год на каждого жителя приходилось в среднем не больше 700 динаров прямого налога, то в Хорватии и Славонии по 915 динаров, в Словении 1336 динаров, в Воеводине по 1846 динаров³⁷. Налог с 1 га земли в 1925 г. составлял в Сербии 36 динаров, в Хорватии, Славонии и Среме 44 динара, в Македонии 46 динаров³⁸. Такое неравенство в налоговом обложении вызывало справедливое возмущение несербских народов и служило одной из причин углубления противоречий между господствующей сербской нацией и угнетенными несербскими нациями.

Хорватское крестьянство требовало ликвидации Видовданской конституции, уравнивания налогов, решения национального вопроса. Крестьянское и национальное движение в несербских областях (Хорватия, Славония, Далмация) возглавляла Хорватская крестьянская партия

³⁴ «Политика», 2.VI 1928; «Време», 2.VI 1928.

³⁵ «Правда», 15.I 1928.

³⁶ «Политика», 13.VI 1928.

³⁷ R. Bičanić. *Ekonomska podloga Hrvatskog pitanja*. Zagreb, 1938, str. 41.

³⁸ A. Коен, E. Džikovski, A. Sunarić. *Bosna i Hercegovina kao privredno područje*. Sarajevo, 1938, str. 129.

(ХКП)³⁹. Она представляла интересы мелкой и средней сельской и городской буржуазии. Руководство партии во главе со Степаном Радичем постоянно колебалось, шло на компромиссы с правящими кругами великосербской буржуазии вплоть до отказа от своей республиканской программы⁴⁰.

К 1928 г. требования партии были сведены к автономии местного управления в рамках конституции и демократизации государственного аппарата. Центр борьбы был перенесен в парламент, где сторонники Радича настаивали на включении их в состав правительства. Путь переговоров и уступок Радич предпочитал пути революционному. Он боялся революционного движения масс и стремился ослабить его, считая, что в Югославии нет необходимости решать социальные противоречия методами насилия. На митинге в Загребе 16 июня 1928 г. Радич призывал к тому, чтобы «не было войны на фабриках, чтобы социальный мир и наша общественная жизнь шли не только к солидарности, но и к гармонии»⁴¹. Отсюда его стремление избежать обострения борьбы, кровопролития.

Учитывая настроение масс и боясь окончательно потерять влияние среди хорватского народа, Радич возглавил в парламенте борьбу оппозиции против гегемонистских стремлений великосербских кругов, за расширение прав местного самоуправления. В последнем Радич и его единомышленники усматривали путь для достижения консолидации буржуазии всех наций и осуществления национального равноправия. Оппозиция Радича сводилась к легальным формам борьбы за равноправие хорватов в едином Сербо-хорватском государстве. Он был противником отделения Хорватии и сторонником единства государства под скипетром монархии Карагеоргиевичей. Борьба Радича за национальное равенство хорватского и сербского народов, за уменьшение налогового бремени, решение аграрного вопроса (ликвидацию полуфеодалных пережитков — колоната, чифликчийства), против жандармских насилий завоевала большую популярность среди всего хорватского крестьянства. Выступления Радича в парламенте, на крестьянских митингах, в печати с большой симпатией принимались передовой общественностью и находили отклик в широких крестьянских массах. Его страстные речи вызывали ненависть и озлобление дворцовой клики и ее приспешников.

Если в хорватской деревне ведущей силой была ХКП, то в сербской почти неограниченным влиянием пользовался Сербский земледельческий союз (СЗС). Руководство его состояло из представителей буржуазной сербской интеллигенции и кулачества, что проявлялось в идеализации капиталистической кооперации, с помощью которой предполагалось постепенное преобразование государства. Отражая настроение зажиточных слоев сербского крестьянства, руководство Союза пыталось отвлечь беднейшие слои крестьян от революционных методов борьбы, предлагая путь длительного и мирного кооперирования. «Крестьянству, — заявлял один из руководителей Союза Томашевич, — нет необходимости в насильственном взятии власти, так как завоевание победы предполагается путем эволюции»⁴².

Классовая сущность Союза проявлялась и в защите великосербской точки зрения в национальном вопросе, в отстаивании им принципов

³⁹ До 1925 г. Хорватская крестьянская партия называлась Хорватской республиканской крестьянской партией.

⁴⁰ 27 марта 1925 г. в скупщине была от имени находившегося в то время в заключении С. Радича прочитана декларация ХКП о присоединении к правительственной коалиции и отказе от радикальных требований, в частности от требования республики.

⁴¹ «Дом», 18.XII 1928.

⁴² «Политика», 16.X 1928.

централистского государства и проповеди великосербского шовинизма, так как, по мнению теоретиков Союза, единое югославское государство должно включать в себя всех южных славян, в том числе и болгар⁴³.

Вместе с тем в программе Союза нашли свое отражение стремления крестьянских масс. Союз требовал ликвидации феодального и помещичьего землевладения. Основным тезисом программы было: «Земля принадлежит тому, кто ее обрабатывает и живет на ней. Каждый крестьянин должен иметь достаточно земли для приложения своего труда»⁴⁴. Кроме того, Союз выступал за отмену государственной монополии табачного производства, бесплатную врачебную помощь, аннулирование крестьянских долгов и освобождение от налогов после засухи, наводнений и других бедствий.

Радикализация крестьянских масс, вызванная ухудшением их положения, усиливала борьбу различных течений в самом Союзе. Из его состава выделилась группа лидеров, требовавшая наделения крестьян землей и ликвидации крестьянской задолженности. Ее возглавляли профессор Белградского университета Драгослав Иованович и Милош Тупаннин. Это левое течение выступало против централистского устройства государства, стремясь к объединению крестьянского движения в Сербии и Хорватии⁴⁵. Позиция левых встретила сопротивление большинства, что привело осенью 1928 г. к острому столкновению на конгрессе Союза в Чачке и уходу Иовановича из Союза⁴⁶. Вся деятельность руководства Союза в целом была направлена на усиление своего влияния в деревне и в парламенте, чтобы использовать движение крестьянских масс Сербии в интересах зажиточных слоев и выторговать у правительства определенные привилегии и льготы кулацким элементам.

Укрепление позиции этих мелкобуржуазных партий на селе во многом облегчалось неправильной политикой Коммунистической партии Югославии, сосредоточившей свое внимание на работе среди городских рабочих и не придававшей серьезного значения развертывавшемуся национально-освободительному движению. Руководство КПЮ во главе с Симой Марковичем не видело в крестьянстве союзника рабочего класса и не считалось с тем, что национально-освободительное движение сильно именно тем, что его основную силу составляло многомиллионное крестьянство. Но к концу 20-х годов, сознавая ошибочность этого курса и опираясь на решения III съезда⁴⁷, партия поставила своей задачей усиление работы среди крестьянства и привлечение беднейших слоев его на свою сторону. Партия выдвинула конкретную программу по крестьянскому вопросу: конфискация всех земель помещиков и церкви и передача их в руки тех, кто эту землю обрабатывает, конфискация инвентаря и передача его вместе с землей крестьянам; организация на селе для решения этих задач рабоче-крестьянских комитетов, разоблачение перед массами характера аграрной реформы, оказание помощи левым элементам в крестьянском движении и активизация деятельности коммунистов в различных крестьянских организациях⁴⁸. Но эта работа развертывалась крайне медленно и нерешительно. Влияние буржуазных партий на селе оставалось доминирующим.

⁴³ «Стенографске белешке», 1928, кн. 9, стр. 318.

⁴⁴ «Политика», 16.X 1928.

⁴⁵ Д. Иовановић. Јединство земљорадничког покрета. Сб. «Selo i seljaci». Сарајево, 1937, стр. 69.

⁴⁶ Там же, стр. 47.

⁴⁷ Съезд состоялся в июне 1926 г. в Вене. См. резолюцию по аграрному и крестьянскому вопросам. — «Историјски архив КПЈ», т. II, стр. 119—126.

⁴⁸ «Историјски архив КПЈ», т. II, стр. 124—125.

Рабочее движение и КПЮ

Другим важным фактором политического кризиса было усиление рабочего движения. Запрещение коммунистической партии в 1920 г. и принятие Закона о защите государства в 1921 г., вынудили партию уйти в глубокое подполье.

Ухудшение жизненных условий, усиление нажима предпринимателей и наступление на права рабочих, завоеванные ими в период подъема рабочего движения в 1918—1921 гг., вызвали новое обострение классово-вой борьбы.

С 1924 г. происходит постоянное падение заработной платы. В этот год она сохранялась на уровне, достигнутом в годы инфляции. В 1925 г. заработная плата сократилась на 10—15%, в 1926 г. почти во всех отраслях промышленности снизилась еще на 10—15%⁴⁹. Номинальная заработная плата с 1924 по 1928 г. уменьшилась на 30—40%, в то же время лишь на 14% упали цены на предметы широкого потребления, хлеб и муку, что свидетельствовало и о резком сокращении реальной заработной платы⁵⁰.

Условия труда были очень тяжелыми. По данным Белградской рабочей палаты, в 1926 г. 63% охваченных анкетой рабочих работало более 9 часов в сутки⁵¹. На обувных предприятиях Бати из 300 опрошенных рабочих 12 работали по 11—15 часов в сутки, а 88 — от 9 до 11 часов⁵². Это не было исключением, так как рабочее время устанавливали предприниматели. Недовольных выбрасывали на улицу, их места занимали неквалифицированные рабочие, вчерашние крестьяне или женщины и подростки. За 5 лет (1923—1928) количество работающих женщин в югославской промышленности увеличилось с 19 до 22%⁵³. В 1926—1928 гг. молодые рабочие до 19 лет в строительной промышленности составляли 30%, в швейной — 56%, металлообрабатывающей — 47%, горнорудной — 13%⁵⁴. По данным ремесленных палат, в стране насчитывалось более 200 тыс. учеников («шегртов») ⁵⁵.

Предприниматели пользовались фактическим отсутствием рабочего законодательства, увеличивая рабочее время, не заботясь ни о безопасности труда, ни о санитарных условиях. Все это приводило к многочисленным несчастным случаям на производстве. В 1926 г. было 7058 несчастных случаев в стране (117 смертельных), в 1927 г. — 8149 (135 смертельных), в 1928 г. — 8483. За семь лет (1921—1928) в стране произошло 50 584 несчастных случая на производстве, из них 1098 смертельных⁵⁶.

Положение рабочего класса в целом ухудшалось существование резервной армии безработных. По данным бирж труда, в 1927 г. насчитывалось 235 тыс. безработных, в январе 1928 г. это число возросло до 250 тыс., а в марте — до 270 тыс.⁵⁷

Увеличение армии безработных происходило за счет прилива сельского населения в города из-за голода и неурожая в 1926 и 1927 гг. Но промышленность не была в состоянии дать работу тысячам голодных людей. Безработица росла и в связи с сокращением производства в ряде

⁴⁹ «Стенографске белешке», кн. 5, 1927, стр. 272.

⁵⁰ М. Соколки. Положај радничке класе у капиталистичкој и социјалистичкој Југославији. Београд, 1956, стр. 26—27.

⁵¹ J. Sazi. Указ. соч., стр. 33.

⁵² М. Соколки. Указ. соч., стр. 66.

⁵³ St. Kučoleča. Industrija Jugoslavije 1918—1938. Beograd, 1940, str. 93

⁵⁴ «Mladi lenjinist», broj 1, juli 1930, str. 31—32.

⁵⁵ Там же, стр. 32.

⁵⁶ «Красный Интернационал профсоюзов», 1929, № 4, стр. 303.

⁵⁷ М. Соколки. Указ. соч., стр. 31; «Политика», 14.III 1928.

отраслей, банкротством и закрытием предприятий. Количество рабочих в стране не превышало 800 тыс., а из них безработных было 30%. В 1928 г. из 270 тыс. безработных помощь от палат и бирж труда в количестве 70 динаров в год получило лишь 100 тыс.⁵⁸

Все это обостряло противоречия между трудом и капиталом. Рабочее движение в основном носило характер оборонительных боев. Вовлечение в забастовочное движение широких слоев рабочих, в том числе и не организованных в профсоюзы, женщин, учеников, безработных, свидетельствовало о полевении пролетарских масс и росте их классового сознания. Если в 1925 г. было проведено 73 стачки за повышение заработной платы на 184 предприятиях, то в 1927 г. уже 85 выступлений на 2240 предприятиях⁵⁹. В 1927—1928 гг. бастовали рабочие многих отраслей производства: металлисты литейной фабрики в Осиеке, Суботицкой фабрики «Ферум», железнодорожники Марибора, рабочие Крушевацкой вагонной фабрики, химической фабрики «Даница» в Копривнице, вагоностроительной фабрики «Ясеница» в Смедеревской Паланке, кожевники Вальева, Арилья, Чачка, швейники Нового Сада, Загреба, Подгорицы, Винковцев, Белграда. В 1928 г. значительными были стачка рабочих-текстильщиков в Дуга Реса (Хорватия), забастовка на крупнейших стекольных заводах страны в Заечаре и Панчеве, которая распространилась на стекольные предприятия всей страны и охватила около 1300 рабочих; забастовка шоферов всей Черногории, продолжавшаяся несколько дней⁶⁰.

В обращении к рабочим всей страны орган независимых профсоюзов газета «Организовани радник» писала: «В Дуга Реса 1600 наших друзей ведут героическую борьбу, чтобы стачкой заставить предпринимателей текстильных фабрик ввести человеческие условия жизни и труда. Этой борьбой они показали беспримерную выдержку и самоотверженность, заслужив моральную и материальную поддержку пролетариата Югославии»⁶¹. Одиннадцать недель продолжалась неравная борьба рабочих. Стачка потерпела поражение, текстильщики так и не добились улучшения своего положения. Но забастовка показала, что в рабочем движении намечается оживление. В то же время борьба текстильщиков вскрыла слабости и недостатки в работе независимых профсоюзов и компартии, не сумевших использовать выступление для развертывания движения по всей стране.

Начало 1928 г. ознаменовалось широким движением на многих крупных предприятиях, связанных с выборами рабочих доверенных⁶². Компартия вела предвыборную кампанию под лозунгом единого фронта всех рабочих. В результате этой борьбы независимые профсоюзы одержали победу на выборах рабочих доверенных на целом ряде предприятий: в железнодорожных мастерских Великого Бечкерека (Воеводина) и Ниша (Сербия), на химической фабрике «Даница» (Хорватия), Белградской трикотажной фабрике, в загребских железнодорожных мастерских и т. д.⁶³

Не менее значительными были выступления безработных, которые требовали не только работы, организации общественного питания, выделения средств для помощи безработным и их семьям, но выдвигали и по-

⁵⁸ «Политика», 26.I 1928.

⁵⁹ «Юбиларни зборник Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца». Алманах, Београд, 1928, стр. 174: «Красный Интернационал профсоюзов», 1929, № 4, стр. 302.

⁶⁰ J. Cazi. Указ. соч., стр. 55.

⁶¹ «Организовани радник», 8.II 1928.

⁶² Доверенные на предприятиях были посредниками между рабочими и управлением. Через них рабочие предъявляли властям требования, сообщали о нарушении коллективных договоров, злоупотреблениях и издевательствах над рабочими.

⁶³ «Организовани радник», 12, 15.I 1928.

литические требования: полной свободы деятельности профсоюзов, прекращения полицейского террора, амнистии политическим заключенным⁶⁴. Подобные митинги и демонстрации состоялись в Белграде, Вальеве, Загребе, Панчеве, Лесковце, Новом Саде⁶⁵. Эту борьбу возглавляли независимые профсоюзы⁶⁶ и коммунистическая партия. Они призывали трудящихся страны объединять силы независимо от политической принадлежности в борьбе за свои права, против наступления предпринимателей. С этой целью на ряде предприятий (загребские железнодорожные мастерские, Крушевацкая вагонная фабрика, Копривницкая химическая фабрика «Даница», трикотажная фабрика в Белграде и т. д.) коммунисты предлагали представителям реформистских профсоюзов⁶⁷ составлять общие списки кандидатов по выборам рабочих доверенных, создавать объединенные комитеты по организации демонстраций и митингов безработных.

1 мая 1928 г. тысячи рабочих откликнулись на призыв независимых профсоюзов отметить международный праздник солидарности трудящихся. Празднование 1 Мая проходило под лозунгами борьбы за полную свободу собраний, организаций и стачек, за единство профсоюзного движения, против антирабочих чрезвычайных законов, за 8-часовой рабочий день, т. е. носило политический характер. Демонстрации, митинги и собрания рабочих состоялись во всех крупных городах и свидетельствовали о росте революционных настроений среди югославского пролетариата и усилении его политической борьбы.

В период кампании по выборам доверенных на предприятиях и подготовки первомайских выступлений Коммунистическая партия Югославии стремилась укрепить свои позиции в рабочем движении. Но ее деятельность осложнялась не только условиями подполья, жестокими полицейскими преследованиями, но также острой фракционной борьбой в рядах центрального руководства партии, которая ослабляла силы партии, дезориентировала партийные массы, мешала объединению усилий для решения серьезных задач в сложных нелегальных условиях. Фракционная борьба, начавшаяся в руководящих органах партии в 1920 г., развернулась вокруг национального, крестьянского, профсоюзного и других вопросов, но в дальнейшем превратилась в беспринципную борьбу за руководство, способствуя изоляции партии от широких масс. В 1926—1928 гг. она приняла такие размеры, что возникла опасность раскола партии и революционных профсоюзов. Многие коммунисты в условиях подъема рабочего движения требовали укрепления рядов партии и изгнания из нее всех фракционеров. В ночь на 26 февраля 1928 г. в Загребе состоялась VIII городская партийная конференция, которая осудила подрывную деятельность правой и левой фракции в ЦК КПЮ, а также в руководстве городской организации и выбрала новое руководство⁶⁸.

⁶⁴ «Организовани радник», 2, 4.III 1928.

⁶⁵ Там же, 22, 29.I; 1, 2.II; 18.III 1928.

⁶⁶ Первый конгресс независимых профсоюзов состоялся 12—16 июня 1927 г. в Белграде. К ним принадлежали Союз рабочих металлообрабатывающей промышленности и ремесел Югославии, Союз рабочих кожевенно-перерабатывающей промышленности и ремесел, Союз рабочих швейной промышленности и ремесел, Союз торговых служащих и частных чиновников, Союз рабочих деревообрабатывающей промышленности и ремесел, Союз рабочих строительной промышленности и ремесел и Союз сельскохозяйственных рабочих Югославии.

⁶⁷ В реформистский Общий рабочий союз Югославии входили Хорватский рабочий союз, организованный сторонниками Радича, Союз железнодорожников Югославии и др.

⁶⁸ «VIII mjesna konferencija zagrebačke organizacije KPJ», Zagreb, 1959.

В мае 1928 г. Коминтерн направил «Открытое письмо к членам Коммунистической партии Югославии». Исполком Коминтерна призвал членов КПЮ покончить с фракционной борьбой, осудив деятельность как правой фракции во главе с Симой Марковичем, так и левой во главе с Райко Йовановичем и Джуро Цвиичем. В письме была выдвинута задача создания рабочего руководства партии, укрепления ее рядов для предотвращения раскола, изгнания из нее всех фракционеров, малодушных и неверующих, укрепления связи с массами⁶⁹. Во многих крупных промышленных центрах страны состоялись конференции местных партийных организаций, на которых обсуждалось «Открытое письмо». Партийные массы присоединялись к оценкам положения в партии и задачам по консолидации и большевизации ее рядов.

В резолюции заседания партийной организации города Ниша отмечалось, что она «приветствует письмо Коминтерна и полностью согласна с тем, что необходимо вести энергичную борьбу против фракционности в нашей партии, с какой бы стороны и от какой бы группы она ни исходила». Далее заявлялось, что коммунисты Ниша приложат «все силы для консолидации партии и поведут борьбу против любой попытки раскола партии и профсоюзов»⁷⁰. Подобные резолюции были приняты в партийных организациях Любляны, Сплита, Суботицы и других городов. В партии усилилась борьба за очищение ее рядов от фракционеров, которую возглавил вернувшийся в страну из Советского Союза член ЦК КПЮ Джуро Джакович. В обстановке принципиальной критики ошибок прежнего руководства, большого подъема организационной и политической работы шла подготовка к IV съезду партии. Он состоялся в октябре 1928 г. в Дрездене.

Сделав анализ экономического и политического положения в стране, съезд принял основные решения по теоретическим и практическим вопросам⁷¹. Значение IV съезда КПЮ для развития компартии велико. Он резко осудил деятельность фракционеров, избрал новое рабочее руководство, в которое вошел прекрасный организатор Джуро Джакович. Съезд наметил конкретные задачи партии по руководству классовой и национально-освободительной борьбой трудящихся Югославии.

Однако и после съезда руководство по-прежнему опиралось в основном на нелегальные организации, пренебрегая работой на крупных промышленных предприятиях, в массовых легальных союзах и организациях рабочих. По-прежнему не уделялось значительного внимания разоблачению предательской деятельности социал-демократии и ее руководства во главе с Живко Топаловичем. В связи с этим процесс большевизации партии шел медленно и был прерван почти в самом начале, так как через два месяца после съезда террор монархо-фашистской диктатуры нанес тяжелый удар рабочему движению и его партии.

ОБОСТРЕНИЕ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

Крестьянско-демократическая коалиция

Борьба трудящихся масс за экономическое, политическое, а в несербских областях и за национальное освобождение, обострившаяся к 1928 г., была основным фактором внутривнутриполитического кризиса, который переживала страна. Углублению его способствовали противоречия внутри

⁶⁹ «Историјски архив КПЈ», т. II, стр. 452—453.

⁷⁰ Архивска збирка Одељења НОБ Народног музеја у Нишу, № 1030.

⁷¹ «Историјски архив КПЈ», т. II, стр. 148—209.

самого буржуазного лагеря, выразившиеся в борьбе между правящей сербской буржуазией и буржуазией несербских районов. В борьбе за рынки, за экономическое господство, против великосербских стремлений хорватская и словенская буржуазия использовали недовольство масс централистской политикой белградских правителей. Этим были обусловлены ее выступления против налоговой политики государства, против займов, за пересмотр Видовданской конституции с целью уравнивания прав Хорватии с Сербией и т. д. Эту борьбу возглавила Крестьянско-демократическая коалиция (КДК).

Образование КДК в ноябре 1927 г.⁷² создавало условия для объединения хорватской и сербской буржуазии в Хорватии в единый фронт против централистской политики белградских правящих кругов. Это привело к обострению парламентской борьбы до таких размеров, что правящие круги видели решение кризиса в физическом уничтожении руководства коалиции и в установлении диктатуры монарха.

Внутриполитическая жизнь страны к концу первого десятилетия правления великосербской правящей клики характеризовалась усилением полицейского террора, засилием военщины, подавлением демократии. Нарушение прав местного самоуправления, особенно в национальных окраинах стало повсеместным явлением.

Так, например, в Воеводине в с. Прибичевиче были сняты со своих должностей председатель общины (кнез) и его заместитель за незнание официального сербского языка (они были венграми)⁷³; в Крижевце (Хорватия) было распущено городское самоуправление, находившееся в руках ХКП⁷⁴.

О нарушении демократии свидетельствовали выборы в скупшину в 1927 г.; прошедшие в обстановке террора, фальсификаций и подкупа должностных лиц. Неоднократные запрещения митингов и собраний, обсуждение в скупшине законопроекта о тюремном заключении рабочих за участие в революционных выступлениях — все это характеризовало реакционный внутриполитический курс правящих кругов. В период пребывания у власти правительства Вельи Вукиевича⁷⁵ в первом полугодии 1928 г. было арестовано 1570 человек, 34 убито, 531 ранено, 3 приговорено к смертной казни⁷⁶. После первомайских демонстраций и митингов массовые обыски и аресты произошли во многих городах страны. В Суботице был арестован секретарь революционного Союза сельскохозяйственных рабочих П. Францишкович, в Загреб — секретарь местного Союза металлистов и швейников Йосип Броз, в Белграде произведен обыск в помещении редакции газеты «Организовани радник». Кровавую расправу учинило правительство Вукиевича над участниками анти-итальянских демонстраций 29—31 мая 1928 г., вызванных обсуждением в скупшине вопроса о ратификации Неттунских конвенций⁷⁷. В руках

⁷² «Новая и новейшая история», 1961, № 4, стр. 92.

⁷³ «Стенографске белешке», 1928, кн. 9, стр. 301.

⁷⁴ Там же, 1928, кн. 7, стр. 11.

⁷⁵ Первое правительство Вукиевича было сформировано после выборов в скупшину 11 ноября 1927 г., второе — в начале марта 1928 г. и держалось у власти до 20 июня 1928 г.

⁷⁶ «La Fédération Balkanique», 15.VI 1928.

⁷⁷ Неттунские соглашения основывались на ряде мирных договоров и конвенций (Раппальский, 1920 г., соглашение в Санта-Маргарита, 1923 г., Римский пакт и Белградские конвенции, 1924 г.) и были заключительным этапом итало-югославских договоров о Приморье. Конвенции подписало 20 июня 1925 г. правительство Н. Пашича. Они касались вопросов транспорта, железнодорожного сообщения, прав граждан обоих государств на территории Югославии и Италии, решали вопрос о правах итальянского рыболовного флота в Далмации, предоставляли итальянским гражданам право на приобретение недвижимого имущества на территории Югославии в 50 км от

Италии эти конвенции были мощным орудием ее экспансионистских стремлений на Балканах. Орган демократической партии газета «Политика» вынуждена была признать, что «Неттунские конвенции дополняют целую систему экономического подчинения и присоединения нашей страны к торгово-морской системе Италии»⁷⁸. Но в течение трех лет Югославия оттягивала их ратификацию, справедливо опасаясь проникновения итальянского фашизма на Балканы и вытеснения Югославии из Албании⁷⁹. Чем агрессивнее становилась империалистическая политика Италии, тем сильнее росло сопротивление в самой Югославии ратификации соглашений. Потребовался нажим Англии, угрожавшей лишить Югославию займа⁸⁰, чтобы вновь поставить вопрос о ратификации Неттунских соглашений. Переговоры с Италией закончились подписанием 25 января 1928 г. соответствующего протокола, предполагавшего урегулирование всех спорных вопросов в течение шести месяцев⁸¹.

23 мая правительство уполномочило министра иностранных дел Воислава Маринковича представить соглашение на ратификацию в скупщине. Это вызвало взрыв возмущения в Хорватии и Словении.

В Загребе, Дубровнике, Сплите, Шибенике, на островах Хвар и Крк 29 мая состоялись массовые студенческие антифашистские демонстрации. Они показали ненависть масс к итальянскому фашизму и его агрессивным устремлениям. Выступления молодежи, к которым присоединялись рабочие, ремесленники, мелкие буржуа, сопровождалась подъемом националистических настроений, подогреваемых возглавившей движение Крестьянско-демократической коалицией. Ее руководитель Светозар Прибичевич 29 мая внес в скупщине предложение отвергнуть Неттунские соглашения и выразить недоверие правительству Вукиевича. В заявлении Прибичевича говорилось о том, что коалиция «объявляет самую решительную борьбу против ратификации Неттунских соглашений»⁸². Но правительство бросило против демонстрантов войска и полицию. Первые столкновения произошли 29 мая. На следующий день, 30 мая, полиция напала на манифестантов в Белграде, демонстрировавших под лозунгами: «Долой Муссолини!», «Долой фашизм!»⁸³. 31 мая в Любляне произошло новое столкновение с полицией. В ответ на это студенты университета объявили трехдневную забастовку, требуя смещения с поста министра внутренних дел Антона Корошеца и наказания виновников кровопролития⁸⁴.

Правительственная печать осудила демонстрации. Газета «Словенец», орган клерикалов, с возмущением писала о нарушении порядка и заявляла, что «такие выступления разрушают основы государственного строя...»⁸⁵. Радикальная «Самоуправа», ощутив перелом, наступивший в ходе демонстраций, которые превратились из чисто националистических

границы, что непосредственно затрагивало интересы местного населения (см. об условиях конвенций «Stenografske beleške», 1928, knj. 10, стр. 206—216).

⁷⁸ «Политика», 9.VI 1928.

⁷⁹ Договорами 1926 и 1927 гг. фашистская Италия превратила Албанию в своего вассала.

⁸⁰ В начале апреля 1928 г. в Лондоне было заключено предварительное соглашение о «Займе стабилизации и общественных работ» в 50 млн. фунтов стерлингов. Среди политических требований, предусмотренных соглашением, была обязательная ратификация Неттунских соглашений («Самоуправа», 8.IV 1928; «Привредни преглед», 29.IV 1928).

⁸¹ «Политика», 26.I 1928.

⁸² «Stenografske beleške», 1928, knj. 8, str. 196.

⁸³ «Политика», 31.V 1928.

⁸⁴ «Политика», 2.VI 1928.

⁸⁵ Цит. по: «Политика», 2.VI 1928.

в антиправительственные, писала, что «в последние дни события развиваются в нежелательном направлении». Она требовала от молодежи сохранять спокойствие и «не переходить границы»⁸⁶.

События конца мая — начала июня 1928 г. отразились на деятельности парламента, в котором оппозиция, возмущенная кровавым подавлением демонстраций, вновь усилила борьбу против правительства Вукичевича и господствовавшего в стране режима. Межпартийные схватки доходили до драк. Работа скупщины часто прерывалась обструкцией оппозиции или, как это имело место в начале июня, выступлением масс. В парламенте царил произвол радикалов и дворцовой клики. Обстановка в нем накалялась изо дня в день. В адрес руководства КДК неоднократно раздавались угрозы расправиться с ним. «Должен же найтись кто-то, — писала «Самоуправа», — кто захочет и сможет заставить замолчать Радича и Прибичевича»⁸⁷. Дворцово-милитаристские круги решили расправиться с вождями оппозиции, разгромить демократическое движение в стране и создать условия для установления диктатуры монарха.

С этой целью близкий к дворцовой офицерской организации «Белая рука» черногорский национал-фашист радикал Пуниша Рачич, спровоцировав очередное столкновение с оппозицией, 20 июня убил двух депутатов от ХКП — Павла Радича и Джуро Басаричека и тяжело ранил Степана Радича. Страшное злодеяние в парламенте вызвало громадное недовольство во всей стране, особенно в Хорватии. «Мы, все хорваты, — писал в органе ХКП газете «Дом» один из лидеров этой партии М. Барулица, — почувствовали, что злодейская рука раскрыла страшную картину десятилетнего осквернения наших основных человеческих прав... Святилище запачкано хорватской кровью»⁸⁸. В тот же день все 83 депутата от КДК отказались участвовать в работе парламента и выехали в Загреб, образовав там свой парламента.

Выстрелы в Белграде отозвались эхом в мировой печати. Буржуазная печать в убийстве 20 июня видела проявление лишь сербо-хорватского антагонизма и угрозу для сохранения единства государства. Так, парижская газета «Пёль» писала, что «убийство в белградском парламенте начало сербо-хорватскую вендетту»⁸⁹. Лондонская «Дейли телеграф» отмечал, что события в скупщине были следствием потрясений, препятствовавших консолидации югославского королевства в течение многих лет⁹⁰. Печать коммунистических партий осудила убийство оппозиционных деятелей как попытку проложить путь к государственному перевороту. «Политические проблемы, — писала «Ленинградская правда», — разрешаются в стенах «неподкупного» учреждения силой оружия»⁹¹. Болгарская газета «Новини», легальный орган Болгарской Коммунистической партии, характеризуя события в парламенте, отмечала, что они являются «моментом в той борьбе, которая ведется между классами и национальностями в Югославии»⁹².

20 июня 1928 г. свидетельствовало о глубоком политическом кризисе, об обострении национальной борьбы. Разбойничье нападение на Степана Радича и его соратников говорило о том, что великосербская

⁸⁶ «Самоуправа», 1.VI 1928.

⁸⁷ «Самоуправа», 16.VI 1928.

⁸⁸ «Dom», 11.VII 1928.

⁸⁹ «People», 14.VIII 1928.

⁹⁰ Цит. по: «Политика», 23.VI 1928.

⁹¹ «Ленинградская правда», 22.VI 1928.

⁹² «Новини», 20.VII 1928.

буржуазия становится на путь открытой подготовки монархо-фашистской диктатуры. Оно способствовало в то же время подъему национально-освободительного движения, нашедшему яркое выражение в баррикадных боях в Загребе 20—22 июня 1928 г.⁹³

Подготовка монархо-фашистского переворота

Напуганные ростом революционного движения, правящие круги в Белграде убедились, что правительство Вукичевича не способно добиться стабилизации внутриполитического положения в стране. 4 июля с отставкой кабинета Вукичевича начался очередной правительственный кризис. Попытки преодолеть его созданием коалиционного правительства с участием представителей оппозиционных партий оказались безуспешными, так как лидеры последних отказались вернуться в Белград, требуя роспуска скупщины и назначения новых выборов. Мандат на формирование правительства был вручен Антону Корошецу, личному советнику короля, председателю Словенской народной клерикальной партии. В правительственной декларации от 2 августа 1928 г. заявлялось, что «во внутренней политике оно будет правительством закона, порядка, труда и согласия, а во внешней — правительством мира и дружбы»⁹⁴. Предполагалось введение в жизнь нового налогового закона, унификация законодательства, урегулирование крестьянской задолженности, частичная децентрализация административного аппарата. Парламентская оппозиция резко осудила декларацию правительства. Представитель Союза земледельцев Воислав Лазич назвал ее «старыми перекрашенными тканями, которые д-р Корошец хочет преподнести народу как новые»⁹⁵. Но все эти обещания остались на бумаге.

Деятельность нового правительства показала, что оно по существу ничем не отличается от предыдущего и является проводником политики дворцовых кругов, использовавших кабинет Корошеца в качестве ширмы для подготовки государственного переворота.

Первым мероприятием кабинета Корошеца было усиление полицейского террора. По всей стране прокатилась волна арестов и репрессий. За три месяца (июль — сентябрь) в тюрьмы было брошено около 1160 человек⁹⁶. Правительство провело общинные и муниципальные выборы в ряде национальных районов. Выборы 28 октября 1928 г. в Боснии и Герцеговине проходили в обстановке запугивания и подтасовки их результатов. Официально выборы дали победу радикальной партии, получившей 1502 мандата. Сторонники правительства собрали в целом 3409 мандатов⁹⁷. Но во многих местах победу одержали оппозиционные партии: в 29 общинах из 79 большинство мест получили кандидаты Союза земледельцев⁹⁸.

На муниципальных выборах в Далмации, состоявшихся в ноябре, оппозиционные партии получили больше мандатов, чем раньше. В одном из крупнейших городов Далмации Сплите правительственные партии потерпели полное поражение: из 33 мандатов радикалы получили лишь 2, а клерикалы — 1⁹⁹.

Выборы в Боснии, Герцеговине и Далмации свидетельствовали о неустойчивости позиций правительства и его партий. Поэтому власти усилили

⁹³ «Новая и новейшая история», 1961, № 4, стр. 95.

⁹⁴ «Стенографские белешке», 1928, кн. 9, стр. 243—244.

⁹⁵ «Известия», 25.VIII 1928.

⁹⁶ Z. Stanković. Borbeni put SKOJa. Beograd. 1959, str. 96.

⁹⁷ «Политика», 30.X 1928.

⁹⁸ «Политика», 2.XI 1928.

⁹⁹ Отдел рукописных фондов Института истории АН СССР, д. 16, № 16, л. 93.

преследования оппозиционных деятелей и препятствовали их работе на местах. В Словении были распущены те общинные советы, в которых оппозиция имела большинство, а вместо них назначены правительственные комиссары. В Дубровнике 14 декабря была закрыта хорватская читальня «Степан Радич», руководителям которой было предъявлено обвинение в нарушении конституции, так как они организовывали «политические конференции без ведома властей»¹⁰⁰.

Учитывая уроки выборов, правительство начало разрабатывать законопроект об областном самоуправлении с целью расширения функций министра внутренних дел и предоставления полиции права вмешательства в деятельность органов самоуправления. В то же время подготавливалось изменение закона о печати с целью усилить уголовную и политическую ответственность за публикуемые материалы¹⁰¹.

Все эти меры вели к ликвидации последних остатков буржуазной демократии, сводили на нет и те положения конституции, которые провозглашали неприкосновенность самоуправления, свободу политической деятельности, свободу печати.

Не считая возможным справиться с внутренними трудностями парламентскими методами, великосербские круги во главе с королем искали выход в установлении власти «твердой руки», т. е. монархо-фашистской диктатуры. Поэтому все действия правящей верхушки были направлены на подрыв парламентского строя, разгром оппозиции, создание благоприятных условий для государственного переворота.

Дворцовая камарилья, поддерживаемая высшим офицерством, использовала многочисленные правительственные кризисы в демагогических целях, заявляя, что наступил час, когда между королем и народом «не может и не должно быть посредника», что нельзя больше идти старым, т. е. конституционным путем¹⁰². Сам король Александр стремился к установлению неограниченной власти. Воспитанник Санкт-Петербургского пажеского корпуса, он своим идеалом считал русское самодержавие. Король был одним из богатейших землевладельцев страны. Свои имения в Опленце и Тополе он постоянно расширял за счет смежных крестьянских земель. Он захватил также земли турецких феодалов в Македонии, создав крупное имение Демир-Капия. Король пользовался правом получения части дохода от рудников для личных нужд, участвовал в скупке акций железных дорог на юге страны. По подсчетам директора Франко-сербского банка в Париже Пирца, король в сейфах иностранных банков держал более полутора миллиардов динаров¹⁰³.

При подготовке и осуществлении переворота с целью установления монархической диктатуры король и дворцовые круги опирались прежде всего на великосербскую буржуазию, являвшуюся основным правящим классом в государстве СХС, стремившуюся укрепить монархию Карагеоргиевичей для сохранения своих привилегий, ограбления трудящихся масс не только сербской нации, но и других народов Югославии.

В подготовке государственного переворота приняли активное участие такие деятели ведущих сербских политических партий (прежде всего радикальной), как Милан Сршкич, Божа Максимович, Никола Узуневич, Илия Михайлович, Воислав Маринкович, Милош Савич и другие, которые представляли крупные торгово-промышленные и банковские круги сербской буржуазии.

¹⁰⁰ «Политика», 15.XII 1928.

¹⁰¹ «Политика», 18.XII 1928.

¹⁰² J. Ribar. Указ. соч., т. II, стр. 17.

¹⁰³ D. Smiljanic. Указ. соч., стр. 26.

Не менее важную роль играли верхушка сербской военщины и генеральный штаб. Наиболее ярким ее представителем был генерал Петр Живкович, командир королевской гвардии и личный адъютант короля Александра. Он возглавлял реакционную тайную офицерскую организацию «Белая рука», созданную по указанию короля Александра. Кастовые интересы этой организации в подготовке планов переворота совпадали с интересами господствовавшей крупной сербской буржуазии, так как монархическая диктатура могла полнее всего удовлетворить притязания офицерства. «Белая рука» была связана не только с королем, но и с руководством радикальной партии, что давало партии возможность удерживаться у власти.

Под защитой двора, при поддержке военщины в стране действовали фашистские организации. Они являлись серьезной опорой великосербской буржуазии в подготовке государственного переворота. Их задачей было установление в Югославии диктатуры монарха методами Примо де Ривера и Муссолини.

Используя лозунги защиты «основ, достигнутых объединением 1918 г.», и создания «югославской нации», фашистские организации служили ударными отрядами великосербской буржуазии и монархии в борьбе против революционного и национально-освободительного движения. Одним из наиболее реакционных объединений, созданных правящей кликой в 1922 г. для укрепления своих позиций и фашизации страны, была «Ориуна» (Организация югославских националистов). Она получала денежные дотации от королевского двора и генерального штаба. Уже в октябре 1922 г., когда Муссолини совершил поход на Рим и пришел к власти, «Ориуна» мобилизовала свои вооруженные отряды по всей Югославии. В 1922 г. ориунаши отличались в кровавых столкновениях с рабочими, в нападениях на рабочие дома и крестьянские митинги в Словении и Хорватии. В июне 1924 г., в период предвыборной кампании в Словении, несколько сотен ориунашей собрались для срыва большого митинга шахтеров в Трбовле (центр угольной промышленности Словении). Но рабочие во главе с коммунистами отбили это нападение¹⁰⁴.

Другая фашистская организация «Срнао» (Сербская националистическая молодежь) ставила перед собой задачу развивать «национальное сознание» и охранять «честь» короля и династии Карагеоргиевичей. Она была создана сербской буржуазией для борьбы против передового молодежного движения. С ней тесно сотрудничала «Народная оборона», которая под лозунгом «культурного воспитания» масс оправдывала национальное угнетение и бюрократический централизм в Югославии. Ее основной задачей было подавление национально-освободительного движения. Отряд этой организации «Петар Мрконић» терроризировал македонское население. В Штипе (Македония) в 1922 г. для расширения влияния и укрепления позиций великосербской буржуазии была создана фашистская военная организация Общество по ликвидации болгарских бандитов¹⁰⁵.

Члены этих фашистских организаций составляли те тайные силы, которые срывали работу парламента, терроризировали оппозиционных деятелей. При их прямой поддержке было совершено убийство Радича и его сторонников в скупщине. Рассадником великосербских идей был Сербский клуб в Белграде, стремившийся оправдать практику грабежа и угнетения несербских народов теоретическими рассуждениями о великом прошлом сербского народа. Под опекой Сербского клуба происходили

¹⁰⁴ «Cetrdeset godina. Zbornik sećanja aktivista jugoslovenskog revolucionarnog i radničkog pokreta 1917—1929», knj. 1. Beograd, 1960, str. 201—211.

¹⁰⁵ Д. Г. Кьосев. Борбите на македонския народ. София, 1950, стр. 123—128.

«патриотические» манифестации различных объединений офицеров и солдат запаса, инвалидов мировой войны и др.

Фашистские организации под флагом «национального единства» и сохранения «чистоты» югославской нации отстаивали монархию и служили делу укрепления власти короля Александра, создания «великой Югославии» и борьбы против демократического, национально-освободительного и рабочего движения. Несмотря на некоторые внешние различия, все эти националистические, реакционные организации объединяло общее стремление — установить диктатуру короля.

Их выступления в конце 1928 г. явились прелюдией переворота 6 января 1929 г. Фашистские организации использовали торжество по случаю годовщины прорыва Салоникского фронта, чтобы продемонстрировать свои силы. В параде 7 октября 1928 г. в Белграде наряду с регулярными войсками участвовало около 900 ординарий, 2 тыс. членов спортивного клуба «Сокол», находившегося под влиянием национал-шовинистических организаций, многочисленные группы офицеров запаса, составлявших ядро «Срнао»¹⁰⁶.

Король и великосербская клика в подготовке государственного переворота пользовались поддержкой Англии и Франции. Правящие круги этих стран были заинтересованы во внутренней стабилизации Югославии. Они стремились использовать свое влияние для захвата югославской экономики. Им на Балканах нужны были вассальные государства. При этом и английская и французская империалистическая буржуазия, поддерживая подготавливавшийся переворот, преследовали свои особые цели. Франция была заинтересована в усилении Югославии для укрепления своих позиций против Италии и укрепления Малой Антанты¹⁰⁷. Англия же пыталась вырвать Югославию из-под опеки Франции, вытеснить из экономики страны своих соперников французов.

Широкий отклик в стране получило «открытое письмо» английского журналиста Стида королю Александру от 14 сентября 1928 г. В письме указывалось на то, что грядущие события должны заставить Югославию вполне стабилизированной, если она хочет участвовать в них активно. «Народы Югославии, — говорилось далее, — должны подумать о той роли, которую может сыграть их страна, о тех возможностях, которые они могут упустить, если будут ослаблены внутренней борьбой, чтобы оправдать надежды, возлагаемые на них Западной Европой»¹⁰⁸. Еще дальше пошла газета «Таймс», орган крупной английской буржуазии. В одной из статей своего белградского корреспондента от 22 октября 1928 г. она заявляла: «Имея в виду возможность отказа радикалов и других сербских партий от их традиционных методов, необходимо, чтобы Югославия получила своего Муссолини». Таким образом, допускалась возможность установления диктатуры во главе с генералом Живковичем¹⁰⁹.

Для консультаций в связи с внутривластным кризисом и переговоров о югославо-французской военной конвенции король Александр 2 ноября 1928 г. выехал в Париж. Здесь он встречался с премьер-министром Франции Думером и министром иностранных дел Брианом. Поездка

¹⁰⁶ «Политика», 8.X 1928.

¹⁰⁷ В книге «Диктатура короля Александра» Прибичевич сообщает, что дипломатия Англии и Франции после смерти Радича усиленно интересовалась политическим кризисом в Югославии. В одной из бесед с Прибичевичем французский посол в Белграде Дар заявил, что Франции безразлично, каким путем будут урегулированы внутренние отношения, важно, заметил он, «сохранить единство нашей военной организации», т. е. Малой Антанты (S. Pribičević. Указ. соч., стр. 88).

¹⁰⁸ «Политика», 15.IX 1928.

¹⁰⁹ Цит. по: J. Horvat. Politička povjest Hrvatske 1918—1929. Zagreb, 1938, стр. 446.

в Париж преследовала цель выяснить позицию Франции в связи с намечавшимся переворотом и заручиться поддержкой французского правительства. Результаты переговоров убедили короля Александра в том, что он может рассчитывать на помощь французского правительства в осуществлении своих намерений. Эта уверенность окрепла после посещения Загреба и Белграда английским послом Кенардом и вице-председателем комитета по иностранным делам французского парламента Полем Бастидом¹¹⁰.

Таковы были основные силы, с помощью которых великосербской буржуазии во главе с королем удалось осуществить планы, приведшие к установлению в стране кровавой диктатуры великосербской военщины, фашизма и реакции. Король и дворцовая клика использовали и недоверие народных масс к буржуазной парламентской демократии, ничего не давшей трудящимся. Это недоверие возросло после того, как 20 июня 1928 г. в белградском парламенте произошло кровавое убийство хорватских депутатов.

Государственный переворот 6 января 1929 г.

В последние месяцы 1928 г. обстановка в стране так обострилась, что в политических кругах настойчиво предлагалось принять меры для ликвидации политического кризиса. Часть политических деятелей во главе с председателем демократической партии Любой Давидовичем считала, что необходимо укрепить парламентаризм и с этой целью провести новые выборы для образования правительства, в котором были бы представлены все партии. Другая часть, в основном радикалы (во главе с Сршкичем, Максимовичем и др.), настаивала на образовании «нейтрального» правительства во главе с генералом. Третья группа политических деятелей, представлявших мелкую и среднюю буржуазию Хорватии, вообще отказывалась от каких-либо переговоров с Белградом до тех пор, пока не будет пересмотрена Видовданская конституция, смещены с постов все виновные за события 20 июня, проведена демократизация государственного аппарата, достигнуто равенство Хорватии с Сербией на основах федерации.

Между тем 30 декабря 1928 г. по указанию короля, решившего, что благоприятный момент уже наступил, правительство Корошеца подало в отставку. Чтобы окончательно скомпрометировать оппозиционные партии и показать, что в сложившихся условиях решение кризиса парламентским путем невозможно и что только диктатура спасет страну от развала и анархии, король провел 4 и 5 января 1929 г. совещания с лидерами правительственных и оппозиционных партий. 4 января он принял Мачека, заменившего Степана Радича на посту председателя ХКП. Мачек предъявил королю меморандум, выработанный в Загребе на совещании исполкома КДК. В меморандуме указывалось на необходимость реорганизации государства с учетом исторических и культурных особенностей отдельных областей и с предоставлением каждой области административной автономии, законодательной и исполнительной власти¹¹¹. Этот план Мачека был первой ступенью вынашиваемого им плана создания самостоятельной Хорватии. Националист и реакционер Мачек не препятствовал укреплению в ХКП влияния клерикалов, насаждал в партии ненависть к сербам и другим народам Югославии, превращая ее в фашистскую партию. Мачек вступил в тайные связи с итальянским фа-

¹¹⁰ S. Pribičević. Указ. соч., стр. 87—88.

¹¹¹ Там же, стр. 90

шизмом. Но в тот период эти стремления создать самостоятельную Хорватию были прикрыты вывеской федерализма.

В тот же день, 4 января, Светозар Прибичевич предложил королю образовать правительство, которое поручило бы скупшине пересмотр конституции, а в случае отказа распустило бы ее и провело выборы в новую скупшину для принятия новой конституции¹¹².

Великодержавная сербская буржуазия должна была выбирать между уступками хорватской оппозиции и решением внутривластного кризиса при помощи военной силы. Путем парламентских комбинаций невозможно было найти удовлетворяющий обе стороны компромисс. Даже умеренные лидеры хорватской оппозиции требовали созыва новой скупщины и пересмотра конституции, а ведущие группировки буржуазных партий сербской буржуазии настаивали на безоговорочном отклонении хорватских предложений. 5 января представители правительственных партий отвергли требования КДК, и король решился на проведение переворота. Мирному разрешению конфликта он предпочел военно-полицейское.

5 января было сформировано правительство генерала Петра Живковича, получившего посты премьер-министра и министра внутренних дел. Военным министром стал генерал Стеван Хаджич, приближенный короля и один из руководителей «Белой руки». В состав его вошли известный реакционер Милан Сршкич¹¹³, представитель крупного сербского банковского капитала Воислав Маринкович¹¹⁴. Министр финансов Станко Шверлюга выражал интересы крупной торгово-промышленной буржуазии Хорватии¹¹⁵. Сербский промышленник Радивоевич занял пост министра лесного дела. Министром земледелия был назначен один из противников аграрной реформы, крупный хорватский землевладелец Отто Франгеш¹¹⁶.

Включение в правительство нескольких представителей хорватской буржуазии было вызвано тем, что король нуждался в поддержке крупных хорватских промышленников и банкиров для субсидирования намечаемых им мероприятий. Кроме того, английская и французская буржуазия имела крепкие связи с хорватскими банками и крупные вложения в различных отраслях промышленности Хорватии. Не случайно орган белградских банковских кругов «Привредни преглед» писал, что назначение Шверлюги на пост министра финансов связано с реализацией большого лондонского займа, так как Шверлюга через Униа-банк поддерживал связи со Шредером и Морганом¹¹⁷. Включение хорватских деятелей в

¹¹² Там же, стр. 91.

¹¹³ В 1929 г. Милан Сршкич стал членом правления Привилегированного аграрного банка.

¹¹⁴ В. Маринкович был президентом белградской биржи, председателем сараевского банка, вице-президентом страхового общества «Югославия» в Белграде («Compass. Personenverzeichnis. Financielle. Jahrbuch». Wienne, 1927, S. 997).

¹¹⁵ С. Шверлюга был членом дирекции акционерного общества «Пруса» по строительству железных дорог, членом дирекции акционерного общества «Загорка» по переработке леса, вице-президентом Загребского общества промышленников, генеральным директором Хорватского кредитного банка, членом правления Англо-чешского банка, сахарной фабрики «Црвенка», акционерного общества «Даница» и т. д. (там же, S. 1590—1591).

¹¹⁶ Франгеш, профессор Загребского университета и «знарок аграрного вопроса», являлся членом правления завода сельскохозяйственных машин «Ораница» в Загребе, президентом акционерного общества по производству мясных продуктов в Загребе, членом правления акционерного страхового общества «Дунай» в Загребе, членом наблюдательного комитета «Первой хорватской сберегательной кассы», президентом акционерного общества по производству железнодорожных вагонов «Юговоз» и т. д. («Compass...», S. 398).

¹¹⁷ «Привредни преглед», 15.I 1929. Униа-банк возник в результате слияния четырех банков и был крупнейшим в стране. В него было вложено 800 тыс. фунтов стерлин-

правительство ознаменовало укрепление союза великосербской буржуазии с крупной буржуазией Хорватии.

Новое правительство олицетворяло собой союз крупной югославской буржуазии, промышленного и торгового капитала и помещиков под гегемонией сербской монархии.

Сформировав кабинет Живковича, король в ночь на 6 января 1929 г. совершил государственный переворот. В королевском манифесте «Моему дорогому народу, всем сербам, хорватам и словенцам», явившемся официальным обоснованием переворота, говорилось: «Наступил час, когда между народом и королем не может и не должно быть больше посредника». Под последним подразумевался парламент. Весь манифест был посвящен доказательству того, что парламент не оправдал себя как политическая форма, что внутренняя борьба сделала невозможными соглашение и сотрудничество различных партий. Поэтому «святой обязанностью» монарха объявлялась «охрана государственного и народного единства». В манифесте заявлялось, что ввиду межпартийных раздоров «поиски лекарства от этого зла в парламентских изменениях правительства или в новых выборах означали бы потерю драгоценного времени в безуспешных попытках, отнявших уже несколько последних лет»¹¹⁸. Манифест отменял конституцию 28 июня 1921 г., распускал парламент, избранный 11 ноября 1927 г., и передавал всю высшую исполнительную и законодательную власть в руки самодержца. В тот же день, 6 января, здание скупщины было передано военщине, и в нем были устроены казармы.

Совершая государственный переворот, король и его клика преследовали ряд целей, среди которых важнейшими были следующие: «оздоровление» страны, т. е. ликвидация внутривластного кризиса и подавление национально-освободительного движения хорватов, македонцев и других угнетенных народов; «народное единство» посредством слияния всех «племен» в единую югославскую нацию; разгром революционного движения рабочего класса и уничтожение его авангарда — коммунистической партии; стабилизация экономики и укрепление внешнеполитического положения страны. Монархо-фашистская диктатура должна была обеспечить безраздельную эксплуатацию народных масс и создать благоприятные условия для хозяйничанья иностранного капитала. Поэтому реакционная буржуазная печать Англии, Франции и других стран единодушно поддержала государственный переворот в Югославии, называя его «великим движением»¹¹⁹, «сильно действующим лекарством», необходимым как в интересах Югославии, так и вообще мира на Балканах¹²⁰.

Правая печать во Франции не скрывала своей радости по поводу совершенного переворота и считала, что неконституционному правительству удастся примирить общегосударственные интересы с требованиями отдельных национальностей и обеспечить политическое единство государства. Газета «Тан» писала, что король «осуществит внутренние реформы в направлении некоторой децентрализации и обеспечит твердую линию во внешней политике»¹²¹.

Влиятельный орган английской буржуазии газета «Таймс», еще накануне переворота писавшая о том, что «только король Александр... может практически решить политический кризис, раздирающий Юго-

гов английского капитала, вице-председателем банка был английский банкир В. Фриман. Шверлюга был заместителем председателя банка.

¹¹⁸ «Политика», 6.I 1929.

¹¹⁹ «Journal des Débats», 8.I 1929.

¹²⁰ «Petit Parisien», 8.I 1929.

¹²¹ «Отдел рукописных фондов Института истории АН СССР, д. 16, № 5а, 16в, л. 36.

славию, и что это решение должно произойти в рамках сохранения единства страны любой ценой¹²², после установления диктатуры заявила: «Трудно найти какую-либо ошибку в действиях Александра или представить себе другой выход из положения»¹²³. Бывший британский посол в Белграде Невиль Гендерсон заявлял, что Александр пошел на установление диктатуры «из самых лучших побуждений... ибо его заботой было единство, будущее благосостояние и счастье Югославии»¹²⁴. В том же духе позднее писал в журнале «Форин афферс» американский специалист по международным вопросам Гамильтон Фиш Армстронг: «Считалось, что опаснее ничего не делать, чем что-то предпринять. Король простодушно верил, что ему года или может нескольких месяцев будет достаточно, чтобы ввести порядок в доме»¹²⁵.

В этих и подобных им односторонних высказываниях и оценках государственный переворот представлялся благотельным актом, вызванным порывом благородных стремлений короля и его клики. Лишь прогрессивная печать и печать коммунистических партий дала верную характеристику совершившемуся перевороту, видя в нем усиление реакции не только в Югославии, но и в других странах. Вся прогрессивная мировая общественность с тревогой следила за событиями в Югославии. В советских газетах и журналах печатались статьи, оценивавшие государственный переворот как дело рук внутренней реакции, искавшей выхода из кризиса в установлении диктатуры монарха с помощью империалистических кругов Англии и Франции. 8 января в «Правде» были опубликованы статьи «„Внепарламентское“ правительство военной диктатуры в Югославии» и «Военная диктатура в Югославии». В первой говорилось: «Несомненно, реакция отныне с еще большей силой обрушится на трудящиеся массы, а автономистским стремлениям национальных меньшинств, в частности хорватов, будет объявлена беспощадная война»¹²⁶. В «Известиях» указывалось на то, что началом нового режима в стране был «подготовленный тайной военной организацией «Белая рука» государственный переворот, проводимый главным образом при помощи армии»¹²⁷.

Советская печать прямо отмечала, что государственный переворот совершен с целью установления фашистской диктатуры и что король Александр является исполнителем воли и стремлений международной реакции.

Печать Коммунистической партии Чехословакии, вскрывая характер переворота, также видела в нем установление фашистской диктатуры и в результате этого все большее втягивание Югославии в антисоветский блок¹²⁸. Орган ЦК Коммунистической партии Франции газета «Юмани-те» называла события в Югославии «провокацией белградской клики, поддерживаемой французским империализмом». Это, писала газета, «не может не вызвать революционного ответа со стороны югославского пролетариата, в частности со стороны хорватских рабочих и крестьян»¹²⁹. Коммунистические партии указывали на то, что приход к власти дворцово-милитаристских кругов означает для народов Югославии грубое попрание всех гражданских и политических прав, национальных

¹²² Там же, л. 38.

¹²³ Цит. по: «Экономическая газета», 9.I.1929.

¹²⁴ K. St. Pavlović. Vojislav Marinković i njegovo doba (1876—1935), knj. II. London, 1955, p. 43.

¹²⁵ Там же, стр. 42.

¹²⁶ «Правда», 8.I.1929.

¹²⁷ «Известия», 8.I.1929.

¹²⁸ Отдел рукописных фондов Института истории АН СССР, д. 16, № 5а, 16в, л. 49.

¹²⁹ «L'Humanité», 8.I.1929.

стремлений угнетенных наций, на деле ослабляющее, а не укрепляющее, как заявляла буржуазная пресса, «государственное и национальное единство». Государственный переворот означал, что «прикрытая диктатура великосербских гегемонистов сбросила маску и выступила открыто»¹³⁰.

Первые законодательные акты диктатуры и внутриполитическое положение в стране

Монархо-фашистский переворот был закреплен рядом законодательных актов, представлявших поворот в государственно-правовой жизни страны.

Манифест короля от 6 января 1929 г., отменявший конституцию 1921 г., положил начало новому периоду открытой диктатуры политически ни перед кем не ответственного самодержца. Закон о королевской власти и верховном государственном управлении гласил: «Король является представителем всей власти в государстве». Вместе с конституцией 1921 г. отменялось и старое название королевства как «парламентской монархии». Период ограниченного парламентаризма окончился. Теперь все органы государственной власти управлялись от имени короля, подчинялись только ему и отчетывались только перед ним. Демagogическое заявление манифеста о том, что важнейшими факторами государственной жизни являются король и народ, не дало народу никаких прав, и он оставался лишь объектом королевской власти.

В стране установился режим полицейского террора, были полностью ликвидированы свободы политической деятельности и печати. Все это было закреплено 6 января 1929 г. Законом о защите общественной безопасности и порядка в государстве и Законом об изменениях и дополнениях Закона о печати от 26 августа 1925 г. Постановления Закона о защите общественной безопасности и порядка в государстве преследовали одну цель — устранить все, что могло бы помешать проведению мероприятий нового порядка, показать, что новый режим беспощадно расправится с любым, кто посмеет выступить против него. Объявлялось преступлением написание, публикация и распространение книг, брошюр, плакатов, газет, объявлений, подстрекающих к «насилию против государственных властей и вообще угрожающих общественному миру или ставящих в опасность общественный порядок»¹³¹. Постановление распространялось на устную и письменную пропаганду необходимости смены политического или социального строя в государстве. Особо указывалось на то, что считаются преступными «организация, помощь или участие в обществе, которое своей целью ставило бы пропаганду коммунизма, анархизма...», связь с обществом или отдельной личностью за границей с целью получения помощи «для подготовки революции или насильственной смены политической системы». За все эти «преступления» устанавливались смертная казнь или 20 лет каторжной тюрьмы¹³².

Этот закон ясно показал, что острие диктатуры было направлено прежде всего против основных политических противников буржуазного строя — коммунистической партии и рабочего движения. Он наиболее ярко раскрыл политический смысл законодательства нового режима, узаконившего методы Главнячи и кровавого полицейского террора. Запрещались собрания и митинги, вводились наказания от шести месяцев до трех лет тюремного заключения за участие в стачках и ношение во время

¹³⁰ «La Fédération Balkanique», 15.I 1929.

¹³¹ «Службене новине», 11.I 1929, стр. 54.

¹³² Там же.

манифестаций антиправительственных лозунгов. Само участие в демонстрациях каралось тюремным заключением на год¹³³. Закон распускал и запрещал все политические партии и общества, ставящие своей целью смену существующего строя. К ним были отнесены как партии, так и организации религиозного и национального характера. Запрет преследовал цель упрочить «единство» нации и доказать, что в стране существует только одна национальность — югославская. В силу этих постановлений перестали существовать Хорватская крестьянская партия, Мусульманская организация, Сербский земледельческий союз, Словенская народная партия и другие, а их руководители примкнули к диктаторскому режиму, поддержали его (Спахо, Д. Йованович, Корошец).

Совершая государственный переворот, правящие круги ставили перед собой задачу «решения» национального вопроса. Под этим в условиях диктатуры подразумевалось создание «единой, интегральной и мощной Югославии» путем террористических методов борьбы против национальных стремлений угнетенных народов, в первую очередь хорватского и македонского. 3 октября 1929 г. был издан Закон о названии королевства и разделении его на административные области, по которому Государство сербов, хорватов и словенцев получило новое наименование Королевство Югославия. Грубо разорвав территорию исторически сложившихся национальных и экономических областей, правящая клика разделила страну на девять бановин и во главе каждой поставила бана (наместника), представлявшего высшую государственную власть с правом окончательного решения вопросов от имени короля. Закон должен был знаменовать решение национального вопроса в духе широко рекламированного лозунга: «единство нации и государства». Он представлял собой осуществление идеи унитаризма — основы национальной политики господствующих классов Югославии. Этот закон еще больше обострял национальные противоречия, так как политика денационализации, нашедшая в нем осуществление, вела к усилению национального гнета и не могла не вызывать сопротивления несербских народов. Эта политика проявлялась прежде всего в том, что разделение государства на бановины совершалось таким образом, чтобы искусственно создать в них сербское большинство.

Закон об изменении закона об общинах и областном самоуправлении назначал общинные управления только в трех городах: Белграде, Загребе и Любляне, а во всех остальных местах ликвидировал общинное самоуправление и ставил во главе местного управления великих жупанов. В свою очередь великие жупаны в областях назначали комиссаров, которые должны были исполнять функции органов самоуправления. Узаконился институт правительственных комиссаров, устанавливался строгий полицейский надзор во всех областях и общинах, ликвидировались последние остатки местного самоуправления¹³⁴.

8 января 1929 г. при кассационном суде в Белграде был учрежден Государственный суд по охране государства, права которого распространялись на всю страну. В нем рассматривались судебные дела в соответствии с Законом об охране общественной безопасности и порядка в государстве от 6 января 1929 г., т. е. все политические «преступления», прежде всего дела коммунистов¹³⁵.

¹³³ Там же, стр. 55—56.

¹³⁴ Там же, стр. 58—59; см. также Закон об отмене Закона о выборах органов областного, срезского и общинного самоуправления от 14.I 1929 («Службене новине», 15.I 1929, стр. 78).

¹³⁵ «Службене новине», 31.VI 1929, стр. 2575—2576.

Этот суд получил право осуждать политических «преступников» на вечную каторгу. Его постановления признавались окончательными и не подлежащими пересмотру или обжалованию ¹³⁶.

По данным коммунистической печати, с 1929 по 1935 г. в общей сложности этим судом было осуждено 1946 человек на 4 тыс. лет каторжной тюрьмы, из них только коммунисты — на 2 тыс. лет ¹³⁷. В переполненных тюрьмах арестованных избивали и пытали. Иван Рибар, который вместе с Борой Продановичем ¹³⁸ защищал осуждаемых по политическим делам, писал в своей книге, что, как правило, Государственный суд фактически лишал всякой возможности защиту обвиняемых.

После суда заключенных отправляли в тюрьмы (в Пожаревац, Сремскую Митровицу, Лепоглаву и др.). Жестокие мучения нередко вызывали смерть, арестованных выбрасывали через окна на мостовую, убивали, когда вели на следствие или в тюрьму. В период с 1929 по 1935 г. охранкой было совершено 328 убийств политических заключенных ¹³⁹. Только в 1929 г., по данным центрального органа КПЮ «Пролетер», в югославских застенках было убито 59 человек, 923 политических заключенных подверглись издевательствам полицейских, более 9326 человек были брошены в тюрьмы. А в первые три месяца 1930 г. кровавой монархо-фашистской диктатуры Государственный суд вынес для нескольких десятков коммунистов приговоры в общей сложности на 375 лет каторги ¹⁴⁰. Эти данные еще раз подтверждают, что террор диктатуры был направлен прежде всего против коммунистической партии.

Разогнав политические буржуазные партии, диктатура обезглавила национально-освободительное движение, запретила выход всех оппозиционных газет, подвергла гонениям прогрессивных деятелей оппозиции. На шесть месяцев тюремного заключения был осужден хорватский адвокат Милован Жанич, бывший депутат скупщины, который на заседании палаты адвокатов в Загребе предложил в текст приветственной телеграммы королю включить требование политических и гражданских свобод. На два года тюрьмы был осужден известный хорватский журналист Д. Цвиич. 19 мая 1929 г. из Белграда был выслан в с. Брус в Сербии на неопределенный срок Светозар Прибичевич, к которому были приставлены агенты полиции ¹⁴¹. Этот перечень можно продолжить, так как не было ни одного известного деятеля в Хорватии, Словении, Воеводине, который не подвергался бы преследованиям, в доме которого не произошло бы обыска.

У большинства буржуазных деятелей, в том числе оппозиционных, манифест короля и первые законодательные акты правительства не вызвали протеста и осуждения. Наоборот, установление монархо-фашистской диктатуры было встречено с явным одобрением руководством ряда буржуазных партий. Так, лидеры радикальной партии (Узунович, Б. Максимович, Сршкич), ее деятели на местах, а также большая часть радикалов-депутатов народной скупщины присоединились без колебаний к новому режиму. После переворота они надеялись добиться неограничен-

¹³⁶ «Службене новине», 8.I 1929, стр. 66—67.

¹³⁷ «Komunist», 16.IV 1959.

¹³⁸ Бора Проданович — публицист и журналист, сын известного государственного деятеля Югославии и председателя республиканской партии Яши Продановича. По профессии адвокат. В 30-х годах вступил в КПЮ. Погиб в 1943 г. в борьбе против немецких оккупантов на р. Сутеске.

¹³⁹ «Komunist», 16.IV 1959.

¹⁴⁰ V. Rajčević. Указ. соч., стр. 119.

¹⁴¹ S. Pribičević. Указ. соч., стр. 150. В августе 1931 г. Прибичевич эмигрировал и поселился в Праге, где продолжал борьбу против диктатуры короля Александра. 15 сентября 1936 г. Прибичевич умер в Праге.

ного господства в стране и с воодушевлением приняли манифест и все декреты диктатуры, видя в них единственный выход из создавшегося внутриполитического кризиса. Стремясь добиться поддержки сербского крестьянства, радикалы уверяли крестьян, будто диктатура введена из-за хорватов, желающих отделиться от Сербии, а потому тяжесть диктатуры почувствуют на себе только хорваты. Они указывали при этом на королевский манифест, на то, что правительство составлено в основном из радикалов. «Не бойтесь, братья, радикалы опять у власти», — говорили крестьянам сельские богатей и ростовщики, подкрепляя свои слова мелкими подачками и кредитами¹⁴².

В рядах демократической партии переворот вызвал сначала замешательство. Часть демократов, группировавшихся вокруг Войи Маринковича, начала активно сотрудничать с новым режимом¹⁴³. Другая, большая часть во главе с Давидовичем осталась пассивной, примирительно относясь к диктатуре. Некоторая часть членов демократической партии в провинции ограничила свою деятельность после ее роспуска поддержанием связей с другими членами партии, создавая видимость сохранения ее на местах. В то же время в ряде районов Сербии собирали свои силы противники диктатуры из рядов демократической партии. Среди них выделялись энергией и инициативой Чеда Плечевич из Аранджеловца и Бена Милованович из Крушевца, объединившиеся с левым крылом земледельцев¹⁴⁴, несмотря на то, что руководство демократической партии строго осуждало тех членов, которые по своей инициативе и без ведома руководства созывали конференции и собрания. Такие деятели, как Миша Трифунович и Милан Грол объясняли свою позицию тем, что на эти конференции являются «переодетые коммунисты», наносящие вред партии, так как это усиливает полицейский контроль над ее деятельностью. Руководители партии бездействовали и тогда, когда королевская полиция начала преследовать и интернировала тяжело больного Светозара Прибичевича.

Словенская народная (клерикальная) партия, представлявшая интересы католической церкви и словенской буржуазии, в лице своего вождя Антона Корошеца сразу же присоединилась к королевской клике. Корошек, разумеется, не сделал бы этого без предварительного одобрения со стороны высшего духовенства. Католическая церковь, как и православная, с радостью приняла королевский манифест и сам переворот, помогала установлению диктатуры, рассчитывая на то, что король в роли диктатора обеспечит земельные богатства церкви и вернет ей те земли, которые были отняты по аграрной реформе 1919 г. Действительно, ljubljanski архиепископ Рожман сумел вернуть тысячи гектаров леса, которые ранее по аграрной реформе стали государственными. Примечательно, что перед установлением диктатуры король вызывал к себе Корошеца, чтобы выразить ему благодарность за верную службу в период внутриполитического кризиса на посту председателя правительства¹⁴⁵. Поддерживаемые Ватиканом, клерикалы после переворота 6 января 1929 г. были верными служителями диктаторского режима и способствовали фашизации страны и усилению реакции.

С провозглашением монархической диктатуры все руководство мусульманской организации Югославии беспрекословно подчинилось

¹⁴² J. Ribar. Указ. соч., стр. 32.

¹⁴³ Кроме Маринковича в первое правительство диктатуры вошли демократы Тугомир Алаупович, Лазар Радивоевич, Коста Кумануди.

¹⁴⁴ J. Ribar. Указ. соч., стр. 28.

¹⁴⁵ Там же, стр. 29.

постановлениям правительства. Эта партия была распущена, ее деятели заискивали и поддерживали все мероприятия диктатуры.

Казалось бы, что руководство Крестьянско-демократической коалиции, придерживаясь своих принципов, должно было возглавить борьбу против режима, вводившего строгий централизм в управлении государством и отрицавшего принцип автономности. Однако буржуазные вожди и на сей раз предали интересы своего народа. Сразу же после переворота в Загребе состоялись тайные заседания исполкома КДК, в который в это время входили Мачек, Прибичевич, Йосип Предавец, Август Кошутич, Юрай Крньевич, Юрай Деметрович и Вечеслав Вилдер. На этих заседаниях речь шла о необходимости написания проекта соглашения между хорватами и сербами, которое устранило бы любой предлог для существования диктатуры. Эти буржуазные деятели считали основной причиной установления диктатуры хорватско-сербские разногласия, не принимая во внимание рабочее и крестьянское движение, наступление экономического кризиса и т. д.

Исполком КДК начал неофициальные переговоры с представителем сербской оппозиции Божей Марковичем¹⁴⁶. На этих переговорах речь шла о будущем устройстве государства на основе принципа федерализма¹⁴⁷. Было решено, что С. Прибичевич отправится в Белград для завершения переговоров. Однако по прибытии в Белград 19 мая 1929 г. Прибичевич был арестован, что положило конец всяким дальнейшим действиям оппозиционно настроенных деятелей. Попытки объединить оппозиционные силы для осуждения переворота не привели ни к чему, так как буржуазные политики действовали неуверенно, колебались, а некоторые из них пошли на прямое предательство интересов народа. Это относится прежде всего к лидеру КДК В. Мачеку. На одном из заседаний исполкома КДК он заявил, что удовлетворен переворотом, который якобы означал лишь роспуск скупщины, в которой произошло убийство Радича и других хорватских депутатов. После заседания в разговоре с корреспондентами Мачек заявил: «Видовданская конституция, которая более семи лет угнетала хорватский народ, отменена, уничтожена не только в сознании народа, но решением его величества короля и фактически. Я совершенно убежден в согласии, зрелости и силе хорватского народа, а также в мудрости его величества короля, который даст нам возможность осуществить идеал хорватского народа, — чтобы хорват был господином в своей свободной Хорватии»¹⁴⁸.

Разоблачая поведение лидеров хорватской оппозиции (Мачека и др.), «Юманите» писала в статье «Капитуляция хорватской буржуазии», что, отказавшись от смелой революционной борьбы, они «бесчестно подчинились зачинщикам государственного переворота», обманули и предали хорватских крестьян и тем самым капитулировали перед диктатурой»¹⁴⁹.

Справедливость этой оценки подтверждают заявления хорватских буржуазных газет после переворота. Орган крупной хорватской буржуазии газета «Ютарни лист» 9 января 1929 г. в одной из своих статей заявила: «Новое правительство генерала Живковича имеет все возможности изменить нынешнее плохое положение и вывести государство на пра-

¹⁴⁶ Божя Маркович был членом демократической партии, профессором университета, в правительстве Симовича 1941 г. был министром юстиции, составил указ о политической амнистии. Умер в 1946 г. в эмиграции (S. Pribičević. Указ. соч., стр. 147).

¹⁴⁷ К сожалению, мы не располагаем подробными сведениями об этих переговорах, так как краткое упоминание о них имеется лишь в книге С. Прибичевича (S. Pribičević. Указ. соч., стр. 147).

¹⁴⁸ J. Horvat. Указ. соч., стр. 486.

¹⁴⁹ «L'Humanité», 8.I 1929.

вильный путь... Десять лет в этой стране велась разрушительная работа. Теперь пришло время, когда надо начать строить»¹⁵⁰. Вторя ему и оправдывая разгон парламента и отмену конституции, загребская газета «Новости» с удовлетворением замечала: «Если иметь в виду, что и централистская конституция тяжело давила хорватский народ, тогда будет вполне понятным, почему мы имеем полное право радоваться по поводу исчезновения этой конституции»¹⁵¹. Получив от диктаторского правительства право на эксплуатацию хорватского народа, представители финансового капитала Хорватии, а также Словении, полностью подчинились диктаторскому режиму, а часть членов ХКП (группа Н. Нинича) пошла на активное сотрудничество с режимом¹⁵².

Почти вся югославская буржуазная печать прославляла переворот, называя его великим историческим событием, началом новой эпохи в развитии государственной жизни страны. Целые номера газет «Политика», «Време», «Самоуправа» были заполнены поздравительными телеграммами от Союза югославских добровольцев, Союза офицеров запаса, объединений четников, банкиров и промышленников¹⁵³. В Белград потянулись делегации от сербского кулачества и банков, представители «Сокола» и офицерских организаций различных городов. Король и его сподвижники ликовали, представляя эти манифестации выражением всенародной радости.

Не менее гнусную роль в поддержке диктаторского режима играло руководство социал-демократической партии, называвшее себя «социалистическим», а на деле являвшееся одной из опор нового режима в борьбе против рабочего движения и его коммунистической партии. Новое правительство генерала Живковича стремилось привлечь на свою сторону социалистов: социал-демократическая партия не подверглась репрессиям, ее представители оставались на своих постах в различных рабочих палатах и т. д. Руководство партии не только на практике, но и в своих теоретических изысканиях являлось прислужником режима, ярким противником коммунизма и проповедником «единства государства». Юрай Деметрович — социалист, ставший министром торговли и промышленности в одном из правительств времен диктатуры, заявил на собрании в Любляне вскоре после переворота, что «социалисты имели постоянно в качестве теоретически наследственной ориентации национальное единство Югославии»¹⁵⁴.

Живко Топалович также ратовал за союз с королевским режимом. «Никто не смеет и не может, — писал он, — ни в какой бы то ни было форме борьбы против режима нападать на историческое создание, являющееся плодом исполинских усилий и ужасных страданий, на югославское национальное единство... И кто затронет это великое демократическое и революционное создание, эту гранитную гарантию свободы и безопасности Балкан, тот не может рассчитывать ни на что другое, кроме как на решительный отпор»¹⁵⁵. В статье «Национальная политика югославских рабочих» он обрушился с грязной клеветой на коммунистическую партию. «Необходимо сейчас, — заявлял он, — сделать исторический поворот и показать, что с первых дней рабочего движения в нынешних югославских областях политика югославских рабочих была и осталась

¹⁵⁰ Цит. по: «Коммунистический Интернационал», 1929, № 5, стр. 9.

¹⁵¹ Там же, стр. 10.

¹⁵² В первой половине 1930 г. в правительство вошли члены ХКП Шибенек, Прека, Найдорфер.

¹⁵³ «Политика», «Време», «Самоуправа» от 7, 12.I 1929 г.

¹⁵⁴ «Политика», 6.XII 1929.

¹⁵⁵ Там же.

интегрально югославской. Коммунисты полностью отказались от этой политики. Мы остаемся ей верны и, так как ее несет мощный вал экономического и духовного развития нашего народа и Европы, мы уверены, что победим вместе с ней»¹⁵⁶.

Почти в каждом номере главного органа социал-шовинистов «Радничке новине» печатались статьи этого врага рабочего движения. Он открыто выступал против коммунистов, против Советского Союза, за ликвидацию Советской власти. Будучи на словах против вмешательства извне, он ратовал «за внутреннюю свободную интервенцию рабочего народа России»¹⁵⁷. Поэтому-то новый режим не предпринял никаких террористических мер против этой партии, не представлявшей никакой опасности. Руководство партии продолжало проводить свою раскольническую, предательскую политику уже под защитой монархо-фашистской диктатуры. В то же время независимые профсоюзы подверглись преследованиям, были распущены, их архив и имущество конфискованы, многочисленные профсоюзные деятели арестованы или интернированы.

Правительство использовало социал-предателей, пытаясь с их помощью нейтрализовать рабочее движение, подорвать влияние коммунистов в массах. Позднее социал-демократическая верхушка приняла активное участие в создании фашистских профсоюзов, дабы расширить социальную базу диктатуры, развратить сознание отсталых слоев рабочих, используя их в корыстных целях для укрепления своего положения.

Коммунистическая партия Югославии под ударами диктатуры

Только коммунистическая партия заняла решительную антиправительственную позицию, резко осудив переворот и установление монархо-фашистской диктатуры и возглавив борьбу против нового режима. В эти тяжелые для всего народа и особенно для партии дни коммунисты высоко несли знамя борьбы против фашизма и реакции. 12 января областной комитет КПЮ Сербии вместе с областным комитетом Союза коммунистической молодежи Югославии (СКМЮ) выпустил листовку, призывающую народ к борьбе против диктатуры. В то же время Загребский клуб студентов-марксистов в сотрудничестве с Белградским клубом студентов-марксистов в первые дни диктатуры издали ряд листовок, которые разоблачали цели и существо переворота, осуждали политику ХКП и КДК, призывали молодежь создавать нелегальные антифашистские организации под руководством компартии. В листовке «Всей трудящейся и студенческой молодежи Югославии», которую студенты разбрасывали по улицам Загреба в ночь с 14 на 15 января 1929 г. говорилось: «...эта диктатура в первую очередь направлена против рабочих и крестьян и угнетенных народов Югославии. В то время когда банкиры и промышленники поздравляют милитаристскую диктатуру, рабочие и крестьяне арестовываются, преследуются и осуждаются, принимаются законы, запрещающие право организации, разгоняются профсоюзы и преследуются те, кто ведет борьбу за улучшение своих условий жизни». Листовка заканчивалась лозунгом: «Долой диктатуру капиталистов и генералов! Долой монархию и короля!»¹⁵⁸. Подобные листовки распространялись во многих городах страны.

В середине января 1929 г. в с. Грачани около Загреба состоялась областная конференция Союза коммунистической молодежи Хорватии, в

¹⁵⁶ «Политика», 6.XII 1929.

¹⁵⁷ «Радничке новине», 16.VI 1929.

¹⁵⁸ Цит. по: V. Rajčević. Указ. соч., стр. 120—121.

которой приняло участие более 30 делегатов. От ЦК КПЮ на ней присутствовали Джуро Джакович, а от ЦК СКМЮ Степан Цвинич¹⁵⁹, Мишко Орешки Ягич и Пая Марганович¹⁶⁰. Конференция избрала новый областной комитет. Она рассмотрела политическое положение в стране и наметила задачи организации в борьбе против диктатуры. В выступлении Степана Цвинича намечался курс на жестокую, но короткую борьбу. «Должна гореть борьба против диктатуры», — заявил докладчик¹⁶¹.

Местные организации компартии и комсомола выпускали воззвания к населению, в которых давали оценку совершившемуся перевороту, призывая народ к отпору. В воззвании окружного комитета СКМЮ Ниша ко всем членам организации говорилось: «Шестое января — день, когда были ликвидированы и те небольшие свободы и права, которые существовали ранее. Все законы, которыми были гарантированы права объединения, политической и экономической организации, права печати, уничтожены движением руки тех, кто стремится ценой крови сохранить свои привилегии. Сапог и фашизм господствуют над Югославией. Черные рубашки владеют землей, в которой из всех областей раздаются вопли голодных, голых, полумертвых людей...» Далее в воззвании все комсомольцы призывались «еще тверже и энергичнее сплотить свои ряды, чтобы идти вперед на завоевание новых позиций, идти путем создания возможности усиления Союза, а тем самым и успешной борьбы против нынешнего военно-фашистского режима»¹⁶².

В конце февраля 1929 г. состоялось совещание партийного актива. Совещание происходило в одной из сельских гостиниц недалеко от Загреба, где в этот период находились центральные органы компартии и комсомола, скрываясь от террора, царящего в Белграде. С докладом выступил политический секретарь ЦК КПЮ Мартинович. Вместо анализа положения в Югославии и выдвижения конкретных задач партии Мартинович говорил о положении в других странах, о международных проблемах и т. д., уводя совещание от решения актуальных вопросов. Это вызвало острую критику со стороны Джуро Джаковича, Мишко Орешки и других участников совещания. В своем выступлении Джакович заявил: «Мы собрались, чтобы обсудить проблемы исключительной важности для нашей партии, чтобы принять решения о нашей ориентации в будущей работе, а не слушать дальние объяснения о том, что произошло в Китае, что нам в данный момент вообще не необходимо»¹⁶³. Большинство участников совещания поддержало Джаковича.

Вскоре, однако, полиции удалось арестовать значительную часть членов ЦК КПЮ и ЦК СКМЮ и в Загребе. В марте были арестованы Дж. Джакович и Н. Хечимович, в апреле П. Марганович, С. Цвинич и др.¹⁶⁴ Полиция организовала массовые проверки граждан, блокируя

¹⁵⁹ Степан Цвинич — член ЦК СКМЮ. После 6 января 1929 г. направлен в Далмацию для организации конференции местной организации, но был арестован. На допросе убил жандарма и бежал, затем был переправлен в Словению, оттуда в Советский Союз.

¹⁶⁰ Мишко Орешки Ягич — секретарь ЦК СКМЮ и член ЦК КПЮ. С 1919 г. и до своей смерти в 1929 г. был одним из активнейших деятелей югославского комсомола. В 1927 г. создал одну из первых армейских партийных организаций в Заечаре.

Пая Марганович — с 1924 г. секретарь центрального управления рабочих-кожевников Югославии. На IV съезде КПЮ избран членом ЦК КПЮ, затем секретарь ЦК СКМЮ. Арестован в апреле 1929 г. Убит 11 сентября 1929 г.

¹⁶¹ J. Japkes. Zapisi ilegalca. Beograd, 1960, str. 53.

¹⁶² Архивска збирка Одељења НОБ Народног музеја у Нишу, № 1028.

¹⁶³ G. Japkes. Указ, соч., стр. 55. К сожалению, подробности об этом совещании и принятых им решениях нам не известны.

¹⁶⁴ Подлую роль в этих провалах сыграли Анна Золштейн и Жига Елгман, работавшие связными между ЦК и областным комитетом в Загребе, а после ареста ставшие агентами охранки и выдавшие многих коммунистов и комсомольцев.

целые улицы и районы Загреба. Несмотря на террор, коммунисты и комсомольцы продолжали свою деятельность: печатали и распространяли листовки, организовывали нелегальные собрания, проводили работу среди рабочих фабрик и заводов. На кожевенной фабрике в Загребе партийная ячейка таким образом организовывала распространение листовок, что их получал каждый рабочий и служащий. Даже генеральный директор не раз находил их на своем столе.

Нелегальные органы ЦК КПЮ «Пролетер», ЦК СКМЮ «Млади большевик» и «Билтен», различные листовки призывали рабочих к вооруженной борьбе против диктатуры. В книге Грги Янкеса «Записки подпольщика» приводятся интересные данные: выписки из полицейских документов и материалы суда в защиту государства, в которых перечисляются названия листовок, распространявшихся в Загребе и его окрестностях в феврале — июне 1929 г. Вот некоторые названия листовок: «Передовому народу города и села всех наций Югославии», «Всем рабочим, работницам, чиновникам и всем горожанам города Загреба», «Подлое убийство в загребской полиции», «Долой военную диктатуру миллионеров» и др.¹⁶⁵

Большая работа была проделана партийной организацией Загреба по подготовке празднования 1 Мая 1929 г. 24 апреля вышел первомайский номер газеты «Млади большевик» и напечатано воззвание, которое было послано в Бая-Луку, Славонски Брод, Карловац, Осиек, а также в Далмацию. С 20 по 29 апреля состоялся ряд летучих митингов в Загребе перед фабрикой «Сила», железнодорожной мастерской, кожевенной фабрикой в Новой Веси. Многие шли на эти митинги вооруженными. Так, выступавший на митинге перед железнодорожной мастерской Грга Янкес и товарищи, обязанные в случае необходимости защищать его, были вооружены револьверами. После десятиминутной речи рабочим были розданы первомайские воззвания и номер «Младог большевика»¹⁶⁶. Накануне 1 Мая в Великом Бечкереке (Воеводина) коммунисты и комсомольцы распространяли отпечатанные на шапирографе листовки из Загреба. По воспоминаниям одного из активных деятелей КПЮ того периода, члена областного комитета КПЮ Воеводины Михалья Сеньи, одна из листовок в карикатурном виде изображала диктатора, в другой население страны призывалось к вооруженной борьбе против монархо-фашистской диктатуры. По решению областного комитета эти листовки переправлялись в Кикинду, Суботицу, Новый Сад и другие города и населенные пункты Воеводины. Использовалась малейшая возможность для распространения призывов ЦК, даже слет организации «Сокол», как это было в Кикинде¹⁶⁷.

Полиция организовала массовые аресты участников первомайских демонстраций, распространителей листовок компартии, руководителей партийных организаций. В Великом Бечкереке в конце мая — начале июня было арестовано 53 коммуниста, среди них секретари областного комитета Андрия Михайлович и Мита Деспотович, Михаль Сеньи др.¹⁶⁸

После первомайских выступлений в мае 1929 г. в Хорватии было арестовано около 1500 рабочих¹⁶⁹. Несколько позднее, в августе, в Боснии было схвачено около 500 участников антиправительственных выступлений, а в Воеводине около тысячи рабочих и крестьян предстали перед

¹⁶⁵ G. Jankes. Указ. соч., стр. 111—112.

¹⁶⁶ Там же, стр. 58.

¹⁶⁷ M. Senji. U pokrajinskom komitetu Vojvodine. «Četrdeset godina», t. I (1918—1929). Beograd, 1960, стр. 217—218.

¹⁶⁸ Там же, стр. 218—219.

¹⁶⁹ «Komunist», 11.XII 1958; «Radnik», 23.I 1930.

судом за то, что в Великом Бечкереке и его окрестностях распространялись листовки компартии ¹⁷⁰.

Несмотря на монархо-фашистский террор, рабочий класс продолжал упорно бороться против капиталистической эксплуатации. В 1929 г. состоялись стачки и демонстрации в стране. В Загребе, Суботице и Сараеве бастовали рабочие железнодорожных мастерских, в Каштел-Шучурце (Далмация) — рабочие цементной фабрики, в Дрваре в столкновении с полицией 1 августа было ранено 10 рабочих, в Белграде бастовали трамвайщики, в Мариборе и Врхнике (Словения) — рабочие кирпичных заводов, в Крапе — текстильщики и т. д. Всего в 1929 г. бастовало более 5 тыс. рабочих ¹⁷¹. Их борьбой руководили коммунисты.

Ни обыски, ни аресты, ни мучения и пытки арестованных не могли запугать коммунистов и приостановить их деятельность. Арестованные коммунисты героически выносили все мучения, не выдавая товарищей. Месяцами подвергался страшным истязаниям Пая Марганович. Он умер в тюрьме в июле 1929 г., не сказав ни слова мучителям. В августе того же года был арестован один из руководителей черногорских коммунистов, член бюро ЦК КПЮ Брацан Брацанович. Жестокие пытки и издевательства не вырвали у революционера ни одного признания. Убедившись в том, что он скорее умрет, чем скажет слово, жандармы вывезли его за город 28 сентября 1929 г. и убили.

Схваченных коммунистов подвергали мучительным пыткам: их били воловьими жилами, мешками, набитыми песком, резиновыми палками, вешали за ноги и руки к потолку, забивали клинья под ногти, набивали в рот соль и перец. Но ответом на эти издевательства было гордое молчание, а нередко и отпор. Так, когда допрашивали члена ЦК КПЮ Марко Машановича в срезском полицейском участке в Цетинье, он убил одного из жандармов, а второго жандарма и писаря тяжело ранил. Во время схватки полицейские убили этого стойкого, прекрасного революционера ¹⁷². «Когда приходили вести... как его (Джуро Джаковича.— Н. И.) и Хечимовича зверски мучат,— писал орган ЦК СКМЮ «Млади большевик»,— жгут подошвы накаленными гвоздями, находились товарищи, которые хотели ворваться в помещения инквизиции и силой вырвать товарищей из кровавых оков. Нужно было приложить много сил, чтобы отговорить их от такого безумного поступка, который не имел почти никаких шансов на успех» ¹⁷³.

26 апреля 1929 г. Джуро Джакович и Никола Хечимович ¹⁷⁴ были вывезены на югославо-австрийскую границу и зверски убиты ¹⁷⁵. По поводу убийства Джаковича и Хечимовича ЦК КПЮ выпустило воззвание к трудовому народу Югославии, призывая к борьбе против «организованной банды злодеев... во главе с разбойником Александром I Кровавым, против режима убийц, тирании, издевательства и грубого насильственного угнетения, против абсолютистской монархии и диктатуры жандармского сапога» ¹⁷⁶. Смерть замечательного вождя югославского

¹⁷⁰ «Коммунистический Интернационал», 1929, № 36—37, стр. 4.

¹⁷¹ J. Marjanović. Potsetnik iz istorije komunističke partije Jugoslavije 1919—1941. Beograd [b. g.], str. 202.

¹⁷² В 1919 г. Марко Машанович участвовал в работе объединенного конгресса, на котором произошло образование КПЮ; в 1926 г. послан на учебу в СССР; в 1928 г. вернулся из Советского Союза в Черногорию для работы в областном комитете партии. Был первым секретарем КПЮ в Черногории, организовал ряд демонстраций и забастовок черногорских рабочих. Весной 1930 г. он был арестован (Б. Јовановић. КПЈ у Црној Гори 1919—1941. Београд, 1956).

¹⁷³ Цит. по: V. Rajčević. Указ. соч., стр. 121.

¹⁷⁴ Никола Хечимович был секретарем МОПРа Югославии.

¹⁷⁵ «Diktatur in Jugoslawien. Dokumente. Tatsachen». Berlin, 1930.

¹⁷⁶ Цит. по: Б. Јовановић. Указ. соч., стр. 102.

рабочего класса была тяжелой утратой, так как вырвала из рядов коммунистической партии Югославии одного из лучших ее руководителей, возглавлявшего борьбу за большевизацию партии и очищение ее от фракционеров. Рабочему классу пришлось вынести потерю и таких его руководителей, секретарей ЦК СКМЮ, как Пая Марганович, Янко Мишич, Йосип Дебеляк, Перо Попович-Ага¹⁷⁷ и др. В борьбе против режима диктатуры погибли стойкие руководители и организаторы рабочих масс, члены ЦК КПЮ и ЦК СКМЮ братья Мишко и Славко Орешки.

Страшный террор против рабочего класса и его партии монархо-фашистский режим официально оправдывал целями диктатуры: необходимостью вывести страну из экономического кризиса, оживления идеи югославского единения, укрепления международного положения Югославии под лозунгом «Балканы — балканским народам». Партия коммунистов была загнана в глубокое подполье, ее многие организации разгромлены. Часть руководства во главе с Мартиновичем вынуждена была эмигрировать из страны. Разгул реакции, отсутствие связи с сохранившимися и устоявшими несмотря на репрессии организациями привели к отрыву руководства от партийных масс, оживлению в нем фракционной борьбы. Все это препятствовало правильной оценке ситуации в стране и определению задач борьбы. В период, когда великосербская буржуазия установила монархо-фашистскую диктатуру, разбила передовой отряд пролетариата и все демократическое движение, руководством партии были совершены тяжелые политические ошибки. Не подготовив организационно и политически партийные и другие революционные организации для борьбы в новых условиях, руководство партии практически почти ничего не сделало для мобилизации масс на борьбу и в то же время выдвинуло лозунг вооруженного восстания, хотя для этого не было никаких реальных сил и объективных условий. В теоретическом органе партии журнале «Класна борба» была напечатана статья «Абсолютистская диктатура», в которой ставилась задача вооруженной борьбы масс и восстания всех угнетенных против диктатуры крупной буржуазии, гражданской войны за установление рабоче-крестьянской власти¹⁷⁸. В ноябре 1929 г. на VI пленуме КПЮ было принято решение о вооруженном восстании. Ошибочная оценка внутриполитического положения в стране и соотношения сил, переоценка возможностей партии привели к неправильному определению ее политической линии в условиях жестокого террора.

Вместо перестройки всей деятельности партии, сочетания нелегальной и легальной борьбы, вместо деятельности в первую очередь в реформистских профсоюзах и различных обществах (спортивных, культурных,

¹⁷⁷ Янко Мишич с 1920 г. член СКМЮ. В 1923 г. был избран в ЦК СКМЮ. С 1926 г. учился в Москве в Свердловском университете. В 1929 г. вернулся в Югославию. 27 апреля 1929 г. был убит в Сомборе во время перестрелки с полицией (Z. Stanković. Указ. соч., стр. 105—106). Йосип Дебеляк — рабочий-пекарь. С 1919 г. участвовал в революционном движении в Загребе. С 1921 г. член СКМЮ, с 1923 г. член КПЮ. В 1928 г. избран секретарем ЦК СКМЮ, а на VIII Загребской конференции делегатом на IV съезд КПЮ. На съезде был избран членом ЦК КПЮ. В ноябре 1928 г. был послан в СССР на учебу. В 1931 г. возвратился в Югославию. 15 октября 1931 г. убит в схватке с полицией. (Enciklopedija Jugoslavije, t. 2. Zagreb, 1956, str. 673).

Перо Попович-Ага до 1924 г. был секретарем местного комитета СКМЮ Белграда. В 1924—1928 гг. учился в Москве. По возвращении в Югославию становится членом, а затем оргсекретарем ЦК СКМЮ. В борьбе против полиции в Загребе смертельно ранен. Умер 15 августа 1930 г.

¹⁷⁸ «Komunistička partija Jugoslavije 1919—1941. Izabrani dokumenti». Zagreb, 1959, str. 107.

женских) руководство ограничилось лозунгом создания нелегальных профсоюзов и агитацией против вхождения рабочих в реформистские профсоюзы. Руководство партии не учло ленинского указания о том, что в период наступления реакции революционная партия должна уметь отступать, и что «надо обязательно научиться легально работать в самых реакционных парламентах, в самых реакционных профессиональных, кооперативных, страховых и подобных организациях»¹⁷⁹. Оно пренебрежительно относилось к тому, на что В. И. Ленин неоднократно обращал внимание коммунистических партий зарубежных стран: «...уметь приносить великие жертвы, преодолевать величайшие препятствия, чтобы систематически, упорно, настойчиво, терпеливо пропагандировать и агитировать как раз в тех учреждениях, обществах, союзах, хотя бы самых что ни на есть реакционных, где только есть пролетарская или полупролетарская масса»¹⁸⁰. Вместо такой повседневной и кропотливой работы по собиранию сил пролетариата, разворачиванию его борьбы за непосредственные экономические требования и превращению ее в политическую, ЦК КПЮ ориентировало партию на вооруженное восстание.

Этот авантюристический лозунг привел к тому, что немногочисленная, оторванная от масс партия оказалась одна против военно-полицейского аппарата королевской диктатуры. Оценивая деятельность руководства партии в этот период, IV конференция КПЮ, состоявшаяся в 1934 г., в резолюции «Уроки 1929—1931 годов» отметила, что «партия вела революционную борьбу против диктатуры ценой самых больших и самых тяжелых жертв. Эту борьбу партийные кадры страны вынесли на своих плечах. Ряды партии были раздроблены, а большая часть ее деятелей убита или послана на долготечную каторгу. В течение этой героической борьбы вследствие ошибок партии, а особенно ее руководства в то время, террор военно-фашистской диктатуры сумел временно разбить организационно большинство самых важных партийных организаций»¹⁸¹. Ошибочность выдвижения лозунга вооруженного восстания исходила из неправильной оценки не только политического положения в стране и партии, но и из легкомысленного отношения к марксистско-ленинскому учению о восстании как искусству.

Рассматривая вопрос о восстании как последнем и решительном бое, В. И. Ленин писал: «Тут надо спросить себя не только о том, убедили ли мы авангард революционного класса, а еще и о том, размещены ли исторически действенные силы всех классов обязательным образом, чтобы решительное сражение было уже вполне назревшим, таким образом, чтобы (1) все враждебные нам классовые силы достаточно запутались, достаточно передрались друг с другом, достаточно обессилили себя борьбой, которая им не по силам; чтобы (2) все колеблющиеся, шаткие, неустойчивые, промежуточные элементы, т. е. мелкая буржуазия, мелкобуржуазная демократия в отличие от буржуазии, достаточно разоблачили себя перед народом, достаточно опозорились своим практическим банкротством; чтобы (3) в пролетариате началось и стало могуче подниматься массовое настроение в пользу поддержки самых решительных, беззаветно смелых, революционных действий против буржуазии. Вот тогда революция назрела, вот тогда наша победа, если мы верно учли все намеченное выше, кратко обрисованные выше условия, и верно выбрали момент, наша победа обеспечена»¹⁸². В Югославии в 1929 г. не существовало ни одного из этих условий. Кризис верхов временно был преодолен

¹⁷⁹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 31, стр. 12.

¹⁸⁰ Там же, стр. 35.

¹⁸¹ «Историјски архив КПЈ», т. II, стр. 232.

¹⁸² В. И. Ленин. Сочинения, т. 31, стр. 74.

установлением монархо-фашистской диктатуры. Мелкобуржуазные партии (ХКП, Сербский земледельческий союз и др.) еще не разоблачили себя перед народом и являлись руководителями национально-освободительного и крестьянского движения. Коммунистическая партия не завоевала пролетарского авангарда, ее деятельность еще не пользовалась поддержкой широких народных масс, особенно крестьянства. Поэтому лозунг, выдвинутый руководством партии после установления в стране реакционной диктатуры, не мог быть действенным, практическим лозунгом дня. Героическая борьба и самоотверженность партии привела лишь ко многим напрасным жертвам, к разгрому многих партийных организаций. Несмотря на эти тяжелые политические ошибки, Коммунистическая партия Югославии являлась единственной партией, которая смело выступила против режима диктатуры.

* * *

Установление монархо-фашистской диктатуры знаменовало наступление нового периода в истории Югославии. Отныне основным законом в Югославии стала воля монарха, опиравшегося на насилие как на главное средство управления. Оценивая значение установления королевской диктатуры, Йосип Броз Тито на V съезде компартии Югославии охарактеризовал ее как диктатуру «самой реакционной части буржуазии, олицетворенной в короле как представителе этой буржуазии»¹⁸³.

Проводимая правящими кругами Югославии внутренняя и внешняя политика привела к обострению противоречий капитализма, подорвала доверие к парламенту в широких народных массах, углубила национальную вражду, вызвала глубокое недовольство всех слоев общества. Используя это недовольство, боясь возможного революционного взрыва, опираясь на военщину, фашистские организации, правительственные партии, дворцовая клика во главе с королем Александром совершила государственный переворот 6 января 1929 г. При подготовке этого переворота король заручился поддержкой правящих кругов империалистической буржуазии Франции и Англии, благословивших Александра в его намерениях установить диктаторский режим в стране и посуливших ему финансовую и дипломатическую поддержку.

Установив монархическую диктатуру, правящие круги надеялись подавить национально-освободительное движение. Однако вся последующая история Югославского государства опровергла эти надежды и свидетельствовала о том, что национальный вопрос не был и не мог быть решен великосербской буржуазией, строившей свое благополучие на угнетении не только сербского народа, но и других народов.

Разгромив компартию, уничтожив или загнав на каторгу ее лучших представителей, буржуазная диктатура не смогла уничтожить рабочего движения. Революционное движение развернулось с новой силой в 30-е годы. После тяжелых потерь и ошибок руководство КПЮ извлекло уроки из десятилетней борьбы и начало вместе с партийным активом борьбу за консолидацию рядов партии, за единство рабочего движения, за завоевание широких крестьянских масс и объединение сил демократии против диктатуры великосербской буржуазии.

Не смогло правительство диктатуры ликвидировать и тяжелый внутривластный кризис. Напротив, переворот 1929 г. еще более обострил его и вызвал глубокое недовольство в стране.

Монархо-фашистская диктатура лишь временно приостановила развитие национально-освободительного и революционного движения, окутав страну мраком террора и насилий, но не смогла сломить волю народов Югославии, их борьбу за национальное и социальное освобождение.

¹⁸³ «V конгрес КПЈ», стр. 43.

В. Г. Сироткин

**ФРАНКО-РУССКАЯ
ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ БОРЬБА
НА БАЛКАНАХ И ПЛАНЫ СОЗДАНИЯ
СЛАВЯНО-СЕРБСКОГО ГОСУДАРСТВА
в 1806—1807 гг.**

Вопрос о планах создания славяно-сербского государства на Балканах в начале XIX в. представляет один из интереснейших моментов истории русско-югославянских отношений.

Возникнув в ходе национально-освободительной борьбы, планы отражали стремление народа Сербии и Черногории закрепить результаты этой борьбы путем создания сильного югославянского государства под покровительством России. Поскольку в конкретных условиях европейской международной обстановки 1806—1807 гг. эти планы отвечали интересам правящих кругов России, русская дипломатия использовала их в борьбе против французского проникновения на Балканы и как средство давления на Турцию. То обстоятельство, что реализацию этих планов руководители национально-освободительного движения связывали с успехами внешней политики России, ставило идею создания такого государства в сильную зависимость от общеполитической конъюнктуры в Европе и, в частности, на Балканах.

Главным моментом международных отношений на Балканах в начале XIX в. была франко-русская дипломатическая борьба за Турцию как за союзника.

Это было одно из звеньев общей борьбы Франции, с одной стороны, и России и Англии, с другой, за союзников в Европе (в частности, в 1802—1805 гг. за Пруссию, Данию, Испанию, Португалию, Неаполитанское королевство). Каждая из сторон стремилась проявить максимум гибкости, использовать всевозможные методы, применяя их к конкретным условиям того или иного района. Основной целью русской дипломатии в 1801—1805 гг. на Балканах было не допустить проникновения на полуостров Франции. Особенно опасались в Петербурге возможного десанта французской армии из Италии на Балканское побережье Адриатики. Однако русская дипломатия понимала, что одних военных мер для этого недостаточно. Поэтому она пошла на введение в Ионической республике либеральной конституции. Эта мера обеспечила России поддержку торговой прослойки местного населения, поскольку ее представители получили доступ к власти.

Не случайно, что одним из постоянных требований вождей национально-освободительного движения в 1802—1807 гг. в Сербии и Греции было

требование предоставить им статут республики Семи соединенных островов. Политика России на Балканах в начале XIX в. имела объективно прогрессивное значение вопреки воле ее вдохновителей, поскольку она вела к расшатыванию устоев военно-феодалного господства Турции на Балканах.

* * *

В советской исторической литературе вопрос о планах создания славяно-сербского государства в 1806—1807 гг. специально не рассматривался. Изучение внешней политики России в начале XIX в. в западной части Балканского полуострова шло преимущественно в плане освещения действий эскадры адмирала Д. Н. Сенявина и совместной русской-черногорской борьбы против французов в южной Далмации¹. Дипломатический аспект франко-русской борьбы в районе Адриатики более подробно освещен в работах русских дореволюционных и французских буржуазных историков². Интересный фактический материал о франко-русской дипломатической борьбе за Турцию (книга написана почти исключительно на базе фондов архива министерства иностранных дел Франции), содержится в работе американского историка Вернона Пюриера³. Однако во всех упоминаемых исследованиях почти ничего не говорится о планах создания славяно-сербского государства и попытках их реализации в 1806—1807 гг.

Несколько более подробно этот вопрос затронут в трудах югославских историков. Как отмечает один из современных югославских исследователей истории создания Черногорского государства Бранко Павичевич, «Петр I (Негош.—С. В.) имел детально разработанный план и широкий замысел создания независимого национального государства и борьбы против турок⁴. Попытка показать возникновение этого плана и пути его реализации содержится в работе Душана Лекича «Внешняя политика Петра I Петровича Негоша». Он писал: «Рассчитывая на победу русских, черногорский митрополит задумал смелый план: создать славяно-сербское государство»⁵. Однако Д. Лекич ограничился пересказом доклада министра иностранных дел А. Я. Будберга Александру I (начало мая 1807 г.), в котором излагалась сущность плана Негоша. Ни о сочувственном отношении Д. Н. Сенявина к этим планам, ни о том, какую роль сыграла сама идея создания славяно-сербского государства в замыслах русской дипломатии (переговоры П. Я. Убри в Париже), ни о проектах Чарторыйского и Чичагова Лекич ничего не говорит. Нет об этом и в работах других югославских историков, в той или иной мере затрагивающих идею создания славяно-сербского государства в 1806—1807 гг.⁶

¹ Е. В. Тарле. Экспедиция адмирала Д. Н. Сенявина в Средиземное море. М., 1954; А. Л. Шалиро. Адмирал Д. Н. Сенявин. М., 1958; В. Гончаров. Адмирал Сенявин. М.—Л., 1945.

² С. М. Соловьев. Император Александр I. Политика, дипломатия. СПб., 1877; А. А. Васильчиков. Семейство Разумовских, т. IV, ч. 2. СПб., 1887; А. Вандаль. Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время первой империи, т. I. СПб., 1910; Ed. Driault. La politique orientale de Napoléon (Sébastien et Gardane 1806—1808). Paris, 1904.

³ Vernon J. Puryear. Napoleon and the Dardanelles (1802—1815). Berkeley and Los Angeles, 1951.

⁴ Б. Павичевич. Стварање Црногорске државе. Београд, 1955, стр. 192.

⁵ Д. Лекич. Спољна политика Петра I Петровића Негоша (1784—1830). Цетиње, 1950, стр. 213—214.

⁶ Д. Пантелић. Београдски пашалук пред Први српски устанак (1794—1804). Београд, 1949; Б. Павичевич. Указ. соч.

Следует отметить, что у некоторых современных югославских историков (в частности, у Б. Павичевича) видна тенденция недооценки этих планов для будущих судеб югославских народов, поскольку проекты 1806—1807 гг. в связи с изменениями политической обстановки в Европе (франко-русский союз 1807 г. в Тильзите) не были в тот период реализованы. Действительно, эти проекты, игравшие подчиненную роль в планах русской дипломатии на Балканах, осуществлены не были, хотя русская дипломатия и попыталась сделать в этом направлении некоторые практические шаги (русско-французские переговоры в Париже в июне-июле 1806 г.).

При анализе истории возникновения этих проектов следует учитывать два момента: 1) значение планов создания объединенного югославянского государства как конкретной программы борьбы за национальное освобождение, их объективно-прогрессивное значение самих по себе; 2) использование планов великими державами в борьбе за преобладание на Балканах, что целиком зависело от своекорыстных интересов правящих кругов этих стран и общеполитической конъюнктуры в Европе. Правящие круги России попытались решить задачи своей политики на Балканах путем сделки с Наполеоном в Тильзите. Тем не менее предложенные сербо-черногорскими вождями проекты создания славяно-сербского государства оказали известное воздействие на планы русской дипломатии, в частности в 1806 г.⁷ Отказ России в 1806—1807 гг. поддержать идею создания такого государства свидетельствовал об исторической ограниченности ее правящих кругов.

Как справедливо отмечает советский исследователь средиземноморской политики царской России в начале XIX в. А. М. Станиславская, основной причиной неудач русской дипломатии в этом районе «была неспособность царского правительства в полной мере понять то значение, которое имела для политики России на Ближнем Востоке и на Балканах поддержка и сочувственное отношение местного населения. Царизм умело играл на привязанности и доверии балканских народов к России в тех случаях, когда это ему казалось нужным. Если же национальные интересы этих народов в той или иной форме вступали в противоречие с его собственными расчетами, он, не задумываясь, приносил первые в жертву»⁸.

В настоящей статье преимущественно на базе архивных материалов делается попытка проследить историю возникновения различных проектов создания славяно-сербского государства в 1806—1807 гг. на фоне франко-русской дипломатической борьбы. Вопрос о русско-сербских отношениях и связях Петра I Негоша с Карагеоргием, хотя и представляет большой интерес, выходит за рамки настоящей статьи, поскольку требует самостоятельного исследования.

* * *

В 1799—1805 гг. Наполеон был весьма озабочен восстановлением влияния Франции в Константинополе и на Балканах, подорванного в результате походов в Египет в конце XVIII в. Талейран, всегда хорошо

⁷ В этой связи мы не можем согласиться с утверждением И. С. Достян, что «подобные проекты не могли влиять на восточную политику России» (И. С. Достян. Борьба сербского народа против турецкого ига (XV — начало XIX века). М., 1953, стр. 142).

⁸ А. М. Станиславская. Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX в. Из истории политики России на Ионических островах (1799—1807 гг.). «История СССР», 1960, № 1, стр. 63.

улавливавший намерения Наполеона, писал ему в 1800 г.: «Нет ничего более важного для нас, чем как следует укрепиться в Албании, Греции, Македонии и т. п.»⁹. Эту политику Наполеон осуществлял по двум направлениям: первым было наводнение в 1800—1805 гг. Балкан французскими эмиссарами, которые, используя лозунги Французской революции, обещали угнетенным народам Балкан предоставить независимость в случае поддержки французской армии при ее появлении на Балканах. Одновременно они тайно снабжали вождей национально-освободительного движения оружием¹⁰. Вторым была высадка на Балканах военного десанта и оккупация побережья Адриатики и Греции. К концу 1803 г. на Отрантском полуострове в Италии были сконцентрированы довольно крупные французские силы, готовые по первому приказу начать высадку в одном из районов Адриатического побережья¹¹.

В исторической литературе нет единого мнения на балканскую политику Наполеона. Часть историков (главным образом французских) считает, что он всегда стремился к разделу европейской Турции¹². Однако большая часть исследователей все же считает, что Наполеон никогда искренне не хотел этого, а использовал восточный вопрос как средство шантажа и приманки других великих держав, главным образом России¹³. Как справедливо отмечает известный исследователь наполеоновской эпохи А. Вандаль, «защита Турции была в его (Наполеона.— В. С.) глазах только средством, а не целью. Если бы ему представили убедительные данные, что, предлагая какому-нибудь из европейских дворов раздел Турции вместо ее сохранения, он вернее сблизился с ним, он не отказался бы вступить на этот путь»¹⁴.

Действительно так было в 1800 г., когда Наполеон предлагал Павлу I поделить Турцию¹⁵, в 1801—1804 гг., когда он давал широковещательные обещания руководителям национально-освободительного движения на Балканах, в 1805 г., когда Талейран выдвинул план частичного раздела европейской Турции между Францией и Австрией и передачи последней Молдавии, Валахии и Бессарабии¹⁶, в 1808 г., во время переговоров Румянцева с Коленкуром в Петербурге о разделе европейской Турции между Россией и Францией¹⁷.

Следует вместе с тем подчеркнуть, что французская дипломатия никогда не выдвигала плана создания национальных государств на Балканах даже под своим протекторатом, хотя у Наполеона и был опыт по организации «дочерних» республик в Италии¹⁸. Более того, когда пред-

⁹ Ed. Driault. Указ. соч., стр. 22—23.

¹⁰ Discours de Napoléon. Publiée par général Gourgaud. Paris, 1826, pp. 93—94.

¹¹ «Внешняя политика России в XIX и начале XX в.». Сборник документов Российского министерства иностранных дел, т. I. М., 1960; стр. 570—571; M. Kukiel. Czartorisky and European Unity (1770—1861). Princeton, 1955, p. 41.

¹² E. Bourgeois. Manuel historique de la politique étrangère, t. 2. Paris, 1926, p. 493.

¹³ С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 36; А. Вандаль. Указ. соч., т. I, стр. 8, 9, 13, 29; Ed. Driault. Указ. соч., стр. 290—291, 377.

¹⁴ А. Вандаль. Указ. соч., стр. 29.

¹⁵ 1 июня 1800 г. Наполеон писал Талейрану: «Оттоманская империя долго не просуществует, и если Павел I обратит на это внимание, наши интересы станут общими» («Correspondance de Napoléon I publiée par l'ordre de Napoleon III», Paris, 1861—1870, v. 6, p. 326).

¹⁶ P. Bertrand. Lettres inédites de Talleyrand à Napoléon I. Paris, 1889, pp. 156—174.

¹⁷ Ed. Driault. Указ. соч., стр. 290—291; А. Вандаль. Указ. соч., стр. 288—240.

¹⁸ Об этом свидетельствует, в частности, политика Франции в Далмации. Оккупировав ее в 1806 г. по Братиславскому (Пресбургскому) миру с Австрией 26 декабря

ставитель сербских повстанцев Ненадович в конце 1804 г. отправился в Париж просить у Наполеона помощи о защите от турок и поддержки плана создания сербского государства, он девять лет прождал выполнения данных ранее Наполеоном обещаний и ни с чем вернулся в Белград¹⁹.

К началу 1806 г. международная обстановка в Европе и на Балканах резко изменилась: поражение держав третьей антинаполеоновской коалиции под Аустерлицем прежде всего сказалось на Австрии. По Пресбургскому (Братиславскому) миру между Францией и Австрией 26 декабря 1805 г. Далмация отходила к Наполеону. Австрийская администрация в Далмации должна была в кратчайший срок передать власть французской. Французская армия получила прямой доступ к границам Турецкой империи.

Еще в сентябре 1805 г. Наполеону был представлен проект раздела Турции и создания Восточной греческой империи под протекторатом Франции путем оккупации Балкан и организации греческого восстания. Взамен Франция могла бы получить важную стратегическую и военную базу о. Крит (как противовес английской базе на о. Мальта) и острова греческого архипелага²⁰. Но Наполеон отверг этот проект. Вместо него он выдвинул свой план сохранения Турции как противовеса России, закрытия проливов для русских военных торговых судов и статус кво Турецкой империи. На аудиенции с послом Турции в Париже Мухтиб-эффенди 5 июня 1806 г. Наполеон заявил, что намерен защищать целостность Турецкой империи от посягательств Австрии и России²¹.

Французский император не стал медлить и со свойственной ему решительностью, несмотря на то, что в это время в Париже шли русско-французские переговоры о заключении мира, 20 июня 1806 г. лично продиктовал инструкцию новому послу Франции в Константинополе генералу Г. Себастиани. Эта очень интересная инструкция долго оставалась малоизвестной. Мы воспроизводим ее целиком на русском языке впер-
вые:

«1. Внушать Порте доверие и уверенность в ее безопасности. Франция хочет ее усиления.

2. Тройной союз — я, Порта и Персия — против России.

3. Никакого высокомерия по отношению к Порте. Дружба, стремление к тому, чтобы она сообщала нашему послу требования России и Англии.

4. Я нигде не буду поддерживать бунтовщиков.

5. Пусть союз с Портой станет известным России, Англии, всей Европе.

6. Подчеркивать неприязнь к России; никаких личных контактов с ее посольством.

7. Закрывать Босфор для русских, закрыть все порты, возвратить Турции ее абсолютное господство над Молдавией и Валахией.

8. Я не хочу раздела Константинопольской империи; даже если мне предложили бы 3/4 ее, я не захотел бы этого. Я хочу укрепить и усилить эту великую империю и использовать ее такой, какая она есть, как противовес России»²².

1805 г., французы не предоставили Далмации самостоятельности, присоединив ее к Итальянскому королевству.

¹⁹ «Dokumente inédits sur les relations de la Serbie avec Napoléon I (1809—1814)». Publiés par A. Boppe. Beograd, 1888, p. 124.

²⁰ V. Puryear. Указ. соч., стр. 62—63.

²¹ J. Testa. Recueil des traités de la Porte Ottomane. Paris, 1865, pp. 274—275

²² Ed. Driault. Указ. соч., стр. 60.

Одновременно с инструкцией Себастиани было вручено очередное личное письмо Наполеона султану, датированное также 20 июня. Письмо затрагивало вопросы политики Франции по отношению к национально-освободительному движению на Балканах. К тому времени в связи с расширением первого сербского восстания и влияния его успехов на Балканы в целом оно заняло одно из центральных мест в ряду других балканских проблем. Наполеон прямо писал, что сербское восстание — дело рук русской дипломатии. Турция ни в коем случае не должна допускать посредничества России в переговорах турецкого правительства с руководителями восстания. Наполеон рекомендовал проводить также жесткую политику в отношении господарей Молдавии и Валахии, являющихся агентами России. Он предлагал султану запретить греческим торговым судам плавать под русским флагом. Кроме того, Наполеон извещал Селима III, что для оказания Турции более эффективной помощи Франция, возможно, оккупирует Албанию²³.

Позднее, в своих продиктованных на о. св. Елены мемуарах Наполеон писал, что для него вопросы о Польше и Турции всегда были теми проблемами, по которым он не хотел идти ни на какие компромиссы с Россией²⁴.

* * *

Активизация французской дипломатии не осталась незамеченной в Петербурге. Русская дипломатия, подобно французской, также стремилась использовать национально-освободительное движение на Балканах в своих целях. Однако в методах осуществления своей балканской политики русская дипломатия существенно разнилась с французской: в 1806 г. она не планировала военной оккупации полуострова, как сделала это Франция в отношении Далмации, а попыталась создать там ряд национальных государств под своим покровительством.

Пожалуй, лучше всего об этой линии русской дипломатии свидетельствуют документы первого тома новой публикации «Внешняя политика России в XIX — начале XX в.». Выше уже отмечалось, что связанная выгодным для себя русско-турецким союзным договором 1799 г. Россия в 1799—1805 гг. проводила в целом политику поддержки национально-освободительного движения в рамках статей этого договора. Как правило, эта поддержка ограничивалась отдельными демаршами русской дипломатии против наиболее вопиющих злоупотреблений местных турецких пашей. Определяя задачи русской внешней политики на Балканах, министр иностранных дел России А. Р. Воронцов писал полномочному представителю России при республике Семи соединенных островов Г. Д. Моцениго 9 сентября 1803 г.: «Государь, конечно, весьма далек от желания злоупотребить своим влиянием для того, чтобы побудить эти народы освободиться от турецкого владычества, и таким образом ускорить крушение и без того слишком непрочной империи, в лице которой Россия в настоящее время имеет соседа, не дающего никакого повода для жалоб. До тех пор в наши намерения может входить только противодействие враждебным видам Франции»²⁵. Вместе с тем русская дипломатия должна быть достаточно гибкой, чтобы в случае изменения позиции Турции в отношении России последняя могла воспользоваться приобретенным влиянием к нашей наибольшей выгоде, и во всяком слу-

²³ «Correspondance de Napoléon I...», v. 12, pp. 580—581.

²⁴ Napoléon. Textes inédits et variants. Publié par Nada Dagher. Genève—Lille, 1955, p. 87.

²⁵ «Внешняя политика России в XIX и начале XX в.», т. 1, стр. 516.

чае будет необходимо воспрепятствовать тому, чтобы эти народы, которые постоянно жаждут независимости, смогли бы ее добиться путем, противоречащим интересам России»²⁵.

Вместе с тем русская дипломатия понимала, что позиция Турции может измениться. Поэтому она снабжала вождей национально-освободительного движения оружием, которое в случае необходимости Россия надеялась обратить как против Франции, так и против Турции²⁷.

Изменение позиции Турции не заставило себя долго ждать.

Ввиду военного поражения держав третьей антифранцузской коалиции под Аустерлицем и в Италии правящие круги России попытались использовать планы создания славянских государств как средство торможения дальнейшего проникновения Франции на Балканы. В этом было их отличие от аналогичных проектов 80—90-х годов XVIII в., которые русская дипломатия даже и не пыталась реализовать.

Разгром третьей коалиции сделал Наполеона безраздельным хозяином на Апеннинском полуострове. Лишь Сицилия оставалась еще в руках англичан. Занятие Далмации давало Франции удобный плацдарм для дальнейшего продвижения в глубь Балкан. Напуганное возможностью второго варианта «египетского похода» Наполеона, слабое турецкое правительство стало искать сближения с Францией. Предложение французской дипломатии сохранить статус кво на Балканах ценой войны против России было положительно встречено Турцией. Правда, окончательному русско-турецкому разрыву предшествовала острейшая франко-русская дипломатическая борьба, закончившаяся в конце 1806 г. победой Франции.

В новой международной обстановке перед правящими кругами России встала задача выработки нового внешнеполитического курса. Этот вопрос был вынесен на обсуждение Государственного совета в середине января 1806 г. Одно из основных мест занимал турецкий вопрос. В русских правящих кругах не было единства по вопросу о методах реализации внешнеполитического курса России в новых условиях. Борьба шла в основном между сторонниками продолжения войны с Францией до победного конца в союзе с Англией и сторонниками нейтралитета в англо-французском конфликте. Во главе первой группировки стоял управляющий министерством иностранных дел России князь Адам Чарторыйский. Вторую возглавил министр коммерции Н. П. Румянцев. Но в одном вопросе их точки зрения совпадали: это был вопрос о Турции. И те и другие хотели сохранить Турцию как союзника России. Задачу выработки политического курса России в турецком вопросе взял на себя А. Чарторыйский. 23 января 1806 г. он представил Александру I три доклада²⁸.

План Чарторыйского сводился к двум основным положениям: 1) нейтрализация Турции путем сохранения русско-турецкого договора 1805 г.; 2) создание в западной части Балкан славянского государства как буфера между новыми границами Франции в Далмации и в Италии и Турцией. Союзником в достижении этих целей должна была быть Англия²⁹.

Детали второго пункта плана Чарторыйского были, без сомнения, навеяны запиской главы сербской православной церкви в Австрии митрополита Стратимировича. Стратимирович направил через русского

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, стр. 583. А. Р. Воронцов — Моцениго 6(17).II 1803.

²⁸ А. Трачевский. Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I, т. III. Сб. Русского исторического общества, т. 82. СПб., 1892, стр. 244—275 (далее — Сб. РИО).

²⁹ Сб. РИО, т. 82, стр. 244—245, 270—275.

священника Самборского (посетившего в 1804 г. Сербию) план создания «великой Сербии», территориально охватывавшей площадь современной Югославии (без Черногории).

Новое государство должно было получить либо статут республики Семи островов, либо Рагузской республики (Дубровник). Именно в этой записке Стратимирович развил идею буферного государства, которое должно было быть создано путем соглашения великих держав. Перевод записки Стратимировича был отредактирован Чарторыйским для доклада Александру I³⁰. Отличительной чертой проекта Чарторыйского от всех предыдущих была попытка осуществить его на практике. Чарторыйский предлагал решить этот вопрос путем соглашения России и Англии, с одной стороны, и Франции, с другой.

18 февраля 1806 г. специальному уполномоченному русского правительства графу А. П. Строганову, направлявшемуся в Лондон для переговоров, была вручена подписанная А. Чарторыйским инструкция. Она содержала дальнейшее развитие плана создания христианских государств на Балканах. Инструкция Строганову предлагала обсудить с английским министром иностранных дел Фоксом проект создания двух балканских государств: одно — от Которской области до Сербии включительно, другое — вокруг республики Семи островов (включая адриатическое побережье Албании и Эпира). Государства должны были находиться под суверенитетом Турции и покровительством России³¹.

Вопрос о создании буферных государств входил также в круг проблем, решение которых должен был закрепить П. Я. Убри (полномочный представитель России на переговорах в Париже) в статьях будущего франко-русского мирного договора. До сих пор считалось, что А. Трачевский в своей публикации «Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I» опубликовал все документы, относящиеся к миссии Убри. Однако при внимательном чтении врученной Убри за подписью Чарторыйского инструкции мы обратили внимание, во-первых, на ее слишком общий характер, а во-вторых, на слова: «Из различных нот³², прилагаемых при этой бумаге, вы увидите, что мы считаем существенным для России: ваша задача будет состоять главным образом, чтобы сблизить виды Франции с содержанием этих нот»³³. И действительно, сначала в ЦГАДА (копии), а затем в АВПР (подлинник) мы обнаружили замечания к инструкции Чарторыйского Убри, которые и являлись по существу настоящими инструкциями. Это были «Замечание — руководство русскому уполномоченному при переговорах с Францией» и «Замечание — инструкция русскому уполномоченному при переговорах с Францией». Оба замечания первоначально являлись докладами Чарторыйского Александру I по поводу миссии Убри. Затем они были утверждены царем и вручены Убри. Оба «Замечания» датированы 23 апреля (5 мая) 1806 г.³⁴

В «Замечании-инструкции» Убри предписывалось не идти ни на одно соглашение, наносящее ущерб русско-турецкому союзу 1805 г. Одно-

³⁰ «Русский архив», 1863, кн. 1, стб. 112—120. Записка митрополита Стратимировича от 14 (26) июня 1804 г. Изложение записки Стратимировича см. Д. Пантелейн. Указ. соч., стр. 386—388; И. С. Достян. Указ. соч., стр. 142.

³¹ Николай Михайлович, вел. кн. Граф П. А. Строганов (1774—1817), т. 3. СПб., 1903, стр. 9—11.

³² У Трачевского буквальный перевод: французское слово «note» (нота дипломатическая, заметка, замечание) он переводит как «нота». На самом деле это были замечания к инструкции.

³³ Сб. РИО, т. 82, стр. 365.

³⁴ АВПР, ф. Канцелярия МИД, д. 8982, лл. 13—16; ЦГАДА, ф. Госархив, ряд XV, д. 520, лл. 8—9, 10—12.

временно следовало довести до сведения Франции, что Россия не уступит Боку Которскую, занятую в марте 1806 г. войсками адмирала Д. Н. Сенявина. Подписание франко-русского мира будет возможно лишь на условиях полной или частичной эвакуации Далмации и *«создания одного или нескольких независимых государств между Османской империей и Италией»* (курсив наш.— В. С.)³⁵.

Инструкция Строганову и приложения к инструкции Убри в общей форме излагали план Чарторыйского. Чарторыйский предлагал два варианта решения балканского вопроса (оба — путем франко-русского соглашения).

Первый: а) расширение территории автономной республики Семи соединенных островов путем присоединения к ней прибрежной Албании и Эпира (под протекторатом России); б) предоставление Сербии автономии в рамках Турецкой империи по образцу Молдавии и Валахии с правом России отстаивать интересы сербов перед турецким правительством³⁶.

Второй: а) Ионические острова вместе с албанским побережьем Адриатики передаются сардинскому королю в обмен на его владения в Италии, отошедшие к Франции; б) вопрос о Сербии решается, как и в первом варианте, с тем отличием, что к гарантиям ее автономии допускается и Австрия; в) вместо республики Семи островов создается новое государство с включением в него Черногории, Которской области и некоторых других прибрежных областей. Новое государство получает статут республики Семи островов по первому варианту³⁷.

В целом решение балканского вопроса ставилось в зависимость от того или иного исхода франко-русских переговоров.

Анализ вышеприведенных документов свидетельствует, что в начале 1806 г. русские правящие круги серьезно обсуждали план создания одного или нескольких буферных государств на западе Балкан.

Русская дипломатия попыталась осуществить балканский план Чарторыйского. Этому способствовало расширение национально-освободительного движения на Балканах.

24 июня 1806 г. Александр I в ответ на просьбу руководителей сербского восстания Карагеоргия и Ненадовича о поддержке³⁸ подписал инструкцию одному из ответственных чиновников министерства иностранных дел России, тайному советнику Родофиникину. Он должен был установить прямую связь с руководителями сербского восстания и осуществить взаимодействие между сербскими повстанцами и русской армией в случае русско-турецкой войны³⁹. Еще раньше Александр I обратился к султану Селиму III с личным письмом, призывая его удовлетворить справедливые требования сербов⁴⁰.

23 сентября 1806 г. русское правительство направило через командующего дунайской армией генерала Михельсона 13 тыс. руб. Карагеор-

³⁵ АВПР, ф. Канцелярия МИД, д. 8982, л. 15. Раздел «Замечаний» в части, касающейся политики России в бассейне Адриатики, изложен у С. М. Соловьева в следующих словах: «Убри мог согласиться на признание имперского титула для Наполеона, если бы Франция купила это признание... очищением всей или части Далмации и согласием на образование отдельных владений между Турцией и Италией» (С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 112).

³⁶ ЦГАДА, ф. Строгановых, д. 355, л. 66.

³⁷ Там же, л. 69 об.

³⁸ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 118, л. 41. Карагеоргий и Ненадович — Александру I 12(24).XII 1805.

³⁹ А. Петров. Война России с Турцией, т. I. 1806—1807. СПб., 1885, стр. 245—246.

⁴⁰ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 118, л. 121. Александр I — Селиму III 5(17).V 1806.

гию и Ненадовичу⁴¹. Однако реализация задач русской дипломатии в районе Адриатики выпала в основном на долю Д. Н. Сенявина.

Посылка эскадры вице-адмирала Д. Н. Сенявина в Средиземное море была включена русским правительством в общий план действий держав третьей коалиции. В подписанной Александром I инструкции Сенявину от 19(31) августа 1805 г. указывалась его основная задача: обеспечение обороны Ионических островов и балканского побережья Адриатики от возможного вторжения французских войск и оказание поддержки действиям соединенной русско-англо-неаполитанской армии в Италии⁴².

Россия уже имела в Адриатике довольно крупные вооруженные силы: с 1799 г. там находились оставленные еще Ушаковым военные суда под командованием капитан-командора Сорокина, в середине 1805 г. туда же была направлена эскадра адмирала Грейга⁴³. Кроме того, на Ионических островах к началу 1806 г. были сконцентрированы довольно значительные сухопутные силы (около 10 200 солдат). Всего в водах Адриатического моря находилось 38 кораблей России⁴⁴.

По первоначальному замыслу Сенявин должен был ограничиться лишь чисто военными действиями. Общеполитическое руководство многочисленным дипломатическим аппаратом России было возложено на товарища министра иностранных дел Д. П. Татищева, посланного в начале 1805 г. в Неаполь с широкими полномочиями⁴⁵. Однако в связи с поражением России и Австрии под Аустерлицем и последующим выводом англо-русских войск из Италии Татищев вынужден был укрыться в Сицилии под охраной пушек английского флота. Блокада Сицилии французами сделала для Татищева практически невозможным возложенное на него руководство.

В марте 1806 г. Сенявин занял Боку Которскую (область с г. Котором), являвшуюся ключевой позицией на приморской дороге из южной Далмации в Албанию. Появление русских войск было с радостью встречено всем местным населением. К солдатам Сенявина присоединились черногорские полки во главе с Петром I Петровичем Негошем⁴⁶. Совместные русско-черногорские действия в Которе получили одобрение Петербурга⁴⁷.

Изменение политической обстановки в Средиземноморье сказалось на всем характере миссии Сенявина. Теперь он становился не только главнокомандующим русскими сухопутными и военно-морскими силами в Адриатике, но и главным политическим представителем России в этом районе. Об этом свидетельствует направленная Сенявину за подписью Александра I инструкция от 25 мая 1806 г. Инструкция отменяла данный ранее (26 декабря 1805 г.) приказ о возвращении всей эскадры Сенявина в Черное море и одобряла действия его в Адриатике (занятие прибрежных островов, Боки Которской и др.). Основной задачей Сенявина было: «...Обеспечение Ионической республики, Морен и

⁴¹ Сб. РИО, т. 82, стр. 466.

⁴² В. Гончаров. Указ. соч., стр. 41—43.

⁴³ Н. Каллистов. Прорыв через Дарданеллы и Босфор и взятие Константинополя с моря, как первоначальная руководящая идея в плане войны России с Турцией 1806—1812 гг. «Морской сборник», 1910, № 1, стр. 15.

⁴⁴ А. Шапиро. Указ. соч., стр. 96.

⁴⁵ «Внешняя политика России в XIX и начале XX в.», т. 2. М., 1962, стр. 327—329. Инструкция Александра I Д. П. Татищеву от 18.II(2.III) 1805.

⁴⁶ В. Макушев. Материалы для истории дипломатических сношений России с Рагузской республикой. М., 1865, стр. 146—148.

⁴⁷ АВПР. Ф. Канцелярия МИД, д. 1246, лл. 5—6. Чарторыйский — Сенявину 15(27).V 1806.

всей Греции от всякого неприятельского нападения». В инструкции указывалось на перспективу борьбы на два фронта — против Франции и против Турции.

Относительно Боки Которской сообщалось следующее: «Смотря по расположениям, каковые обнаружит Франция, быть может, что возвращение Боки ди Катарро признано будет необходимым». Соответствующее предписание Сенявин получит от Разумовского. До получения нового приказа от Разумовского, Котор следовало удерживать. Поскольку Россия не может послать новые подкрепления, нужно усилить русские войска за счет местных жителей, в частности набрать на русские суда до 400 матросов из местного славянского населения. Для выплаты им жалования Сенявину посылаются деньги ⁴⁸.

Борьба России с Францией и Австрией получила в исторической литературе название «каторского дела». О том, какое значение придавала русская дипломатия этому вопросу, свидетельствует создание в апреле 1806 г. в Петербурге специального «Военного комитета по делам Катарро и Адриатики» ⁴⁹.

Выступая на первом заседании комитета, Чарторыйский заявил: Россия не может допустить укрепления французов в Далмации, ибо тогда Турция будет в руках Наполеона. Поэтому при помощи мирных переговоров или силой оружия нужно добиться изгнания французов из Далмации. Главной задачей миссии Убри является реализация этой программы путем франко-русских мирных переговоров. Независимо от исхода переговоров нужно не ослаблять, а усиливать русские вооруженные силы на Адриатике, тем более что Австрия боится Франции, а Россия нечего рассчитывать на австрийцев ⁵⁰.

Из переписки с русским послом в Вене А. К. Разумовским Сенявин знал о плане Чарторыйского. Он был также информирован о том, что Убри в Париже должен был добиться согласия на реализацию балканского проекта Чарторыйского. Более того, непосредственный военный начальник Сенявина товарищ министра военно-морского флота Чичагов предложил ему выяснить «не пожелают, может быть, черногорцы перейти в подданство или под мощное покровительство государя императора» ⁵¹.

Особенно тесные отношения установились у Сенявина с Негошем. Петр I Негош неоднократно участвовал в совещаниях русских военных начальников в Боке Которской, бывал у Д. Н. Сенявина на его корабле ⁵². От Сенявина Негош, без сомнения, знал и об инструкциях П. Я. Убри, и о балканском проекте Чарторыйского. По-видимому, именно весной 1806 г. у Негоша зародилась идея разработки конкретного плана создания славяно-сербского государства. Согласно его проекту, совместные русско-славянские вооруженные силы должны были изгнать турок, французов и австрийцев с западных Балкан и создать там славяно-сербское государство с включением в него Черногории, Которской

⁴⁸ Е. В. Тарле: Указ. соч., стр. 39—42.

⁴⁹ Подобные комитеты в царствование Александра I создавались для решения тех или иных основных вопросов внешней политики или государственного устройства России. Например, в 1805 г. были созданы так называемые прусский и китайский комитеты.

⁵⁰ ЦГИАМ, ф. 860, д. 39, лл. 1—9.

⁵¹ АВПР, ф. Канцелярия МИД, д. 1246, л. 15. Чичагов — Сенявину 25.V(6.VI) 1806.

⁵² В. Б. Броневский. Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Сенявина от 1805 по 1810 г., ч. 1. СПб., 1835, 2-е изд., стр. 72, 77.

области, Герцеговины, Рагузской республики, Далмации и части Верхней Албании. Формально главой новой республики должен стать Александр I, а непосредственно возглавлять ее назначаемый им русский президент. Вице-президентом предлагался Негош. Столицей новой республики должна была стать Рагуза (Дубровник)⁵³. План был разработан Негошем, по-видимому, в мае-июне 1806 г. и передан в Петербург весной 1807 г. специальным уполномоченным черногорского правительства архимандритом С. Ивковичем. Одновременно Негош вручил Ивковичу рекомендательное письмо к Чарторыйскому, прося его оказать содействие⁵⁴.

В мае 1807 г. Чарторыйский ответил Негошу согласием⁵⁵. У нас нет прямых доказательств об участии Д. Н. Сенявина в разработке этого плана. Но он, без сомнения, знал о его существовании и, возможно, обсуждал с черногорским митрополитом некоторые детали. О том, что Д. Н. Сенявин лично разделял идею Негоша о создании славяно-сербского государства во главе с Александром I как номинальным главой, свидетельствует следующий факт. В Центральном государственном военно-историческом архиве (фонд «Военно-ученый архив») нами был обнаружен интересный план совместных действий корпуса Сенявина и черногоро-бокезских отрядов против Али-паши Янинского. Последний, пользуясь беспорядками в Константинополе и борьбой Франции, Австрии, Англии и России на Балканах, стремился силой оружия расширить территорию своего «государства». Так, летом 1806 г. он пытался захватить албанское побережье с городами Превеза и Бутринто⁵⁶, которые находились под формальным протекторатом России и Турции в силу конвенции от 1 апреля 1800 г.⁵⁷ Притязания Али-паши создавали угрозу планам создания новой республики, поскольку было ясно, что он на этом не остановится. Кроме того, Сенявин получил сведения о связях паши с французами. Сенявин поручил полковнику русского экспедиционного корпуса Буасселю составить план похода против Али-паши. Разработанный Буасселем план⁵⁸ в мае 1807 г. был представлен Чичагову⁵⁹.

Анализируя этот план, мы установили, что некоторые его детали совпадают с планом Негоша. Прежде всего проект Буасселя, так же как и план Негоша, состоял из двух частей: политической и военной. Политическая часть состояла из восьми пунктов. Она предусматривала создание автономного славянского государства на территории Которской области, Черногории и части Рагузской республики; столицей государства должен был быть Котор; во главе государства предполагалось поставить местного жителя; наряду с местным самоуправлением в государстве будет находиться русская администрация во главе с генерал-губернатором, санкционирующим законы правительства (однако число русских чиновников следовало максимально сократить и дать местному населению воз-

⁵³ «Споменик Српске Краљевске Академије», XXXI. Београд, 1898, стр. 107—108; Сб. РИО, т. 88, 1893, стр. 42—43. Докладная записка министра иностранных дел А. Я. Будберга Александру I (начало мая 1807 г.).

⁵⁴ «Русская старина», 1908, № I, стр. 241—242. Негош — Чарторыйскому 6.III 1807.

⁵⁵ Там же, стр. 242.

⁵⁶ АВГР, ф. Канцелярия МИД, д. 2258, лл. 272—277. Посланный в Константинополе Италинский — Чарторыйскому 17 (29).VI 1806.

⁵⁷ «Внешняя политика России в XIX и начале XX в.», т. 1, стр. 705.

⁵⁸ План был написан по-французски и носил название: «Mouvement de l'Adriatique et attaque d'Ali-pacha combiné sur les lieux par Boissel et adopté au plan général».

⁵⁹ Рукописная копия этого плана хранится также в архиве известного исследователя эпохи Александра I, автора четырехтомной работы «Император Александр I» Н. К. Шильдера среди бумаг П. А. Зубова в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

возможность самому осуществлять власть)⁶⁰. Имелись в виду создание смешанной русско-славянской армии нового государства (850 русских солдат и 5 тыс. славян), а также 3-тысячной славянской полиции; организация 5-тысячного черногорского отряда для помощи сербам.

Военная часть плана предусматривала действия против Али-паши. План был составлен с точным указанием сроков: 1 июля 1807 г. соединенный десант (1,5 тыс. русских солдат, 500 албанцев и 2 тыс. ионических греков) на русских судах выйдет с о. Корфу и высадится в районе г. Превезы, захваченного Али-пашой. По наметке Буасселя, через три дня город падет. Высадившись на материке, соединенная русско-славяно-греческая армия должна идти на столицу Али-паши г. Янину. По пути повсюду следует создавать албанское и греческое самоуправление, принимая в свои ряды местное население. По подсчетам Буасселя, к моменту взятия Янины освободительная армия достигнет численности в 15 тыс. человек. 26 июля 1807 г. Янина падет. Главным условием победы должно быть всеобщее восстание славян, албанцев и греков против турецкого владычества⁶¹. Нетрудно заметить, что указанная в плане Буасселя территория нового славянского государства (Которская область, Черногория и часть Рагузской республики) охватывала те области, которые с июня по декабрь 1806 г. находились под контролем войск Сеньявина и Негоша. Планы Сеньявина о военных операциях на западных Балканах и организации всеобщего восстания греков, албанцев, сербов были поддержаны Г. Д. Моцениго⁶².

Казалось, что для реализации плана Негоша создавались благоприятные условия. К тому времени французы, не довольствуясь оккупацией Далмации, осуществленной в феврале 1806 г., начали наступление на Рагузскую республику (май 1806 г.)⁶³. Опираясь на формальную просьбу правительства республики к Александру I о защите от французского вторжения, переданную Сеньявину депутацией жителей Рагузы⁶⁴, Сеньявин отдал приказ соединенной русско-черногорской армии начать наступление против французов, захвативших столицу республики г. Рагузу (Дубровник)⁶⁵. Следует отметить, что это решение было принято Сеньявиным самостоятельно. Он не имел на это санкций ни от Разумовского, ни от Чарторыйского, ни от Чичагова⁶⁶.

Руководители национально-освободительного движения в Сербии, Черногории, Греции и Албании стремились максимально использовать благоприятную обстановку 1806 г. Отношения России и Турции ухудшались день ото дня; параллельно назревал франко-русский конфликт из-за Далмации. В Адриатике находилось вооруженное ядро русских войск и военные суда. Никогда до сих пор идея свержения турецкого ига и создания национального, если не независимого, то по крайней мере автономного государства, казалось, не была так близка к осуществлению. Нельзя забывать, что пример фактически независимой от Турции греческой республики Семи соединенных островов, находившейся под протекторатом России, производил на греков, славян и албанцев самое

⁶⁰ Этот пункт в целом отражал структуру государственного устройства республики Семи соединенных островов по конституции 1803 г., где основные законы санкционировались представителем России Г. Д. Моцениго («Внешняя политика России в XIX и начале XX в.», т. I, стр. 711—712).

⁶¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3171, лл. 1—6.

⁶² АВПР, ф. Канцелярия МИД, д. 7897, лл. 66—84. Моцениго — Александру I (1806 г.). Записка о плане военных операций России в турецких провинциях.

⁶³ P. Pisani. La Dalmatie de 1797 à 1815. Paris, 1893, p. 146.

⁶⁴ В. Макушев. Указ. соч., стр. 153.

⁶⁵ АВПР, ф. Канцелярия МИД, д. 1247, л. 60.

⁶⁶ Е. В. Тарле. Указ. соч., стр. 45.

революционизирующее воздействие. Нет ничего удивительного в том, что высадку войск Сеньявина в районе Боки Которской население прибрежных районов западных Балкан воспринимало как начало всеобщего восстания против иноземных поработителей.

Об этом лучше всего свидетельствует «Обращение сербского митрополита С. Стратимировича к Александру I», написанное накануне высадки солдат Д. Н. Сеньявина в Боке Которской (16 февраля 1806 г.). Обращение Стратимировича по существу являлось программой практического осуществления ранее посланной в Петербург записки о создании «великой Сербии». Стратимирович писал, что в связи с отказом Австрии оказать помощь сербским повстанцам он просит Александра I выслать 3 млн. руб. для закупки оружия, 100—200 пушек вместе с русскими артиллеристами, а также направить из Валахии или с о. Корфу несколько русских полков, которые вместе с 200 тыс. сербов, черногорцев, греков, албанцев и других составили бы смешанную русско-балканскую армию для войны против Турции. Во главе этой армии надо поставить великого князя Константина, которого Екатерина II в 1782 г. хотела сделать императором «новой греческой империи»⁶⁷. Обращение было направлено Стратимировичем через А. К. Разумовского, непосредственного дипломатического начальника Д. Н. Сеньявина. 16 февраля 1806 г. обращение было вручено в Вене Разумовскому главой делегации сербских повстанцев Ненадовичем. 2(14) мая 1806 г. Разумовский отправил обращение в Петербург⁶⁸.

У нас нет прямых данных о том, знал ли Д. Н. Сеньявин об обращении Стратимировича. Однако целый ряд косвенных доказательств заставляет нас склониться к мысли, что Сеньявин не только через Разумовского и Санковского получил информацию об этом документе, но и практически поддержал до получения из Петербурга некоторые выраженные в нем просьбы. При этом он скорее всего исходил из соображений военного порядка (стремление помешать французам продвинуться дальше к югу вдоль далматинского побережья, используя для этого помощь черногорцев), но его действия объективно совпадали с планами Стратимировича и Негоша. По-видимому, понимая, что Сеньявин лично не может решить такой вопрос, как создание славяно-сербского государства, Стратимирович и обратился через Разумовского к Александру I. Позднее, одобрив занятие совместными русско-черногорскими силами Старой Рагузы (Цавтата), Александр I, тем не менее, указал Сеньявину, что эти действия являются «отступлением от точного смысла данных вам предписаний»⁶⁹.

Борьба русско-черногорских солдат против французов явилась ярким примером боевого сотрудничества русского и славянского оружия. На стороне России, под русским флагом на штурм хорошо укрепленных бастионов Старой Рагузы шли черногорцы и жители Боки Которской (бокезы). 5 июня 1806 г. Старая Рагуза пала. Сеньявин высоко оценил мужество черногорцев и бокезов. В рапорте Александру I, содержащему отчет об этой операции, он писал: «Черногорцы и бокезы в сем деле главным образом отличились, и, видя неустрашимость российских войск при штурмовании батарей, также начали не страшиться пушек и вместе с нашими бросались на батареи». Особенно отличались черногорцы: они «...великий наводят ужас на французов, ибо коль скоро они завидели,

⁶⁷ «Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1871, кн. 3, стр. 125—129.

⁶⁸ Там же, стр. 125.

⁶⁹ АВР, ф. Канцелярия МИД, д. 1246, л. 23. Александр I — Сеньявину 1 (13).IX 1806.

где черногорцы вблизи, то немедленно обращались в бегство»⁷⁰. Несмотря на все усилия, французы терпели поражения. Сенявин выбил их из Старой Рагузы и окружил главные силы во главе с французским командующим генералом Лористоном в Новой Рагузе (Дубровнике).

В тылу французских войск начались народные восстания. Жители Которской области и Рагузской республики отказывались подчиняться Франции. 28 июня 1806 г. Сенявин доносил Александру I, что в связи со слухами о возможной передаче Которской области Австрии, а затем Франции, его осаждают делегации местных жителей (как православных, так и католиков) и просят защиты от австрийцев и французов⁷¹. Моценого, пристально следивший за операциями Сенявина, одобрил его действия. В докладе Александру I он сообщал, что для закрепления успехов Сенявина в Адриатике численность русских войск надо увеличить до 40 тыс.⁷² Видя успех объединенного русско-черногорского оружия, Лористон пошел на переговоры и предложил Сенявину заключить конвенцию, по которой французы заняли бы Котор, а русские вывели бы свои войска из Рагузской республики⁷³. И здесь Сенявин перешел границы данных ему инструкций. Он отказался принять предложение Лористона, потребовав от него эвакуации из Рагузской республики и отвода французских войск в бывшую австрийскую Далмацию; признания факта пребывания русских войск в республике до тех пор, пока нейтралитет республики не будет гарантирован Россией и Францией⁷⁴. Лористон не принял предложение Сенявина, и осада Старой Рагузы возобновилась.

Отказ Сенявина от предложений Лористона не встретил одобрения в Петербурге⁷⁵. К июлю 1806 г. обстановка в районе действий соединенной русско-черногорской армии представляла следующую картину: с марта 1806 г. Котор и вся Которская область находились в руках русских и черногорцев. В мае 1806 г. Сенявин, не имея официального разрешения от своего правительства, начал военные действия против французов, занявших Рагузскую республику, которая по Пресбургскому миру между Францией и Австрией оставалась нейтральной под формальным покровительством Турции. 5 июня его войска заняли Старую Рагузу. Все это происходило в то время, когда в Париже шли русско-французские мирные переговоры.

Обстановка неопределенности во франко-русских отношениях сохранилась вплоть до 20 июня 1806 г. В этот день полномочный представитель России на переговорах П. Я. Убри после двухмесячного сопротивления, наконец, подписал русско-французский мирный договор. Наполеону удалось навязать Убри свои условия, и в мирном договоре между Францией и Россией от 20 июля 1806 г. ни слова не было сказано о создании буферного государства на Балканах. Более того, договор предусматривал передачу Которской области французам⁷⁶. В тот же день, уступив требованию Талейрана, Убри вместе с текстом договора послал Сенявину предписание прекратить военные действия против французов⁷⁷.

⁷⁰ АВПР, ф. Канцелярия МИД, д. 1247, л. 9, 9 об. Сенявин — Александру I 16 (28).VI 1806.

⁷¹ АВПР, ф. Канцелярия МИД, д. 1247, лл. 30—31. К донесению Сенявина было приложено более десяти прошений жителей на имя Александра I на сербском, греческом и итальянском языках (В. Броневский. Указ. соч., стр. 45).

⁷² АВПР, ф. Канцелярия МИД, д. 7897, лл. 66—84.

⁷³ Там же, д. 1246, лл. 23—24.

⁷⁴ Там же, д. 1247, лл. 7—14. Сенявин — Александру I 16 (28).VI 1806.

⁷⁵ Там же, д. 1246, лл. 23—24. Чичагов — Сенявину 1(13).IX 1806.

⁷⁶ Ф. Мартенс. Собрание трактатов России с иностранными державами. Трактаты о Франции, т. XIII. СПб., 1902, стр. 333—334.

⁷⁷ Сб. РИО, т. 82, стр. 432. Убри — Сенявину 8 (20).VI 1806.

После некоторых колебаний Сениявин, несмотря на угрозы австрийцев совместно с французами начать военные действия против русско-славянской армии, отказался выполнить приказ Убри⁷⁸.

Франко-русский мирный договор, подписанный Убри, свидетельствовал о том, что расчеты Чарторыйского осуществить балканский проект путем соглашения с Францией не оправдались. Столь же иллюзорными были и его расчеты на помощь Австрии. Чарторыйский думал сохранить Австрию как союзника России. Определяя позицию России в «каторском деле», Чарторыйский писал в мае 1806 г. английскому министру иностранных дел Фоксу, что, с одной стороны, Россия не хочет отдать Франции ключевую позицию на Адриатике, откуда очень легко проникнуть в глубь Балкан, с другой, упорствуя в передаче Котора Австрии, Сениявин рискует поставить ее в тяжелое положение и подвергнуть новому нападению Франции⁷⁹. Очень скоро Чарторыйский убедился, что Австрия не поддержит его проектов.

13 мая 1806 г., в дни, когда французские войска занимали Рагускую республику, австрийский посол в Петербурге Меерфельд на аудиенции у Чарторыйского заявил ему протест, требуя немедленной эвакуации из Которской области⁸⁰. Через несколько дней Чарторыйскому стали известны причины столь ревностного стремления Австрии выполнить Пресбургский мир: как сообщил ему тот же Меерфельд, 16 апреля 1806 г. Франция и Австрия заключили секретное соглашение о проходе французских войск в Далмацию через территорию Австрии⁸¹. Это показало царскому правительству, что Наполеон и не думает идти на компромисс в вопросе о Турции, а поведение австрийских дипломатов в Вене, Петербурге и Боке Которской свидетельствовало о нежелании Австрии ссориться с Францией из-за балканского проекта Чарторыйского.

К сентябрю 1806 г. в Европе сложилась новая международная обстановка. В течение июня-августа в ходе секретных переговоров была создана четвертая антинаполеоновская коалиция в составе Англии, Пруссии, Швеции и России. Александр I отказался ратифицировать договор Убри. Все предвещало новую войну в Европе.

День ото дня ухудшались русско-турецкие отношения. Себастиани развернул в Константинополе бурную деятельность. В мае 1806 г. ему удалось втравить турецкое правительство в дипломатический конфликт с Россией из-за Молдавии и Валахии: турецкий султан односторонним актом в нарушение русско-турецкой конвенции 1802 г. сместил дружественно настроенных к России господарей — правителей этих провинций и назначил сторонников Франции⁸².

Под давлением Франции Турция начала чинить препятствия проходу русских судов через проливы. В марте 1806 г. был введен новый тариф высоких пошлин на русские товары⁸³. В мае последовал запрет на проход русских военных судов через проливы⁸⁴. 14 октября Франция наголову разбила Пруссию и заняла ее территорию. Французские войска двинулись к границам России. 30 ноября Александр I издал указ об

⁷⁸ Е. В. Тарле. Указ. соч., стр. 66.

⁷⁹ «Memoirs of prince Adam Czartorisky and his correspondence with Alexandre I», v. 2. Edited by A. Gielgud. London, 1888, p. 140. Английское издание отличается от стереотипных французского и русского.

⁸⁰ АВПР, ф. Канцелярия МИД, д. 7900, лл. 312—314.

⁸¹ Там же, д. 11521, лл. 229—230. Чарторыйский — Разумовскому 15 (27).V 1806.

⁸² Hugiuzakie. Documente privitoare la istoria rominilor, v. IV, suplement I. Bucuresti, 1891, p. 305—306.

⁸³ АВПР, ф. Канцелярия МИД, д. 2257, лл. 173—192.

⁸⁴ Архив князя Воронцова, т. XX, стр. 309—311.

объявлении войны Франции. Себастиани перешел в решительное наступление. Из донесений Италинского в Петербурге знали, что новая русско-турецкая война была буквально навязана Наполеоном Турции. Себастиани непрерывно шантажировал турецкое правительство, угрожая то немедленным отъездом из Константинополя, если хотя бы одно русское военное судно пройдет через пролив, то вторжением мифической французской сотысячной армии из Далмации в пределы Турецкой империи (на самом деле там было не более 20 тыс. солдат), если турки не пойдут на разрыв с Россией⁸⁵.

16 сентября 1806 г. он вручил турецкому правительству ноту, в которой говорилось: «Всякое возобновление или укрепление союза с врагами Франции — Англией или Россией — было бы не только открытым нарушением нейтралитета, но и помощью Блистательной Портой борьбе, которую эти державы ведут против Франции. Последняя окажется вынужденной принять меры, соответствующие ее интересам и достоинству»⁸⁶. В нотах Себастиани и Италинскому турецкое правительство объясняло свои действия стремлением сохранить нейтралитет во франко-русской борьбе⁸⁷.

О колебаниях Турции свидетельствовала и ее позиция в вопросе о Молдавии и Валахии: сначала (в мае) она сместила господарей — правителей этих провинций, затем, в результате демаршей Италинского, вновь назначила их (в ноябре)⁸⁸, наконец, (в декабре) объявила войну России, наложив одновременно эмбарго на русские торговые суда⁸⁹.

Россия оказалась в очень трудном положении: одна против Франции и Турции. Пруссия была разбита, Швеция озабочена защитой своих границ, так как французские войска подошли к шведской Померании. Что касается Англии, то она ограничилась лишь обещаниями помощи. Английское правительство предпринимало шаги для собственной обороны: 21 декабря 1806 г. в Берлине Наполеон объявил декрет о континентальной блокаде.

Русская дипломатия предвидела, что урегулирование конфликта с Францией будет сложным делом (к тому же военные операции в Пруссии и Польше складывались не в пользу России), поэтому она попыталась скорее завершить войну с Турцией.

В Петербурге ломали голову над тем, как добиться примирения с Турцией, сохранив в силе договор 1805 г. (по крайней мере, статьи о свободном проходе русских судов). Одно время вынашивался план перемирия при посредничестве Англии⁹⁰. Новый министр иностранных дел России барон Будберг даже послал соответствующую ноту Арбутноту, английскому послу в Константинополе⁹¹. Тогда же в Петербурге вспомнили о плане министра военно-морских сил адмирала П. В. Чичагова. Еще 22 сентября 1805 г. П. В. Чичагов подал Александру I записку с предложением организовать соединенной англо-русской эскадрой блокаду средиземноморских портов Франции как помощь армиям третьей коа-

⁸⁵ АВПР, ф. Канцелярия МИД, д. 2259, лл. 20—23.

⁸⁶ Сб. РИО, т. 89, стр. 127—131.

⁸⁷ АВПР, ф. Канцелярия МИД, д. 2259, лл. 59—64. Нота турецкого правительства Италинскому от 26 сентября 1806 г.

⁸⁸ Там же, л. 287. Акт о восстановлении господарей Молдавии и Валахии от 13 ноября 1806 г.

⁸⁹ Там же, лл. 513—519. Италинский — Будбергу с борта английского фрегата 14 (26) XII 1806.

⁹⁰ Сб. РИО, т. 88, стр. 28—30. Запись беседы товарища министра иностранных дел графа Салтыкова с английским посланником Дугласом 14 марта 1807 г.

⁹¹ АВПР, ф. Канцелярия МИД, д. 4334, лл. 2—5.

лиции⁹². 5 июня 1806 г. Александру I была представлена «Докладная записка адмирала Чичагова относительно выгоднейшего употребления наших морских сил». В ней предлагалось использовать эскадру Сенявина для операций на два фронта: против Франции и против Турции⁹³. И, наконец, в последней докладной Александру I от 30 декабря 1806 г. Чичагов предлагал организовать военную демонстрацию двух русских эскадр в черноморских проливах одновременно с севера и с юга⁹⁴.

Несмотря на то, что план Чичагова от 30 декабря 1806 г. вызвал возражения министра иностранных дел А. Я. Будберга⁹⁵; губернатора Одессы Ришелье и командующего черноморским флотом адмирала Траверса⁹⁶, в январе 1807 г. план был принят с некоторыми существенными дополнениями. В немалой степени этому способствовала поддержка, оказанная Чичагову Чарторыйским, который и ранее выдвигал аналогичные планы. Чарторыйский еще 25 августа 1805 г. сделал «Набросок плана кампании против Турции», в котором в общих чертах была изложена идея комбинированной атаки проливов⁹⁷. 6 сентября того же года им был составлен «Второй мемуар об операциях против Турции», предусматривавший оккупацию Молдавии и Валахии, установление контактов с сербскими повстанцами и мятежными пашами⁹⁸. Все эти операции рассматривались Чарторыйским как превентивная мера на случай, если Турция будет противиться заключению нового русско-турецкого договора⁹⁹. После Аустерлица Чарторыйский решил предложить конструктивный, по его мнению, проект окончания войны с Турцией. С этой целью он использовал план Чичагова, но дополнил его некоторыми дипломатическими деталями¹⁰⁰. Более искушенный в дипломатической борьбе он отдавал себе отчет в тех практически непреодолимых трудностях, которые встанут перед Россией при попытке захватить Константинополь (на что намекал в своих докладных Чичагов). Чарторыйский конечной целью всей операции поставил военную демонстрацию перед Константинополем совместно с английским флотом при одновременном усилении военных действий в Молдавии и Валахии. Они должны были напугать Турцию и заставить ее подписать прелиминарный мир.

Чарторыйский предлагал вместе с Сенявиным послать для заключения прелиминариев итальянца на русской службе полковника Поццо-ди-Борго¹⁰¹, до этого ездившего в Вену с задачей привлечь Австрию на сторону четвертой коалиции.

Проект договора был составлен Чарторыйским 1 марта 1807 г.¹⁰² Он состоял из восьми статей. Проект подтверждал силу всех существовав-

⁹² В. Гончаров. Указ. соч., стр. 41—43.

⁹³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 368, ч. 1, лл. 4—10.

⁹⁴ Сб. РИО, т. 82, стр. 480—485.

⁹⁵ Там же, стр. 485—487. Замечания Будберга на записку Чичагова от 30 декабря 1806 г. и доклад Александру I по тому же вопросу.

⁹⁶ Н. Каллистов. Указ. соч., стр. 28.

⁹⁷ ЦГАДА, ф. Строгановых, д. 355, лл. 120—125.

⁹⁸ Там же, лл. 126—128.

⁹⁹ Там же, л. 120.

¹⁰⁰ «Проект манифеста против Турции», 28 августа 1806 г. (ЦГАДА, ф. Строгановых, д. 355, лл. 181—200); «Mémoire sur la nécessité de pousser la guerre avec vigueur contre les Turcs et d'ouvrir en même temps des négociations de paix avec la Porte, 3 septembre 1807» (там же, лл. 201—207); «Mémoire sur l'avantage d'entâmer des négociations avec la Porte», 1 mars 1807 (там же, лл. 208—209). Следует отметить, что эти мемуары остались неизвестны многочисленным издателям бумаг Чарторыйского в Кракове, а в настоящее время в Лондоне М. Кукелю.

¹⁰¹ АВПР, ф. Канцелярия МИД, д. 7914, лл. 57—62.

¹⁰² ЦГАДА, ф. Строгановых, д. 355, лл. 210—211.

ших до разрыва русско-турецких соглашений, обязывал Турцию не чинить препятствий проходу русских военных судов через проливы и возобновить англо-турецкий договор. Помимо этого он предусматривал совместные русско-турецкие усилия по очищению Далмации и передаче ее Австрии. В связи с провалом балканского проекта 1806 г. ввиду противодействия Франции и Австрии Чарторыйский ограничился включением в прелиминарии статьи шестой о предоставлении Сербии статута Молдавии и Валахии (т. е. автономии в рамках Турецкой империи). После заключения перемирия обе стороны должны были, по проекту, направить в Яссы своих уполномоченных для заключения «окончательного мира», а Россия после его ратификации обеими сторонами — вывести войска из Молдавии и Валахии¹⁰³. В целом прелиминарии Чарторыйского означали возврат к русско-турецкому союзному договору 1805 г.

Вот этот «улучшенный» проект Чичагова 1806 г., который можно теперь назвать проектом Чичагова — Чарторыйского, и решила реализовать русская дипломатия.

20 января 1807 г. Чичагов направил Сенявину первую, утвержденную Александром I, инструкцию, составленную в развитие плана Чичагова — Чарторыйского. Сенявин назначался «главнокомандующим эскадрой в Средиземном и Адриатическом морях и сухопутных войск в Албании и на Ионических островах». Ему предписывалось, оставив часть кораблей и войск для обороны о. Корфу и Котора, выйти с остальными кораблями и десантом к о. Тенедос для соединения с эскадрой английского адмирала Даукварта и последующей атаки проливов¹⁰⁴. 22 февраля эскадра Сенявина в составе десяти судов, имея на борту 1256 человек десанта, вышла с о. Корфу в Эгейское море¹⁰⁵.

5 марта 1807 г. Александр I подписал инструкцию контр-адмиралу Пустошкину по проведению «босфорской операции». Эскадра Пустошкина с десантом в 17 тыс. человек должна была выйти к Босфору и одновременно с эскадрой Сенявина начать атаку проливов¹⁰⁶. 24 марта Будбергом была подписана инструкция специальному уполномоченному русского правительства по ведению переговоров с Турцией Поццо-ди-Борго. Эта инструкция, а также приложенный к ней проект семи статей перемирия в общем соответствовали планам Чарторыйского, уточняя лишь некоторые детали переговоров. Так, инструкция рекомендовала Поццо-ди-Борго прибегнуть к посредничеству австрийского интернунция или датского поверенного в делах в Константинополе¹⁰⁷.

Однако план военной демонстрации Чичагова — Чарторыйского потерпел неудачу. Пока эскадра Сенявина шла к о. Тенедос, командующий английской эскадрой адмирал Даукварт решил атаковать Дарданеллы самостоятельно. Как и следовало ожидать, эта авантюра кончилась полным провалом. 3 марта 1807 г. Даукварт ни с чем вернулся к о. Тенедос¹⁰⁸. 7 марта к тому же острову подошел Сенявин. Попытки Сенявина убедить Даукварта повторить атаку оказались тщетными¹⁰⁹.

¹⁰³ Там же. «Projet de préliminaires qui devraient servir de base pour le renouvellement de la paix avec la Porte».

¹⁰⁴ Н. Каллистов. Указ. соч., стр. 13—15.

¹⁰⁵ Десант состоял из двух батальонов русской пехоты (950 чел.), артиллерийской роты (36 чел.) и легиона сербо-албано-греческих стрелков (270 чел.). См. АВПР, ф. Канцелярия МИД, д. 1908, л. 2; Н. Каллистов. Указ. соч., стр. 32—35.

¹⁰⁶ Н. Каллистов. Указ. соч., стр. 23—27.

¹⁰⁷ АВПР, ф. Канцелярия МИД, д. 1901, лл. 2—16, 17—19.

¹⁰⁸ Е. В. Тарле. Указ. соч., стр. 93.

¹⁰⁹ АВПР, ф. Канцелярия МИД, д. 1908, лл. 11—24. Переписка Сенявина с Дауквартом 10—13 марта 1807 г.

13 марта 1807 г. английская эскадра снялась с якорей и ушла к берегам Египта.

Поскольку «дарданельская операция» провалилась, отпала необходимость в посылке эскадры Пустошкина. План взаимодействия был нарушен. Эскадра Пустошкина была направлена на кавказский театр военных действий, к Анапе¹¹⁰.

8 мая 1807 г. Александр I направил Сенявину новый рескрипт. Ввиду отказа Англии поддержать Россию в восточном вопросе и принимая во внимание малочисленность сил Сенявина, последнему предписывалось от атаки Константинополя воздержаться, ограничившись лишь блокадой входа в Дарданеллы. В сложившихся условиях миссия Поццо-ди-Борго не имела смысла¹¹¹.

Это означало отказ от плана Чичагова — Чарторыйского. Правда, в расчете на изменение внешнеполитического курса Турции в результате майской революции 1807 г. и свержения Селима III Поццо-ди-Борго попытался все же завязать переговоры с турецким министерством иностранных дел¹¹². Но из этой попытки ничего не вышло.

Между тем в Европе вновь резко изменилась международная обстановка. Надежды на создание новой антинаполеоновской коалиции после Прейсиш-Эйлау скоро улетучились. 11 июня 1807 г. под Фридландом Наполеон нанес русской армии поражение.

Лишенная помощи всех своих союзников Россия пошла на мирные переговоры с Францией, очень скоро превратившиеся в союзные и завершившиеся подписанием мирного и союзного трактата в Тильзите 7 июля 1807 г. 28 июня 1807 г. Александр I приказал Сенявину прекратить военные действия против Турции в связи с намечаемыми русско-турецкими мирными переговорами при посредничестве Франции. 10 июля во исполнение тильзитских соглашений Александр предписал Сенявину сдать французам Корфу и Котор и возвратиться в Россию¹¹³.

* * *

В начале XIX в. обстановка на Балканском полуострове представляла следующую картину. В области внутривосточной — назревание революционной ситуации в Белградском пашалыке и начало первого сербского восстания в 1804 г. при одновременном росте освободительного движения в других частях Балканского полуострова. В области внешнеполитической — обострение франко-русской дипломатической борьбы за Турцию как за союзника и за влияние на национально-освободительное движение.

В условиях ослабления позиций Австрии на Балканах, проникновения Франции в Далмацию, слабости турецкого правительства передовые представители сербского и черногорского народов выдвинули проекты создания славяно-сербского государства под покровительством России.

Они обратились за помощью к России, поскольку она последовательней всех проводила политику поддержки национально-освободительного движения. Кроме того, в случае принятия этих проектов в Петербурге

¹¹⁰ Петров. Указ. соч., стр. 336.

¹¹¹ Н. Каллистов. Указ. соч., стр. 31—32.

¹¹² АВПР, ф. Канцелярии МИД, д. 1902, лл. 47—48. Письмо Поццо-ди-Борго рейс-эфенди от 28.V (10.VI) 1807.

¹¹³ Сб. РИО, т. 89, стр. 137—139.

сербо-черногорские вожди не без основания надеялись на прямую военную поддержку русских войск на Ионических островах и эскадры Д. Н. Сенявина в Адриатике.

Первым был проект главы сербской православной церкви митрополита Стратимировича о создании «великой Сербии»¹¹⁴. Вторым был проект черногорского митрополита Петра I Петровича Негоша о создании «славяно-сербского государства». Намерения Негоша были более умеренными: он предлагал создать новое югославянское государство во круг Черногории, но меньших размеров, чем «великая Сербия», преимущественно из областей, в той или иной мере находившихся к концу 1806 г. под непосредственным военно-политическим контролем русско-черногорских сил.

Непосредственно к проекту Негоша примыкал проект полковника русского экспедиционного корпуса в Адриатике Буасселя. Он предусматривал расширение территории Черногории за счет передачи ей Которской области и части Рагузской республики.

Все три «местных» проекта имели много общего между собой. Прежде всего, первым условием существования всех трех государств было требование покровительства России. Формальным главой (либо непосредственным покровителем) предлагался Александр I. Им же назначался специальный русский представитель (президент — в проекте Негоша, генерал-губернатор — в проекте Буасселя). Все три проекта предусматривали создание смешанной русско-югославянской армии для защиты независимости этих государств до того времени, пока они смогут самостоятельно отбить натиск внешних врагов. В целом, политическое устройство новых государств создавалось по типу республики Семи соединенных островов.

Сходны были и планы реализации этих проектов: они предусматривали организацию смешанной русско-славянской армии. Ядром такой армии должны были стать войска Д. Н. Сенявина.

Отличие проектов отражало время и условия их разработки. Проект Стратимировича, выдвинутый в первой половине 1804 г., был менее детализирован. По-видимому, Стратимирович прежде всего хотел получить от русского правительства одобрения своей идеи в принципе. К тому же, в 1804 г. на Балканах не было русской армии и флота.

Позднее, в феврале 1806 г., Стратимирович в обращении к Александру I учел значение присутствия русских войск и отвел им решающую роль в деле реализации плана создания «великой Сербии».

Зато в проектах Негоша и Буасселя армии Сенявина отводилось основное место.

В отличие от судьбы аналогичных проектов 80—90 гг. XVIII в. русская дипломатия в 1806—1807 гг. попыталась осуществить в какой-то мере проекты начала XIX в. на практике. При этом правящие круги России прежде всего преследовали главную цель своей политики на Балканах в тот период: помешать проникновению Франции в пределы Османской империи и сохранить Турцию как союзника.

Поскольку осуществление проектов создания югославянского государства играло подчиненную роль в планах русской дипломатии, при попытках их практической реализации они претерпели изменение: от требования создания «одного или нескольких независимых государств между Османской Портой и Италией» (балканский проект А. А. Чарто-

¹¹⁴ Первоначальный проект был представлен в Петербург 14 июня 1804 г., дополнения к нему были датированы 16 февраля 1806 г.

рийского на русско-французских переговорах в июне-июле 1806 г. в Париже) они сократились до обращения к Турции предоставить Сербии автономию по образцу Молдавии и Валахии (план Чичагова — Чарто-рийского 1807 г. о военно-морской демонстрации в Босфоре и Дарданеллах).

Такова была история возникновения и развития проектов создания югославянского государства на Балканах в 1806—1807 гг. Их объективно-прогрессивное значение заключалось в том, что в них отразились надежды югославянских народов на получение независимости. «Все эти проекты были обусловлены развитием у передовых представителей сербов, черногорцев, герцеговинцев сознания своей кровной, языковой, культурно-исторической общности, укреплением политических и культурных связей между ними»¹¹⁵.

¹¹⁵ И. С. Достян. Указ. соч., стр. 142.

И. В. Чуркина

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВЕНСКОГО ГОРОДА
КОНЦА XV — НАЧАЛА XVII в.

Словенский город XVI в. был одним из центров распространения реформации в словенских землях. В данной статье автор пытается на имеющихся у него материалах исследовать некоторые вопросы внутреннего развития словенских городов XVI в., главным образом вопросы классовой и имущественной дифференциации в городах, вопросы словенской цеховой организации и ее особенностей, вопросы городского самоуправления и суда, вопросы изменений, происходивших в господствующем классе Словении в XVI в., и т. д. Мы не рассматриваем здесь подробно ни национального состава словенского города, ни его торговых связей, ни распространения ремесел в городах. Всем этим проблемам посвящена специальная статья, выводами которой мы будем пользоваться в данной работе¹.

В распоряжении автора, к сожалению, имеется недостаточное количество источников, чтобы одинаково полно осветить все поставленные проблемы. Например, основной материал по городскому суду и самоуправлению дают грамоты и привилегии, полученные городами Крайны: Любляной (Laibach), Камником (Stein), Новым Местом (Rudolfswerth). Особый интерес представляют сборники документов, изданные Люблянским городским архивом, а также документы по городу Камнику². В то же время все цеховые статуты, имеющиеся у автора, принадлежат штирийским городам Грацу (Graz), Птую (Pettau), Марибору (Marburg), Целлю (Cilli) и каринтийскому городу Беляку (Villach). В частности использованы следующие статуты: каменщиков Граца и всей Штирии (1589), мясников Беляка (1589), мельников Граца и его окрестностей (1592), столяров Марибора (1592), гончаров Марибора (1602), каретников Граца и всей Штирии (1602), подмастерьев и учеников цеха каретников Граца и всей Штирии (1602), стригальщиков и точильщиков Штирии (1602), бочаров Птуя (1611), гончаров Марибора (1613), торговцев и купцов Штирии (1620).

Это все статуты цехов в городах со смешанным словенско-немецким населением. Образцом для них послужили более ранние статуты немец-

¹ И. Чуркина. Некоторые черты экономического развития словенских городов в XVI в. «Средние века», 1961, вып. XIX.

² «Gradivo za zgodovino Ljubljane v srednjem veku», zv. IV. Ljubljana, 1960; B. Ožogorec. Privilegijska knjiga mesta Kamnika iz leta 1528. «Kamniški zbornik», 1958.

ких городов. В свою очередь, указанные выше статуты, особенно Граца и Беляка, явились образцом для цеховых статутов многих штирийских, каринтийских и даже краинских городов. Поэтому автор считает возможным использовать материалы штирийских цеховых статуты для характеристики всех словенских городов в целом, тем более что статуты краинских цехов дошли до нас от более позднего времени: самые ранние люблянские статуты (красильщиков, цирюльников и врачей) относятся к 1676 и 1677 гг.

Наиболее полные данные по имущественной дифференциации в городах дают сборники документов по двум краинским городам Краню (Krainburg) и Шкофье Локе (Lack).

Издания источников весьма отличаются по своему типу друг от друга. Грамоты и привилегии городам Любляне, Камнику, Новому Месту, торгам Любно (Lauffen) и Горнему Граду (Oberburg) в большинстве своем изданы на языке оригинала (средневековом немецком языке) полностью. Что же касается цеховых статуты штирийских городов, то издатель Цан³ только пересказывает их содержание. Это создает дополнительные трудности для исследователя, вынужденного мириться с тем отбором, который провел до него издатель документов. Такого же типа сборники документов по Краню и Шкофье Локе, включающие в свой состав различные акты: купчие, дарственные, завешания и т. д.⁴

Исследовательских работ, посвященных социальной структуре словенских средневековых городов, немного. Это труды И. Врховца «Люблянские горожане в прошедшие века» и «История Нового Места», а также книга Й. Жонтара «История города Краня»⁵. Обе работы И. Врховца охватывают период от возникновения Любляны и Нового Места вплоть до начала XIX в. Они написаны на архивном материале, содержат очень интересные фактические данные, однако дают неодинаковое освещение разным вопросам. Подробно И. Врховец останавливается на городском самоуправлении и суде. Здесь он приводит выдержки из протоколов заседаний магистрата, многие привилегии и грамоты, которые давались Габсбургами Любляне и Новому Месту. Особенно для нас важны документы, которые относятся ко второй половине XVI в., поскольку упомянутые выше сборники документов по Любляне включают материалы только до 1521 г. И. Врховец довольно много внимания уделяет городской торговле, взаимоотношению горожан с дворянством и крестьянами. Но материалы о цехах незначительны, да и те, которые имеются, относятся только ко второй половине XVII—XVIII вв. Концепция автора за исключением отдельных частных выводов не может быть принята. Развитие и расцвет словенских городов, в данном случае Любляны и Нового Места, по мнению И. Врховца, были результатом деятельности Габсбургов. Зато их упадок — вина самих горожан. В этом проявился субъективистский подход автора работ к истории.

Работа другого словенского историка Й. Жонтара тоже содержит обширный фактический материал. Как И. Врховец, Жонтар подробно пишет о торговле кранцев, о их самоуправлении. Что же касается цехов, то о них он говорит несколько общеизвестных фраз, почти не приводя

³ J. Zehn: Nachträge zu den Materialien zur inneren Geschichte der Zünfte in Steiermark vom 15. bis 17. Jhrh. «Beiträge zur Kunde steiermärkischer Geschichtsquellen», Graz, 1882, S. 45—111.

⁴ F. Kos: Doneski k zgodovini Skofje Loke in njenega okraja. Ljubljana, 1894; J. Parapet: Letopis mesta Kranjskega. «Letopis Maticе Slovenske», 1870.

⁵ I. Vrhovec: Ljubljanski meščanje v minulih stoletih. Ljubljana, 1886; I. Vrhovec: Zgodovina Novega Mesta. Ljubljana, 1891; J. Zontar: Zgodovina mesta Kranja. Ljubljana, 1939.

никаких конкретных данных из цеховых статутів Краня. В отличие от И. Врховца Жонтар пытается найти причины развития Краня в объективных факторах: в притоке немецкого населения, в инфляции последней трети XVI в. и т. д.

Следует отметить, что в последнее время И. Жонтар издал две статьи, затрагивающие интересующие нас вопросы⁶. Первая статья «Возникновение, хозяйственная и общественная проблематика полицейских уставов первой половины XVI в. для Нижней Австрии с преимущественным обзором словенских земель» рассматривает историю борьбы городов с высшими сословиями в связи с созданием «Полицейского устава» для австрийских земель. Статья очень интересна, построена на богатом фактическом материале. Заслуживают большого внимания некоторые выводы, сделанные Жонтаром. В частности, вывод о значительном изменении господствующего класса феодалов к XVI в. в экономическом и идеологическом отношениях. Правда, он недостаточно подкреплён материалом.

Другая статья Жонтара «Древнейшая судебная и городская книга Краня 1517—1520 гг.» посвящена более частной проблеме: городскому суду Краня. Эта статья менее удачна, так как рассматривает только юридическую сторону вопроса, не затрагивая социальных моментов.

Из работ, посвящённых частным вопросам, наибольший интерес представляет статья немецкого историка В. Фрезахера «О ремесле в Беляке»⁷ в XIV—XVII вв. В. Фрезахер пересказывает ряд привилегий белякским ремесленникам, некоторые цеховые статуты. Почти полностью он опубликовал в своей работе цеховой статут белякских мясников от 1589 г. Помимо сведений о цехах В. Фрезахер приводит интересный материал о конкуренции городского ремесла с деревенским, о попытках дворянства в начале XVI в. ликвидировать цехи. Однако автор не затрагивает внутрицеховых противоречий.

Вопросы истории словенского города этой эпохи рассматриваются также в некоторых общих работах. Наиболее интересны из них «История словенского народа», написанная Б. Графенауером, и «История народов Югославии», где авторами раздела о Словении XVI в. являются Б. Графенауер, Ф. Гестрин и Ф. Стеле⁸. Обе работы в целом верно, но в силу своей специфики очень кратко рисуют положение словенских городов в XVI в.

* * *

Средний словенский город конца XV — начала XVII в. был городом малой величины даже в масштабах средневековья, насчитывавшим всего 1,5—3 тыс. жителей. Только такие города, как Любляна, Горица, Триест, вероятно, Беляк, могли бы называться городами средней величины. Их население достигало 5—10 тыс. Кроме Триеста и других городов Приморья (с преимущественно романским населением), в городах преобладало словенское население, хотя в рядах богатых, а отчасти и

⁶ J. Zontar. Nastanek, gospodarska in družbena problematika policijskih redov prve polovice 16 stoletja za dolnjeavstrijske dežele s posebnim ozirom na slovenske pokrajine. «Zgodovinski casopis», 1956—1957, X—XI; J. Zontar. Das älteste Gerichts- und Stadtbuch von Krainburg (Kranj) 1517—1520. «Studien zur älteren Geschichte Osteuropas». Graz-Köln, 1959, II. Teil.

⁷ W. Fresacher. Vom Handwerk in Villach: 700 Jahre Stadt Villach. Villach, 1940.

⁸ B. Grafenauer. Zgodovina slovenskega naroda. III. Ljubljana, 1956; «Historija naroda Jugoslavije», II. Zagreb, 1960.

средних горожан было значительное число лиц немецкого и итальянского происхождения.

Большинство городов и торгов принадлежало Габсбургам. Только некоторые из них, как Беляк, Шкофья Лока, торг Ваче, находились еще во владении духовных и светских феодалов.

Все население городов можно грубо разделить в правовом отношении на две категории — на полноправных граждан и лиц, не имеющих гражданских прав. Рассмотрим это деление на материалах наиболее значительного словенского города Любляны с привлечением некоторых данных и по другим городам.

Гражданином города (бюргером) мог стать городской житель, который был свободным и самостоятельным человеком, не ремесленным подмастерьем, не слугой или поденщиком. Гражданин Любляны должен был обязательно быть членом какого-либо цеха ремесленников или торговцев и кроме того обязательно католиком. Последнее условие имело особенно большое значение во второй половине XVI в., в период широкого распространения протестантизма в словенских городах. Нужно было при всем этом еще прожить определенное время в городе. В дальнейшем возможность стать полноправным гражданином была еще более ограничена. В 1608 г. прибавились новые условия приема: обязательная женитьба на женщине из своего же цеха и покупка дома не менее чем за 2 тыс. голдинеров⁹.

Таким образом круг лиц, могущих быть гражданами Любляны, суживался все более в пользу богатых. Такое добавочное ограничение было связано с начавшимся еще в конце XVI в. упадком словенских городов.

В XV—XVI вв. в Любляне давали ежегодно гражданские права 15 или 20 человекам. Это были прежде всего сыновья люблянских граждан. Их прием являлся сравнительно простым. Гораздо сложнее обстояло дело с приемом чужих, особенно иноземцев. В 1548 г. города Крайны резко выступили против предоставления гражданства в Горице, Триесте и Риеке¹⁰ некоторым богатым венецианским и другим итальянским купцам, которые добивались этого, покупая дома в указанных городах. Сами же купцы продолжали жить за границей, а полученное право гражданства использовали для торговли в словенских землях, чем наносили большой ущерб экономически более слабым краинским торговцам¹¹. Но и после этого иноземцы не так уж редко получали гражданство. Проще всего такому человеку было жениться на вдове мастера или его дочери. Так, например, в 1600 г. Томаж Музий из Бергамо подал просьбу в люблянский магистрат дать ему гражданские права. Магистрат отклонил его просьбу, так как «твердо решил не принимать никого больше, кто бы то ни был, на ком бы ни женился, особенно из итальянцев»¹². Ко второму прошению Музия магистрат отнесся более снисходительно: он согласился предоставить ему гражданство, но с рядом условий, в числе которых была и женитьба на горожанке. Таким же образом получил право заниматься ремеслом (а следовательно и возможность быть гражданином) литейщик Рудольф Фиринг. Фиринги купили дом в Любляне еще в 1575 г., но, очевидно, не имели никаких гражданских прав вплоть до

⁹ J. Vrhovec. Ljubljanski meščanje v minulih stoletih, str. 9. Голдинер = 1 фунту пфеннигов = 8 шиллингам = 60 крейцерам = 240 пфеннигам = 2,132 г золота.

¹⁰ Горица, Триест и Риека в административном отношении в XVI в. подчинялись Крайне и поэтому пользовались теми же правами, что и краинские города.

¹¹ J. Zontar. Nastanek..., str. 86—87.

¹² V. Fabijančič. Prvi ljubljanski livarji zvonov in topov. «Kronika», 1953, 1, str. 33.

1613 г., когда Рудольф Фиринг женился на вдове оружейника Елизавете Мачек¹³.

При приеме в граждане данного города выходцы из других городов платили вступительную плату в семь голдинеров, от которой были освобождены сыновья граждан.

Иногда горожанами бывали и дворяне. Это случалось, если горожанин получал дворянство, как например его получил один из самых богатых и именитых граждан Краня Михаел Харер¹⁴. Но нужно оговориться, что такие случаи были редки.

Каждый новый гражданин приносил присягу. Старейшая присяга Любляны относилась к 1599 г. В ней говорилось: «Я присягаю, что хочу быть верным гражданином господина австрийского эрцгерцога, нашего милостивейшего господина и дежельного (дежела — область, земля. — И. Ч.) князя, а также и славного города Любляны. Я хочу защищать выгоды города и руководствоваться его постановлениями... насколько это по своим знаниям должен и могу. Также обязуюсь никакому чужеземцу не помогать каким-либо способом вести контрабанду против городских привилегий, но эти привилегии поддерживать и помогать их выполнять, насколько это возможно, кроме того, слушать и повиноваться господину жупану, судье и совету, а также не придерживаться никакой запрещенной неправой веры и мысли, но только великой христианско-католической старой церкви...»¹⁵. Присяга на верность христианско-католической церкви была обусловлена борьбой центральной власти против протестантизма.

Такого же принципиально содержания была и присяга города Краня, относящаяся к первой половине XVI в. В ней говорилось, что новый гражданин будет верен императору, эрцгерцогу и всем городским властям, будет выполнять все их указы, не будет уклоняться от налогов и пошлин, утаивать товары и т. д. Интересно отметить, что эта присяга написана на словенском языке и является одним из немногих памятников словенской письменности дореформационного периода¹⁶.

Полноправные горожане пользовались рядом преимуществ. Горожане Любляны имели право заниматься ремеслом и торговлей, пасти бесплатно свой скот на городских лугах и за малую плату — в городских рощах, получать строительный материал по более низким ценам, чем остальные¹⁷. Если горожанин не мог зарабатывать себе на хлеб по бедности и старости, то он имел право на место в городском богоугодном заведении или на получение пенсии. Горожане и их сыновья были свободны от военной службы. Горожан судили сами горожане¹⁸. Они могли занимать все городские должности. Каждый горожанин в случае, если ему приходилось вести тяжбу с гражданином другого города, мог просить защиты у городского совета. Так, например, поступил житель Нового Места Адам Магорович. Житель Загреба Якоб Вольф, занявший у него 14 талеров, очевидно, не хотел или не мог уплатить долга. Магорович обратился к городскому совету Нового Места, и совет задержал Вольфа в городе. По этому поводу заявил протест городской совет города Загреба, уроженцем которого был Вольф. 5 февраля 1572 г. на этот протест городской совет Нового Места отправил ответ, в котором

¹³ Там же, стр. 36.

¹⁴ J. Zontar. Zgodovina mesta Kranja, str. 165.

¹⁵ I. Vrhovec. Ljubljanski meščanje v minulih stoletih, str. 13—14.

¹⁶ K. Glaser. Zgodovina slovenskega slovstva. Ljubljana, 1894, str. 70.

¹⁷ M. Pajk. P. Radic, Einnahmen und Ausgaben der Stadt Laibach im Jahre 1581. «Carniol», 1910, S. 269.

¹⁸ I. Vrhovec. Ljubljanski meščanje v minulih stoletih, str. 16—17.

уведомлял: «Чтобы сохранить хорошие соседские отношения, мы позволили упомянутому Вольфу вернуться домой с тем, чтобы нашему согражданину был оплачен долг...»¹⁹. Примечателен сам факт выступления города в интересах своего гражданина.

Магистрат Любляны имел право не только давать гражданство, но и лишать его. Так, в 1541 г. магистрат выгнал из города Петера Шроттера за безнравственность. Его лишили права торговать и заниматься ремеслом²⁰. Вообще теряли свои гражданские права те, кто за преступления изгонялся из города или добровольно покинул город, или не платил городских налогов (но часто это могло продолжаться много лет без всяких последствий), или пренебрегал старыми правилами и обычаями цехов²¹.

В конце XVI в. в связи с хозяйственным кризисом и гонениями на протестантов многие горожане уходили из словенских городов. Отлив населения из городов принял такие размеры, что эрцгерцог Фердинанд издал в 1599 г. специальный указ, в котором отмечал, что во многих городах и торгах горожане отказываются от городских прав. Поэтому он постановлял: «Во-первых, запрещая отпускать от вас из городской общины с этих пор и далее без нашей милостивой воли и нашего дозволения ни единого... Если бы кто хотел отказаться, от городских прав и переселиться в деревню, то этого не нужно допускать, так как это бы сильно повредило доходам нашей казны и нашему населению по городам и торгам. Если бы нашлись такие, кто, несмотря на наши запрещения и несмотря на то, что нам прискорбно отменить это запрещение об уходе из городов, не хотели бы остаться, но хотели бы любым путем уйти, пусть им... это разрешат и пусть назовут такому горожанину день и обсудят вопрос о его имуществе. О том случае оповестят всех, кто имеет к нему какой-либо иск, или кто должен ему. И пусть даст отчет о городских службах, которые он выполнял, или об опекунстве, и пусть удовлетворит всех людей в городе во всех исках, как это приличествует. Ибо было бы подопечным и другим тяжело искать его по свету. Наконец, определяем, что платит тот горожанин, который всегда только с нашего дозволения думает уйти, десятый винар (т. е. 10%.—И. Ч.) ото всего своего имущества в нашу нижнеавстрийскую казну. Этот налог вы, люблянцы, будете собирать и вносить в нашу казну...»²².

Итак, отказ от прав гражданства и уход из города был весьма сложным. Главной причиной этого были финансовые мотивы. Позднее (в 1782 г.) если кто-либо уходил из города, он должен был платить в городскую казну 2—4% стоимости имущества²³.

Помимо горожан, полноправных членов городской общины, в городе жили люди, не пользовавшиеся правами граждан. В Любляне, по сведениям Врховца, одна четвертая часть всего населения не была полноправной²⁴. Лиц, не имевших гражданских прав, можно разделить на две категории. К первой принадлежали привилегированные сословия: духовенство, дворянство.

Все проживающие в городе дворяне и представители духовенства не подчинялись городским властям, не были подсудны городскому суду. Дворяне и духовенство в городе вели себя высокомерно и заносчиво,

¹⁹ «Monumenta historica liberae regiae civitatis Zagrabiae metropolis regni Dalmatiae, Croatiae et Slavoniae», XV. Zagreb, 1937, p. 98.

²⁰ I. Vrhovec. Ljubljanski meščanje v minulih stoletih, str. 15.

²¹ Там же, стр. 16.

²² Там же, стр. 18. Винар = пфеннигу.

²³ Там же, стр. 20—21.

²⁴ Там же, стр. 31.

позволяли себе многое по отношению к горожанам. К этой привилегированной категории можно отнести также юристов, врачей, иноземных купцов. Другая категория лиц, не имеющих гражданских прав, находилась в гораздо худшем положении. Если первая категория стояла по своим правам выше бюргерства, то вторая находилась ниже его. К ней относились ремесленники, не входившие в цехи, подмастерья, поденщики, домашняя прислуга. Это был наследственный плебс города, унижаемый всеми, не имеющий нигде никакой защиты. Положение его характеризует следующий случай. В 1599 г. люблянский советник Рубида так избил своего слугу, что тот умер. Городской совет наказал его тем, что запретил выходить некоторое время на улицу²⁵.

Помимо указанных групп в городах жили также непосредственные подданные дворян, духовенства, эрцгерцога, которые были подсудны своим господам и не подчинялись властям города.

Юридическое неравноправие городских жителей было одной из важнейших причин противоречий в городе.

* * *

Значительными были среди городского населения имущественные различия. В этом разделе мы коснемся имущественного положения горожан и низшей, бесправной части городского населения, не затрагивая дворянства и духовенства. Большинство документов, используемых нами для выяснения этого вопроса, относится к городам Краню и Шкофье Локе, средним городам для словенских земель и по своей величине и по своему значению. Именно в таких городах жило большинство словенских горожан.

Самой богатой частью городского населения были торговцы. Примером этого может служить горожанин Локи Юрий Файхтингер. О размерах его имущества можно узнать из акта, подписанного его детьми. 11 февраля 1584 г. они заявили, что получили от представителя епископа сумму, равную отцовскому наследию, украденному у них Юрием Штарманом и другими. Она, по нашим подсчетам, составляла приблизительно 2,5 тыс. голдинеров²⁶. Эта сумма превышала общую стоимость имущества среднего ремесленника. Для сравнения можно привести некоторые цены конца XVI в. Так, в 1575 г. пастор из Краня купил дом за 140 голдинеров²⁷. Таким образом, Файхтингер принадлежал к состоятельным кругам городского населения.

В Кране во второй половине XV в. жил другой богатый горожанин Янез Слуга. Он упоминался еще в 1483 г. как городской судья. В 1494 г. по завещанию он подарил алтарю св. Миклаважа участок земли, 300 голдинеров, два поля, кузницу, в которой работал Мартин Шинковец, переднюю часть дома на Большом торгу и пять серебряных чаш. Своей жене оставил полдома у Верхних ворот, поле, две серебряные чаши. Другая половина дома отходила беднякам из краинского богоугодного заведения (шпитала). Своей воспитаннице Ленке Слуга завещал пять голдинеров и постель. Для лампады на его могиле он дал жене сарай, а кузницу, в которой работал Йошт, — церкви св. Фабиана на освещение, 31 голдинер братовщине св. тела Господня, 3 голдинера соборной церкви и столько же общине Марии²⁸.

Перечисленное в завещании разнообразное имущество (два дома,

²⁵ Там же, стр. 39.

²⁶ F. Kos. Указ. соч., стр. 50.

²⁷ J. Zontar. Zgodovina mesta Kranja, str. 182.

²⁸ J. Pagarčič. Указ. соч., стр. 104.

четыре поля, сарай, две кузницы, семь серебряных чаш и 324 голдинера) дает основание считать его разбогатевшим ремесленником.

Из состоятельных горожан Краня более позднего времени следует назвать Михаела Харера. В 1568—1569 гг. он был городским судьей и владел тремя домами, двором и подданными в Дуплях, садом в Нижних Дуплях и полем у Бистрицы. В 1580 г. он имел в качестве феода три кметии (крестьянский надел) на Кланце и одну в Татинце. В 1569 г. он купил кметию Планово у Шенчурья и стал членом шенчурской общины, однако вскоре был из общины исключен, так как пытался завладеть общинным лугом. Михаел был сначала протестантом, но потом перешел в католическую веру. После этого он стал экономом люблянского епископа и главным судьей на краинских рудниках, а также получил дворянское звание²⁹. Такую же блестящую карьеру сделали его сыновья и брат Юрий Харер.

Интересно сравнить этого городского богача с уже упомянутыми Юрием Файхтингером и Янезом Слугой. Если Юрий Файхтингер был торговцем, а Янез Слуга разбогатевшим ремесленником и, по-видимому, уже непосредственно не занимавшимся ремеслом, то Михаел Харер по характеру своих владений и занимаемых им должностей (за исключением должности городского судьи) гораздо ближе к феодалу, чем к горожанину. Среди горожан он был не единственным владельцем феодальных имений. В 20-х годах XVI в. на жалобу краинских городов по поводу обвиняния горожан из-за торговли крестьян, высшие сословия Крайны ответили, что они не верят в разорение горожан, так как последние покупают многие дворянские поместья³⁰. В начале 50-х годов этого же столетия дворянство и духовенство Крайны потребовало от государя, чтобы он не разрешал горожанам покупать дворянские ренты и землю, «пока они не откажутся от своих гражданских прав, городского ремесла и имени»³¹. В ответ на это требование горожане заявили, что не более 20 горожан имеют ренты и феодальные владения в деревне. Они назвали наиболее известных из числа этих богачей: крупный торговец Любляны Антонин де Лантиери; птуйский горожанин Александр Москон, разбогатевший на торговле скотом, которому в 1532 г. Фердинанд I уступил за 26 тыс. голдинеров Пазинское графство; торговец, бывший люблянский жупан Вилем Праунспергер, купивший поместье Вишње и Поновиче и ставший дежельным вице-домом³² (его отец был компаньоном Антонина де Лантиери)³³. Все они так или иначе переходили в класс феодалов или получая дворянство или же формально оставаясь горожанами.

Можно назвать еще целый ряд богачей из числа купцов, связанных с горным делом: Матвеж Кробат из Краня, Ленарт Долар из Кокры³⁴, Вильгельм Нойманн из Беляка, крупнейший пайщик идрийских рудников³⁵. Гуго Блоциус, остановившийся проездом в торге Любно у Петра Тьерди, рассказывает о нем, что тот женился «на богатой... приданое которой оценивается в 10 тыс. золотых»³⁶. 10 тыс. золотых — сумма очень крупная для того времени.

²⁹ J. Zontar. Zgodovina mesta Kranja, str. 164—165.

³⁰ J. Zontar. Nastanek..., str. 54.

³¹ Там же, стр. 97.

³² Дежельный вице-дом — управляющий имуществом эрцгерцога в дежеле.

³³ J. Zontar. Nastanek..., str. 103.

³⁴ J. Zontar. Zgodovina..., str. 153.

³⁵ H. Blank. Der Villacher Bürger Wilhelm Neumann als Kaufmann und Gewerke in Idria. «700 Jahre Stadt Villach», 1940, S. 116—137.

³⁶ F. Stele. Potovanje skozi Slovenijo v l. 1571 in 1574. «Glasnik Muzejskega društva za Slovenijo», 1939, str. 306.

Но такие богачи насчитывались буквально единицами в словенских городах. Кроме Лантиери, Москона, Праунспергера, к ним можно причислить, пожалуй, только Вильгельма Нойманна из Беняка. Большинство же состоятельных горожан, как упомянутые Слуга, Файхтингер, Харер, по размерам своего имущества не так уж сильно отличались от средних ремесленников, составлявших основное население городов. Таким средним ремесленником был Блаж Зингиссер, люблянский литейщик. Его жена Урсула получила в наследство от него дом и мастерскую. Самому ему не раз приходилось туго (так, 28 января 1541 г. он был вызван на суд богатым торговцем Янезом Вайхамером, который ссудил ему в долг меди 13 дукатов и 24 крейцера)³⁷. Но все же жене он оставил имущество без долгов. Горожанином среднего достатка был и судья Янез Шетина из Краня. В 1478 г. он с разрешения жены и дочери пожертвовал церкви св. Фабиана и Боштяна в Пунгарте два земельных надела. Кроме того, он завещал церкви св. Боштяна 10 голдинеров, а дочери — дом в городе³⁸.

Среди ремесленников среднего достатка тоже существовали значительные различия. О них можно судить хотя бы по величине ремесленного налога. Так в 1610—1612 гг. литейщик Элия Сомрак платил за ремесло около 10 голдинеров ежегодно. Преемник Сомрака во владении мастерской Рудольф Фиринг в 1613—1621 гг. вносил уже меньший налог — 3—4 голдинера. В то же время лудильщик Грегор Эльбер платил ремесленный налог в 30 голдинеров³⁹. Таким образом, говоря о средних бюргерах, нужно иметь в виду, что часть их смыкалась с богатой верхушкой, другая стояла ближе к бедноте.

Развитие товарно-денежных отношений делало положение среднего бюргера все менее и менее устойчивым. В 1525 г. Ахаций Шнайдер, краньский горожанин, и его жена продали дом и двор за 70 голдинеров и 1 шиллинг Ленарту Браунбарту, сборщику налогов в Кране⁴⁰. Спустя некоторое время последний продал этот же дом правительству за 173 голдинера 30 крайцаров, как он был оценен⁴¹. Это говорит о разорении горожанина, крайней нужде его в деньгах, иначе бы Шнайдер не продал свой дом за бесценок.

Характерна судьба и одного из люблянских литейщиков — Элии Сомрака, которая прослеживается по люблянской налоговой книге. В 1604—1606 гг. положение его было весьма прочным, и он платил ремесленный налог в 25 голдинеров в год. Потом дела его пошатнулись. Уже в 1610—1612 гг. Сомрак платил только 10 голдинеров; он просил городской совет понизить и этот налог, но безрезультатно. В 1613 г. его литейная мастерская перешла к Рудольфу Фирингу, а сам он, очевидно, купил новую мастерскую. За нее он платил уже только 7 голдинеров, да еще 3 голдинера за дом. В 1622 г. платил только 6 голдинеров 40 крейцаров, в 1623 г. — 3 голдинера за дом, ремесленного налога не платил совсем. И, наконец, в 1624 г. имя его исчезает из списка налогоплательщиков — очевидно, дом был продан. Умер он уже после 1630 г.: в этот год он как странствующий литейщик отлил свой последний колокол⁴².

Мы уже касались завещания Янеза Слуги, здесь напомним только, что Слуга имел две кузницы, в которых работали Мартин Шинковец и

³⁷ V. Fabijančič. Указ. соч., стр. 28.

³⁸ J. Pagarčič. Указ. соч., стр. 102.

³⁹ V. Fabijančič. Указ. соч., стр. 35—36.

⁴⁰ J. Pagarčič. Указ. соч., стр. 109—110.

⁴¹ Там же.

⁴² V. Fabijančič. Указ. соч., стр. 35.

Йошт⁴³. Оба, вероятно, были из разорившихся ремесленников-мастеров, иначе бы Слуга не доверил им кузниц.

Кроме горожан в городе жил и бесправный плебс. Он пополнялся за счет разорявшихся ремесленников, за счет пришедших из сел крестьян. Об их имущественном положении сохранилось немного сведений, поскольку представителям этой категории населения не приходилось писать завещаний и дарственных на свое имущество, совершать торговых сделок и т. д.

В конце XVI в. пришло в упадок Ново Место. Наиболее богатые жители покинули город. Новомещане просили уменьшить налоги. По указу императора комиссия обследовала Ново Место и пришла к выводу, что в городских домах живут в основном не хозяева, а жильцы и работники, которые не платят за квартиру, а хлеб свой добывают частично работой в городе, а частично работой у крестьян⁴⁴. Это указание весьма интересно — оно показывает, что городской плебс эксплуатировался не только городскими богачами, но вынужден был искать себе заработка у зажиточных крестьян. Представители плебса работали по найму слугами, поденщиками, подмастерьями и учениками, у них не было собственных орудий труда. Но все же не они стояли на низшей социальной ступени в городе.

Уже в начале XVI в. при обсуждении проекта «Полицейского устава» краинские дежельнокняжеские города⁴⁵ в числе прочих требований указали на необходимость изгнания из дежелы нищих и бродяг, «которых развелось великое множество»⁴⁶. Нищие и бродяги имели даже свои собственные союзы. Их запрещали, самих бродяг гнали, не разрешая оставаться на одном месте более двух дней⁴⁷, но все эти меры мало помогали. Одни из них были бродячими актерами, другие перебивались поденной работой, при случае воруя или попрошайничая. Большинство, вероятно, ходили по деревням, но часть жила в городе: иначе бюргеры не подняли бы так решительно вопрос об изгнании всех бродяг и нищих из дежелы.

Из всего сказанного выше можно заключить, что имущественные различия в городе были весьма значительны, но все же они еще не приняли характер резкого социального размежевания. На это указывает хотя бы тот факт, что в словенских городах XVI в. не сложился патрициат в том виде, в каком он существовал в более развитых немецких и итальянских городах, т. е. как замкнутая наследственная корпорация, державшая городское управление в своих руках. Конечно, среди горожан появляются отдельные богачи, но их единицы. Потомственных богатых семейств не создается — богатые семьи или вымирают, или теряют богатства, или, наконец, добиваются дворянства и порывают с городом. В то же время и отрывочные сведения о плебсе не позволяют говорить о нем, как о какой-то единой массе. Это предположение подтверждает тот факт, что во время крестьянских восстаний и реформационного движения низшие слои города почти совсем не проявили себя.

* * *

Города были крупными налогоплательщиками, давали правительству большие доходы, они являлись опорой центральной власти в ее борьбе против политического могущества феодалов. Поэтому прави-

⁴³ J. Parapei. Указ, соч., стр. 104.

⁴⁴ I. Vrhovec. Zgodovina Novega Mesta, str. 81.

⁴⁵ Города, принадлежавшие непосредственно эрцгерцогу (дежельному князю).

⁴⁶ J. Zolnar. Nastanek..., str. 34.

⁴⁷ Там же, стр. 60.

тельство Габсбургов было заинтересовано в росте их богатства и силы. С этой целью оно даровало городам многочисленные привилегии, как политического, так и экономического характера.

К политическим относились привилегии, определявшие внутреннее устройство городов (городское самоуправление, городской суд), и те привилегии, которые определяли взаимоотношения между городами и господствующим феодальным классом.

Еще в 1476 г. император Фридрих II разрешил Любляне селить на городской территории крестьян, бежавших от турок под укрытие ее стен⁴⁸. В 1478 г. в привилегии, данной Любляне тем же императором, уже не говорилось о турках, а просто разрешалось городу принимать крестьян⁴⁹. Такое же право получили и другие краинские города, в том числе и Камник: «Люди и подданные из дежелы, которые желают добровольно жить и оставаться в нашем упомянутом городе, причисляются к нему, и никто не может привлечь их к ответу»⁵⁰. Данная привилегия открывала большие возможности для роста населения городов, для укрепления их политической самостоятельности по отношению к феодалам.

Немудрено, что представители феодального класса не хотели признавать этого постановления императора. Так, в 1500 г. аббат Бистрицкого монастыря требовал у городских властей Краля выдачи ему двух его подданных, бежавших в город⁵¹. Вообще на протяжении всей первой половины XVI в. дворянство Краины не раз пыталось вернуть себе право требовать выдачи бежавших в города крестьян. В 1510 г. на аугсбургском собрании дежелных сословий краинское дворянство и духовенство внесли предложение, чтобы всех крестьян, ушедших в город без разрешения своих господ после 1510 г., городские власти возвращали бы назад⁵². Того же краинские высшие сословия просили в середине 20-х годов XVI в. Но на этот раз они пытались уже воздействовать на самих крестьян мерами экономического порядка: те дети крестьянина, которых он отдавал в город на обучение ремеслу без разрешения господина, теряли право на наследование земельного надела отца⁵³. Это требование было узаконено указом Фердинанда I от 1539 г.⁵⁴ Однако эффективного результата этот указ, очевидно, не дал, так как вопрос о запрещении ухода крестьян в города вновь поднимался сословиями в конце 40-х годов XVI в.⁵⁵ Борьба между городами и феодалами по поводу приема крестьян в города показывает, что словенские города XVI в. в отличие от западноевропейских охотно принимали пришельцев из деревни.

В 1501 г. император Максимилиан I пригласил судью и совет Любляны на краинское дежелное собрание, где они должны были заседать как представители свободного бюргерства. С этих пор представители Любляны всегда участвовали в дежелных собраниях⁵⁶. При Максимилиане же выдвинулись города Камник и Краля. Их представители тоже стали присутствовать на собраниях дежелных сословий. Помимо указанных городов, это право получили Ново Место, Метлика, Черномель, Лож, а позднее Триест и Риека⁵⁷.

⁴⁸ «Gradivo za zgodovino Ljubljane v srednjem veku», IV.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ В. Отогерец. Указ. соч., стр. 100.

⁵¹ J. Zontar. Zgodovina mesta Kranja, str. 45.

⁵² J. Zontar. Nastanek..., str. 38.

⁵³ Там же, стр. 54.

⁵⁴ Там же, стр. 64.

⁵⁵ Там же, стр. 80.

⁵⁶ A. Dimitz. Geschichte Krains, II. Laibach, 1875, S. 47.

⁵⁷ J. Gruden. Zgodovina slovenskega naroda. Celovec, 1910, str. 390.

Возможность посылать своих представителей на сословные собрания ставила горожан в этом отношении в равноправное положение с духовенством и дворянством, увеличивало его политический вес. Надо, однако, отметить, что почти во всех вопросах, за исключением крестьянской торговли и ремесла, а также приема крестьян в города, горожане шли за дворянством (это особенно касается периода реформации).

Помимо политических города получали и экономические привилегии, прежде всего исключительное право торговли и занятия ремеслом для горожан. Эта привилегия много раз подтверждалась и императорами, и дежельными князьями, но никогда не была проведена в жизнь. Да это было и невозможно в период роста товарно-денежных отношений и все большего вовлечения крестьянского хозяйства в товарооборот. Поэтому уже в конце XV в. вопрос об исключительном праве торговли и занятии ремеслом горожан ставился иначе. В 1492 г. глава дворянства Крайны (Hauptmann) Вилем Турияшский (Ауэрсперг) объявил, что в окружности мили⁵⁸ от городов Любляны, Краля, Камника и Нового Места могут быть при церквях только один портной, один сапожник и один кузнец⁵⁹. Для других городов такой порядок был установлен в окружности на полмили от города. Существование других ремесел в указанной зоне запрещалось вообще.

Названные выше привилегии относились ко всем городам. Но были и такие, которые давались отдельным городам. Больше всех подобных привилегий получали Триест и Любляна⁶⁰.

Ряд крупных привилегий получили горожане Любляны⁶¹. Они владели монополией на покупку пушнины в Хорватии, венграм и итальянцам это запрещалось под страхом штрафа и ареста товаров. Покупать пушнину они могли только в Любляне⁶². 14 августа 1503 г. от императора Максимилиана I Любляна получила очень важное право склада⁶³. Подобную же привилегию получил и город Край⁶⁴.

Особыми привилегиями определялось количество ярмарок и их продолжительность в городах. Императоры дарили городам также различные доходные статьи. Так, в 1513 г. император передал Любляне доходы от мостовины (пошлины, взимаемой за проезд по мосту)⁶⁵. В 1487 г. Фридрих III разрешил крайцам собирать мостовину со всех товаров, провозившихся через мост на Саве⁶⁶. Городам передавались права и на сбор других пошлин и поборов. Отпускались определенные суммы и средства для укрепления городских стен. Это прежде всего относится к Любляне. Максимилиан I разрешил люблянцам пользоваться для этой цели соседней с городом рощей⁶⁷. Он же приказал крайнскому вице-дому в 1513 г. платить ежегодно Любляне 400 голдинеров специально на поправку старых и строительство новых укреплений⁶⁸.

Большие средства Габсбурги выделяли на укрепление пограничного города Ново Место. О том, как велись работы по строительству городских укреплений, свидетельствует письмо Фридриха III, направленное

⁵⁸ 1 миля равна примерно 7 км.

⁵⁹ I. Vrhovec. Ljubljanski meščanje v minulih stoletih, str. 158.

⁶⁰ A. Dimitz. Указ. соч., II, стр. 50.

⁶¹ «Gradivo za zgodovino Ljubljane v srednjem veku», IV; «Средние века», 1961, вып. XIX, стр. 240.

⁶² A. Dimitz. Указ. соч., II, стр. 50.

⁶³ «Gradivo za zgodovino Ljubljane v srednjem veku», IV.

⁶⁴ J. Zontar. Zgodovina mesta Kranja, str. 100—101.

⁶⁵ I. Vrhovec. Ljubljanski meščanje v minulih stoletih, str. 123.

⁶⁶ J. Parapet. Указ. соч., стр. 103.

⁶⁷ A. Dimitz. Указ. соч., II, стр. 48.

⁶⁸ «Gradivo za zgodovino Ljubljane v srednjem veku», IV.

им судье Камника в 1451 г.: «...Хотя здесь большая часть монастырских и других церковных людей и подданных, которые подсудны суду нашего Камника, с давних пор трудились и работали на барщине в городских рвах Камника, однако эти рвы еще не полностью проведены... Поэтому мы тебе настоятельно рекомендуем и приказываем, чтобы другие монастырские и церковные люди и подданные, которые живут и имеют местожительство в вашем судебном округе и которые раньше не выполняли... подобную работу... некоторое время в этих самых наших рвах работали бы и помогали бы их проводить...»⁶⁹

Этот документ еще раз подтверждает наличие крестьян, зависимых от города: они были не только подсудны городскому самоуправлению, но и несли отработочную повинность в пользу города. Однако следует подчеркнуть, что крестьяне в данном случае находились в поземельной зависимости не от города, а от эрцгерцога или церкви. Помимо крестьян на укреплении города работали сами горожане. Некоторые из них и сверх обычной нормы (так, например, Грегор Привец из Любляны за убийство вора в 1594 г. был осужден на год принудительных работ по укреплению города⁷⁰).

Роль экономических привилегий городов была различна в общем хозяйственном развитии страны. Часто экономические привилегии отдельных городов препятствовали торговле других городов или словенских земель в целом. Так, торговые привилегии Триеста и Любляны так или иначе сыграли отрицательную роль в общем хозяйственно-экономическом развитии словенских земель того времени. Но те экономические привилегии, которые ограждали ремесло словенских городов от иностранной конкуренции, имели для его развития положительное значение. Несомненно прогрессивную роль играли привилегии, которые давали возможность городам отстаивать свою самостоятельность в борьбе против духовных и светских феодалов и таким образом способствовали их более быстрому экономическому развитию.

Важнейшим приобретением средневековых словенских городов было право самоуправления. Оно делало их сравнительно независимыми от произвола господствующего класса, давало сильное оружие в борьбе против феодалов, конкуренции иноземных и деревенских торговцев.

Городская система управления и суда оформилась не сразу. Это можно проследить на примере Камника. Право быть судимым своим судом камничане получили еще в конце XIV в. от герцога Леопольда. Оно было подтверждено в 1405 г. его сыном Эрнстом, потом в 1444 г. императором Фридрихом III в числе прочих привилегий. Но уже в 1447 г. Фридрих вынужден был направить специальное письмо главе дворянства Крайны, в котором указывал: «Нашим горожанам из Камника нашими почившими предками и нами были даны и подтверждены привилегии, согласно которым их должен судить городской судья. Но нам доложено, что их требуют и приглашают в наш дежельный суд в Любляну, на что они и жалуются. Мы настоятельно советуем вам и просим, чтобы их... не вызывали бы и не приглашали в наш дежельный суд в Любляну...»⁷¹ Такое же письмо Фридрих написал главе дворянства Крайны и в 1454 г. Однако письма Фридриха все же мало помогли горожанам Камника, потому что в 1460 г. он снова должен был по их просьбе подтвердить их исключительную подсудность городскому суду в Камнике. Очевидно правом судиться камническим судом камничане

⁶⁹ В. Отогерес. Указ. соч., стр. 96.

⁷⁰ I. Vrhovec. Ljubljanske meščanje v minulih stoletih, str. 94—95.

⁷¹ В. Отогерес. Указ. соч., стр. 95.

практически не пользовались: местные власти заставляли их судиться в дежельно-феодальном суде.

В 1489 г. Фридрих III дал Камнику новую грамоту: «Мы, Фридрих... объявляем нашему управляющему Камника в Крайне, который временно получил управление от нас, благодаря чему и занимает должность судьи, что мы по прилежной просьбе и из-за особой милости к нашим горожанам Камника сознательно позволили им и разрешили... каждый год выбирать из своей среды одного судью; и затем они должны его послать к нашему двору получить от нас право кровавого суда и принести нам обычную присягу, как это ведется издавна...»⁷². Значит, вплоть до 1489 г. камницкий суд представлял назначаемый эрцгерцогом правитель Камника, а горожане не могли выбирать своего судью сами. Это видно из самой грамоты, поскольку Фридрих III не подтверждает право горожан избирать судью Камника, а дает его. Таким образом, даже за право быть судимым судом назначенного эрцгерцогом управляющего камницкие горожане вынуждены были вести на протяжении почти ста лет упорную борьбу с дежельными властями.

После 1489 г. положение камничан, вероятно, упрочилось, потому что Максимилиану I за все его правление только раз пришлось подтвердить это право города (в 1493 г., вскоре после вступления на престол). Так постепенно к концу XV в. в борьбе с дежельными властями, представлявшими интересы феодалов, оформилось самоуправление города.

Избирать органы местного самоуправления и быть избранными в них имели право, конечно, только полноправные граждане, они одни могли решать все городские дела. Органы самоуправления были как в городах, так и в торгах. По своему устройству первые весьма отличались от вторых. Прежде всего рассмотрим органы городского самоуправления. Эта задача облегчается наличием нескольких грамот: эрцгерцога Карла, данная им городу Новому Месту в 1573 г., уже упомянутая камницкая и некоторые люблянские.

В первой части грамоты 1573 г. эрцгерцога Карла говорится о причинах, побудивших издать ее, а именно, о желании уничтожить все непорядки и злоупотребления в городе. Посему устанавливалось, что отныне ежегодно в воскресенье перед днем св. Галла должны происходить выборы во все органы городского самоуправления. Нужно было из числа граждан избрать 12 во внутренний совет (Innern Rath), 24 во внешний совет (Aussern Rath) и 48 в общину города (Gmain). «И в случае, если кто-нибудь в этот же год выбудет из двенадцати внутреннего совета, один или несколько умрут, то его должен тотчас же заместить один из двадцати четырех внешнего совета и равным образом принадлежавшего к двадцати четырем (в подобных обстоятельствах) один из сорока восьми общины». Если же кто из 48 выбывал из общины, то он механически замещался «достойными лицами, являющимися наследственными горожанами и принявшими присягу»⁷³.

Органы городского самоуправления в основном во всех значительных словенских городах были одни и те же, некоторая разница имела только в количестве членов общины. Так, в Любляне, которая была гораздо более крупным городом, чем Ново Место, в общину входило 64 члена. Но число членов внутреннего и внешнего советов Любляны было таким же, как и в Новом Месте, — 12 во внутреннем совете и 24 во внешнем. Такой порядок сохранился вплоть до 1785 г.⁷⁴ Внутренний и

⁷² В. Otorepec. Указ. соч., стр. 102.

⁷³ I. Vrhovec. Zgodovina Novega Mesta, приложение.

⁷⁴ I. Vrhovec. Ljubljanski meščanje v minulih stoletih, str. 33.

внешний советы, составлявшие общий городской совет или магистрат, ведали налогами, опекунством, вели наблюдение за цехами, решали вопросы об откупах, ценах на продовольствие. Помимо всего этого они обладали правом суда. Обычные заседания внутреннего и внешнего советов происходили два раза в неделю. На них решали мелкие дела, связанные с поправкой стен, ценами на продовольствие и т. д., а также вопросы приема людей в гражданство города, утверждались продажа и передача домов (без разрешения городских властей такие сделки бывали недействительными)⁷⁵. Городской совет решал вопрос и об изгнании некоторых горожан из города и являлся высшим судьей в делах цехов. Цех сам постановлял, кого ему изгонять из своих членов, кого оставлять. Но цех не мог запретить изгнанному продолжать заниматься ремеслом и продавать свои изделия. Это могли сделать только городские власти. Так, цех сапожников изгнал за ряд провинностей из своих рядов мастера Матию Жлебника, но запретить ему торговать цех не мог и поэтому просил такого решения у люблянского городского магистрата. Магистрат, однако, присудил Жлебника только к уплате довольно крупного штрафа и посадил в тюрьму на восемь дней⁷⁶.

Городские власти также заботились о вооружении города. Так, в 1545 г. на заседании городского совета Любляны было решено дать заказ литейному мастеру Ленарту Гиссеру отлить для города десять пушек⁷⁷.

Община имела меньшее значение, чем внутренний и внешний советы. Она являлась просто органом надзора за обоими советами. Внутренний совет был самым влиятельным из всех органов самоуправления. Сюда входили главным образом представители богатых торговцев и некоторые особенно влиятельные ремесленные мастера, такие как литейщики Блаж Зингиссер и Ленарт Гиссер. Во внешнем совете и общине преобладали представители цеховых ремесленников.

После выборов органов городского самоуправления назначались выборы городского судьи. Городской судья по грамоте эрцгерцога Карла, данной им Новому Месту, избирался следующим образом: члены внутреннего совета «должны выделить наряду со старым судьей одного из внутреннего совета, который им для этого кажется умелым и пригодным; оба должны быть представлены двадцати четырем внешнему совету вместе с сорока восемью из общины. И в случае, если бы двадцать четыре и сорок восемь из общины ни одного из этих двух представленных лиц не нашли бы приемлемыми для должности судьи, то они должны и могут требовать представить двух других из двенадцати внутреннего совета и таким образом в результате выборов добиться самого умного и пригодного из двадцати четырех»⁷⁸. Потом «должен такой вновь избранный судья не позднее, чем через восемь дней после дня св. Галла с двумя или тремя (членами внутреннего совета.—И. Ч.) явиться в Любляну к нашему вице-подоуму в Крайне... и тот после принятия судейской присяги утвердит его».

Таким образом, судья избирался из числа внутренних советников, что было их весьма важной привилегией. Такой же порядок выборов существовал и в других городах, например, в Горице. Там судью выбирали ежегодно в воскресенье после дня Иоанна Крестителя. Его утверждал дежельный судья (Landrichter), назначенный правительством⁷⁹.

⁷⁵ Там же, стр. 80.

⁷⁶ Там же, стр. 238.

⁷⁷ V. Fabijančič. Указ. соч., стр. 30.

⁷⁸ Очевидно, это описка: во внутреннем совете было 12, а не 24 члена.

⁷⁹ M. K o s. Srednjeveški urbarji za Slovenijo. Ljubljana, 1954, str. 194

Обычно утверждение носило довольно формальный характер, но в период гонений на протестантов правительство требовало, чтобы судья был католиком. По этому поводу нередко случались столкновения между ним и городскими властями. Так, в Новом Месте, несмотря на запрет, в 1590 г. судьей был избран протестант Юрий Рааб. Вицедом его не утвердил. В 1593 г. уже в третий раз на должность судьи был выдвинут богатый торговец протестант Адам Гричар. В своем прошении горожане мотивировали это избрание тем, что он умеет писать, читать и вести дела с воинским начальством. Однако вицедом все же его не утвердил. Новая попытка избрать судьейю протестанта в 1597 г. окончилась так же неудачно, как и прежние⁸⁰.

Иногда даже давали отставку избранному и утвержденному судье. В 1581 г. правительство потребовало у вицедома Николая Бономо сместить краньского судью Юрия Харера из-за его протестантских убеждений. Первое требование его отставки было в январе, но, очевидно, оно не было выполнено, так как его повторили 26 апреля, потом 26 июня и, наконец, 24 июля⁸¹. После 1594 г., когда началась новая волна гонений на протестантов, были сняты по настоянию правительства Крайны городские судьи протестанты в Радече, Кршко, Новом Месте, Метлике, Черномеле⁸².

Судья был самым значительным должностным лицом в городе. Он председательствовал на заседаниях внутреннего и внешнего советов. Назначение и круг деятельности не соответствовал его названию, городской судья не был судьей в нашем понимании слова. Он ведал сдачей городских таможен и кметий в аренду, куплей-продажей домов, пользованием лугами и пастбищами, принадлежащими городу. Вместе с тем он обладал определенной полицейской властью: исполнял решения магистрата, следил за тем, чтобы горожане вели работу по укреплению города, чтобы в цехах соблюдалась установленная регламентация. В противных случаях городской судья мог сам судить виновного.

Судья не всегда получал определенную плату за свою деятельность. В Новом Месте, например, в 1564 г. он получал жалование 40 голдинеров в год⁸³, а в Любляне в его пользу шла часть взимаемых штрафов. Так, в 1545 г. там присудили воровку Вайгель к уплате 22 голдинеров в казну города и 8 голдинеров — судье⁸⁴. Подобное положение приводило к тому, что иногда судья злоупотреблял своей полицейской властью. В 1608 г. без всяких оснований был посажен в тюрьму мастер пекарь Лихтенберг. Последний пожаловался магистрату, который пришел к выводу, что судья превысил свои полномочия⁸⁵.

Столкновения между судьейю и внутренним и внешним советами были нередки, так как права и обязанности судьи и городских советов не были точно разделены. Еще в 1485 г. Фридрих III должен был запретить членам внешнего совета и общины Любляны решать споры горожан без разрешения на то судьи и внутреннего совета или главы дежельного дворянства⁸⁶. Этот указ вызвало, вероятно, превышение отдельными членами низших органов самоуправления своих полномочий.

В 1504 г. Максимилиан I дал городу Любляне право избирать наряду с судьей жупана (Burgermister). Жупан избирался каждый год

⁸⁰ I. Vrhovec. Zgodovina Novega Mesta, str. 72—73.

⁸¹ J. Pačar. Указ, соч., стр. 117.

⁸² Orožen. Vojvodina Kranjska zv. II. Ljubljana, 1903, str. 126.

⁸³ I. Vrhovec. Zgodovina Novega Mesta, str. 114.

⁸⁴ I. Vrhovec. Ljubljanske meščanje v minulih stoletih, str. 114.

⁸⁵ Там же, стр. 114—115.

⁸⁶ «Gradivo za zgodovino Ljubljane v srednjem veku», IV.

и являлся главою магистрата⁸⁷. Он хранил городские серебряные ключи и все важнейшие пожалованные грамоты⁸⁸. Круг его других обязанностей неясен. Жупан получал жалование из городских доходов. В 1581 г. оно составляло 50 голдинеров в год⁸⁹. Однако в большинстве крайних городов самым важным лицом продолжал оставаться городской судья. Помимо судьи в городе советники избирали еще ряд должностных лиц. Городской казначей ведал городской казной, принимал все городские доходы и выплачивал все расходы города⁹⁰. Обязанностью шпитальского мастера было хранить имущество шпителя (богоугодного заведения) города. Кроме этих должностных лиц, существовали менее значительные: городской писарь, «давкары» (сборщики налогов), различные мерщики (чиновники, измерявшие при продаже и покупке соль, сукна, хлеб и т. д.).

Торги имели также известные права самоуправления. Что собою представляли эти права, показывает грамота люблянского епископа Сигизмунда, данная им в 1464 г. торгу Любно. Поскольку по своей величине торги были меньше городов, там обычно не выбирали внутренних и внешних советы, а только одного судью торгова: «Во-первых, чтобы они впредь всегда одного из своего числа выбирали и ставили судьей торгова, однако такого, который был бы для нас подходящим». Судья торгова имел ряд прав и обязанностей: «Этот судья торгова должен иметь право судить и творить правосудие по отношению к гражданам и жителям торгов... И приговор выносится им одним, касается ли он денежного налога на наследство или гражданских прав...» Однако решение судьи могло быть обжаловано: «Но если кому-нибудь покажется, что законы нарушены со стороны судьи, он имеет право нанять адвоката⁹¹, и это делает своевременно, согласно закону, и в этом ему ни судья, ни горожане не должны препятствовать»⁹². В случае неправильного решения сам судья должен возместить все убытки и вред, причиненные торгу. Кроме того судья торгова собирал налоги с населения и следил, чтобы все жители торгова исправно несли службы и повинности в пользу епископа.

Как и в городах, судья торгова утверждался владельцем торгова, хотя и избирался его гражданами. Обязанности и права его были более обширными, чем городского судьи, поскольку они включали в себя еще и права и обязанности городского магистрата, которого в торге не было.

Система самоуправления в словенских городах и торгах окончательно оформилась уже в XVI в. В таком виде она просуществовала вплоть до конца XVIII в. Самоуправление городов представляло гораздо более стройную и законченную систему, чем самоуправление торгов, и это отражало сравнительную экономическую силу городов и торгов.

Теперь коротко остановимся на доходах и расходах городского самоуправления. В нашем распоряжении только лишь бюджет города Любляны за 1581 г. Доходы люблянской общины в это время составлялись из пошлины у четырех городских ворот, пошлины, взимаемой при измерении хлеба, вина, полотна и соли, при покупке зерна и от городских хлебных лавок, налогов с городских домов, продажи леса из городской рощи, доходов от городских мельниц и кирпичных мастерских, штрафов, поборов за торговое место на ярмарках и т. д. Доходы по

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ I. Vrhovec. Ljubljanski meščanje v minulih stoletih, str. 33—34.

⁸⁹ М. Раж. Указ. соч., стр. 269.

⁹⁰ I. Vrhovec. Ljubljanski meščanje v minulih stoletih, str. 34.

⁹¹ В подлиннике: anwalt.

⁹² F. Baš. Trg Ljubno. «Casopis za zgodovino in narodopisje», 1938, str. 67.

всем статьям составили 4437 голдинеров и 54¹/₄ крейцара. За этот же год городской совет израсходовал 4938 голдинеров 46 крейцаров на оплату городских чиновников, дежельный налог сословиям, административные и хозяйственные расходы. В целом дефицит баланса был равен 500 голдинерам 56 крейцарам⁹³. Являлся ли такой бюджет обычным для Любляны, об этом судить невозможно. В данном случае для нас важны сами статьи его доходов и расходов.

Очень важной привилегией городов было право собственного городского суда. Все города и торги обладали правом низшего суда (т. е. суда за незначительные преступления). Это право в городах осуществлял внутренний совет во главе с судьей, в торгах — судья. Судебные заседания бывали довольно редкими.

Некоторые города имели право и кровавого суда, т. е. суда с правом вынесения смертного приговора, в частности, Любляна (получила его еще в 1494 г. от императора Максимилиана⁹⁴), Крань и Камник. Правда, это право не всегда было выгодно городам, так как было связано с большими расходами по содержанию преступников в тюрьме. Городские судьи Краня даже просили извинить их от него. Во всех случаях вице-дом следил за действиями городского судьи.

В Горице порядок был другим. Здесь судья не мог даже задержать пойманного злоумышленника более чем на три дня, но должен был передать его окружному судье⁹⁵.

В торгах судья не мог судить даже уголовные дела⁹⁶.

В том случае, если уголовные дела не рассматривал городской суд, они решались представителями владельца города или самим этим владельцем. Апелляция шла обычно к главе дежельного дворянства, а от него уже только в эрцгерцогу⁹⁷. В тех городах, которые принадлежали не Габсбургам, а отдельным духовным лицам, апелляция шла к владельцу города. Так, например, было в Шкофье Локе⁹⁸. Однако постановлением императора от 13 апреля 1549 г. эта привилегия была уничтожена, апелляционная власть над всеми городами передавалась в руки главе дежельного дворянства. Так постепенно ограничивалась власть отдельных феодалов над городами в пользу центральной власти.

Вплоть до 1514 г. судили преступника «по совести» и по старым обычаям. В 1514 г. императором Максимилианом был издан первый судебник. В 1535 г. вышел новый судебник Фердинанда I⁹⁹. За различные виды преступлений полагались самые различные наказания. За крупные преступления — смертная казнь, но опять-таки самых разнообразных видов¹⁰⁰. Осуждение на смертную казнь, однако, должно было утверждаться дежельным князем. Преступников присуждали к каторге в венгерских рудниках, к тасканию барок по рекам против течения, к изгнанию из города. Более мелких нарушителей законов выставляли у позорного столба, сажали в тюрьму на различные сроки. Но чаще всего за мелкие провинности присуждали к уплате штрафа. Штрафы брали за нарушение цеховых правил, за оскорбление городских властей и т. д. Тех, кто не хотел платить штрафы, сажали в тюрьму вплоть до их выплаты¹⁰¹. При установлении преступления большую роль играли свиде-

⁹³ М. Pajk. Указ. соч., стр. 269.

⁹⁴ «Gradivo za zgodovino Ljubljane v srednjem veku», IV.

⁹⁵ М. Kos. Srednjeveški urbarji za Slovenijo, str. 194.

⁹⁶ F. Baš. Trg Ljubno..., str. 67.

⁹⁷ A. Dimitz. Указ. соч., II, стр. 296.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ I. Vrhovec. Ljubljanski meščanje v minulih stoletih, str. 86—87.

¹⁰⁰ A. Dimitz. Указ. соч., II, стр. 48.

¹⁰¹ I. Vrhovec. Ljubljanski meščanje v minulih stoletih, str. 22.

тели и присяга. Проступки различались по злой воле и по необходимости. Это касалось даже такого проступка, как убийство. В 1594 г. в Любляне разбиралось дело об убийстве Мартина Качара Грегором Привцем. Мартин забрался в дом Грегора воровать. Грегор же оказался дома и нечаянно убил его при самообороне. Поскольку все свидетели, в том числе и брат Качара, подтвердили, что Мартин воровал с восьми лет, Привец был наказан сравнительно легко: его присудили к церковному покаянию, к принудительным работам за свой счет на целый год по укреплению города и к уплате матери убитого 10 голдинеров штрафа¹⁰². Обычно же убийство каралось смертной казнью.

В городском суде судились не только горожане, но и крестьяне из деревень, входивших в судебный округ данного города. Из судебной книги Крапя видно, что за период 1517—1520 гг. в городском суде судились кметы из деревень Бесница, Брег, Чадовлье, Горице, Храше, Кланец, Кокра, Кокрица, Криже, Лока при Крани, Окрогло, Предослье и т. д. (всего в судебный округ Крапя входила 21 деревня)¹⁰³. В грамоте, данной Фридрихом III Камнику (1451), тоже говорится о крестьянах, поданных городскому суду. Это была одна из форм зависимости крестьян от городов. Нередко она сопровождалась, как показано выше, и определенными барщинными повинностями крестьян в пользу города.

Городской суд мог разбирать также дела отдельных горожан из других городов. В указанный период в Крапе судились горожане из Любляны, Тржича, Радовлицы, Птуя, Камника, Беляка¹⁰⁴.

Дворянство, духовенство и их слуги не были подвластны городскому суду. Об этом прямо говорит постановление о Горице: «Суд имеет отношение только к мещанам. Так, судья не имеет никакого дела с дворянами и с их слугами и служанками, которые в их домах при них живут»¹⁰⁵. Такая безнаказанность дворян и дворянских слуг приводила к многим злоупотреблениям с их стороны. Города требовали от центральной власти права судить хотя бы слуг дворян и духовенства. Люблянцам раньше всего удалось добиться этого. В 1489 г. Фридрих III разрешил судье и совету Любляны наказывать слуг и поданных люблянского капитула, если они совершали проступки в городе вне владений капитула и духовенства¹⁰⁶. Однако большинство городов таких привилегий не имело. В начале XVI в. представители краинских городов потребовали права ареста дворянина или его слуги, если он при свидетелях делом оскорбит горожанина в городе. Для наказания такого рода преступников городские власти обязывались выдавать их главе дежельного дворянства¹⁰⁷. Позднее, уже в 40-х годах XVI в. дежельные сословия, предлагая дополнения к новому «Полицейскому уставу», остановились специально на этом вопросе. Они считали, что если лица, жившие в городах на землях дворян и духовенства, совершат преступление даже при отсутствии свидетелей, судья может их схватить везде, кроме владений их господина¹⁰⁸.

Наиболее сильные экономически города нередко сами расправлялись с такого рода преступниками. В 1540 г. люблянский городской судья приговорил к смерти слугу одного дворянина, и приговор был приведен в исполнение. Дворянство на это пожаловалось императору. Император

¹⁰² Там же, стр. 94—95.

¹⁰³ J. Zontar. Das älteste Gerichts- und Stadtbuch von Krainburg 1517—1520, S. 189.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ M. K'o's. Srednjeveški urbarji za Slovenijo, str. 194.

¹⁰⁶ «Gradivo za zgodovino Ljubljane v srednjem veku», IV.

¹⁰⁷ J. Zontar. Nastanek..., str. 34.

¹⁰⁸ Там же, стр. 81.

постановил, что впредь тех дворян и дворянских слуг, которые совершают преступления в Любляне, необходимо выдавать дежельным властям. И если последние решат, что преступник заслуживает смерти, только тогда следует отдавать его в руки люблянского суда. Однако люблянце с таким решением не примирились. В 1605 г. слуга вице-дома разгромил дом одного из люблянских граждан и тяжело ранил хозяина. Вице-дом потребовал отдать виновного на суд дежельным властям, но городские власти на это ответили, что если рана пострадавшего окажется смертельной, они сами будут судить преступника¹⁰⁹.

Городской суд разбирал еще многочисленные тяжбы горожан друг с другом, с иноземными купцами, а иногда и с дворянами. В 1548 г. в Любляне судились горожанин Андрей Юстрер и барон Антон Турн, который взял в долг у Юстрера на 27 флоринов меди и отдал ее на отливку пушек литейщику Ленарту¹¹⁰.

В XVI в. в словенских землях уже существуют «прокураторы», т. е. адвокаты. О них упоминается даже в грамотах, дававшихся торгам¹¹¹. Наем адвоката был возможен, очевидно, не только для гражданина крупного города, но и для жителя торгового. На это указывает довольно широкое распространение адвокатуры в словенских городах и торгах. Адвокаты не были подсудны городской власти, а только дежельной.

Итак, в области городского суда горожанам удалось добиться довольно многого. Ряд городов не только в мелких вопросах, но даже в серьезных делах, связанных с убийством и т. д. имел почти полную независимость. В XVI в. городской суд ведется уже не по обычному традиционному праву, а по судебникам императора. Однако старые обычаи имели еще некоторое влияние на судопроизводство.

Главное значение городского суда заключалось в том, что благодаря ему горожане смогли оградить себя в значительной мере от судебного произвола феодалов.

* * *

Для борьбы с конкуренцией, для защиты от богатых торговцев и дворянства ремесленники создали свои особые организации — цехи.

Цеховая организация возникла и оформилась не сразу. Сначала в городах появились братовщины (союзы). Они создавались по принципу каждой отдельной специальности, объединялись вокруг общего для всей братовщины церковного алтаря. Первые братовщины в Каринтии возникают в начале XIII в. Правда, они относятся к городу Фризаху на немецких землях¹¹². В Белье первая братовщина сапожников, упоминается в 1329 г.¹¹³, в Штирии они возникли в XIV в., в Крайне в конце XIV в. Первые братовщины, известные в Любляне, были созданы скорняками и портными и утверждены указами от 1370 и 1399 гг.¹¹⁴

В Крайне в XIV в. также происходит создание братовщин ремесленников¹¹⁵.

Уже в XV в. многие братовщины реорганизируются в цехи. В XV в. оформляются цехи в Новом Месте. К началу XVI в. в наиболее крупных словенских городах складывается в общих чертах цеховая система,

¹⁰⁹ I. Vrhovec. Ljubljanski meščanje v minulih stoletih, str. 66—68.

¹¹⁰ V. Fabijančič. Указ. соч., стр. 30.

¹¹¹ F. Baš. Указ. соч., стр. 67.

¹¹² W. Fresacher. Указ. соч., стр. 75.

¹¹³ Там же, стр. 76.

¹¹⁴ I. Vrhovec. Zgodovinski pregled kranjskega trgovstva in obrta do francoske okupacije. «Letopis Matice Slovenske». 1883, str. 393: «Gradivo za zgodovino Ljubljane v srednjem veku», I.

¹¹⁵ J. Zontar. Zgodovina mesta Kranja, str. 110.

просуществовавшая почти без изменений до XIX в. В XVI в. в Кранеци объединяли мясников, скорняков, сапожников и кожевников, ювелиров, ножовщиков, слесарей и кузнецов, портных, шапочников, ткачей, изготовителей сит¹¹⁶. В Любляне в 1526 г. упоминаются цехи портных, кожевников, мясников, сапожников¹¹⁷. Сохранились также сведения о цеховых мастерах лодочниках¹¹⁸, литейщиках¹¹⁹, о строителе, о пекаре Лихтенберге¹²⁰. В Шкофье Локе уже во второй половине XV в. упоминаются цехи скорняков, кузнецов, сапожников, портных¹²¹.

В Беляке в XV в. цехи объединяли портных, сапожников, ткачей, красильщиков, цирюльников, кузнецов, гончаров, седельников¹²².

Сначала цехи сами составляли свои цеховые правила, а владелец города или его наместник только утверждал их. Так например, в Шкофье Локе епископ Иван подтвердил скорнякам, кузнецам и сапожникам их цеховые правила, написанные ими самими¹²³. В городах, принадлежавших Габсбургам, правила также составлялись самими цеховыми мастерами, потом передавались на утверждение городскому совету, а затем их одобрял вице-король. С 1527 г. цеховые правила должен был утверждать еще и эрцгерцог¹²⁴. Так продолжалось вплоть до 1667 г., когда право издавать цеховые артикулы стало принадлежать только императору¹²⁵.

Членами цеха считались все мастера вместе с их семьями, подмастерьями и учениками. Владеть мастерскими могли только мастера. Об этом прямо говорит, например, статут гончаров Граца, запрещавший подмастерьям иметь где-либо в стране свои мастерские¹²⁶. Все важнейшие дела цеха решались мастерами или лицами, избранными из их среды. Дети мастеров имели, как об этом будет сказано ниже, целый ряд привилегий по сравнению с учениками и подмастерьями, пришедшими в цех со стороны. Если мастер умирал, вдова мастера могла вести дела своего покойного мужа до самой своей смерти или до тех пор, пока она не выходила замуж за человека; не являвшегося членом данного цеха. Но все же и среди мастеров не было полного равенства. В Каринтии брать учеников мог только мастер, честно выполнявший свои обязанности перед цехом.

О положении подмастерьев мы можем узнать из цеховых статуты. Наем их происходил по-разному. У градецких каменщиков и каменотесов подмастерье нанимал сам мастер¹²⁷. Но у грацких и мариборских гончаров «каждый подмастерье не имеет права наниматься, куда хочет; но если в первые 8 дней ему не дадут работы (в цехе — И. Ч.), то он может наняться там, где желает»¹²⁸. Конечно, это касалось подмастерьев, пришедших со стороны, а не тех, которые проходили ученичество в данном городе и оставались у своих мастеров.

При найме подмастерьев обращали внимание на то, работал ли он у цехового мастера или у мастера, не входившего в цех, так называемого штерера (Störer).

¹¹⁶ Там же, стр. 160.

¹¹⁷ I. Vrhovec. Ljubljanske meščanje v minulih stoletih, str. 161.

¹¹⁸ «Gradivo za zgodovino Ljubljane v srednjem veku», IV.

¹¹⁹ V. Fabijančič. Указ. соч., стр. 23—38.

¹²⁰ I. Vrhovec. Ljubljanski meščanje v minulih stoletih, str. 114—115.

¹²¹ I. Vrhovec. Zgodovinski pregled..., str. 394.

¹²² W. Fresacher. Vom Handwerk..., S. 78.

¹²³ I. Vrhovec. Zgodovinski pregled..., str. 394.

¹²⁴ J. Zontar. Zgodovina mesta Kranja, str. 110.

¹²⁵ I. Vrhovec. Ljubljanski meščanje v minulih stoletih, str. 227.

¹²⁶ J. Zah n. Указ. соч., стр. 59.

¹²⁷ J. Zah n. Указ. соч., стр. 50.

¹²⁸ Там же, стр. 60.

Уже нанятого подмастерья мастер не мог уволить по своему произволу. В статуте каменщиков Граца говорится (ст. 24): «Уход от мастера должен происходить по доброй воле и согласию»¹²⁹. А у каретников Граца вообще запрещалось увольнять тех подмастерьев, «которые служат у мастера положенные два года для того, чтобы стать мастером»¹³⁰. Цельский мастер-кузнец, уволивший без причины подмастерье в середине недели, должен был заплатить ему за всю неделю¹³¹.

С другой стороны, и подмастерье не мог без согласия мастера покидать его. В гончарных цехах Граца и Марибора (1602 г.) за тайный уход от своего мастера подмастерье должен был платить штраф в 2 фунта воска¹³². Этот штраф в мариборском статуте гончаров (1613 г.) увеличился до 3 фунтов воска¹³³.

Рабочее время подмастерьев определить нелегко. Подмастерья-гончары в Граце, согласно статуту 1602 г., работали 5—7 часов в день¹³⁴. В остальных статутах о рабочем времени подмастерьев ничего не говорится. Это указывает, по всей вероятности, на то, что рабочий день подмастерьев в большинстве случаев не был нормирован.

Оплата труда подмастерьев производилась по-разному. У грацких каменщиков и каменотесов подмастерью платили «по его прилежанию и производительности»¹³⁵. По статуту гончаров Марибора 1613 г. 24 крейцера в неделю давали уже не всякому подмастерью (как по статуту 1602 г.), а тому, который выполнял положенную норму¹³⁶. В противном случае подмастерье работал сдельно. Имелся специальный тариф расценок за различные работы. Подмастерье грацкого цеха каретников, если он мог выполнять работу мастера, получал 30 крейцеров в неделю, а если не мог — 24 крейцера¹³⁷. Вообще в каждом цехе были определенные расценки, и мастера не могли увеличивать их для переманивания подмастерьев.

Отношения между мастером и подмастерьем еще сохраняли в некоторых случаях патриархальный характер. Мастер считался естественным защитником своего подмастерья, он мог его выдать властям или укрыть. Так, в 1551 г. представитель люблянских городских властей Блаж Залитингер жаловался суду на мастера Ленарта Гиссера, что последний не хочет ему выдать своего подмастерья Вахна, которого хотели изгнать из города¹³⁸. Позднее, другой подмастерье Гиссера Адам бросил горящую ракету в дом Приможа Циммермана. Дело снова дошло до суда, но Гиссер отстоял и Адама.

Когда подмастерье умирал, его наследство отдавали родственникам. Если родственники не появлялись в течение одного года и одного дня, то все наследство поступало в цеховую казну¹³⁹.

Противоречия между мастерами и подмастерьями уже начинали сказываться. Все труднее становилось простому подмастерью попасть в мастера. В цехе же он занимал подчиненное положение. Если ему приходилось, например, судиться с мастером, то дело обязательно должен был

¹²⁹ J. Zah n. Указ. соч., стр. 50.

¹³⁰ Там же, стр. 68.

¹³¹ Там же, стр. 61.

¹³² Там же, стр. 109.

¹³³ Там же, стр. 73.

¹³⁴ Там же, стр. 60.

¹³⁵ Там же, стр. 50.

¹³⁶ Там же, стр. 73.

¹³⁷ Там же, стр. 65.

¹³⁸ V. Fabijančič. Указ. соч., стр. 30.

¹³⁹ J. Zah n. Указ. соч., стр. 51.

разбирать суд мастеров, который, конечно, в большинстве случаев принимал сторону мастера.

Некоторые цеховые статуты, например, статут каменщиков и каменотесов Граца (1589 г.), птуйский статут бочаров (1611 г.), белякский статут мясников (1589 г.) и другие говорят о единой казне для всего цеха и имеют несколько статей о подмастерьях. В ряде же цехов (например, в цехе мариборских гончаров) была отдельная казна у подмастерьев и отдельная у мастеров. Подмастерья каретного цеха Граца и всей Штирии даже имели свой собственный статут, обсужденный мастерами цеха и подтвержденный эрцгерцогом Фердинандом в 1602 г.¹⁴⁰

Согласно этому статуту подмастерья имели свою казну, ключи от которой находились у двух старших подмастерьев, назначаемых мастерами и сменяемых каждый квартал. Каждые две недели подмастерья собирались в трактире для совместного обеда. Собрание это должно было происходить всегда в 12 часов дня в воскресенье. Каждый приносил 4 пфеннига. Тот, кто приходил впервые, платил 12 пфеннигов. Как проходило собрание, описывает сам статут: «Ст. 6. По приказу старшего подмастерья ставят с общего разрешения на стол кассу и с общего разрешения же убирают... Старший подмастерье открывает кассу, затем все становятся вокруг нее и пересчитывают (каждый имеет право сделать это). Ст. 7. Пока открыта касса и деньги находятся внутри, происходит опрос. Старший подмастерье расспрашивает по порядку, где каждый сначала работал и что ему поручали мастер и подмастерья. После этого опрашивают подмастерьев, как кто знает ремесло, что ему трудно в нем и т. д.»¹⁴¹

Очевидно, такие собрания бывали и в других цехах, но об этом не сохранилось сведений в статутах. Известно, что собственные статуты имели подмастерья портных Граца (1570 г.) и Марибора (1573 г.)¹⁴². Таким образом, в некоторых цехах подмастерья уже добились известной организационной самостоятельности, что в известной мере являлось показателем их социального самосознания.

Говоря о подмастерьях, мы не можем не упомянуть одной значительной их категории — категории странствующих подмастерьев. Почти во всех цехах путешествия подмастерьев для изучения ремесла считались необходимыми. В Мариборе и Граце подмастерье гончарного цеха до приема его в мастера должен был странствовать два года¹⁴³. В люблянских цехах подмастерье странствовал в среднем три-шесть лет¹⁴⁴. У каретников Граца подмастерье отправлялся в странствие только в том случае, если при изготовлении своей мастерской работы он терпел неудачу¹⁴⁵. О странствующих подмастерьях есть статьи во всех цеховых статутах. При этом подчеркивается, что им в получении работы должны оказывать содействие цеховые власти. У птуйских бочаров странствующий подмастерье обязан был обращаться к старшему подмастерью¹⁴⁶, а тот уже за 14 дней должен найти ему работу у мастеров. У каретников Граца странствующий подмастерье искал работу через «отца» (Vater) цеха¹⁴⁷. При этом мастер брал такого подмастерья сначала на 14-дневный испытательный срок, после которого мог его уволить, если

¹⁴⁰ Там же, стр. 64—65.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² J. Z a h n. Materialien zur inneren Geschichte der Zünfte in Steiermark. «Beiträge zur Kunde steiermarkischer Geschichtsquellen», 1877, S. 102.

¹⁴³ J. Z a h n. Nachträge..., S. 59.

¹⁴⁴ I. V r h o v e c. Ljubljanski meščanje v minulih stoletjih, str. 231.

¹⁴⁵ J. Z a h n. Nachträge..., S. 62.

¹⁴⁶ Там же, стр. 69—70.

¹⁴⁷ Там же, стр. 63.

тот не подходил. В Мариборе странствующий подмастерье-гончар также шел прямо к «отцу» цеха. Тот, кто нанимал подмастерье помимо «отца» цеха, карался штрафом в 2 фунта воска, а сам подмастерье платил 1 фунт воска ¹⁴⁸. Если странствующий подмастерье заболел, то его содержали за счет цеховой казны или пожертвований мастеров.

Таким образом, можно предположить, что те или иные привилегии подмастерьев в отдельных цехах являлись результатом их борьбы с мастерами, в ходе которой росло и их самосознание. К сожалению, нет данных о существовании союзов подмастерьев в словенских землях, об активных, сколько-нибудь широких выступлениях подмастерьев. Вероятно, борьба подмастерьев против мастеров только еще начиналась и не достигла еще того подъема, который характерен для немецких цехов XV в. Этот факт можно объяснить лишь большей демократичностью словенских цехов XVI в. (только что оформившихся) по сравнению с западноевропейскими, которые возникли в более ранний период и классовая дифференциация в которых была уже значительно глубже и резче.

Для того чтобы стать мастером, подмастерье должен был выполнить ряд условий. Он обязательно представлял свидетельства о законнорожденности и об окончании учения, затем выполнял работу на звание мастера. Она была самой различной. Мариборские и грацкие подмастерья-гончары должны были сделать пять изделий, которые в основном охватывали круг деятельности мастера-гончара ¹⁴⁹. Каретники Граца представляли три мастерских изделия ¹⁵⁰, сельские кузнецы — тоже три ¹⁵¹, беляжские сапожники — пять (рейтарские ботинки, крестьянские башмаки и сапоги, женские ботинки и башмаки для подмастерьев) ¹⁵².

После представления мастерской работы и признания ее годной, подмастерье устраивал угощение для мастеров и делал определенный взнос в цеховую казну. В разных цехах этот вступительный взнос был различен (у беляжских сапожников и кожевников 2 фунта пфеннигов 6 шиллингов ¹⁵³; у мариборских и грацких гончаров 2 фунта пфеннигов и 4 фунта воска) ¹⁵⁴.

Иногда обязательным условием приема в мастера являлось также получение гражданства в городе. Так в Птуе подмастерье, желавший стать мастером-бочаром «должен просиг с двумя присяжными мастерами о правах гражданства» ¹⁵⁵. А в Кране сапожный подмастерье еще за год до приема в мастера должен был купить дом в городе и стать гражданином ¹⁵⁶.

Особые льготы при этом имели сыновья мастеров, а также люди, породнившиеся с мастерами. В Мариборе и Граце сын мастера-гончара должен был только предоставить мастерскую работу и устроить пир для мастеров ¹⁵⁷. От взноса он освобождался. У каретников Граца каждый желающий стать мастером должен был проработать в течение двух лет в качестве подмастерья ¹⁵⁸, но сын мастера освобождался от этой службы. От нее освобождался также и подмастерье, женившийся на дочери или вдове мастера. По статуту мариборских гончаров способные

¹⁴⁸ J. Z a h n. Nachträge..., S. 72.

¹⁴⁹ Там же, стр. 59.

¹⁵⁰ Там же, стр. 62.

¹⁵¹ Там же, стр. 108—109.

¹⁵² W. F r e s a c h e r. Указ. соч., стр. 86.

¹⁵³ Там же, стр. 83.

¹⁵⁴ J. Z a h n. Nachträge..., S. 59.

¹⁵⁵ Там же, стр. 70.

¹⁵⁶ J. Z o n t a r. Zgodovina mesta Kranja, str. 111.

¹⁵⁷ J. Z a h n. Nachträge..., S. 59.

¹⁵⁸ Там же, стр. 62—63.

сыновья мастеров даже освобождались от изготовления мастерской работы, правда, они устраивали за свой счет угощение мастерам и платили взнос в цеховую казну¹⁵⁹. В цехе, объединявшем торговцев всех городов и торгов Штирии, человек мог открыть собственное дело только после четырехлетней службы в качестве торгового агента у какого-либо купца. От этого освобождались люди, женившиеся на дочери или вдове купца¹⁶⁰.

Немудрено поэтому, что для подмастерья самым легким путем стать мастером была женитьба на дочери или вдове мастера. Так стали мастерами люблянский литейщик Ленарт Гиссер¹⁶¹, красильщик Томаж Музий из Бергамо¹⁶². Однако у мариборских и грацких гончаров была в статуте даже специальная статья, в которой говорилось: «...если иностранец женится на вдове [мастера], то он делает все, что каждый иностранец, который желает стать мастером»¹⁶³. Вообще мастер, приходивший в город, не мог автоматически стать членом цеха. Так мастер-бочар, пришедший в Птуй и пожелавший открыть здесь дело, должен был внести в цеховую казну 1 флорин (голдинер) и поставить угощение для мастеров¹⁶⁴.

Кроме мастеров и подмастерьев в цех входили и ученики. Учеником мог стать далеко не каждый. Многие цехи не брали учениками сыновей стражников, биричей, музыкантов, сторожей, могильщиков, паромщиков и т. д. Указ императора от 1548 г. запретил принимать на обучение ремеслу сыновей кожедеров¹⁶⁵.

Значительная часть учеников, по-видимому, рекрутировалась не из города, а из деревни. Молодые крестьянские парни покидали родные места и шли в город на обучение ремеслу. Уже на аугсбургском собрании сословий в 1510 г. против этого протестовали высшие сословия. Города отвечали, что они не могут не принимать на обучение крестьян, иначе города не получают новых жителей¹⁶⁶. В 1525 г. крайние города еще раз заявили правительству, что они должны иметь право принимать в ученики деревенских парней. По их подсчетам (вероятно, преуменьшенным) за два-три года в города приходит всего 50—60, самое большее 100 молодых крестьян¹⁶⁷. Высшие сословия со своей стороны требовали, чтобы сыновья крестьян по достижении 12 лет шли в услужение к своему господину. А господин уже решал бы, будет ли мальчик служить у него или нет. Только после этого крестьянин имел бы право просить у господина позволения отдать своего сына на обучение ремеслу в город¹⁶⁸. В связи с этим Фердинанд I в 1539 г. издал специальный указ¹⁶⁹. Но в 40-х годах XVI в. мы снова встречаемся с жалобами сословий¹⁷⁰, свидетельствующими, что данный указ не проводился в жизнь.

В большинстве случаев для поступления в ученики было необходимо законное происхождение. Такое условие, в частности, ставили в цехах белякских мясников¹⁷¹, мельников Граца и его окрестностей¹⁷², марибор-

¹⁵⁹ Там же, стр. 72.

¹⁶⁰ Там же, стр. 92.

¹⁶¹ V. Fabijančič. Указ. соч., стр. 28.

¹⁶² Там же, стр. 33.

¹⁶³ J. Zahn. Nachträge..., S. 59.

¹⁶⁴ Там же, стр. 69.

¹⁶⁵ I. Vrhovec. Ljubljanski meščanje v minulih stoletih, str. 246.

¹⁶⁶ J. Zontar. Nastanek..., str. 38—39.

¹⁶⁷ Там же, стр. 53.

¹⁶⁸ Там же, стр. 62.

¹⁶⁹ См. выше.

¹⁷⁰ Там же, стр. 80.

¹⁷¹ W. Fresacher. Указ. соч., стр. 97.

¹⁷² J. Zahn. Nachträge..., S. 55.

ских и грацких гончаров¹⁷³. Этот порядок пытались отменить высшие власти. В 1527 г. Фердинанд I издал указ, согласно которому незаконно-рожденные также имели возможность получить права мастера, а следовательно, обучаться ремеслу¹⁷⁴. Однако практически этот указ не принимался цехами во внимание.

Интересно отметить, что в северных (немецких) областях Каринтии многие цеховые статуты требовали от ученика «доброго немецкого, не славянского происхождения»¹⁷⁵. В запрещении принимать учениками мальчиков славянского происхождения выразилось пренебрежение народа-завоевателя к покоренному народу, представителям которого был закрыт доступ в сколько-нибудь привилегированные сословия. Такого же рода запреты для лиц славянского происхождения были и в цеховых статутах Любека¹⁷⁶, тоже находившегося в районе, где исконное славянское население активно вытеснялось немецким. Можно предположить, что такая политика немецких цехов являлась частью общей политики немецких господствующих классов, рассчитанной на германизацию славянских территорий.

Прием ученика не был обычно делом только мастера. В Граце гончарный мастер мог заключать договор на прием ученика только в присутствии цеха¹⁷⁷. Такой же порядок был и у каретников этого города¹⁷⁸.

В некоторых случаях перед приемом ученик должен был пройти испытательный срок. У штирийских каменщиков и каменотесов испытания проходили 14 дней¹⁷⁹, у мельников Граца — целый квартал¹⁸⁰. Но в среднем испытательный срок обычно равнялся двум — шести неделям. Только после этого ученик зачислялся к мастеру. Ученик должен был еще внести в цеховую казну определенную плату. Плата вносилась и после окончания срока обучения. В разных цехах взносы были различны. Грацкий и мариборский гончарные цехи требовали при поступлении и выпуске ученика уплаты 1 талера (платить должны были и мастер и ученики)¹⁸¹, цеху каретников Граца платил только ученик — оба раза по 1 фунту воска¹⁸². В птуйском гончарном цехе в первый раз платил ученик, а во второй — при выпуске ученика — мастер¹⁸³.

Срок обучения обычно был равен трем годам. Для сыновей мастеров сроки были сокращены, так же как и для тех, кто отличался особым прилежанием и способностями. В некоторых цехах (например у кожевников Граца) срок обучения для сыновей мастеров был вообще отменен¹⁸⁴, а у сельских кузнецов сыновья мастеров имели право получать свидетельство об окончании срока обучения еще в колыбели, так как подразумевалось, что отец обучит его своему ремеслу. Если же отец умирал, обучение должен был производить за свой счет цех¹⁸⁵.

Во время обучения мастер обеспечивал ученика одеждой и пищей. В некоторых случаях после окончания обучения мастер должен был от-

¹⁷³ J. Zahn. Nachträge..., S. 59.

¹⁷⁴ O. Haberleitner. Lehrlingswesen in Steiermark und Kärnten vom Mittelalter bis ins 19. Jahrhundert. Graz, 1958, S. 11.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ В. В. Стоклицкая-Терешкович. Основные проблемы истории средневекового города. М., 1960, стр. 177.

¹⁷⁷ J. Zahn. Nachträge..., S. 59.

¹⁷⁸ Там же, стр. 63, 70.

¹⁷⁹ Там же, стр. 50.

¹⁸⁰ Там же, стр. 55.

¹⁸¹ Там же, стр. 59.

¹⁸² Там же, стр. 64.

¹⁸³ Там же, стр. 70.

¹⁸⁴ O. Haberleitner. Указ. соч., стр. 18.

¹⁸⁵ J. Zahn. Nachträge..., S. 109.

благодарить ученика каким-либо подарком. У белякских мясников в этом случае полагалось дать одно платье «по его службе» и 5 шиллингов¹⁸⁶. Но часто ученики получали жалование. Белякские ткачи бумажен и полотна (Barchent- und Leinwandweber) имели даже для учеников особую расценку: если ученик ткал одну штуку материи за три дня, он получал от мастера 2 пфеннига; а если — за два дня, то 1 крейцар (4 пфеннига)¹⁸⁷.

Рабочее время ученика не определялось. Если ученик заболел, то ему выдавали из кассы некоторую сумму денег, которую он был обязан вернуть после выздоровления. Статьи многих статутів о бегстве ученика от мастера свидетельствуют о тяжелом положении учеников. У каретников Граца самовольно ушедшего ученика другие мастера отказывались принимать в обучение¹⁸⁸.

Члены цехов регулярно собирались на главные (ежегодные) собрания. Явка была обязательной, иначе грозил штраф. В день Тела господня (Fronleichnam), например, собирались каменщики и каменотесы Граца и всей Штирии¹⁸⁹, каретники и мельники Граца¹⁹⁰. Кроме таких собраний бывали и обычные. Каретники Граца предусматривали еще ежесемейные собрания мастеров. По статуту белякских мясников члены цеха собирались каждый квартал¹⁹¹. Иногда бывали собрания экстраординарные, не предусмотренные цеховыми статутами. Созывать их могли цехмейстеры даже по предложению отдельного члена цеха.

На собраниях платили взносы в цеховую казну, разбирали ссоры и злоупотребления членов цеха, совершали совместные богослужения и т. д. На собраниях же избирали цехмейстеров или «отцов» цеха. В различных цехах цехмейстеров избирали на разный срок, и число их было неодинаковым. Так, грацкие мельники и белякские сапожники избирали двух цехмейстеров на один год; бочары Птуя и мариборские кожевники — одного цехмейстера на два года (однако отчитываться он должен был каждый год)¹⁹²; штирийские стригальщики и точильщики — четырех цехмейстеров¹⁹³.

Цехмейстеры имели большие полномочия. Они хранили цеховую казну и собирали взносы с мастеров и подмастерьев. Статут белякского цеха мясников говорит по этому поводу: «3. Им [цехмейстерам] после этого [т. е. выборов] нужно вручить казну... 4. Цехмейстеры должны дать отчет о доходах и расходах казны и возместить убытки. 5. При получении штрафа цехмейстеры обязаны открыть кассу только в присутствии трех или четырех старейших мастеров...»¹⁹⁴ (это делалось, очевидно, во избежание каких-либо злоупотреблений с их стороны). Цехмейстеры должны были экономно расходовать средства казны и могли уделять из нее «немоющим и бедным родственникам и принадлежащим к нашему цеху в их телесной слабости христианскую и братскую помощь» только посововетовавшись с цехом¹⁹⁵. Цехмейстеры еще должны были улаживать ссоры между мастерами и подмастерьями (в частности, из-за жалованья), следить за соблюдением статута, а нередко и распределять работу среди

¹⁸⁶ W. Fresacher. Указ. соч., стр. 97.

¹⁸⁷ O. Haberleitner. Указ. соч., стр. 27.

¹⁸⁸ J. Zahn. Nachträge..., S. 64.

¹⁸⁹ Там же, стр. 50.

¹⁹⁰ Там же, стр. 54, 62.

¹⁹¹ W. Fresacher. Указ. соч., стр. 96.

¹⁹² J. Zahn. Nachträge..., S. 69.

¹⁹³ Там же, стр. 81.

¹⁹⁴ W. Fresacher. Указ. соч., стр. 95.

¹⁹⁵ Там же, стр. 98.

странствующих подмастерьев. Об этом говорит статья 27 статута грацких гончаров ¹⁹⁶.

Помимо цехмейстеров в ряде цехов были и другие должностные лица. Так, в статуте каменщиков и каменотесов Граца и всей Штирии упоминаются десятники (Polieren) ¹⁹⁷. В статуте мельников Граца говорится о цехкнехте, который избирался вместе с цехмейстером на один год ¹⁹⁸. Для хранения казны бочары Граца избирали «отца» цеха ¹⁹⁹. Старший подмастерье был у птуйских бочаров ²⁰⁰. Он хранил второй ключ от общей цеховой казны. Наконец, заместитель (Ersassmann) цехмейстера упоминается у кожевников Марибора ²⁰¹.

Каждый цех имел свою казну. Она пополнялась за счет взносов, которые платил каждый член, вступительных взносов новых членов и за счет штрафов. Основой пополнения цеховой кассы были все же регулярные взносы членов цеха. Эти взносы в разных цехах были различны. Мастера и подмастерья одного и того же цеха часто платили различные суммы. Так, в цехе белякских мясников каждый квартал мастер платил 3 крейцара, а подмастерье — 2 крейцара ²⁰². В грацком цехе каменщиков и каменотесов мастер, как и подмастерье, вносил каждый квартал 1 грош или 12 пфеннигов ²⁰³.

Большая часть цехов имела единую казну и для мастеров и для подмастерьев. В частности, птуйские бочары имели общую кассу, при этом один ключ от нее хранил цехмейстер, а другой — старший подмастерье ²⁰⁴. У гончаров Граца была еще и специальная казна подмастерьев.

Помимо казны, цеховым имуществом был цеховой алтарь и все пожертвования и дары, связанные с ним. У каждого цеха был свой святой — патрон. Таким образом, цехи сохраняли религиозные функции старых братовщин, правда, теперь они в их деятельности занимали гораздо более скромное место.

Иногда цеховые средства шли на нужды обороны города или страны. В 1526 г. цехи Любляны дали городу для отпора венецианским войскам часть своих средств ²⁰⁵.

Обычно же средства цеховой казны расходовались на общие нужды всего цеха — на праздники, богослужения, помощь обедневшим или больным членам его. Однако чаще всего деньги из кассы давались в займы, а не безвозмездно. Об этом говорят многие цеховые статуты. В статуте каменщиков и каменотесов Граца статья 15 отмечает: «Ссуда опустившемуся вследствие болезни или другого несчастья мастеру и гарантия ее, если он прежде возврата ссуды умрет» ²⁰⁶. Только в статуте белякских мясников говорится о «христианской и братской помощи» немощным и бедным членам цеха и не предусматривается обязательный возврат этой помощи ²⁰⁷.

Цех имел определенные судебные права. Все мелкие проступки, тяжбы друг с другом рассматривались властями цеха. Обвиняемого на суд вызывали обычно цехмейстеры. Но не только они имели судебную власть

¹⁹⁶ J. Zahn. Nachträge..., S. 60.

¹⁹⁷ Там же, стр. 50.

¹⁹⁸ Там же, стр. 54.

¹⁹⁹ Там же, стр. 69.

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ J. Zahn. Materialien..., S. 102.

²⁰² W. Fresacher. Указ. соч., стр. 96.

²⁰³ J. Zahn. Nachträge..., S. 50.

²⁰⁴ Там же, стр. 69.

²⁰⁵ I. Vrhovec. Ljubljanski meščanje v minulih stoletih, str. 161.

²⁰⁶ J. Zahn. Nachträge..., S. 50.

²⁰⁷ W. Fresacher. Указ. соч., стр. 98.

в цехах. У каменщиков и каменотесов Граца (ст. 14 статута) предусматривалось «примирение ссоры мастеров присяжными мастерами и наказание за неподчинение вынесенному решению»²⁰⁸. У мельников Граца в рассмотрении тяжб наряду с цехмейстером принимал участие и цехкнехт. Обычно разбор всех таких дел приурочивался к поквартальным цеховым собраниям²⁰⁹. Неподчинение решению цехового суда каралось штрафом. Все внутренние распри не должны были выноситься за пределы цеха. Штирийские стригальщики и точильщики, а также мариборские кожевники имели в своих статутах статьи, обязывавшие членов цеха не сообщать посторонним о делах цеха²¹⁰. В более серьезных случаях, когда тяжбу не были в состоянии разрешить цеховые власти, дело передавалось на рассмотрение городского совета. Цельские кузнецы и каретники отмечали в статье 17 статута: «Ссоры разбираются перед цехом, в случае их неурегулирования — перед магистратом»²¹¹. Когда судил городской совет, штрафы с виновного взимались и в пользу городского совета или судьи. В 1545 г. один из членов люблянского сапожного цеха за нарушение цеховых правил помимо штрафа своему цеху должен был еще внести денежный штраф городскому судье²¹².

Внутри каждого цеха существовала определенная регламентация, которая позволяла до некоторой степени экономически уравнивать всех мастеров. Не допускалось изготовление и продажа некачественных товаров. Цехмейстеры мариборских и грацких гончаров, согласно статуту, должны были осматривать товары, сделанные мастерами, и конфисковать плохие²¹³. Цехмейстеры каретников Граца проводили осмотр изделий в мастерских каждую субботу. Плохие изделия уничтожались, а изготовившие их подмастерья платили штраф в 1 фунт воска в пользу цеха и возмещали убытки мастеру²¹⁴. Если мастер систематически изготовлял плохие товары, ему запрещали самостоятельно вести дело²¹⁵.

Мастерам запрещалось работать в праздничные дни. На изделия цеховых мастеров устанавливались определенные расценки. За повышение цен мариборские гончары брали с провинившегося мастера штраф частично в пользу цеха, а частично в пользу магистрата.

Строго запрещалось переманивать друг у друга заказчиков и подмастерьев. В некоторых цехах наказанию за это подлежал не только мастер, но и подмастерье. Статут птуйских бочаров запрещал подмастерью искать работу, если он еще находился на службе у какого-нибудь мастера. В противном случае с него брали штраф в 2 фунта воска²¹⁶. Мастер же за переманивание подмастерья платил 4 фунта воска в цеховую казну и отбывал наказание, которое устанавливал суд. Эти жесткие правила указывали на недостаток свободной наемной силы в городах.

Существовали еще многочисленные правила поведения членов цеха. Те, кто провинился, подвергался различным наказаниям.

Одной из главных задач цеха была борьба с конкуренцией деревенских мастеров, мастеров из других городов и внецеховых ремесленников. При этом цехи прежде всего заручались поддержкой владельцев города. Еще в 1347 г. портные Беяка сумели добиться от владельца

²⁰⁸ J. Z a h n. Nachträge..., S. 50.

²⁰⁹ Там же, стр. 54.

²¹⁰ Там же, стр. 83, 103.

²¹¹ Там же, стр. 109.

²¹² I. V r h o v e c. Ljubljanski meščanje v minulih stoletih, str. 114.

²¹³ J. Z a h n. Nachträge..., S. 59.

²¹⁴ Там же, стр. 63.

²¹⁵ Там же, стр. 50.

²¹⁶ Там же, стр. 71.

города епископа Бамбергского указа, согласно которому иногородний мастер не имел права открыть свою мастерскую ни в городе, ни в судебной округе города прежде, чем он вступит в братовщину портных²¹⁷. В 1494 г. епископ Бамбергский подтвердил такую же привилегию для белякского цеха сапожников и кожевников²¹⁸. О привилегиях подобного рода говорят и многие цеховые статуты штирийских городов. Так, статут гончаров Марибора от 1602 г., представляющий собой копию более раннего грацкого статута, запрещал чужим мастерам изготавливать такие изделия, которые могут делать мастера данного города²¹⁹. В противном случае эти изделия конфисковались в пользу цеховой казны и суда. Если же иногородний мастер хотел заниматься ремеслом, он должен был выполнить ряд условий. В Граце, например, мастер-каретник, согласно статуту, сначала принимался цехом как подмастерье²²⁰. Очень часто мастера имели свои мастерские не в городе, а в окрестных деревнях. В мариборском статуте гончаров запрещалось открывать новые гончарные мастерские в деревнях, за исключением тех селений, где они существуют согласно старому обычаю²²¹. Грацкие каретники разрешали мастерам открывать свои мастерские в деревне, но без права держать учеников и без права торговли²²². То же самое говорит и более поздний статут цельских кузнецов и каретников: кузнецы-подковщики могут иметь свои мастерские в деревне, но они должны работать только для господ и деревенских жителей и не имеют права держать подмастерьев²²³.

Еще большие ограничения устанавливались для внецеховых мастеров, которые работали самостоятельно: на них не распространялась цеховая регламентация. Чтобы затруднить внецеховым мастерам набор рабочей силы, в цеховых статутах предусматривались особые наказания для тех подмастерьев и учеников, которые к ним нанимались. Статут белякских мясников (1589 г.) указывал, что мастер может принимать к себе на работу только такого подмастерья, который докажет, что он изучил свое ремесло у честного мастера. И следующая статья поясняет: «Честный подмастерье не должен работать у нечестного мастера, который не входит в их цех»²²⁴. Статут каретников Граца также запрещал брать на работу подмастерьев, которые до этого работали у «нечестных» мастеров²²⁵. По статуту штирийских каменщиков и каменотесов ученик, прошедший срок обучения у такого мастера, должен был учиться еще дополнительно у цехового мастера²²⁶. Птуйские бочары тоже не признавали подмастерьями тех, которые учились у внецехового мастера²²⁷.

Если все же, несмотря на все запрещения, внецеховой мастер создавал свою мастерскую и набирал рабочую силу, цехи препятствовали ему в покупке сырья и сбыте товаров. Мариборские и грацкие гончары, например, карали продажу сырья членами цеха «нечестным» мастерам штрафом в 6 фунтов воска²²⁸. В Птуе чужим мастерам разрешалось торговать бочками только во время двух годовых ярмарок. Непроданный товар они должны были взять с собою или оставить местным масте-

²¹⁷ W. Fresacher. Указ. соч., стр. 80.

²¹⁸ Там же, стр. 83.

²¹⁹ J. Zahn. Nachträge..., S. 59.

²²⁰ Там же, стр. 63.

²²¹ Там же, стр. 59.

²²² Там же, стр. 64.

²²³ Там же, стр. 109.

²²⁴ W. Fresacher. Указ. соч., стр. 96.

²²⁵ J. Zahn. Nachträge..., S. 63.

²²⁶ Там же, стр. 50.

²²⁷ Там же, стр. 70.

²²⁸ Там же, стр. 60.

рам²²⁹. Цельские кузнецы и каретники карали продажу кузнечных изделий чужими мастерами на недельных ярмарках конфискацией товаров в пользу суда и цеха²³⁰.

Следует подчеркнуть, что словенские цехи и цехи смежных немецких земель в XV—XVI вв. находились в стадии своего подъема. Их статуты еще не ограничивали количество мастеров в каждом цехе и число подмастерьев и учеников в каждой мастерской; прием в цехи со стороны (например из деревни) в общем был довольно свободным. Таким образом, цехи не являлись препятствием для развития ремесла в целом. Наоборот, они еще в значительной степени способствовали ему. В этом их коренное отличие от западноевропейских цехов того же периода, которые уже препятствовали доступу в цехи лиц со стороны, ограничивали количество мастеров и подмастерьев. И если в западноевропейских городах уже в XIV—XV вв. была категория «вечных подмастерьев», которые не имели возможности стать мастерами всю свою жизнь, то в словенских и немецких городах южной Штирии и Каринтии эта проблема не всегда стояла так остро. Это, конечно, не означает, что внутри самих цехов не было противоречий между мастерами и подмастерьями.

Сильные трения были между одинаковыми цехами различных городов. Во второй половине XV в. упоминаются столкновения между кузнецами Шкофьи Локи и Железников из-за покупки железа, торговых дней и найма рабочей силы. В 1488 г. между ними был заключен договор о том, что железо из Железников должно привозиться в Локу и там продаваться по определенным ценам только горожанам, но не кметам²³¹. В 1594 г. люблянские веревочники жаловались на то, что ремешники нарушают их права и продают на ярмарках веревки²³². Частые столкновения происходили между городскими ремесленниками и торговцами. Торговцы, привозившие из немецких городов ремесленные изделия, сильно снижали на них цены в словенских городах. Еще в 1513 г. Максимилиан I под нажимом люблянских ремесленников специальным указом запретил привозить в Любляну те ремесленные изделия, которые могли изготовляться на месте²³³. Но этот запрет, очевидно, не имел успеха. В середине XVI в. дело доходило до настоящих боев в Любляне между торговцами и ремесленниками. В 1551 г. городской совет приказал не продавать в городе заграничные шляпы, если их в состоянии сделать местные шляпники. Это решение тоже тогда не было проведено в жизнь, и совет дважды подтверждал его — 5 февраля и 13 мая 1552 г.²³⁴

Цехи портных, сапожников, кузнецов и другие были в любом городе. Но некоторые ремесла были мало распространенными, тогда создавался общий для мастеров нескольких городов цех. Так, Любляна была центром гончарного, красильного, шапочного и других цехов, объединявших мастеров ряда городов. В Каринтии во многих епископских городах и торгах вообще не было своих цехов и ремесленники их входили в цехи Беляка, Шент Вида и т. д.²³⁵ Вероятно, в таких совместных цехах регламентация и ограничения были гораздо слабее, чем в обычных цехах, поскольку контролировать мастеров, живших в другом городе, цеховым властям было труднее. Это давало больший простор для самостоятельной деятельности ремесленников.

²²⁹ Там же, стр. 71.

²³⁰ Там же, стр. 110.

²³¹ I. Vrhovec. Zgodovinski pregled..., str. 393.

²³² I. Vrhovec. Ljubljanski meščanje v minulih stoletih, str. 238.

²³³ «Gradivo za zgodovino Ljubljane v srednjem veku», IV.

²³⁴ «Arhivi pripovedujejo». «Kronika», 1, 1953, str. 66.

²³⁵ W. Fresacher. Указ. соч., стр. 92.

Иногда одинаковые цехи разных городов собирались вместе и выносили общие решения. 28 октября 1558 г. состоялась встреча шорников Каринтии в Шент Виде. Их соглашение отмечало, что такие общие собрания шорников нужно созывать регулярно; кроме того, в нем определялись общие правила найма подмастерьев, их недельная плата и т. д. Интересно, что на этом собрании наряду с мастерами присутствовало шесть подмастерьев. Устанавливались связи также между родственными цехами Штирии, Крайны и Каринтии: они вместе платили налог императору, совместно выступали на сословных собраниях этих земель.

В XVI в. высшими сословиями была предпринята попытка ликвидировать цехи. В середине 20-х годов XVI в. каринтийские сословия жаловались на то, что цехи сами составляют свои правила и определяют цены²³⁶. А сословия Крайны в это время даже требовали полной ликвидации цехов, аннулирования их статуты и отмены их автономии. По их мнению, ремеслами должны ведаць вицедом и городские власти²³⁷. На основании этих предложений Фердинанд I издал 1 апреля 1527 г. указ о ремесле. Согласно ему, ремесленники не могли составлять никаких правил без разрешения городского судьи и совета. Каждое ремесло выбирало в год по два мастера и два подмастерья, которые должны были вести его дела. Внецеховые ремесленники уравнивались в правах с цеховыми, так как прием в мастера осуществлял городской судья и при этом не принималось во внимание законное происхождение. Все споры ремесленников также решал городской судья. Кроме того, каждый мастер мог заниматься несколькими ремеслами, если он проходил по ним соответствующее обучение и имел по каждому ремеслу соответствующую мастерскую. Каждый мастер имел право нанимать столько подмастерьев, сколько ему нужно было²³⁸. Практически этот указ ликвидировал цехи, отнимая у них всякую самостоятельность и отменяя регламентацию, способствовавшую сохранению относительного экономического равенства цеховых мастеров. Города этот указ не выполняли, а высшие власти на нем не настаивали.

Неудача указа 1527 г. говорит прежде всего о том, что цеховая форма производства была преобладающей в словенских землях и вполне соответствовала уровню развития производительных сил того времени.

Возникает вопрос: появлялись ли какие-нибудь новые черты в словенских цехах в XVI в.? Относительно подавляющего большинства цехов об этом сведений в источниках нет. Но некоторые из них уже нельзя считать традиционными средневековыми цехами. Большинство штирийских кузнецов в XV—XVI вв. уже находилось в финансовой зависимости от купцов-скупщиков, фактически потеряв свою самостоятельность²³⁹. То же можно сказать и об оружейниках из Боровля, многие из которых авансировались богатыми торговцами²⁴⁰. И это не случайно. Кузнецы и оружейники были теснее, чем остальные ремесленники, связаны с горной промышленностью, в которой в XV—XVI вв. уже развивалась новая система отношений. Можно предположить, что такие же процессы возникали в цехах кузнецов и оружейников других районов Словении.

Вместе с тем нужно отметить, что некоторые горожане, главным образом из числа состоятельных торговцев, тесно связывали свою деятельность с горным делом. Одни из них имели свои плавильни, другие —

²³⁶ J. Zontar. Nastanek..., str. 46.

²³⁷ Там же, стр. 58.

²³⁸ Там же, стр. 63.

²³⁹ И. В. Чуркина. Горная промышленность Словении в XVI в. «Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», 1960, т. XX.

²⁴⁰ «Историја народа Југославије», т. II. Београд, 1960, стр. 852.

паи в рудниках. Так, горожанин Любляны Ленарт Хрен имел плавильню в Есеницах, а житель Беляка Вильгельм Нойманн был крупным владельцем паев в Идрии и владельцем некоторых свинцовых рудников у Плиберка (немецкого) ²⁴¹. Ряд видных горожан Краия принимал участие в разработке месторождений железной руды в Кокре, Буковщице, Кропе, Камной Горице. Так, например, пайщиком в Кокре был Матевж Кробат из Краия, а одним из пайщиков товарищества в Камной Горице — его земляк Янж Штрукель. Жители Краия Омерза, Соллер и Михаел Харрер владели двумя плавильнями на р. Саве ²⁴². Торговлей металлами занимались многие горожане Целовца, Великовца, Любляны и особенно Беляка.

Таким образом, новые отношения захватывали в городе в основном не производственную сферу деятельности городского населения (цехи), а торговую. Проникновение новых явлений в цеховое производство только начиналось и прежде всего в те отрасли, которые были связаны с обработкой металлов. Именно поэтому города были мало затронуты теми новыми отношениями, которые развивались в горном деле. Основная масса городского населения оставалась в рамках средневековой промышленности. Это и обуславливало сравнительно слабое развитие социальных противоречий внутри цехов, острие борьбы которых было направлено против конкуренции с торговцами и внецеховыми ремесленниками, а также против попыток дворянства ликвидировать цеховую строй.

* * *

Наряду с братовщинами ремесленников, которые постепенно превратились в цехи, в городах существовали братовщины (братства), имевшие исключительно религиозный характер. Капеллана (духовника) избирали сами члены братовщины, платившие определенные ежегодные взносы в ее казну, но утверждал его настоятель краньской соборной церкви. Каждая из братовщин выделяла бенефиций для содержания своего духовника. Такие бенефиции появились только с XV в. Правила братовщин устанавливались ее членами, но опять-таки утверждались они наместником зальцбургского архиепископа или аквилейского патриарха ²⁴³. Члены братовщины раз в год на общем собрании рассматривали деятельность прежних выборных управителей и выбирали новых. Члены братовщин совершали совместные богослужения, совместные религиозные процессии.

Самыми старыми религиозными братовщинами в Краие были св. Канцияна, Божьей матери, св. Янеза. В XV в. появляются братовщины св. Николая, св. Духа, св. Тела господня, св. Юрия, св. Анны и св. Урсулы ²⁴⁴.

Из всех краньских братовщин наиболее богатой и влиятельной была св. Тела господня. Ей делали большие дары горожане, духовенство, а также дворяне (в 1517 г. госпожа Анна Хелекер вручила ей 100 голдинеров) ²⁴⁵. Такие пожалования братовщине со стороны дворян, на наш взгляд, являются указанием на то, что некоторые из них входили в число ее членов.

Доходы капеллана были, видимо, велики. Даже сама императрица Мария Бланка, жена Максимилиана I, в 1495 г. просила братовщину

²⁴¹ H. Blank. Указ. соч., стр. 116—137.

²⁴² J. Zontar. Zgodovina mesta Kranja, str. 153, 160, 166.

²⁴³ Там же, стр. 54.

²⁴⁴ Там же, стр. 56.

²⁴⁵ Там же, стр. 108.

поставить капелланом своего протеже Андрея Эккера²⁴⁶. В числе ее капелланов были Матия Оперта, доктор церковного права, священник и архидьякон в Кране; и даже в 1478 г. Сигизмунд, епископ Любляны. Уже это одно указывает на значение данной братовщины, которая в начале XVI в. имела семь кметий с кметами, одну мельницу и одну усадьбу²⁴⁷. Этот перечень недвижимого имущества братовщины св. Тела господня указывает на преимущественно феодальный характер ее собственности. В конце XVI — начале XVII в. братовщина сочла более выгодным заставить наиболее зажиточных из своих кметов выкупить право наследования своих наделов. Ею было продано право на надел в 1597 г. в Нуссдорфе Гашперу Вирику с тем, чтобы кроме обычных налогов он отдавал ежегодно по 36 крейцаров за барщину²⁴⁸, а в 1611 г. в Ореховлях — Янезу Ролтару²⁴⁹ на таких же условиях.

Наряду с эксплуатацией кметов управители братовщины занимались ростовщичеством. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1537 г. некая Шолдерманн призналась, что она должна братовщине св. Тела господня 100 венгерских золотых²⁵⁰. Все доходы братовщины шли капеллану и тем, кто занимал выборные должности, а некоторая часть — бедным.

Довольно богатой была и краньская братовщина Божьей матери. Она имела в XVI в. две кметии в Себелях, одну кметию в Нижних Тенетишах, две кметии в Горичах, одну кметию между Бобовком и Кокрицей (в 1513 г. ее сменяли на кметию в Стобе), один двор на Кокре, поле перед городом²⁵¹. И здесь мы также можем отметить феодальный характер собственности. Именно земельная собственность обеих упомянутых братовщин и право на зависимых крестьян составляли основу их богатства.

Подобные братовщины были и в других городах. В частности, в Любляне в 1526 г. пожертвовали деньги на ведение войны с Венецией две братовщины — св. Якова и «Святых патронов портных» (первая дала 413 голдинеров 28 крейцаров и 2 пфеннига, вторая — 35 голдинеров 12 крейцаров и 1 пфенниг)²⁵².

Несколько братовщин упоминается в Тржиче в связи со сбором средств для борьбы с турками в 1526 г. Правда, они были беднее люблянских: братовщина св. Элигия имела наличными 19 ренских голдинеров; Божьей матери, св. Андрея, св. Анны, св. Тела господня — каждая до 6 голдинеров²⁵³.

Братовщины в XVI в. включали, по-видимому, как горожан, так и дворян. Организация братовщин была демократичнее, чем церковная, так как духовник в ней избирался членами братовщины, хотя потом и нуждался в утверждении высших духовных властей. Однако братовщины, как и католическая церковь, были феодальными собственниками.

В разделе о городском самоуправлении мы уже касались городских богоугодных заведений — шпиталей. Такие шпитали были в каждом более или менее крупном городе: в Любляне, Кране, Новом Месте и т. д. Они создавались для призрения старых и бедных граждан. Обычно число бедняков, живущих в каждом из них, не превышало 12 человек. Однако иногда в шпиталь брали зажиточных людей. Так, в 1528 г. в краньский шпиталь была принята вдова ювелира Кристофа Кристина, кото-

²⁴⁶ J. Zontar. Zgodovina mesta Kranja, str. 57.

²⁴⁷ Там же, стр. 56—57.

²⁴⁸ J. Paragret. Указ. соч., стр. 120.

²⁴⁹ Там же, стр. 121.

²⁵⁰ Там же, стр. 111.

²⁵¹ J. Zontar. Zgodovina mesta Kranja, str. 54.

²⁵² I. Vrhovc. Ljubljanski meščanje v minulih stoletih, str. 161.

²⁵³ «Kranjske cerkvene dragocenosti 1526 l.». «Carniola», 1914, str. 180.

рая дала ему в дар усадьбу и сад²⁵⁴. Краньский шпиталь получал многочисленные пожалования от горожан, дворян, церкви, много приобретал покупкой. Всего краньский шпиталь имел три кметин в Дуплях, одну в Подбрэзье, три в Тенетишах, две в Хотемажах, две в Жеях, одну на Кокрице, одну на Яме, десятину с нескольких кметий²⁵⁵. Краньский шпиталь имел и лавки. В купчей от 1500 г. говорится, что мясная лавка продается шпиталем мяснику Петру за 8 голдинеров и за ежегодную уплату 1,5 фунта пфеннигов. Петр мог продать лавку только с разрешения шпитальского начальства²⁵⁶. Была у шпиталья и кузница. Всеми доходами ведал мастер шпиталья, избираемый из числа членов внутреннего совета города. Это была довольно выгодная должность, так как все шпитальские доходы находились в его руках. Как и братовщины, шпитали были учреждениями, созданными горожанами. Они в то же время являлись феодальными собственниками.

* * *

Города и торги должны были платить своим владельцам многочисленные налоги и нести различные повинности.

Прежде всего каждый город ежегодно платил налог правительству. Для разных городов эти суммы были различны. В 1542 г. Ново Место должно было платить 1653 голдинера 16 крейцаров и 3 винария²⁵⁷. Этот налог был почти непосилен для города, и горожане просили уменьшить его. В конце XVI в. этот город переживал упадок, поэтому сумма налога была снижена до 834 голдинеров. Но и на этот раз жители просили еще уменьшить налог. В 1604 г. специальная комиссия по указанию императора обследовала город и пришла к выводу, что Ново Место не может давать больше 400 голдинеров в год. В 1504—1518 гг. годовой налог Любляны равнялся 1200 голдинеров. Но уже в 30-х годах XVI в. по просьбе люблянцев он был снижен до 1000. Камник в начале XVI в. платил 600²⁵⁸, а Крань — 66 голдинеров²⁵⁹.

Общая сумма налога с городов складывалась прежде всего из ремесленного налога. Его платили все горожане, занимавшиеся ремеслом. Величина этого налога зависела от состояния дел каждого мастера и определялась городским магистратом. Помимо ремесленного налога собирали налог с владельцев домов и подушный налог. Города платили также чрезвычайные налоги. Когда в 1446 г. сестра Фридриха III выходила замуж за Карла, графа Падуанского, крайние города должны были дать ей на приданое: Любляна — 1600, Камник — 500, Ново Место — 300, Крань — 200, Костаньевица — 60 голдинеров²⁶⁰.

Как происходил сбор налогов, свидетельствует грамота эрцгерцога Карла жителям Нового Места от 1573 г.: «...В сборе городских налогов раньше существовали немалые беспорядки: для этого приказывали сборщикам налогов ходить от дома к дому, и им приходилось всех упрашивать, и их часто прогоняли злонамеренными действиями, что совсем не подобает делать... И в столице и других городах повсюду обычно бывает так, что когда объявляются подобные городские налоги, то каждый гражданин в тот же самый день должен принести или послать их к ра-туше или общине. Кто не сделает этого... с таких для сохранения послу-

²⁵⁴ J. Zontar. Zgodovina mesta Kranja, str. 63.

²⁵⁵ Там же, стр. 62.

²⁵⁶ J. Parapet. Указ. соч., стр. 106.

²⁵⁷ I. Vrhovec. Zgodovina Novega Mesta, str. 58.

²⁵⁸ J. Zontar. Nastanek..., str. 82.

²⁵⁹ J. Parapet. Указ. соч., стр. 105.

²⁶⁰ Там же, стр. 101.

шания взимают налоговый штраф, чтобы налоги к определенному сроку и времени сдавались почтенному сборщику налогов»²⁶¹.

В городах и торгах, принадлежавших отдельным феодалам, собирали налоги в пользу владельца. Сумма налога определялась часто по договоренности между ним и горожанами. В торге Ваче по соглашению между владельцем торгога Зауэром и жителями торгога 11 ноября 1518 г. ему каждый двор обязывался платить в день св. Мартина по 24 шиллинга²⁶². Характерно, что здесь устанавливалась не общая сумма налога, как в городах, а с каждого двора. Это было связано, по-видимому, с размерами торгога, ибо каждый ушедший или пришедший налогоплательщик здесь значил гораздо больше, чем в городе.

Помимо уплаты налогов горожане должны были нести ряд повинностей. Одной из самых тяжелых повинностей было поддержание в порядке старых и строительство новых укреплений и мостов, что производилось за счет города и часто силами самих горожан. Только Любляне ассигновалась правительством определенная сумма на расходы по укреплению стен, но и она часто задерживалась дежельными властями. Дело доходило до суда, между люблянским магистратом и дежельной властью²⁶³.

Не менее обременительны для горожан были повинности, связанные с охраной города и расквартировкой войск. Обходную стражу несли все горичские горожане²⁶⁴. В Любляне на стражу ходили не только горожане, но и лица, не имевшие гражданских прав (за исключением дворян)²⁶⁵. Этой повинности избегали только богачи, нанимавшие за себя бедняков.

Горожане должны были выставлять ополчение со своими командирами. Ежегодно устраивался его смотр, на время которого всем горожанам выдавалось оружие. В XVI в. во время интенсивных турецких набегов на словенские земли ополчение собиралось довольно часто.

Горожанам приходилось еще нести и гужевую повинность. Так, в 1537 г. глава краинского дворянства Андрей Ламберг и краинский вице-дом приказали всем городам, торгам и кметам ответить через десять дней, какое количество возов и лошадей могли бы они дать для перевозки пушек, продовольствия и другого военного снаряжения²⁶⁶.

Все повинности, названные выше, дворянство и духовенство не несло, правда, верховная власть с 20-х годов XIV в. пыталась неоднократно заставить эти сословия платить подати и нести повинности.

В 1510 г. Максимилиан I издал указ, согласно которому все дворяне и духовенство, поселившиеся в Любляне, должны были платить такие же налоги и нести такие же повинности, как горожане²⁶⁷. Эту привилегию получили и другие краинские города, среди которых находился и Камник. В указе Максимилиана камницким дворянам (1510 г.) говорилось: «...Мы настоятельно рекомендуем и желаем... чтобы вы принимали участие в несении налогов, охране, общественных работах и других тяготах наряду с вышеназванными горожанами Камника...»²⁶⁸. От городских налогов освобождалась лишь те дворяне, которые получали на это личные привилегии. Однако, по-видимому, указ 1510 г. не менял положения. В конце 40-х годов, обсуждая дополнения к «Полицейскому уста-

²⁶¹ I. Vrhovec. Zgodovina Novega mesta, приложение.

²⁶² I. Pokorn. Regesti listin župnega arhiva na Vačah. «Carniola», 1911, str. 214.

²⁶³ I. Vrhovec. Ljubljanski meščanje v minulih stoletih, str. 82.

²⁶⁴ M. Kos. Srednjeveški urbarji za Slovenijo, str. 194.

²⁶⁵ I. Vrhovec. Ljubljanski meščanje v minulih stoletih, str. 268.

²⁶⁶ F. Kos. Doneski k zgodovini Skolje Loke in njenega okraja, str. 5.

²⁶⁷ «Gradivo za zgodovino Ljubljane v srednjem veku», IV.

²⁶⁸ B. Otoropec. Указ. соч., стр. 107.

ву» 1542 г., высшие сословия Крайны коснулись вопроса о лицах, живущих в городе на землях дворян и духовенства и занимающихся ремеслом или торговлей. Эти лица, по их мнению, должны были нести все тяготы наравне с горожанами²⁶⁹. Если в то время стоял еще вопрос о несении повинностей ремесленниками и торговцами, поселившимися на землях дворян, то уж конечно дворянство и духовенство сами от своих домов в городе не платили никаких налогов. Об этом не было даже речи при всех многочисленных столкновениях между городами и высшими сословиями.

Большие налоги и многочисленные повинности были одной из самых важных причин недовольства городов политикой феодальной центральной власти Габсбургов.

* * *

Помимо торговцев, ремесленников, плебса в городах жили феодалы — светские и духовные. Селились они главным образом в наиболее крупных городах, бывших в то же время административными центрами, например Любляне, Горице, но некоторые сугубо бюргерские города, как Великовец (Каринтия), не имели ни одного постоянного жителя из числа дворян. Часто дворяне пользовались правами горожан, не платя при этом никаких городских налогов. В указе каминицким дворянам 1510 г. Максимилиан I говорил: «Нам дали знать наши верные любимые судья, совет и горожане общины этого нашего города, что некоторые из вас лично живут в упомянутых домах и занимаются куплей и продажей, как и другие наши горожане вышеназванного города...»²⁷⁰.

Можно указать на ряд дворянских семей, занимавшихся предпринимательской и торгово-ростовщической деятельностью, получавших от нее значительные доходы.

В городе Горица жила в XVI в. именитая дворянская семья Экков. Они были небогатым и незнатным родом вплоть до конца XV в. С конца XV в. Экки богатеют²⁷¹. Они владели землями, рудниками (в том числе в Идрии). В 1514 г. Юрий Экк, императорский советник и глава горицкого дворянства, получил от Максимилиана в залог доходы от мостовины, городских пошлин и суда в Кране и пошлины в Врхнике²⁷². Экки вели довольно обширную торговлю. Юрий Экк был так богат, что давал в долг императору значительные суммы: в 1507 г. 3 тыс. голдинеров; в 1510 г. 3 тыс., а во время войны с венецианцами 20 тыс.²⁷³

В Кране во второй половине XVI в. выдвинулись дворяне Кизлы. Янез Кизл также ссужал достаточно крупные суммы дежельному князю: в 1574 г. 7200, а в 1582 г. еще 2333 голдинера²⁷⁴. За это ему пожаловали пошлины на Савском мосту в Кране. В 1592 г. Кизл сдал в аренду на три года братьям Кристофу и Францу Маргони поместье Кизилштейн, мостнину у Краня и мельницу за 14 тыс. голдинеров²⁷⁵. Кизл был владельцем бумажной мастерской под Любляной, которую он сдавал в аренду мастеру Панкрацу, платившему ему по урбарии 1589 г. ежегодно 25 ренских голдинеров и определенное количество бумаги²⁷⁶.

²⁶⁹ J. Zontar. Nastanek..., str. 81.

²⁷⁰ B. Otoresec. Указ. соч., стр. 107.

²⁷¹ J. Zontar. Zgodovina mesta Kranja, str. 33.

²⁷² J. Parapet. Указ. соч., стр. 108.

²⁷³ J. Zontar. Zgodovina mesta Kranja, str. 33.

²⁷⁴ Там же, стр. 165.

²⁷⁵ J. Parapet. Указ. соч., стр. 118.

²⁷⁶ J. Sorn. Starejši mlini za papir na Slovenskem. «Zgodovinski časopis», 1954, str. 88.

Характерно, что процветавшие в Горице и Кране семьи Экков и Кизлов происходили из захудалых дворянских родов, но сумели использовать свои дворянские привилегии и поэтому преуспели.

В Любляне также упоминаются такие дворяне. В 1552 г. рыцарь Якоб фон Раунах подал в суд на люблянских горожан Л. Гиссера и А. Сихерля, которые поручились за Даниэля Флигера. Флигеру он ссудил 779 голдинеров, а тот сбежал²⁷⁷. Очевидно, что Раунах был дворянином и одним из источников его доходов являлось ростовщичество.

Многие из дворян занимались продажей вина в разлив. Это была тем более доходная статья, что многие имели собственные виноградники. Продажа вина дворянами, не платившими налогов за ремесло, подрывала дела городских корчмарей. Они не раз жаловались на это императору, а император в свою очередь не раз запрещал дворянам заниматься ремеслами. В конце концов в 1568 г. был издан указ, по которому дворянин лишался своего дворянства, если занимался «мещанскими» делами, особенно продажей вина в разлив. В 1569 г. вышел другой указ: тот, кто занимался «мещанским» ремеслом, не мог получить дворянства²⁷⁸.

Таким образом, некоторые из дворян, живущих в городах в период бурного развития товарно-денежных отношений занимались торговлей, ростовщичеством, отчасти и предпринимательской деятельностью, не отказываясь при этом и от эксплуатации крестьянства. Они составляли прослойку в классе феодалов, так или иначе заинтересованную в дальнейшем развитии товарно-денежных отношений, в некотором изменении старых порядков.

Остановимся несколько подробнее на хозяйственной деятельности церквей в городах и торгах. Многие из них имели лавки, сдаваемые ими в аренду горожанам. Многие церкви активно занимались ростовщическими операциями. На размеры этих операций указывают описи церковных драгоценностей, сделанные по указу эрцгерцога Фердинанда в 1526 г. в Тржице. Из них мы узнаем, что главной была церковь Божьей матери. Она имела три серебряные позолоченные чаши, две серебряные чаши, несколько медных позолоченных вещей и, наконец, наличными деньгами 8 голдинеров 40 крейцаров. Судя по описанным ценностям эта церковь не отличалась особым богатством, но у нее было 22 должника, взявших взаймы 73 голдинера 3 шиллинга 48 крейцаров деньгами и, кроме того, 500 досок, 600 гвоздей и 150 мер извести.

Церковь св. Анны в Любели имела всего одну серебряную чашу, но ей 12 человек задолжало в общей сумме более 69 голдинеров. Церковь св. Андрея имела две серебряные чаши и наличными 1 голдинер 43 крейцара. И в то же время 6 должников этой церкви были должны ей более 22 голдинеров. Церковь св. Юрия в старом торге имела серебряную чашу и наличными 2 голдинера 20 крейцаров. У нее было 12 должников, обязанных выплатить ей 81 голдинер 4 шиллинга²⁷⁹. Уже эти факты показывают, как широко церковь занималась ростовщичеством. Немудрено поэтому, что католическая церковь вызывала к себе неприязнь со стороны горожан.

Между горожанами и феодалами шла непрерывная борьба, как в области суда, так и из-за крестьян. С одной стороны, города отстаивали право крестьян свободно селиться в городе и обучаться ремеслу, и в этом

²⁷⁷ V. Fabijančič. Указ. соч., стр. 30.

²⁷⁸ I. Vrhovec. Ljubljanski meščanje v minulih stoletih, str. 250.

²⁷⁹ «Kranjske cerkvene dragocenosti 1526 l.», «Carmola», 1914, str. 178—180.

они выступали верными союзниками крестьян. С другой стороны, города рьяно боролись за запрещение ремесла и торговли в деревне. Бесконечные жалобы городов на это буквально заваливали канцелярию австрийских эрцгерцогов. Главными защитниками крестьянской торговли были духовенство и дворянство, заинтересованные в росте экономического благосостояния своих подданных, что давало им возможность брать с крестьян большие подати. Интересны те доводы, которые приводили та и другая стороны по этому спорному вопросу. В 20-х годах XVI в., ратуя за отмену сельских ярмарок, краинские города писали, что если сословия хотят создать добрый порядок и воспрепятствовать союзам и восстаниям крестьян, то не нужно им разрешать собираться в большом количестве вместе, как это бывает во время сельских ярмарок. На этих ярмарках крестьяне могут свободно сговариваться о своих делах²⁸⁰. В ответ высшие сословия заявили, что храмовые сельские ярмарки необходимо оставить, иначе нужно опасаться нового крестьянского восстания²⁸¹.

Вместе с тем города выступали против попыток каринтийских и краинских феодалов заставить крестьян продавать все излишки сельскохозяйственных продуктов своим господам, а также выступали за установление единых мер. Это была борьба всех городов против класса феодалов в целом. Иногда она приобретала характер столкновения между городом и отдельным феодалом (светским или духовным) из-за земель, угодий, злоупотреблений феодалов при сборе пошлин и т. д. Она нередко продолжалась в течение нескольких десятилетий.

Так, долго шла борьба из-за покосов и пастбищ между Люблянкой и графами Турашскими (Ауэрспергами)²⁸². Она началась в 1415 г., когда Турашские стали претендовать на покосы Любляны и деревень Томишель, Врблье, Страхомер. Несмотря на решение дежельного суда в пользу горожан, Турашские не унимались. Суды по этому поводу были в 1439, 1451, 1478 и 1503 гг. В 1549 г. снова возникло дело из-за покосов на южной части люблянского болота. На этот раз горожане оказались победителями над дворянами.

В XVI в. в Новом Месте произошло столкновение между капитулом и городскими властями. Капитул возвел на городской земле хозяйственные постройки. Магистрат стал протестовать. Но спор был решен в пользу капитула при условии, однако, что он не будет расширять эти постройки и будет помогать горожанам укреплять городские стены, сгоняя для этого своих крестьян на барщину в течение двух лет. Кроме того, капитул обязался каждый год выплачивать городу 16 голдинеров²⁸³.

Крань долгое время вел тяжбу с фрейзингенским епископом из-за пастбищ и лесов. Горожане после смерти последнего из графов Цельских получили право суда в некоторых селах, где жили как подданные эрцгерцога, так и подданные фрейзингенского епископа. Больше всего от всех раздоров страдали крестьяне спорных деревень, с которых собирали поборы то краньцы, то фрейзингенцы. Особой остроты достигла эта вражда в 1498—1541 гг. при епископе Филиппе, который был также рейнграфом и герцогом баварским. Эта многолетняя вражда Краня с фрейзингенским епископом способствовала распространению протестантизма в Кране²⁸⁴.

²⁸⁰ J. Zontar. Nastanek..., str. 52.

²⁸¹ Там же, стр. 54.

²⁸² I. Vrhovec. Ljubljanski meščanje v minulih stoletih, str. 28—31.

²⁸³ I. Vrhovec. Zgodovina Novega Mesta, str. 55—56.

²⁸⁴ J. Zontar. Zgodovina mesta Kranja, str. 80—87.

* * *

Помимо того, что у всех городов были общие противники — феодалы, крестьяне — они враждовали и между собой за торговые и иные привилегии.

Любляна враждовала с каринтийскими городами Шент Видом, Целовцем и Великовцем. Она получила от императора большие права на торговлю каринтийским железом²⁸⁵, и каринтийские города пытались добиться отмены этой привилегии, правда, безуспешно. Уже в 1491 г. Фридрих III указал судьям и городским советам в Шент Виде, Великовце и Целовце: «Мы серьезно вам указываем и желаем, чтобы вы вашу привилегию больше не использовали против наших горожан Любляны, но им разрешается железо... согласно их привилегии и старому обычаю возить... и продавать...»²⁸⁶. Позднее, в 1503 г. и 1504 г., об этом же писал Максимилиан I горожанам Великовца²⁸⁷. Очевидно, между Шент Видом, Целовцем и Любляной отношения к тому времени уже наладились, и только Великовец упорно сопротивлялся люблянской торговле железом.

Но наиболее упорная и жестокая борьба шла между приморскими городами. Триест, пользуясь особыми привилегиями, данными ему Габсбургами, пытался монополизировать торговлю хлебом по всей Истрии. Этому противились истрийские города и краинские крестьяне, не желавшие делиться своими прибылями от хлебной торговли с Триестом. Краинские сословия встали на сторону кметов и истрийских городов, во-первых, потому, что сами пользовались доходами от кметской торговли, а во-вторых, были очень недовольны особым положением Триеста, который не нес, как другие города, повинностей и тягла.

В 1515—1523 гг. сословия требовали от императора урезать права Триеста. Но все оставалось по-старому. Тогда краинские сословия решили сами в обход Триеста вступить в непосредственную связь с истрийскими городами. Город Копер (Каподистрия) в 1531 г. отправил в Любляну послов. Истрийские и краинские торговцы стали огибать Триест и вести торговлю через Копер который превратился в центр борьбы против привилегий Триеста. В ответ на это в 1563 г. отряды жителей Триеста под руководством своего судьи появились у Копера, взяли его, разграбили и сожгли. Император приказал арестовать виновников разгрома Копера и отправить их в Любляну. Краинские сословия требовали их казни, однако император приказал отпустить при условии, что Триест возместит те убытки, которые он причинил Коперу. Торговля через Копер была запрещена, и привилегии Триеста восстановлены в полной мере²⁸⁸.

В конкуренции с крупными городами особенно трудно приходилось торгам, ибо их интересы всегда приносились в жертву. Краинский торг Ваче с конца XV в. имел право еженедельной ярмарки и трех годовых ярмарок. Но незадолго до 1573 г. все документы торга, фиксирующие его привилегии, сгорели. Вачане обратились к эрцгерцогу Карлу с просьбой подтвердить их²⁸⁹. Прежде чем ответить на эту просьбу, Карл обратился к близлежащим городам — Камнику, Вишней Горе и Любляне, чтобы узнать, не повредят ли привилегии, требуемые торгом Ваче, их торговле. Камник и Вишняя Гора высказались против подтверждения бы-

²⁸⁵ F. Gestrin. Družbeni razredi na Slovenskem in reformacija. «Drugi Trubarjev zbornik», Ljubljana, 1952, str. 23.

²⁸⁶ «Gradivo za zgodovino Ljubljane v srednjem veku», IV.

²⁸⁷ Там же.

²⁸⁸ A. Dimitz. Указ. соч., II, стр. 290—293.

²⁸⁹ F. Mal. Privilegiji trgu Vače. «Carniola», 1912, стр. 116—119.

лых привилегий Ваче. Только Любляна чувствовала себя настолько сильной, что была согласна на восстановление прав торго. В интересах первых двух городов эрцгерцог Карл отказал жителям Ваче. Несмотря на это, вачане в 1581 г. направили ему новую просьбу: на этот раз они не настаивали на еженедельных ярмарках, но взамен просили шесть годовых вместо прежних трех.

Так росли и развивались словенские города и торги. К взаимоотношениям сословий в словенских землях в этот период вполне применимы слова Энгельса, сказанные им о Германии начала XVI в.: «Каждое сословие стояло поперек дороги другому и находилось в непрерывной то скрытой, то открытой борьбе со всеми остальными»²⁹⁰.

* * *

Словенские города второй половины XV — начала XVII в. имели уже значительные права самоуправления, свой суд, право принимать в свои стены беглых крестьян и некоторые другие. Данные им привилегии ограждали их от произвола феодалов, от конкуренции кметов, иноземных торговцев и ремесленников. Но их внутренняя автономия находилась под контролем верховных властей.

В отношении организации производства они были типично феодальными городами: в основе лежала цеховая система со всеми ее ограничениями, характерная для городов Средней Европы того времени. Однако она оформилась сравнительно поздно — только во второй половине XV в. Поэтому в XVI в. словенские цехи переживают еще свой расцвет. Вследствие этого словенские цехи, в отличие от цехов западноевропейских городов того времени, еще не тормозили дальнейшего развития ремесла. Имущественная дифференциация в городах была еще не столь глубока, хотя мы видим и богачей и бедноту, не имеющую собственных орудий труда и живущую наймом. Но большую часть жителей города составляли все же люди среднего достатка — ремесленники, торговцы. Поэтому социальные противоречия здесь не были еще обострены. Сравнительно слабая классовая дифференциация и отсутствие острых социальных противоречий характерны для большинства малых европейских городов XVI в. В этом отношении словенские города не представляли исключения. Основные противоречия города лежали не в среде самого городского населения. Борьба шла между городами в целом и классом феодалов (особенно церковными феодалами), между городами и крестьянством, между отдельными городами. Таким образом, на первом плане стояли противоречия феодального порядка. Словенские города XV — XVII вв. являлись типичными средневековыми бюргерскими городами, базировавшимися на привилегиях и сохранявшими еще некоторые патриархальные черты.

Но все же можно отметить и некоторые новые черты в социальной жизни города. Прежде всего втягивание дворянства в торговлю и в промышленность, появление среди самих городских жителей (наиболее богатой, торговой части) предпринимателей, рост пауперизации низших слоев населения. Все эти новые явления не изменяли существенно внутреннего облика города, ибо почти не затрагивали сферы производства. Новые отношения в словенских землях зарождались в основном помимо словенского города. Города, активно выступая против церкви и феодалов, подтачивая этим самым основы феодального строя, во внутренней своей жизни рьяно охраняли его.

²⁹⁰ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 358.

Р. П. Гришина

**СТАЧЕЧНАЯ БОРЬБА БОЛГАРСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА
В ПЕРВЫЕ ГОДЫ МИРОВОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА
(1929—1931)**

Рабочее движение Болгарии в период господства фашистской диктатуры долгое время специально не исследовалось. Лишь в последние годы болгарские историки приступили к изучению этой проблематики, в частности, к изучению стачечной борьбы пролетариата. Если в двухтомной «Истории Болгарии» (София, 1954—1955) и в «Истории Болгарской коммунистической партии»¹ и книге коллектива авторов «Рабочее и профсоюзное движение в Болгарии»² вопросы стачечной борьбы болгарского рабочего класса в годы фашистской диктатуры затронуты лишь частично, то в ряде работ молодого историка В. Василева именно они поставлены в центр внимания. В 1958 г. Василев опубликовал статью о стачечном движении текстильных рабочих в 1931 г.³ В 1960 г. появилась другая его статья: «Положение болгарских трудящихся в первые годы экономического кризиса и нарастание революционного подъема (конец 1929 — середина 1931 г.)»⁴. Перу того же автора принадлежит глава в коллективном труде под редакцией Д. Коджейкова и В. Хаджиниколова «Стачечная борьба болгарского пролетариата»⁵, специально посвященная периоду частичной стабилизации капитализма и экономического кризиса (1925—1934). Работы Василева представляют большой интерес благодаря использованию обширного фактического материала, разработке архивных фондов.

В советской исторической науке вопросы стачечной борьбы болгарского пролетариата принадлежат к весьма мало изученным. Целью настоящей статьи является попытка систематизации и обобщения материала данной проблематики, почерпнутого главным образом из болгарской рабочей и буржуазной прессы, парламентских отчетов, статисти-

¹ «Материали по история на Българската комунистическа партия». София, 1960. В русском переводе: «История Болгарской коммунистической партии». Москва, 1960.

² Д. Коджейков, В. Хаджиниколов, Я. Йоцов. Революционно профсъюзно движение в България. София, 1957. В русском переводе: «Рабочее и профсоюзное движение в Болгарии». М., 1959.

³ «Исторически преглед», 1958, № 5.

⁴ «Известия на Института за история», София, 1960, № 8.

⁵ В. Хаджиниколов, Д. Младенов, М. Исусов, А. Георгиев, В. Василев. Стачните борби на работническата класа в България. София, 1960.

ческих сборников, архива Государственного музея революции СССР и пр. Хронологически статья охватывает период с начала кризиса до прорыва фронта фашистской диктатуры в июне 1931 г.

* * *

Мировой экономический кризис, охвативший капиталистические страны в 1929—1933 гг., глубоко потряс Болгарию. Его главной особенностью было переплетение промышленного кризиса с аграрным в большинстве капиталистических стран. В отсталой, сельскохозяйственной Болгарии эта особенность придала кризису особенно длительный и разрушительный характер: в Болгарии аграрный кризис давно уже стал хроническим, и преодолеть его не удалось даже за годы капиталистической стабилизации.

В июне 1929 г. резко упали цены на сельскохозяйственные продукты⁶. В июле Болгарский народный банк был вынужден предпринять меры для укрепления лева. Осенью стало уже очевидным, что хозяйственные трудности лета 1929 г. не являются кратковременными. Официозная газета «Слово» должна была констатировать, что к концу 1929 г. экономический кризис привел к краху в общей сложности 107 фирм; кроме того, 104 фирмы получили мораторий⁷. Кризис глубоко затронул все отрасли болгарской экономики. В 1929 г. промышленное производство сократилось на 40% по сравнению с предыдущим годом⁸. По отдельным отраслям падение производства было еще большим. В очень тяжелом положении оказалась, например, сахарная промышленность, крахмало-паточное, спиртовое производства. В 1930 г. добыча цинковых и свинцовых руд фактически была прекращена. В 1931 г. добыча медной руды составляла всего 3% от уровня 1929 г., а в 1932 г. была прекращена вовсе⁹. Но особенно тяжелым в годы кризиса было положение в ремесленном производстве, лишенном возможности конкурировать в этих необычайно трудных условиях. Болгарская статистика не учитывала ремесленное производство и судить о его положении можно только по косвенным данным. Газета «Кельнише цайтунг», исходя из сведений Болгарского народного банка, писала, что уже в конце 1929 г. около 40% ремесленников — дебиторов банка не могли выполнить своих обязательств перед кредитором¹⁰. Газеты писали о том, что «мелкое ремесленное производство совсем замерло», «что мастерские ремесленников почти в полном застое» и т. п.¹¹ Кризис существенным образом изменил положение болгарского пролетариата. Безработица приобрела массовый характер. К сожалению, надежная статистика, характеризующая размеры безработицы в Болгарии, отсутствует, но цифры, приводившиеся рабочей печатью, достаточно выразительны. Так, в Ямболе в январе 1930 г. оказались без работы 80% текстильщиков. В Варне весной 1930 г. не имело работы 33% текстильщиков города. Еще хуже было положение докеров: жизнь крупнейшего порта Болгарии замерла почти совсем. По сведениям варненского профсовета, в марте 1930 г. 75% докеров Варны не имели работы¹².

Очень тяжелым было положение строителей. В одной только Варне весной 1930 г. было без работы 71,4% строителей. Даже летом — в раз-

⁶ «Известия на Българската Народна Банка». София, 1930, кн. 1, стр. 40.

⁷ «Слово», 17.VII 1930.

⁸ «Материали по история на Българската комунистическа партия», стр. 266.

⁹ «Статистически годишник на царство България», год. XXV. София, 1933, стр. 206; «Ехо», 8.VIII 1930.

¹⁰ «Kölnische Zeitung», 17.XII 1929. Отдел рукописных фондов Института истории АН СССР, д. 14, 1929, № 10.

¹¹ «Ехо», 31.III, 19.IV 1930.

¹² «Ехо», 13.IV 1930.

гар строительных работ — в Болгарии не менее 30% строителей оставались без работы¹³. К зиме 1930/31 г. безработица среди строителей еще более увеличилась.

Таким же было положение табачников: в разгар сезона обработки табака 45% табачников не находили спроса на свой труд.

Безработица тяжело поразила рабочих добывающей промышленности. Свыше 3 тыс. рабочих крупнейшей медной компании «Плакалница» были выброшены на улицу без всякого обеспечения¹⁴.

Катастрофические размеры приобрела безработица среди ремесленных рабочих. Весной 1930 г. были без работы 52,7% портных Варны, 70% всех ремесленных рабочих Плевена и т. п.¹⁵

Общее количество безработных в стране составляло, на начало 1930 г. не менее 200 тыс. человек (150 тыс. среди промышленных рабочих и 50 тысяч среди сельскохозяйственных и лесных рабочих)¹⁶. Другими словами, она охватила около 1/3 пролетариата Болгарии¹⁷.

Размеры безработицы не оставались постоянными. Некоторому ее рассасыванию, хотя и незначительному, способствовало сезонное оживление в отдельных отраслях, улучшение положения в текстильной промышленности со второй половины 1930 г., связанное с незавершенностью экономического цикла в этой отрасли¹⁸. Но и это частичное сокращение безработицы носило лишь временный характер. Зимой 1931 г. даже реформистские профсоюзы, сообщая сведения по отдельным городам, вынуждены были признать, что в Русе не имело работы 48% из прежде занятых в промышленности, торговле и ремесле, во Враце — 52%, в Плевене — 64% и т. п.¹⁹

Положение трудящихся, лишившихся работы, было чрезвычайно тяжелым. В Болгарии не существовало точной регистрации безработных. Только небольшая часть обращавшихся на биржу труда получала работу, и то преимущественно временную.

Официально в Болгарии существовало страхование по безработице: часть так называемого Фонда общественного обеспечения предназначалась для помощи безработным. Составлялась эта часть в основном из взносов рабочих, хотя определенную долю в Фонд общественного обеспечения должно было вносить государство. Но, как правило, государство систематически не выполняло своих обязательств в этом отношении. К 1931 г. задолженность государства Фонду общественного обеспечения составила 23 млн. левов²⁰.

Однако получение пособия по безработице было оговорено такими условиями, что практически становилось невозможным для рабочего, потерявшего работу: право на пособие признавалось лишь за теми, кто в течение двух лет до увольнения сделал 52 взноса в Фонд общественного обеспечения и, кроме того, если он потерял работу при массовом увольнении (т. е. увольнении более половины рабочих, занятых на пред-

¹³ Мариш. Безработица на Балканах. «Коммунистический Интернационал», 1931, № 32, стр. 31; «Ехо», 13.IV 1930.

¹⁴ «Ехо», 12.VIII 1930.

¹⁵ «Ехо», 14.III, 13.IV 1930.

¹⁶ «Материали по история на Българската комунистическа партия», стр. 266; «Единство», 1.I 1930; «Бюлетин на Централния вербовачен комитет», 26.XI 1930.

¹⁷ Газета «Работническо дело» от 6.VI 1930 г. писала, что в Болгарии на каждых двух работающих приходится один безработный.

¹⁸ См. по этому вопросу: В. Василев. Текстилната индустрия у нас в първите години на стопанската криза... — «Исторически преглед», 1958, № 5.

¹⁹ «Стенографски дневници на XXII Обикновено Народно Събрание (ОНС)», IV редовна сесия (р. с.), кн. 3. София, 1931, стр. 1581—1582.

²⁰ Там же, стр. 1583. По другим данным, задолженность государства Фонду общественного обеспечения составила за три года 48 млн. левов («Единство», 20.XI 1930).

приятни). Табачники, строители и другие категории сезонных рабочих вообще не имели права на государственное пособие при потере работы.

Насколько мизерной была помощь безработным видно из того, что, согласно данным, приведенным в речи министра торговли, промышленности и труда Д. Мишайкова, за весь 1930 г. была оказана помощь лишь 3776 безработным. В среднем на каждого из них Фонд общественного обеспечения выделил по 250 левов²¹. И это при условии, что килограмм хлеба стоил 6,21 лева²².

Создание огромной армии безработных в годы кризиса ухудшало положение всего болгарского рабочего класса, затрудняло борьбу пролетариата, ослабляло в целом его позиции.

Это создавало возможности для перехода буржуазии в наступление на экономические и политические позиции рабочего класса. И буржуазия не замедлила его начать, болгарским рабочим с началом кризиса пришлось испытать новый нажим и со стороны предпринимателей, и со стороны властей.

Прежде всего ухудшились условия продажи труда для пролетариата. Большое предложение рабочих рук позволяло хозяевам выбирать наиболее послушный и безропотный контингент рабочих. В строительстве при первом проявлении недовольства рабочих широкое распространение получила практика увольнения их и замены новыми. Тем самым предотвращалось более или менее серьезное выступление рабочих. Так было на строительстве железнодорожной линии Ямбол — Елхово, на строительстве нового здания судебной палаты в Софии и в других местах²³.

Довольно широкое распространение в годы кризиса получила практика льготного предоставления работы иностранным рабочим, как более надежным по сравнению с болгарскими. На предприятиях крупнейшего акционерного общества «Гранитоид» были уволены все рабочие болгары, а оставлены русские белоэмигранты. То же было сделано на фармацевтической фабрике в Варне. Летом 1930 г. были уволены болгарские рабочие на строительстве водопровода Рила — София, концессия на которое находилась в руках итальянских предпринимателей. Вместо уволенных болгар было принято на работу 120 итальянцев²⁴. Стремление хозяев иметь дело только со «спокойными» рабочими отчетливо видно и на примере пловдивских табачных предпринимателей, принявших рабочих главным образом по рекомендации полиции²⁵. Естественно, рабочие, хорошо известные властям по участию в стачке табачников 1929 г., не имели никакой надежды на получение работы.

Большое предложение рабочих рук способствовало тому, что в установлении размера заработной платы царил полный произвол хозяев. Снижение номинальной заработной платы в первые годы кризиса происходило, с одной стороны, в связи с сокращением продолжительности рабочего дня и переходом в ряде случаев на неполную рабочую неделю из-за недогруженности предприятий. При этом нередко переход на 6-часовой рабочий день приводил к сокращению заработной платы на 45%, как это было на предприятиях Ямбола²⁶. С другой стороны, происходило общее наступление хозяев на заработную плату под предлогом сни-

²¹ «Стенографски дневници на XXII ОНС», IV р. с., кн. 3, стр. 1591.

²² «Статистически годишник на царство България», год XXIV. София, 1932, стр. 265.

²³ «Ехо», 20, 21.VIII 1930.

²⁴ «Ехо», 13.IV, 15.V, 21.VII 1930.

²⁵ «Ехо», 5.IV 1930.

²⁶ «Internationale Presse-Korrespondenz», 1930, № 10, S. 234.

жения цен на продукты первой необходимости и особенно на продукты питания. Например, при наборе рабочих в 1930 г. в табачные склады Софии хозяева предлагали им дневную плату на 2—10 левов ниже, чем в предыдущем сезоне.

Падение номинальной средней заработной платы в первые годы кризиса отмечала даже официальная статистика почти по всем учитывавшимся ею рабочим профессиям. Но, по ее данным, это падение было очень незначительным, выражаясь иногда в десятых и сотых долях лева²⁷. Статистика явно приукрашивала действительность. Кроме того, стараясь завуалировать фактическое падение дневной заработной платы, она приводила почасовые данные и тем самым не отражала снижения заработной платы в связи с сокращением на многих предприятиях продолжительности рабочего дня и переходом на неполную рабочую неделю.

На самом деле снижение заработной платы было гораздо большим: в течение 1930 г. она понизилась в среднем на 10—20%²⁸.

Однако падение цен на предметы первой необходимости и особенно на продукты питания²⁹ было столь значительным в первые годы кризиса, что главным фактором ухудшения положения рабочих, имевших работу, стало не столько сокращение номинальной заработной платы, сколько несвоевременная выплата ее.

Сообщениями о задержке заработной платы заполнена буквально вся рабочая печать. Так, регулярная выплата денег рабочим на металлургическом заводе «Струг» прекратилась еще в сентябре 1929 г. На мебельной фабрике Николова и Куюмджийского в апреле 1930 г. рабочим не было заплачено за январь. На трикотажных фабриках Сливена хозяева задолжали каждой работнице по 500—600 левов. Не менее тяжелым было положение учителей и чиновников³⁰.

Чтобы сдержать негодование рабочих, предприниматели прибегали к выдаче «авансов» за прошлые месяцы, на которые рабочие могли купить только хлеб. Не получая заработанных ими денег, рабочие должны были брать продукты в кредит в фабричной лавке (там, где они были) по гораздо более высокой цене.

Так, с началом кризиса буржуазия вновь повела наступление на экономические позиции пролетариата. Рабочий класс Болгарии должен был изменить тактику в новой обстановке, важнейшим фактором которой была 200-тысячная резервная армия безработных, и от наступления перейти к обороне.

²⁷ «Статистически годишник на царство България», год XXIII. София, 1931, стр. 248—251; год XXV. София, 1933, стр. 193—194.

²⁸ «Комунистическо знаме», 1931, № 9, стр. 47.

²⁹ Индекс рыночных цен от уровня 1929 г. (%):

	1930 г.	1931 г.
Хлеб II сорта	77,5	57,1
Хлеб I сорта	82,8	60,3
Мясо говяжье	89,3	76,1
Молоко	84,3	68,0
Масло сливочное	79,7	61,8
Сахар	101,3	94,1
Мыло	95,9	77,6
Дрова (куб. м)	84,3	76,7
Каменный уголь	96,8	88,4
Общий индекс рыночных цен	82,9	67,7

«Статистически годишник на царство България», год XXV. София, 1933, стр. 280—281.

³⁰ «Единство», 1, 30.X 1929, «Ехо», 6.III, 16.IV, 8.V. 28.X, 27.XI 1930 и др.

Трудности, встававшие перед болгарским пролетариатом, были тем большими, что одновременно буржуазия повела наступление и на политические позиции рабочего класса, резко усилив репрессии. Напуганное размахом стачечного движения летом 1929 г., фашистское правительство стремилось нанести болгарскому пролетариату удар, от которого он уже не смог бы воспрянуть.

Волна репрессий залила страну в связи с подготовкой рабочими организациями антивоенной кампании 1 августа 1929 г. Для обезглавливания движения были произведены многочисленные аресты. В первую очередь был арестован Антивоенный комитет и многие деятели Рабочей партии, всего около 200 человек. В числе арестованных оказались такие крупные деятели рабочего движения, как секретарь ЦК легальной Рабочей партии (РП) Петко Напетов, секретарь ЦК Независимых рабочих профсоюзов (НРПС) Асен Бояджиев и многие другие³¹.

Гораздо более сильным, чем прежде, гонениям подвергалась рабочая печать. Ни один из номеров газеты «Работническо дело» за первую половину августа не увидел света. Из 15 номеров профсоюзной газеты «Единство», вышедших с начала августа до декабря 1929 г., только 6 были разрешены полицией. Один за другим садились на скамью подсудимых редакторы этих газет³². Понимая, насколько ограничены средства рабочих издательств, власти широко стали практиковать запрещение номеров рабочих газет независимо от их содержания. Целью таких запрещений было нанести материальный ущерб редакции и тем самым создать препятствие для выхода следующих номеров. В результате с ноября 1929 г. фактически перестали выходить газеты «Работническо дело» и «Единство»; очень нерегулярно выходили эти газеты в 1930 г. Так, за весь 1930 год вышло всего три номера газеты «Работническо дело». С большим трудом в 1930 г. осуществлялось издание газеты «Единство»: она выходила теперь только раз в месяц. Продолжавшиеся конфискации увеличивали разрыв между номерами до двух-трех месяцев. Так правительство Ляпчева, формально не запрещая легальной рабочей печати, фактически сделало невозможным регулярный выход рабочих газет.

Со второй половины 1929 г. усилилось и судебное преследование деятелей рабочего движения. Только в Сливене на октябрь 1929 г. было назначено слушание шести политических дел³³.

По утверждению журнала «Интернационале прессе корреспонденц» с января до сентября 1930 г. в Болгарии состоялось 70 политических процессов, где были рассмотрены дела 291 подсудимого; до конца года предстояло еще 33 судебных разбирательства 248 обвиняемых³⁴.

Со второй половины 1929 г. значительно ухудшилось питание политзаключенных в тюрьмах, наказание карцером приобрело массовый характер.

Все эти меры фашистского правительства — непрерывные конфискации рабочей печати, аресты, приведшие к фактическому обезглавливанию легальных рабочих организаций и редакций рабочих газет, политические процессы и ухудшение положения политзаключенных в тюрьмах — преследовали цель сломить сопротивление болгарского пролетариата, лишить его воли к борьбе против фашистской диктатуры.

С началом кризиса позиции рабочего класса Болгарии в целом оказались ослабленными. Массовая безработица, неуверенность в завтраш-

³¹ «Работническо дело», 14.X 1929; «Ехо», 19.II 1930.

³² «Работническо дело», 21.VIII, 18, 19.IX 1929; «Единство», 7.XII 1929; «Наковалиня», 1929. № 186, стр. 12.

³³ «Единство», 14.X 1929.

³⁴ «Internationale Presse-Korrespondenz», 1930, № 82, S. 2034.

нем дне, снижение заработной платы, нерегулярная выплата ее — все эти факторы изменили и характер борьбы пролетариата: на первый план выдвигалась борьба за непосредственные экономические требования трудящихся.

В. Коларов писал в 1930 г. в теоретическом органе партии журнале «Комунистическо знаме»: «Основная задача БКП в условиях мирового экономического кризиса и экономического кризиса в Болгарии состоит в том, чтобы поднять на борьбу рабочих и трудящиеся массы города и деревни под руководством пролетариата во имя их непосредственных требований, связывая эти требования с борьбой против подготовки войны против Советского Союза и с борьбой за рабоче-крестьянское правительство. Для осуществления этой задачи необходимо усилить, лучше подготовив и организовав, стачечную борьбу рабочих за повышение заработной платы, сокращение рабочего дня и пр., движение безработных за оказание им помощи со стороны государства и т. п., а также борьбу трудящихся крестьян против насильственного сбора налоговых недоимок, задолженности ростовщикам и банкирам, против грабежа со стороны крупных банков, экспортеров, картелей и пр.»³⁵. Однако осуществление этих задач было связано с трудностями не только объективного, но и субъективного характера. Осенью 1929 г. руководство нелегальной Болгарской коммунистической партии перешло в руки «левых» сектантов, деятельность которых нанесла большой вред партии и рабочему движению.

«Левые» сектанты заняли неправильную позицию в вопросе о партийных кадрах, уделяли совершенно недостаточное внимание организационному строительству БКП и легальных рабочих организаций. Это создавало угрозу отрыва партии от наиболее опытных, закаленных революционных кадров и от нового поколения революционеров.

В руководстве рабочим движением «левые» сектанты допустили целый ряд серьезнейших ошибок. Прежде всего они не сумели правильно оценить обстановку, сложившуюся в стране с началом кризиса. Преувеличивая революционную готовность масс, с одной стороны, и внутреннюю борьбу в лагере буржуазии, с другой, левосектанты объявили, что Болгария находится накануне революционной ситуации. Пренебрегая экономическими интересами трудящихся, «левые» сектанты сосредоточили все внимание на политической борьбе. При этом они считали, что рабочий класс настолько полон революционного огня, что для любого политического выступления достаточно одного призыва партии. Повседневная организаторская, воспитательная и политическая работа в массах заменялась пустой фразеологией, революционные дела подменялись призывами к «всеобщему повсеместному открытому наступлению», «овладению улицей», «захвату земли» и т. п.³⁶ Эта практика левосектантского руководства БКП сочеталась с ошибками в вопросах единого фронта борьбы против фашистской диктатуры, союза рабочего класса и крестьянства.

Вред, нанесенный «левыми» сектантами партии и рабочему движению, был очень велик. Однако левосектанты не были иностранной агентурой и троцкистской фракцией в БКП, как это принято было считать прежде³⁷. Кроме того, нельзя отождествлять всю партию с «левыми» сектантами. Благодаря закаленным в жестоких классовых боях кадрам предан-

³⁵ В. Коларов. България и световният икономически кризис. Избрани произведения, т. 2. София, 1955, стр. 261.

³⁶ «Материали по история на Българската комунистическа партия», стр. 271.

³⁷ Там же, стр. 4.

ных партии революционеров, готовых на любые жертвы, партия и в годы левосектантского руководства имела немалые достижения. Рядовые коммунисты, несмотря на необычайно сложные условия, продолжали бороться за великое дело освобождения трудящихся. И это благодаря им, а не левым фракционерам, говорится в «Истории БКП», были достигнуты немалые успехи³⁸.

После мощной стачечной волны весной и летом 1929 г., потребовавшей большого напряжения сил болгарского пролетариата, наступил некоторый отлив забастовочного движения. Этому способствовали условия наступавшего кризиса, усиление репрессивного курса правительства.

Правда, осенью 1929 г. еще возникали стачки в швейном производстве, деревообрабатывающей промышленности; большую стачку провели металлисты софийского завода «Глобус», выдвинувшие наряду с экономическими требованиями политическое требование о прекращении репрессий в стране³⁹.

Стачки осени 1929 г. носили эпизодический характер, но так же, как и летом, они были наступательными. Стачечники требовали повышения заработной платы, сокращения рабочего дня, улучшения условий труда. Своими корнями эти стачки уходили еще в период относительной стабилизации болгарского капитализма. Это были как бы отголоски, последние битвы большого стачечного сражения, разыгравшегося весной и летом 1929 г.

Вновь стачечное движение в Болгарии стало нарастать с весны 1930 г., но, в отличие от стачечной борьбы предыдущего года, оно носило уже не наступательный, а ярко выраженный оборонительный характер: рабочие боролись против ухудшения их положения.

Наиболее распространенной причиной объявления стачки была нерегулярная выплата заработной платы. Общая задолженность хозяев по заработной плате в 300 тыс. левов, а отдельным рабочим по 4—5 тыс. левов заставила прибегнуть к стачке рабочих слесарного отделения вагоноремонтного завода⁴⁰. Регулярная выплата заработной платы — главное требование забастовавших шахтеров шахты «Твирдица», 100 рабочих канатной фабрики в Софии, которым хозяева не выплачивали денег в течение трех месяцев, рудокопов из г. Панагюриште, не получавших заработную плату уже в течение трех — пяти месяцев, и многих других участников стачек⁴¹.

Как правило, эти стачки были кратковременными; рабочие в ходе их проявляли колебания, неустойчивость, соглашались выйти на работу после первых обещаний хозяина рассчитаться с ними в скором времени. Конечно, это объяснялось спецификой борьбы рабочих в условиях кризиса и значительной безработицы, но колебания и уступчивость стачечников часто приводили их к поражению.

Немалое количество стачек 1930 г. было вызвано наступлением хозяев на заработную плату рабочих⁴². В Софии только в марте 1930 г. с требованием регулярной выплаты и повышения сдельной заработной

³⁸ Там же, стр. 271.

³⁹ «Работническо дело», 31.VIII, 4.X 1929; «Единство», 14, 30.X 1929; «Слово», 7.IX 1929

⁴⁰ «Ехо», 22.III 1930.

⁴¹ «Ехо», 15, 17, 29.III, 17.V 1930.

⁴² Характерно, что среди требований стачечников 1930—1931 гг. почти всегда фигурировало требование приведения в порядок рабочих книжек, протест против злоупотреблений хозяев средствами, вносившимися рабочими в Фонд общественного обеспечения.

платы забастовали сапожники мастерских «Орел», «Златна Прага»; мастерской А. Илиева, деревообделочники мастерской Я. Данеля⁴³.

Эти стачки свидетельствовали о том, что рабочие мелких ремесленных мастерских, и прежде получавшие очень низкую заработную плату, в годы кризиса больше, чем рабочие других профессий, страдали помимо нерегулярных выплат и от наступления хозяев на их заработную плату.

Нельзя не отметить, что борьба обувщиков, проходившая под руководством Независимых рабочих профсоюзов (НРПС), носила весьма упорный характер. В мае 1930 г. в Софии забастовали рабочие обувной мастерской А. Димитрова. Избранный ими стачечный комитет обратился ко всем рабочим-обувщикам, разъясняя задачи борьбы и требуя, чтобы никто из безработных не откликнулся на призывы предпринимателей заместить стачечников и не стал бы штрейкбрехером. Показателем возросшей сознательности и организованности обувщиков было избрание общего стачечного комитета рабочими мастерской А. Димитрова и бастовавшими одновременно с ними рабочими обувных мастерских «Ботев» и «Искуство». Комитет направил в адрес министра внутренних дел протест против грубого вмешательства полиции в борьбу рабочих⁴⁴.

Вообще в стачечном движении 1930 г. обувщики играли видную роль. Их борьба свидетельствовала как об упорстве рабочих (стачка в мастерской А. Димитрова продолжалась свыше трех недель), так и о широком фронте борьбы: обувщики бастовали в Софии, Плевене, Кюстендиле и в других местах; рабочая печать сообщала о стачках обувщиков в марте, мае, июне, ноябре 1930 г. Борьба обувщиков свидетельствовала также о чувстве солидарности и взаимной поддержке рабочих: когда во время стачки обувщиков софийской мастерской Д. Велчева четырём рабочим стала грозить опасность увольнения с черным билетом, профсоюзная секция обувщиков мобилизовала всех сапожников города на однодневную общую стачку протеста. Было организовано собрание протеста, на нем присутствовало свыше 800 человек. Вообще софийские обувщики были тесно связаны с Независимыми рабочими профсоюзами, которые организовали сбор средств по подписке в пользу бастующих обувщиков⁴⁵.

Другой большой группой стачечников, выдвигавших в 1930 г. наряду с требованием регулярной выдачи зарплаты требование о повышении ее, были строительные рабочие. Если в стачечном движении 1929 г. строителям принадлежало не слишком большое место, то в 1930 г. одна стачка строителей следовала за другой: в мае бастовали строители железнодорожного моста около ст. Катарница, строители железнодорожной линии София — Пирдоп, в июне — каменщики в дер. Самоводене-Тырновской околии, которым за четыре месяца не было заплачено ни копейки, строители железнодорожной линии Раковски — Кырджали, железнодорожной линии София — Хасково — Раковски, в августе вели тяжелую борьбу строители железнодорожной линии Ямбол — Елхово⁴⁶.

Значительная активизация строительных рабочих и выдвигаемые ими требования говорили о том, что строители были той категорией рабочих, которым кризис нанес наиболее чувствительные удары. До кризиса, когда размах строительных работ был сравнительно высоким, это была категория высокооплачиваемых рабочих. Кризис принес

⁴³ «Ехо», 6, 18, 21.III 1930.

⁴⁴ «Ехо», 27.V, 4.VI 1930; «Вести», 1.VI 1930.

⁴⁵ «Ехо», 21.XI, 2.XII 1930.

⁴⁶ «Ехо», 15, 28.V, 7, 16, 19.VI 1930; «Младежка искра», 25.VI 1930; «Ехо», 8, 14, 31.VIII 1930.

строителям не только небывалую по своим размерам безработицу, но и значительное снижение оплаты труда тем, кто имел работу.

Представление о характере борьбы строителей дает одна из самых крупных стачек 1930 г. — стачка строителей водопровода Рила — София. Концессия на это строительство была предоставлена итальянской компании, применявшей самые варварские методы эксплуатации. За тяжелый физический труд рабочие получали мизерную даже по тем временам заработную плату: 5—7 левов в час. Рабочие не были обеспечены жильем, продукты в хозяйской лавке продавались втридорога. Недовольство рабочих тяжелыми условиями труда, брожение среди них, стихийно прорывавшееся еще весной 1930 г., привлекали внимание НРПС и Рабочей партии. Однако коммунистов на строительстве было мало, а работа среди строителей представляла большие трудности из-за их состава: на 40% это были рабочие с разных концов страны, остальные набирались из окрестных сел. И те, и другие были в основном крестьянами, недавно собранными на этой стройке. Поэтому работа в массах свелась в основном к агитации за стачку.

Поводом к выступлению послужила задержка заработной платы на 45 дней. 20 мая стачку начали 800 строителей первой секции, 21 мая к ним присоединились рабочие второй секции, тем самым стачка охватила все 1,5 тыс. строителей рильского водопровода. Стаечники избрали комитет из 15 человек, в который вошли и коммунисты⁴⁷. Стаечный комитет вручил администрации требования рабочих: увеличение заработной платы и регулярная выплата ее два раза в месяц, оплата дней простоя по вине администрации, урегулирование жилищного вопроса, выдача продуктов по продажным ценам, двойная оплата сверхурочной работы, никаких увольнений стачечников⁴⁸. Ожесточенные тяжелыми условиями труда строители действовали весьма решительно. В самом начале стачки рабочие до смерти избили лопатами надзирателя, стрелявшего в бастующих. Стаечные посты, державшие под своим контролем водопровод на всем его протяжении, разгоняли и избивали штрейкбрехеров. О настроении стачечников красноречиво свидетельствует тот факт, что делегацию, вручавшую администрации требования рабочих, сопровождала вся полуторатысячная масса строителей⁴⁹.

Положение на строительстве стало весьма острым: директор бежал, инженеры ничего решить не могли, итальянцы-надзиратели вели себя нагло, угрожали стачечникам револьверами, требуя, чтобы они вернулись на работу. В этих условиях стачечный комитет должен был проявить огромную выдержку, чтобы не позволить возбужденным рабочим поддаться на провокацию. Стачком распространил специальное обращение, в котором разъяснял цели и причины стачки. Обращение кончалось словами: «Мы будем бороться до полной победы. Мы не верим в посредничество инспектора труда, он может защитить только интересы хозяев... Мы победим потому, что за нами стоит весь рабочий класс»⁵⁰.

И все же предпринимателям удалось расколоть стачечников: газета «Ехо» 26 мая сообщила, что после обещания хозяев в течение трех дней удовлетворить все требования бастующих рабочие второй секции вышли на работу. Правда, через несколько дней, поняв, что их обманули, они забастовали снова, но перевес сил был уже на стороне хозяев: стачечный комитет в полном составе был арестован, в помощь надзирателям

⁴⁷ В. Хаджиниколов, В. Василев и др. Указ. соч., стр. 350.

⁴⁸ «Ехо», 22.V 1930.

⁴⁹ «Ехо», 21, 22, 24.V 1930.

⁵⁰ «Ехо», 23.V 1930.

на строительство прибыли полицейские и вооруженные фашисты из организации «Родна защита»⁵¹.

Новый состав стачечного комитета, избранный из рабочих, не имевших опыта классовой борьбы, из-за боязни репрессий отказался принять руководство стачкой со стороны НРПС; нерешительный и колеблющийся, он оказался неспособным к решительным действиям. Когда на строительство прибыл самоковский околийский начальник и заявил, что если рабочие не прекратят стачку, с ними расправятся другим способом, что стачка окончена и рабочие должны немедленно приступить к работе на прежних условиях, комитет проявил малодушие и сложил свои обязанности. Рабочие, выражавшие решимость умереть с голоду, но довести стачку до победы, оказались предоставленными самим себе⁵². Так после почти двухнедельной тяжелой борьбы закончилась поражением стачка строителей рильского водопровода. Она была весьма характерной для стачечного движения 1930 г. как с точки зрения вовлечения в борьбу масс неорганизованных рабочих, так и с точки зрения слабостей, проявившихся в ходе борьбы. Одной из слабостей, имевшей широкое распространение, было прекращение борьбы после первых обещаний хозяев удовлетворить требования рабочих. В этом отношении пример рабочих второй секции строительства водопровода весьма типичен.

Для стачечного движения 1930 г. характерно несколько большее, чем в предыдущем году, участие в борьбе рабочих тяжелой промышленности. Помимо отмеченных уже стачек горняков шахты «Твърдица», рудокопов Панагюришта в 1930 г. бастовали и металлисты. Но выступали они разновременно, количество участников этих стачек было невелико. Вообще металлисты, как и рабочие тяжелой промышленности в целом, и в 1930 году не поднялись до роли передовых отрядов болгарского пролетариата.

В стачечную борьбу в 1930 г. включились и докеры, которые, так же как и шахтеры, после разгрома в 1924 г. профсоюза докеров и массового увольнения наиболее активных рабочих, подверглись насильственной фашизации. Повальная безработица, невозможность найти какой-либо источник средств существования, заставили портовых рабочих по-новому осмыслить свое положение, свой отрыв от борьбы остальных отрядов болгарского пролетариата. В июле 1930 г. впервые за многие годы забастовали докеры Бургаса, требуя улучшения условий труда⁵³. Правда, стачкой была охвачена лишь часть докеров порта, но и это было уже большим прогрессом.

Еще более характерна стачка протеста против увольнения 100 докеров, проведенная рабочими Варненского порта⁵⁴.

Спецификой стачечного движения 1930 г. было включение в борьбу сельскохозяйственных рабочих. Драгомань (посредники между работодателями и сельскохозяйственными рабочими при найме рабочих на уборку урожая) летом 1930 г. решили использовать очень большой наплыв рабочей силы: они заявляли рабочим, что размер оплаты их труда будет определен после окончания уборки урожая. Естественно, это вызвало недовольство рабочих. Во многих местах Старо-Загорской, Ямболской и других околий вспыхнули стачки; рабочие стали избирать уборочные комитеты из числа самих рабочих, которые вместо драгома-

⁵¹ «Вести», 29.V 1930.

⁵² «Ехо», 30, 31.V 1930.

⁵³ «Ехо», 28.VII 1930.

⁵⁴ «Коммунистически Интернационал», 1930, № 27. стр. 42.

нов должны были регулировать отношения с работодателями. Газета «Ехо» писала, что «борьба сельскохозяйственных рабочих против драгоманов идет повсеместно, уборочные комитеты становятся фактическими руководителями и ведут борьбу за увеличение платы за декар» убранный урожая⁵⁵.

Итак, состав стачечников первого года кризиса несколько изменился по сравнению с 1929 годом — последним годом временной стабилизации капитализма, причем изменился главным образом за счет вовлечения в движение плохо или совсем неорганизованных рабочих. Большая зависимость от хозяев, постоянная угроза потерять работу и лишиться всяких источников существования — все это весьма затрудняло экономическую борьбу пролетариата. Колебания и неустойчивость стачечников, снижение общего уровня их организованности определялись, кроме того, большой текучестью рабочей силы на предприятиях и широкими возможностями у хозяев избавляться от неугодных им рабочих. Недостаточная организованность стачечников выражалась в том, что большое количество стачек вспыхивало стихийно, без предварительной подготовки, что о многих забастовках руководители НРПС и Рабочей партии узнавали уже постфактум.

Повышению организованности в стачечной борьбе 1930 г. не мог способствовать и пример рабочих тяжелой промышленности, которые по-прежнему были далеки от выполнения своей авангардной роли, хотя и принимали в этом году более активное участие в борьбе. Что касается табачников и текстильщиков, сыгравших главную роль в стачечном движении 1929 г., то в 1930 г. они проявили себя по-разному. Текстильщики почти не участвовали в стачечной борьбе 1930 г. Их положение резко ухудшилось в конце 1929 — первой половине 1930 г., когда среди них началась массовая безработица и хозяева повели большое наступление на заработную плату. Но со второй половины 1930 г. текстильное производство несколько оживилось, на многих фабриках вновь стал производиться набор рабочих. Видимо, это определило линию поведения текстильщиков. Правда, в Сливене намечалось выступление текстильных рабочих, недовольных низкой заработной платой. Газета «Ехо» писала о возможности стачки даже более крупной, чем в 1929 г., но до нее дело так и не дошло⁵⁶.

Лишь в декабре 1930 г. на некоторых текстильных фабриках Сливена рабочие провели однодневную стачку протеста против удержания до 30% зарплаты в пользу государства за неотработанную рабочими трудовую повинность.

В отличие от текстильщиков, табачники и в 1930 г. принимали более или менее активное участие в стачечной борьбе, но их выступления носили несколько своеобразный характер. В 1930 г. табачные магнаты стали вводить новый механизированный способ обработки табачных листьев — так называемую тонгу. Тонга значительно удешевляла производство, не требовала тщательного подбора листьев табака, чем обычно были заняты наиболее квалифицированные рабочие. Благодаря новому способу сокращался на 2—2,5 месяца сезон обработки табака.

Введение тонги, как всякая замена ручного труда механическим, знаменовало определенный технический прогресс, но поскольку в условиях кризиса не было надежд на расширение производства, то для рабочих новый способ означал лишь увеличение безработицы как за счет сокращения числа рабочих, так и за счет сокращения сезонной занято-

⁵⁵ «Ехо», 2.VII 1930.

⁵⁶ «Ехо», 3, 16.VII 1930.

сти табачников⁵⁷. Кроме того, переход на механизированную обработку табака приводил к снижению заработной платы табачников, особенно высококвалифицированных. Естественно, что табачники, измученные зимней безработицей, оказались перед угрозой потерять работу и летом, введение тонги было для них выражением нового наступления хозяев на их права. Переход к механизированной обработке листьев сопровождался введением новых правил внутреннего распорядка, усиливавших произвол администрации в отношении рабочих, а также способствовавших интенсификации труда табачников за счет повышения норм выработки, урочной работы и т. п. Новые правила внутреннего распорядка вводились и в складах, где сохранялся старый способ обработки⁵⁸.

Борьба табачников в 1930 г. была направлена против общего ухудшения условий их труда, против усиления эксплуатации, но острее этой борьбы было обращено именно против тонги. Это неправильное направление борьбы табачников по существу против введения более прогрессивного метода производства не только не было исправлено Рабочей партией и НРПС, но на первом этапе даже было подхвачено и возглавлено ими.

Независимые профсоюзы поддержали идею создания комитетов борьбы против тонги. Летом 1930 г. такие комитеты были созданы в Пловдиве (центральный комитет), Хаскове, Станимаке, Дупнице, Таттар-Пазарджике и других местах⁵⁹.

Комитеты борьбы стали инициаторами и организаторами массовых собраний протеста табачников. В Пловдиве собрания против тонги происходили почти ежедневно на протяжении всего июня. Табачники направляли в адрес правительства протест, подписанный несколькими тысячами рабочих. Решимость, с которой рабочие дали отпор попытке полиции разогнать большое собрание в Пловдиве 27 июня, свидетельствовала о большой революционной энергии в массах: рабочие попросту выбросили полицейских из зала, а затем устроили короткую демонстрацию по улицам города. Уличные митинги и демонстрации имели место и в Хаскове⁶⁰.

В июле борьба табачников достигла еще большего ожесточения: в Хаскове, Пловдиве, Станимаке были проведены однодневные стачки протеста, причем в Хаскове произошло столкновение с полицией, в результате которого были ранены. В городе были произведены массовые аресты. Столкновения с полицией имели место и в Пловдиве во время стачки протеста 17 июля⁶¹. Характерно, что требованием участников этих однодневных стачек было не только уничтожение тонги, но и отмена новых правил внутреннего распорядка, обеспечение безработных работой или государственное содержание их. Выступления отличались солидарностью: в Хаскове забастовали табачники всех складов, хотя тонга вводилась только в одном из складов фирмы «Балкан-табак». Требования комитета борьбы против тонги были вручены инспектору труда делегацией, которую сопровождала 7-тысячная толпа табачников⁶².

В августе 1930 г. ЦК НРПС подвел некоторые итоги борьбы. Линия на выступления, главным образом против тонги, была исправлена.

⁵⁷ Введение тонги означало, что только в Софии 3—4 тыс. табачников оставались без работы (Фонды Гос. музея революции СССР, Л. 384—43, № 16767/6).

⁵⁸ «Красный Интернационал профсоюзов», 1931, № 2, стр. 41.

⁵⁹ «Ехо», 22.V, 5, 19.VI 1930; «Младежка искра», 25.VI 1930; «Единство», 18.VII 1930.

⁶⁰ «Ехо», 30.VI 1930.

⁶¹ «Ехо», 3, 18, 21.VII 1930

⁶² «Ехо», 5.VII 1930.

ЦК НРПС со всей ясностью и определенностью заявил, что задача состоит в том, чтобы бороться не только против введения тонги, но и против новых правил внутреннего распорядка, против урочной работы, против сокращения заработной платы, против безработицы и вообще против капиталистической рационализации и эксплуатации. Центральное правление Союза табачников, исходя из этого, взяло курс на подготовку большой стачки⁶³.

В сентябре 1930 г. борьба табачников разгорелась вновь, но осень — неблагоприятное время для борьбы, ибо период ферментации табака, когда хозяевам дорог каждый час, был уже позади. Осенние стачки были довольно массовыми: 10 сентября тысяча табачников Харманли провели однодневную стачку, 29 сентября началась стачка 500 рабочих склада Меркадова в Пловдиве, в ноябре вспыхнула крупная стачка табачников Хаскова⁶⁴. Все эти выступления были разрозненными, они не слились в единое выступление, которое представляло бы действительную угрозу для хозяев.

В целом борьба табачников в 1930 г. была менее массовой, менее упорной, чем в 1929 г., так как возможности экономической борьбы всего болгарского пролетариата были весьма ограничены условиями кризиса.

Специфика стачечной борьбы 1930 г. состояла, во-первых, в преобладании кратковременных, в основном, однодневных стачек. Более длительные стачки, как правило, кончались поражением, в чем немалую роль играли недостаточная выдержка рабочих, выходивших на работу при первой угрозе потерять ее. Во-вторых, в отличие от стачечного движения 1929 г., концентрировавшегося вокруг борьбы табачников и текстильщиков, стачечная борьба в 1930 г. носила гораздо более локальный, раздробленный характер. Даже табачники, имевшие большой опыт борьбы, не смогли в условиях кризиса объединить свои силы и выступить одновременно по всей стране. Строители, принимавшие весьма активное участие в стачечной борьбе 1930 г., но в массе своей неорганизованные, выступали разновременно, несвязанно друг с другом.

Данные официальной статистики, преуменьшая размах стачечной борьбы в целом, тем не менее дают представление о ее характере в 1929 и 1930 гг. Так, если в 1929 г. произошло 36 стачек на 121 предприятии, т. е. в одной стачке выступали одновременно рабочие в среднем трех-четырех предприятий, то в 1930 г. произошло 15 стачек на 15 предприятиях⁶⁵, т. е. рабочие каждого предприятия выступали только сами за себя.

В целом стачечная борьба 1930 г. по своему размаху и по организованности стояла ниже стачечного движения 1929 г. И это объяснялось не только объективными трудностями, но и субъективными ошибками левосектантского руководства коммунистической партии, которое уделяло недостаточное внимание экономической борьбе пролетариата, делая главную ставку на политическую борьбу. Осенью 1929 г. левые сектанты, ошибочно расценив обстановку в стране как предреволюционную, выдвинули лозунг «повсеместного, открытого всеобщего наступления и завоевания улиц»⁶⁶. Они обратились к политической стачке как к главной форме борьбы рабочего класса. При этом руководство партии, перед которой

⁶³ «Ехо», 4, 22.VIII 1930.

⁶⁴ «Ехо», 14, 19.IX; 9, 30.X; 12, 16.XI 1930.

⁶⁵ «Статистически годишник на царство България», год XXV. София, 1932, стр. 186. и пленумите на ЦК», т. 3. София, 1954, стр. 406.

⁶⁶ «Българската комунистическа партия в решения и резолюции на конференциите и пленумите на ЦК», т. 3. София, 1954, стр. 406.

стояла задача завоевания масс на свою сторону, по существу пустило на самотек экономическую борьбу пролетариата. Правда, практика повседневной борьбы заставляла коммунистов, незараженных левосектантской идеологией, и опытных профсоюзных работников, ведущих непосредственную работу в массах, уделять внимание организации и руководству экономической борьбой и тем исправлять неправильные установки левосектантского руководства. Им принадлежала большая заслуга в организации борьбы таких отрядов рабочего класса, как табачники, сапожники.

В. И. Ленин высоко ценил роль политической стачки. Он писал: «Пролетариат играет в таких случаях роль не просто одного из классов буржуазного общества, а роль гегемона, т. е. роль руководителя, передовика, вождя»⁶⁷. Тем с большим вниманием к ее организации и подготовке, к ее проведению должны относиться коммунисты.

Практика же левосектантского руководства компартии Болгарии состояла в выдвижении лозунга политической стачки без учета конкретной обстановки, без предварительной подготовительной работы. Насколько мало политического смысла вкладывалось в этот лозунг видно из того, что на протяжении шести месяцев 1929—1930 гг. ЦК БКП призывал рабочих к массовой политической стачке шесть раз⁶⁸. И по большей части эти политические стачки были безуспешными. Так из-за неподготовленности и неправильно выбранного момента провалилась массовая политическая стачка, к которой ЦК БКП призвал трудящихся в ноябре 1929 г. в связи с большим антикоммунистическим процессом. Подобной неудачей окончилась попытка левосектантского руководства провести 10 апреля 1930 г. всеобщую часовую стачку протеста против кризиса и арестов⁶⁹.

Даже в таких случаях, когда политическая стачка становилась требованием дня, к ней не велось необходимой политической и организационной подготовительной работы. Примером может служить Международный день борьбы против безработицы, проведенный в Болгарии 12 марта 1930 г.⁷⁰ Несмотря на то что в практике болгарского рабочего движения последних лет массовая политическая стачка ни разу еще не удавалась в полной мере, на подготовку к проведению стачки в Международный день борьбы с безработицей была отведена всего одна неделя. Только 6 марта призыв провести стачку появился на страницах газеты «Единство»; только 6 марта занялась этим вопросом совместная конференция ЦК НРПС, Софийского профсовета и правлений профсекций⁷¹. В результате стачка 12 марта охватила лишь небольшую часть рабочих.

Более организованно прошла стачка в Международный день солидарности рабочих 1 Мая 1930 г. Этому способствовало общее оживление революционной активности пролетариата (движение безработных, экономические стачки), а также заблаговременная подготовка, проводившаяся специальными комитетами. По их инициативе устраивались собрания трудящихся, при этом рабочие нередко оказывали сопротивление полиции и фашистам. Например, в Софии полиция попыталась разогнать собрание местной организации Рабочей партии, посвященное обсуждению первомайской кампании. Рабочие оказали сопротивление, собрание продолжало свою работу, пока все вопросы не были решены⁷².

Энергичный отпор полиции оказали и работницы склада «Балкан-та-

⁶⁷ В. И. Ленин. Экономическая и политическая стачка. Полное собрание сочинений, т. 21, стр. 319.

⁶⁸ «Коммунистическо знаме», 1931, № 5-6, стр. 65.

⁶⁹ «Ехо», 13.IV 1930.

⁷⁰ В других странах День борьбы против безработицы был проведен 6 марта 1930 г.

⁷¹ «Ехо», 8.III 1930.

⁷² «Ехо», 22.IV 1930.

бак», когда полиция, производившая обыск, решила арестовать двух работников, у которых были найдены первомайские призывы. Только силой полицейские увели арестованных со склада⁷³.

В 1930 г. первомайские репрессии властей носили широкий характер. 29 апреля были арестованы в полном составе ЦК РП, ЦК НРПС, ЦК рабочего союза молодежи, Центральный первомайский комитет и их софийские организации. Из членов софийской организации Рабочей партии случайно уцелело не больше 10 человек. Всего в одной только Софии накануне и в день 1 Мая было арестовано около 800 человек. Подобные репрессии имели место в Пловдиве, Русе, Ямболе, Варне и других городах⁷⁴.

Несмотря на это, празднование 1 Мая 1930 г. носило более широкий и, главное, более массовый характер, чем когда бы то ни было со времени установления фашистской диктатуры. Рабочие выразили свою готовность бороться против фашистской диктатуры и за улучшение своего материального положения участием в митингах, демонстрациях, а также в политической стачке.

В Софии на призыв бастовать откликнулось 3,5—4 тыс. рабочих⁷⁵. Полнее всего стачка была проведена в обувных и пошивочных мастерских, не работали и многие промышленные предприятия, в том числе металлургические. В Пловдиве бастовало около 3 тыс. человек, главным образом на крупных предприятиях. Из табачников Хаскова, несмотря на то, что накануне 1 Мая были арестованы почти все члены Рабочей партии, бастовало около 80% имевших работу. В пошивочных мастерских бастовали все рабочие. Массовой была забастовка и среди обувщиков: бастовало 123 из 136 имевших работу⁷⁶.

Празднование 1 Мая 1930 г. явилось выражением роста революционных настроений в массах рабочих. Оно, как и экономическая борьба пролетариата, было доказательством того, что болгарский пролетариат не был сломлен тяготами кризиса и усилением полицейских репрессий со второй половины 1929 г., что он сумел оправиться от нанесенных ему фашистской диктатурой ударов.

Первомайская политическая стачка, несмотря на свою неполноту, показала, что лозунг политической стачки вовсе не чужд массам пролетариата, что коммунистическая партия имеет влияние в массах и может на них рассчитывать, что главным условием дальнейшего роста рабочего движения является повседневная, упорная организаторская и политическая работа коммунистов среди рабочих.

Состоявшиеся в ноябре 1930 г. частичные муниципальные выборы отразили дальнейший подъем политической активности масс в стране: в них участвовало на 105 тыс. избирателей больше, чем на предыдущих выборах. Но самое важное — выборы дали Рабочей партии 75 тыс. голосов. Это означало, что по сравнению с предыдущими муниципальными выборами за Рабочую партию проголосовало почти в шесть раз больше избирателей⁷⁷.

Результаты выборов отразили поистине огромное идейное влияние коммунистической и Рабочей партии на трудящихся. Они поставили перед партией важные задачи, и в первую очередь задачу организационного укрепления коммунистической партии и ее массовых легальных

⁷³ «Ехо», 26.IV 1930.

⁷⁴ «Работническо дело», 29.V 1930; «Ехо», 5.V, 14.V 1930.

⁷⁵ «Ехо», 14.V 1930. По другим сведениям («Работническо дело», 29.V 1930), в Софии 1 Мая 1930 г. бастовало свыше 5 тыс. человек.

⁷⁶ «Ехо», 23.V 1930.

⁷⁷ «Коммунистическо знаме», 1931, № 2-3, стр. 44.

организаций, устранения противоречия между большим идейным влиянием партии и профсоюзов и их организационным состоянием⁷⁸.

Обычной формой работы по организационному укреплению партии и легальных организаций были вербовочные кампании, которые, как правило, не давали результатов, так как проводились одновременно, вне связи с повседневной борьбой рабочих. Только после указания Коминтерна, специально занимавшегося положением в БКП⁷⁹, с начала 1931 г. партия взяла курс на организационное укрепление своих рядов и рядов легальных рабочих организаций в ходе повседневной борьбы трудящихся, и в первую очередь в ходе стачечной борьбы.

В феврале 1931 г. профсоюзная газета «Единство» писала: «Наши товарищи, работающие на предприятиях, должны использовать каждый инцидент на фабрике, мастерской и т. п., начиная от самого незначительного и кончая массовой и всеобщей экономической и политической стачкой, для вовлечения новых членов в классовые пролетарские организации. Никакого искусственного отрыва вербовочной работы от всей работы данной организации, а только одновременно и параллельно с ней — вот основа для работы»⁸⁰. Был выдвинут лозунг: «Борьба через организацию и организация через борьбу». В стремлении реализовать этот лозунг — специфика стачечного движения 1931 г.

Первым крупным выступлением весны 1931 г. явилась стачка табачников Хаскова, вызванная новым наступлением предпринимателей на рабочих. Еще осенью 1930 г. в табачных складах Хаскова был введен 7-часовой рабочий день, что объяснялось отнюдь не заботой хозяев о рабочих, а трудностями, связанными с кризисом. Естественно, что с сокращением продолжительности рабочего дня была сокращена и заработная плата.

28 февраля 1931 г. рабочим фирмы «Ориент табако» было объявлено о введении 8-часового рабочего дня, но при сохранении той же сниженной заработной платы, которую хозяева платили за 7-часовую работу. Это вызвало возмущение рабочих. На двухтысячном собрании рабочих, созванном местным профсоюзом табачников, было принято единодушное решение объявить стачку с требованием повышения заработной платы соответственно с увеличением продолжительности рабочего дня⁸¹. Стачка, начавшись на складе фирмы «Ориент табако», быстро распространилась на другие склады, охватив не менее 1,5 тыс. табачников. В этой борьбе проявилась замечательная солидарность рабочих и безработных: в знак поддержки бастующих измученные зимней безработицей табачники отказались пойти работать в только что открывавшиеся склады. Журнал «Коммунистическо знаме» отмечал, что в стачке участвовали не только 1,5 тыс. рабочих, но и те 3,5—4 тыс. табачников, которые не

⁷⁸ Неправильная кадровая политика левосектантского руководства и полицейский террор привели к уменьшению численного состава компартии и ее легальных организаций: в Рабочей партии с 3620 членов в 1929 г. до 2 тыс. в ноябре 1930 г.; в НРПС с 6 до 4 тыс. членов за период с 1927 по 1930 г. Кроме того, рабочие составляли только 15% членского состава БКП и Рабочей партии, НРПС объединяли в своих рядах лишь 6,8% занятых, согласно официальным сведениям на осень 1930 г., рабочих. Правда, по отдельным отраслям этот процент поднимался значительно выше, но такими были главным образом отрасли мелкого производства: сапожного, швейного (до 84% рабочих). («БКП в решения и резолюции...», т. 3, стр. 394, 409—410; «Коммунистическо знаме», 1930, № 1, стр. 51; «Коммунистический Интернационал», 1931, № 36, стр. 55; «Бюлетин на Централния Вербовачен комитет», 26.XI 1930; «Ново време», 1957, № 2, стр. 23).

⁷⁹ В августе 1930 г. политсекретариат Исполкома Коминтерна принял резолюцию «О коммунистическом движении в Болгарии и текущих задачах Болгарской компартии» («БКП в решения и резолюции...», т. 3, стр. 389—405).

⁸⁰ «Единство», 25.II 1931.

⁸¹ «Единство», 12, 25.III 1931.

имели работы⁸². Героизм безработных, поддержавших стачечную борьбу рабочих-табачников, способствовал воспитанию мужества и выдержки стачечников. Так на практике борьба безработных способствовала революционизированию всего рабочего класса.

Пытаясь спасти положение, хозяева решили перевезти запасы сырья в Пловдив, где фирма имела свое отделение. Эта опасность была вовремя предупреждена НРПС: по указанию ЦК НРПС табачники пловдивских складов фирмы «Ориент табако» немедленно начали стачку солидарности со своими хасковскими коллегами, заставив тем самым хозяев отказаться от их намерения. Всего в стачке в Хаскове и Пловдиве участвовало не менее 8 тыс. рабочих⁸³. После всеобщей стачки табачников летом 1929 г. это было крупнейшим выступлением рабочих этой отрасли.

Хасковчанам пришлось вести борьбу в очень тяжелых условиях. Они вступили в стачку далеко не в благоприятный момент: из-за 4—5-месячной вынужденной зимней безработицы моральные и физические силы их были истощены. Их положение усугублялось своего рода экономической блокадой: лавочники и бакалейщики с начала стачки закрыли кредит для табачников и тем самым обрекли стачечников и их семьи на голод⁸⁴.

Власти, как обычно, целиком встали на защиту интересов предпринимателей и применяли репрессивные меры против стачечников. Для «удобства» местонахождение околийского начальника было перенесено в канцелярию фирмы «Ориент табако»⁸⁵.

Кроме того, профсекция табачников, непосредственно руководившая стачкой, не избежала старых, осужденных уже ошибок, и вновь обратилась к инспектору труда как к посреднику между рабочими и хозяевами⁸⁶. Большим недостатком было самоустранение от руководства стачкой Хасковского комитета Рабочей партии, хотя рядовые члены Рабочей партии принимали активное участие в непосредственной борьбе.

За все время 22-дневной героической борьбы местный комитет Рабочей партии не издал ни одного обращения к рабочим, в котором выразил бы свое отношение к стачке, призвал бы массы к стойкости в борьбе. Таким же было отношение к стачке и местной организации БКП. Окружной комитет компартии ни разу не собрался для того, чтобы обсудить положение и мобилизовать все силы на борьбу⁸⁷.

Хасковская стачка показала, что в рабочем движении Болгарии по-прежнему существовало несоответствие между революционными настроениями масс трудящихся, их готовностью вести серьезную, систематическую борьбу и чрезвычайной слабостью, а нередко и полным отсутствием руководства этой борьбой, что обрекало такие выступления на поражение.

Из-за нечеткого руководства стачка табачников Хаскова не только не была перенесена на предприятия других отраслей промышленности города, но в ней не участвовали даже табачники складов других фирм, хотя для этого имелись объективные условия.

Стачка в целом не смогла стать и одновременным выступлением рабочих всех центров обработки табака, одновременно с хасковчанами бастовала только часть табачников Пловдива (1200 из 12 тыс. табачников города) и 150 табачников Борисовграда⁸⁸. Эти стачки были запоздалыми

⁸² «Комунистическо знаме», 1931, № 5-6, стр. 51.

⁸³ «Internationale Presse-Korrespondenz», 1930, № 30-31, S. 808.

⁸⁴ «Единство», 16.IV 1931.

⁸⁵ «Ехо», 11.IV 1931.

⁸⁶ «Комунистическо знаме», 1931, № 4, стр. 36.

⁸⁷ «Работнически вестник», 1931, № 2; «Работническо дело», 19.IV 1931.

⁸⁸ «Комунистическо знаме», 1931, № 5-6, стр. 51; «Работническо дело», 25.III 1931.

(объявлены примерно за неделю до конца хасковской стачки) и кратковременными.

Между тем активность табачников была очень высокой. Выступления в начале 1931 г. еще раз подтвердили авангардную роль этого отряда болгарского рабочего класса. Выражением высокой степени их сознательности были единые действия рабочих и безработных. Новым примером этому могут служить события, имевшие место в Пловдиве в начале апреля 1931 г.: в связи с тем, что хозяева складов пловдивской фирмы Коцуоглы заплатили рабочим на 30 % меньше, чем в прошлом году, свыше 500 рабочих решили отправиться к инспектору труда. По пути к ним присоединилась более чем полторатысячная толпа безработных, и эту внушительную демонстрацию начала разгонять полиция. Табачники провели под окнами инспекции труда митинг, продемонстрировав таким образом всю силу протеста и оказав поддержку действиям своих делегатов. Весьма примечательно, что в «уличных беспорядках» принимало участие в три раза больше безработных, чем рабочих⁸⁹. Конфликт между рабочими и предпринимателями вылился в стачку 6 тыс. табачников Пловдива, проходившую под руководством НРПС и закончившуюся победой рабочих⁹⁰.

Важным событием борьбы болгарского пролетариата весной 1931 г. была стачка обувщиков Пловдива. В течение нескольких недель до выступления местная секция Союза рабочих кожевенно-обувной промышленности трижды устраивала большие собрания рабочих и провела конференции по всем мастерским. 9 марта 1931 г. в 9 часов утра одновременно во всех мастерских города рабочие предъявили хозяевам требования об увеличении платы за каждую пару обуви. Так как большинство хозяев отказались удовлетворить эти требования, к 12 часам дня обувные мастерские опустели: забастовало сразу свыше 300 рабочих⁹¹.

Борьба обувщиков была нелегкой и длилась более двух недель, в течение которых не появилось ни одного штрейкбрехера. Стачка кончилась победой обувщиков, добившихся введения оплаты труда по тарифу, т. е. фактического увеличения заработной платы⁹².

Стачка обувщиков была одной из немногих, которым предшествовала предварительная подготовка. Благодаря этому стачка приобрела характер общего выступления обувщиков города. Характерно и полное отсутствие штрейкбрехеров как из числа самих стачечников, так и из числа безработных.

Весной 1931 г. выступали также обувщики Софин, требовавшие регламентации рабочего дня, увеличения заработной платы и регулярной выплаты ее. В этих стачках, большинство из которых кончилось победой рабочих, участвовало более 600 обувщиков⁹³.

Борьба обувщиков в 1929—1931 гг. по праву выдвинула их в первые ряды пролетариата: обувщики чаще других поднимались на экономические стачки, организовано проводили приобретающие политическое значение однодневные стачки солидарности. Большая заслуга в этом принадлежала профсоюзу обувщиков, пользовавшемуся авторитетом у рабочих. При этом надо иметь в виду, что сплотить и поднять на борьбу разрозненных рабочих мелких мастерских было несравненно труднее, чем рабочих крупных предприятий.

⁸⁹ «Ехо», 2.IV 1931.

⁹⁰ «Красный Интернационал профсоюзов», 1931, № 8, стр. 44.

⁹¹ «Единство», 12, 25.III 1931; «Комунистическо знаме», 1931, № 5-6, стр. 51.

⁹² «Единство», 16.IV 1931.

⁹³ «Комунистическо знаме», 1931, № 5-6, стр. 51; «Единство», 25.III 1931.

В 1929—1930 гг. обувщикам в связи с тем, что кризис затронул обувное производство раньше всего, приходилось вести преимущественно оборонительную борьбу. Новым в борьбе обувщиков в 1931 г. было наступление на хозяев. Это говорило о том, что прежние годы тяжелых оборонительных боев не исчерпали революционных возможностей этого передового отряда ремесленного пролетариата Болгарии.

К чести секции обувщиков НРПС надо сказать, что ее члены одними из первых стали использовать стачечную борьбу для организационного укрепления Союза и вовлечения в него новых членов из числа наиболее активных рабочих. Так, в Пловдиве за время стачки в ряды Союза обувщиков вступило 80 рабочих, благодаря чему численность организации удвоилась⁹⁴. Во время стачечной борьбы софийских обувщиков также было создано несколько новых профгрупп.

Революционные профсоюзы укреплялись и в ходе стачек деревообделочников, металлистов. Во время забастовки 70 металлистов софийского завода И. Леви 30 стачечников вошли во вновь созданную профгруппу⁹⁵.

В стачечной борьбе весны 1931 г. весьма отрядным фактом было выступление софийских железнодорожников. Впервые за долгие годы фашистской диктатуры железнодорожники прибегли к стачке в знак протеста против планировавшегося по бюджету 1931/32 г. снижения заработной платы на 20%. Полторы тысячи железнодорожников провели 24 марта 24-часовую стачку⁹⁶. Это выступление свидетельствовало о падении авторитета реформистского руководства Болгарского союза железнодорожников, всегда выступавшего против боевых действий рабочих; в то же время стачка показала возможность плодотворной работы профопозиции в реформистских союзах⁹⁷.

В целом революционные профсоюзы и в первую очередь секции табачников, рабочих кожевенно-обувной промышленности, пекарей и некоторые другие немало поработали в 1930—1931 гг., чтобы придать стачечной борьбе рабочих организованный характер. Но усилия НРПС в этом направлении были еще недостаточны: подавляющее большинство стачек все-таки вспыхивало стихийно, без предварительной подготовки.

Деятельность профсоюзов по сбору средств в стачечный фонд также не была свободна от левацких уклонов. Еще со времени стачечной борьбы лета 1929 г. ЦК НРПС практиковал провозглашение «голодных» и «полуголодных» дней, когда трудящиеся призывались сидеть только на хлебе и воде с тем, чтобы внести в стачечный фонд сумму, равную как минимум дневной зарплате. С такими призывами к трудящимся обращался многократно ЦК НРПС⁹⁸. В 1931 г. в связи с новой стачечной волной ЦК НРПС решил 4 апреля провести сбор средств в стачечный фонд: каждый трудящийся должен был внести по половине дневной заработной платы⁹⁹.

Такие мероприятия, распространявшиеся и на неорганизованных

⁹⁴ «Единство», 16.IV 1931.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ «Комунистическо знаме», 1931, № 5—6, стр. 28, 52.

⁹⁷ Социал-демократия и реформизм не играли большой роли в рабочем движении Болгарии. «Широкие» социалисты, изгнанные из БСДРП еще в 1903 г., после первой мировой войны окончательно перешли на службу буржуазии и потеряли всякий авторитет у болгарских рабочих. Реформистские союзы в рассматриваемый период имели сильные позиции главным образом среди государственных служащих, к которым относились и транспортные рабочие. В 1929 г. НРПС предприняли первые шаги к созданию профопозиции в этих союзах (Д. Коджейков, В. Хаджиниколов, Я. Йотов. Указ. соч., стр. 209—210).

⁹⁸ Фонды Гос. музея революции СССР, Л. 384—43, № 16767/8.

⁹⁹ «Единство», 25, 31.III 1931.

рабочих, не сопровождались большой разъяснительной работой и отнюдь не способствовали усилению влияния профсоюзов на массы. Этот левацкий перегиб был осужден руководством НРПС в октябре 1931 г.¹⁰⁰

Внутриполитическая обстановка в Болгарии весной 1931 г. была весьма напряженной: буржуазные партии лихорадочно готовились к назначенным на июнь парламентским выборам. Складывавшаяся ситуация была далеко не в пользу правящей фашистской партии «Демократический сговор», потерявшей на муниципальных выборах в ноябре 1930 г. 11,5% голосов по сравнению с 1928 г. В связи с этим в парламенте раздавались тревожные голоса: «Политическая ось Болгарии давно уже сильно наклонена влево, а последние выборы показали, что она имеет тенденцию еще больше наклониться в том же направлении»; «...Состояние духа в нашей стране нехорошее...»¹⁰¹

Уровень стачечной борьбы весной 1931 г. был весьма высок: только за 11 дней с 28 февраля по 10 марта в стачечную борьбу включилось 9160 рабочих¹⁰².

Еще более массовым, чем в 1930 г., было участие болгарского пролетариата в политической стачке в Международный день борьбы с безработицей (25 февраля 1931 г.) и 1 Мая.

В отличие от предыдущего года в 1931 г. подготовка к Дню безработных велась более тщательно, несмотря на то, что подготовка, равно как и само проведение Международного дня, были запрещены правительством Ляпчева. Для 25 февраля 1931 г. характерно не только массовое прекращение работы и совместные демонстрации занятых рабочих с безработными, но и боевой характер этих выступлений: в Софии, Хаскове, Бургасе и Сливене произошли столкновения с полицией¹⁰³.

Весьма показательны события в Сливене. 25 февраля здесь вышло на улицу более 2 тыс. человек, причем не менее 800 текстильных рабочих и работниц прекратили в 5 часов дня работу и присоединились к безработным. Трудящиеся направились в городской сад, проводя по дороге короткие митинги. Явившаяся конная полиция приложила много усилий, чтобы разогнать собравшихся. Завязался рукопашный бой, продолжавшийся два часа; пролилась рабочая кровь, было арестовано большинство ораторов¹⁰⁴. Газета «Единство» отмечала, что никогда прежде Сливен не был свидетелем такой ожесточенной борьбы¹⁰⁵.

Столь же острым было выступление болгарского пролетариата 1 Мая 1931 г. В связи с подготовкой рабочих организаций к выборам, проходившей параллельно с подготовкой к 1 Мая, правительство Ляпчева развернуло такую репрессивную деятельность, которая далеко превзошла преследования, обычные для Первомайских дней прежних лет. Еще в середине апреля было объявлено о запрещении предмайских собраний¹⁰⁶. В ряде городов (Стара Загора, София и др.) полиция предложила хозяевам передать ей списки рабочих, которые не явятся 1 Мая на работу, и рекомендовала уволить этих рабочих¹⁰⁷. Задолго до 1 Мая была запрещена устная и печатная пропаганда. В одной только Софии за 12 дней до 1 Мая было арестовано 400 наиболее активных деятелей движения, а в день

¹⁰⁰ «Тезисы ЦК НРПС о безработице и организации борьбы безработных в Болгарии». «Единство», 23.X 1931.

¹⁰¹ «Стенографски дневници на XXII ОНС», IV р. с., кн. 1. София, 1930, стр. 57, 83.

¹⁰² «Комунистическо знаме», 1931, № 5-6, стр. 51.

¹⁰³ «Единство», 12.III 1931.

¹⁰⁴ «Комунистическо знаме», 1931, № 5—6, стр. 5; «Работнически вестник», 1931, № 2.

¹⁰⁵ «Единство», 25.III 1931.

¹⁰⁶ «Internationale Presse-Korrespondenz», 1931, № 37, S. 934.

¹⁰⁷ «Работническо дело», 11.V 1931.

1 Мая еще 600. Накануне и в день 1 Мая полиция блокировала дороги, ведущие в Софию; всех людей обыскивали: искали оружие и нелегальную литературу; крестьян, шедших на базар, возвращали домой. Обыски производились и на улицах города, в трамваях. Усиленно охраняла полиция все площади и улицы, пригодные для проведения собраний или демонстраций¹⁰⁸.

В этих условиях празднование 1 Мая в Софии протекало в 1931 г. иначе. Так как движение рабочих в центре города оказалось невозможным, рабочие группами стали направляться к рынку. Вскоре все улицы около рынка оказались забитыми многотысячной толпой трудящихся. Полиция и фашисты попытались разогнать эту своеобразную демонстрацию, но в ответ из толпы полетели камни, палки и пр.

Всего в Софии на улицы вышло около 2,5 тысяч человек. Более широкие размеры, чем в предыдущие годы, приобрела здесь первомайская стачка, но, как и прежде, в ней участвовали главным образом рабочие, занятые в мелком производстве: в городе бастовало 95% обувщиков, 95% деревообделочников, 60% портных, 10% печатников¹⁰⁹.

Острый характер выступлений рабочих и массовое прекращение ими работы в день 1 Мая 1931 г. наблюдались и в других городах. В Пловдиве, несмотря на угрозу увольнения, в политической стачке участвовало до 50% рабочих города¹¹⁰. Полиция, пытавшаяся разогнать двухтысячный митинг, была отброшена градом камней. На улицах завязался настоящий бой¹¹¹.

В Хаскове стачкой было охвачено 80% рабочих, причем главную массу стачечников составили табачники.

Активное участие болгарского пролетариата в Международном дне солидарности рабочих свидетельствовало как о росте влияния коммунистов, вокруг которых все теснее сплачивались пролетарские массы, так и о росте революционных настроений самих масс.

Результаты парламентских выборов, состоявшихся в июне 1931 г., явились лучшим выражением революционного подъема рабочего движения. Рабоче-крестьянский блок, возглавляемый Рабочей партией, получил 170 тыс. голосов. Важность победы коммунистов на выборах станет ясной, если вспомнить, что на парламентских выборах 1923 г. (до фашистского переворота) Болгарская коммунистическая партия получила 220 тыс. голосов. Пройдя через непрерывные жестокие репрессии в течение восьми лет, потеряв свыше 95% своих старых кадров¹¹², партия сумела вновь сплотить вокруг себя массы рабочих и возглавить их борьбу.

Важнейшим итогом выборов было отстранение от власти фашистской партии «Демократический сговор», что означало прорыв фронта фашистской диктатуры.

Но успех трудящихся был лишь частичным: в июне 1931 г. компартия не сумела еще в полной мере осуществить союз рабочего класса и крестьянства. Партия болгарского крестьянства — Болгарский Земледельческий Народный Союз (БЗНС), являвшаяся самой массовой политической партией в стране, из-за неправильной тактики левосектантского руководства БКП по отношению к крестьянству как союзнику и из-за предательства правых вождей БЗНС, оказалась в резерве буржуазии. Это

¹⁰⁸ «Работническо дело», 5.V 1931; П. Цанев. Първомайските чествувания у нас 1893—1944. София, 1956, стр. 84.

¹⁰⁹ «Комунистическо знаме», 1931, № 5-6, стр. 6—7.

¹¹⁰ Там же; «Единство», 7.V 1931.

¹¹¹ «Работническо дело», 5.V 1931.

¹¹² В 1923 г. БКП насчитывала 40 тыс. членов (Г. М. Димитров. Съчинения, т. 8. София, 1953, стр. 84); в конце 1931 г. в БКП входило 1250 членов («Комунистическо знаме», 1934, № 6-7, стр. 19).

обстоятельство позволило буржуазии сманеврировать: к власти пришел так называемый Народный блок, коалиция, в которой главную роль играла реакционная «демократическая партия».

И тем не менее политические результаты выборов в Болгарии имели огромное, в том числе и международное, значение: впервые в истории трудящимся небольшой страны удалось отстранить от власти фашистскую партию.

* * *

Стачечная борьба болгарского пролетариата свидетельствовала о революционном подъеме рабочего движения в 1928—1931 гг. Это хорошо иллюстрируют данные, приводимые в исторической литературе¹¹³: в 1925—1926 гг. число стачечников не превышало 1000 человек, в 1927 г. в стачках участвовало около 3 тыс. человек, в 1929 г. — около 40 тыс., в 1930—25 тыс., в 1931 г. — 33—34 тыс. человек¹¹⁴.

Для масс неорганизованных рабочих участие в стачечной борьбе стало первым шагом для вступления на путь классовой борьбы, становилось школой, в которой рабочие учатся вести войну против своих врагов за освобождение всего народа и всех трудящихся от гнета чиновников и гнета капитализма¹¹⁵.

Борьба за непосредственные экономические требования рабочих постепенно все более связывалась с политической борьбой пролетариата. Об этом свидетельствовало использование стачек для укрепления рабочих организаций и связи забастовщиков с безработными. В ходе борьбы росла сознательность рабочих, укреплялось влияние коммунистической партии в массах. Характерно, что наряду с ростом числа участников стачек происходило нарастание количества голосов, поданных за БКП. Если на парламентских выборах 1927 г. за Рабоче-крестьянский блок было подано 29 тыс. голосов, то на муниципальных выборах в 1930 г. — 75 тыс. голосов (в половине округов страны), а в 1931 г. — 170 тыс. голосов. Сразу после выборов Болгария вновь была охвачена стачечным пожаром. Стачки из экономических быстро перерастали в политические. Рабочие боролись не только за улучшение своего материального положения, но и против нового правительства, стоявшего на страже интересов реакционной буржуазии.

В 1931 г. болгарскому пролетариату не удалось закрепить и расширить прорыв фронта фашистской диктатуры. Перед рабочим классом Болгарии и его коммунистической партией стояли еще большие задачи в деле уничтожения фашизма и освобождения трудящихся от капиталистической эксплуатации.

¹¹³ В. Хаджиниколов, В. Василев и др. Указ. соч., стр. 310, 316, 332, 386 и др.

¹¹⁴ Последняя цифра характеризует стачечное движение за весь 1931 г. В настоящей статье рассмотрение стачечного движения доводится лишь до июня 1931 г. Однако и в первом полугодии 1931 г. число участников стачек было достаточно высоким: по неполным сведениям, оно составляло около 12 тыс. человек («Коммунистическое знамя», 1932, № 11, стр. 44).

¹¹⁵ См. В. И. Ленин. О стачках. Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 296.

В. Г. Вержбицкий

**О ВЫСТУПЛЕНИИ РУССКОГО ОФИЦЕРА
КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА И ЕГО ТОВАРИЩЕЙ
В ЗАЩИТУ ПОЛЬСКОГО РЕВОЛЮЦИОНЕРА
Ш. КОНАРСКОГО**

Народы Советского Союза и польский народ, как отмечал Н. С. Хрущев, «были вместе в трудные времена, вместе они испытывали гнет ненавистного старого режима и вместе боролись против него»¹. Одним из самых ранних совместных выступлений против царизма была предпринятая в конце 30-х годов минувшего века группой прогрессивно настроенных русских военных, во главе с подпоручиком Кузьминым-Караваевым, попытка освободить заточенного в крепость польского революционера Шимона Конарского.

Царская армия была орудием в руках самодержавной власти. Однако и в армии находила отражение борьба крепостных крестьян за землю и волю. Именно в эти годы шеф жандармов с тревогой доносил царю: «Крепостное состояние есть пороховой погреб под государством и тем опаснее, что войско составлено из крестьян же»². В армии увеличивалось число сторонников прогрессивных идей. И если официальная Россия с помощью армии душила революционное движение, в том числе и в Польше, то прогрессивная Россия, ее представители симпатизировали польским революционерам и вместе с ними поднимались на борьбу против царизма.

В этих выступлениях революционеров зарождались традиции совместной борьбы трудящихся России и Польши против их общих классовых врагов. О выступлении русского офицера Кузьмина-Караваева, который «решился спасти Конарского», писал А. И. Герцен в середине прошлого столетия³. Кузьмину-Караваеву посвящено краткое сообщение А. Ф. Смирнова, помещенное в комментариях к XV тому 30-томного собрания сочинений А. И. Герцена⁴. Об этом кратко рассказывается и в одной из глав «Истории Польши», написанной И. С. Миллером и У. А. Шустером⁵.

¹ Н. С. Хрущев. Речь на митинге в городе Щецине в период пребывания партийно-правительственной делегации СССР в Польше, в июле 1959 г. «Правда», 18.VII 1959.

² ЦГАОР, ф. 109, оп. 85, 1839 г., д. 4, лл. 97—98.

³ А. И. Герцен. Сочинения, т. VII, М., 1956, стр. 313; т. XV, 1958, стр. 44.

⁴ Там же, т. XV, стр. 319—320.

⁵ «История Польши», т. I. М., 1956, стр. 604—605.

В данной статье мы пытаемся полнее осветить это событие, привлекая документы Центрального государственного военно-исторического архива в Москве (ЦГВИА) и его бывшего филиала в Ленинграде, а также Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства в Москве (ЦГАОР) и Центрального государственного исторического архива Литовской ССР в Вильнюсе⁶.

* * *

Подвиг Кузьмина-Караваева и его товарищей связан с именем Шимона Конарского. Ш. Конарский (1808—1839) происходил из дворян Августовской губернии. В 1825 г. он начал военную службу рядовым 1-го егерского полка польских войск, был активным участником польского восстания 1830—1831 гг., неоднократно участвовал в сражениях против царских войск и в конце 1831 г. в чине капитана с повстанческим отрядом Хлаповского ушел за границу. Находясь в Швейцарии, Франции, Англии, Конарский был тесно связан с польскими эмигрантскими кругами и стал одним из видных представителей их демократического крыла. В 1834 г. он принял участие в организованном Мадзини революционном походе на Савойю. В конце того же года Конарский был в Париже, стал одним из основателей и издателей журнала «Север», установил тесные связи с выдающимся деятелем демократического лагеря польского освободительного движения Лелевелем. Вместе с Лелевелем Конарский принял активнейшее участие в создании таких организаций, как «Молодая Польша» (1834 г.) и «Содружество польского народа» (1835 г.).

К этому времени уже сложились взгляды Ш. Конарского. Он был демократом, выступал за освобождение крестьянских масс от помещичьего ига, самоотверженно боролся против самодержавия, за независимую, республиканскую Польшу. С благоговением относился к русским революционерам, особенно высоко ценил декабристов. Он стремился к объединению русского и польского народов против их общего врага — царизма. Это стремление довольно отчетливо выразилось уже в журнале «Север» (1835 г.).

В конце 1835 г. Конарский вернулся в Россию и в течение двух лет развертывал революционную деятельность в западных губерниях. Он учредил на Волыни, в Киеве, Подолии и Белоруссии несколько тайных организаций общества «Содружество польского народа». Эти организации состояли преимущественно из шляхетской интеллигенции и учащихся высших и средних учебных заведений. Крестьянство же в тайное общество не вовлекалось. В этом, как и в ряде других положений, определенно чувствовалась классовая ограниченность шляхетских демократов, в том числе и самого Конарского.

В ходе создания тайных обществ на Волыни Конарскому пришлось выдержать острую борьбу с шляхетским «Патриотическим обществом», участники которого не разделяли демократических взглядов и лишь мечтали о восстановлении Польши, не предпринимая никаких реальных действий. Конарскому удалось преобразовать эту группу в организацию «Содружество польского народа». Это было успехом Конарского. Однако он пошел на компромисс. «В составленной им программе наряду с бесспорно правильными положениями (не рассчитывать на иностранные правительства, а полагаться лишь на собственные силы народа, не ориентироваться на «знатные» магнатские фамилии, Польша должна

⁶ Статья не ставит своей задачей исчерпывающее освещение этого вопроса, поскольку она представляет фактически первую специальную статью на эту тему.

быть республиканской) фигурировало немало сентиментальных и практически бесполезных призывов к шляхте»⁷.

Конарский оставался верен идее сотрудничества с русскими революционерами и, пытаясь установить с ними связь, два раза ездил в Петербург. В своей деятельности он придавал большое значение развертыванию революционной работы в войсках и вел эту работу. Ему удалось установить связь с некоторыми прогрессивно настроенными русскими офицерами и солдатами из частей и соединений I (Действующей) армии, размещенной в Вильно и в некоторых других городах Литвы.

В мае 1838 г. недалеко от Вильно Конарский был арестован царской полицией и предан суду. Во время следствия применялись жесточайшие пытки. Особенно свирепствовал председатель следственной комиссии виленский вице-губернатор кн. Трубецкой. По его приказу многих заключенных морили голодом, держали в кандалах и беспощадно избивали. О зверствах Трубецкого стало известно населению Вильно. Многие высказывали свое негодование. Опасаясь нараставшего недовольства, Николай I был вынужден в 1840 г., когда еще продолжалось следствие по делу Конарского, снять Трубецкого с поста председателя следственной комиссии⁸.

Несмотря на пытки, Конарский держался мужественно. Власти признавали, что «упорное это заперительство» помешало следственной комиссии раскрыть все связи основанных им тайных обществ. Многие из сторонников Конарского остались тогда не раскрытыми «и с прежнею настойчивостью продолжали действовать в духе его учения, так что успели даже вовлечь в свои козни некоторых офицеров, принадлежавших войскам, которые в то время находились в Вильно для содержания караулов»⁹.

Речь идет о группе русских офицеров, предполагавших организовать побег Шимона Конарского и ряда его друзей. Во главе группы стоял подпоручик Новоингерманландского пехотного полка Аглай Павлович Кузьмин-Караваев.

По имеющимся документальным материалам¹⁰ Кузьмин-Караваев родился в 1816 г. в Тверской губернии, где имел небольшое имение Толстяковское (80 крестьян). Знал французский, польский и отчасти немецкий языки. В 1834 г. он был выпущен из Дворянского полка прапорщиком и назначен в Новоингерманландский пехотный полк (в г. Волковыске, Гродненской губ.). Спустя некоторое время он был назначен адъютантом во 2-й батальон полка, расположенный в местечке Зельва (Гродненской губ.).

В мае 1838 г. этот батальон выступил в Гродно для содержания караулов. Но Кузьмин-Караваев просил командира полка назначить его в 3-й батальон, который должен был нести караульную службу в Вильно. Свою просьбу он объяснял тем, что подал прошение о домашнем отпуске и хочет ускорить решение этого вопроса в штабе корпуса, находившемся в Вильно. Просьба Кузьмина-Караваева была удовлетворена, и он прибыл в Вильно. Стремление Караваева попасть в Вильно в тот момент, когда там находился в заточении Конарский, позволяет сделать предположение, что еще ранее он мог быть связан с друзьями Конарского и задумал организовать его побег из тюрьмы.

После ареста Кузьмина-Караваева по специальному указанию Николая I следственная комиссия вела расследование в полку и в местах

⁷ «История Польши», т. I, стр. 603.

⁸ ЦГВИА, ф. 1а, оп. 1, д. 13240.

⁹ Там же, ф. I, оп. 1, д. 13227, л. 44.

¹⁰ Там же, ф. 14014, 1838—1839 гг., д. 2336, лл. 19—27.

размещения полка о связях и знакомствах Кузьмина-Караваева. В материалах комиссии отмечается, что недалеко от Зельва, в имении Мештевицы, принадлежавшем помещику Броньцу, арестованному по делу Конарского, бывали многие русские офицеры (возможно, среди них и Караваев). Караваев сам показал, что в полку он дружил с поручиком Корнеевым, подпоручиками Зеком и Занковым, квартировал вместе с поручиками Масальским, Чернухиным, подпоручиком Эристовым и др. Агент сообщал, что «подпоручик Эристов... оказывает иногда свободомыслие, что он был уже под судом за недозволительные сочинения»¹¹. В период размещения полка в Волковыске и Вильно Кузьмин-Караваев имел довольно обширные связи (например, в Белостоке был знаком с областным почтмейстером Рабиковым, смотрителем провиантских магазинов Подвербным, советником Стефановичем и др.).

Правда, нет прямых свидетельств того, что еще до ареста Конарского Караваев был связан с ним непосредственно. Но есть указания, что он встречался с лицами, впоследствии арестованными по делу Конарского. Думается, что через этих лиц или же других, не названных здесь (а, может быть, и непосредственно), Конарский и Караваев еще до ареста Конарского знали друг друга. Вот почему, узнав об аресте Конарского, Караваев старался попасть в караул в Вильно. Он спешил использовать это обстоятельство для того, чтобы оказать помощь арестованному Конарскому и его сподвижникам, и стремился организовать их побег из тюрьмы.

Прибыв в Вильно, Кузьмин немедленно начал устанавливать связь с рядом военных и гражданских лиц, чтобы войти в контакт с Конарским. В июне 1838 г. Караваев был назначен в составе караула в Базылианском монастыре, где находились в заключении Конарский и его товарищи Родзевич, Бринк и др.

Он нес караульную службу в Базылианском монастыре 2, 13, 19 и 29 июня и каждый раз бывал у Конарского или же у арестованных по его делу. Заступив в караул первый раз, Караваев прежде всего постарался встретиться с Конарским. Войдя в его каземат с квартальным надзирателем Соловьевым, Караваев беседовал с Конарским о лежавшей в его каземате книге В. Гюго, потом спрашивал Конарского, где он до ареста жил и чем занимался. Тот отвечал ему, что жил во Франции и Швейцарии, «далее продолжал разговор свой о переходе его в здешний край, дабы узнать о своих родных и упоминал нечто о послании полиции, каковой разговор продолжался более четверти часа»¹².

Во время второго караула Караваев дважды посещал Родзевича, арестованного по делу Конарского, и спрашивал его, за что он арестован, в чем состоит его вина. Родзевич сказал, что виновен лишь в том, что держал в своем доме Конарского, не зная его замыслов, а скрывал его как изгнанника.

Во время третьего караула, когда Родзевич был вызван в следственную комиссию на допрос, он при выходе из каземата сказал Караваеву, что должен будет во всем сознаться, а когда возвратился с допроса, подтвердил, что во всем сознался, и просил об этом передать Конарскому. Караваев посоветовал ему лучше написать об этом Конарскому записку, для чего дал лоскуток бумаги и карандаш. Родзевич написал записку и передал ее на другой день утром через Караваева, ответ Конарского Караваев принес в каземат Родзевича и положил на стол.

Во время четвертого караула Родзевич спрашивал у Караваева, привезены ли Бринк и Высоцкий. Караваев узнал, что Бринк находится

¹¹ ЦГВИА, ф. 14014, 1838—1839 гг., д. 2336, л. 25.

¹² Там же, 1839 г., д. 280, л. 22.

под арестом и что доставлен Оржешко, и сообщил об этом Родзевичу, который просил его передать им от него записки о том, что он сознался. Караваев дал бумагу Родзевичу и, получив от него записки, отдал одну Бринку, у которого также взял ответ. Оржешко, несмотря на настояния Караваева, записку не принял даже и тогда, «когда по условному знаку Конарский, будучи проводим мимо камеры Оржешко, кивал ему головой»¹³.

Приближался день освобождения Конарского. Как писал А. И. Герцен, Караваевым «все было подготовлено для бегства», но «предательство одного из товарищей польского мученика разрушило его планы»¹⁴.

Оржешко оказался предателем. 11 июля 1838 г. он заявил председателю следственной комиссии по делу Конарского, что 29 июня, т. е. в первый же день, когда его доставили в Виленскую тюрьму, караульный офицер Кузьмин-Караваев приносил ему какую-то записку от арестованного Родзевича. Кузьмин-Караваев был немедленно арестован. О нем было доложено царю. По «высочайшему повелению» 3 сентября 1838 г. в Вильно была учреждена особая военная комиссия по делу Кузьмина-Караваева. Официально указывалось, что он предан военному суду за сношения с содержащимися в Вильно по делу Конарского во время бытности его, Караваева, в карауле при них.

На следствии и суде Кузьмин-Караваев вел себя мужественно. Как показывают материалы следствия, он отрицал свое знакомство и связи с Конарским до ареста Конарского, не рассказывал о революционной работе Конарского, заявил лишь, что тот вернулся «в здешний край, дабы узнать о своих родных». Характерно, что и Конарский не выдал Караваева. Паскевич писал, что Конарский «при всех делаемых ему убеждениях остается при запертительстве о том, что Кузьмина никогда не видел, не знал и никакой записки через него не получал»¹⁵.

Караваев не выдал тех, кто помогал ему в организации побега Конарского и его друзей. Он объяснил на следствии и суде, что навещал Конарского, Родзевича, Бринка и передавал им записки из чувства сострадания к ним.

Следственная комиссия и суд, несмотря на тщательное расследование, не могли предъявить Караваеву политических обвинений. Комиссия, отмечая, что по делу его не обнаружено прямой цели и побуждений Караваева в сношениях с арестованными, высказала лишь предположение, что настойчивость, с которой он заставлял Оржешко принять записку, а потом упрасивал его скрыть это, «обнаруживает, что он знал меру своего преступления, понимал вину свою и в проступке сам был руководим не единственно чувством сострадания». Комиссия военного суда признала виновным Караваева «в измене долгу, чести, порядку службы и обязанностям караульного офицера и постановила над ним приговор — четвертовать»¹⁶.

Однако уже в это время царским властям стал известен ряд новых обстоятельств по делу Кузьмина-Караваева. Они были обеспокоены тем, что в Новоингерманландском полку «нижние чины весьма сожалеют о Кузьмине, как о добродушном офицере», что офицеры отзываются о нем положительно и вообще «в полку его любили»¹⁷. Но особенно власти были встревожены тем, что Караваев, находясь в заточении, встречался с польскими революционерами и что ему сочувствовали и

¹³ Там же, л. 23.

¹⁴ А. И. Герцен. Сочинения, т. VII, стр. 313.

¹⁵ ЦГВИА, ф. 14014, 1838—1839 гг., д. 2336, л. 2.

¹⁶ Там же, 1839 г., д. 280, л. 31.

¹⁷ Там же, 1838—1839 гг., д. 2336, л. 20.

помогали несколько русских офицеров и солдат. В связи с этим началось новое следствие, а затем и новый судебный процесс.

В Центральном государственном историческом архиве Литовской ССР в Вильнюсе хранится «Список лицам, судившимся в г. Вильно по делу о сношениях в 1839 году некоторых офицеров и гражданских лиц с политическими арестованными»¹⁸. В этом списке между прочим кратко изложена «степень вины» Караваева. Вначале говорится о его «проступках» в момент несения караульной службы в Базылианском монастыре, а затем описываются его «провинности» во время заключения.

С 12 июля 1838 по 11 сентября 1839 г. Кузьмин-Караваев был под арестом на главной гауптвахте, а с 11 сентября 1839 по 20 мая 1840 г. — на арсенальной гауптвахте, причем он находился в комнате караульных офицеров. Это обстоятельство он широко использовал для пропаганды среди некоторых караульных офицеров.

В ноябре 1838 г., «пользуясь послаблением караульных офицеров», Караваев выходил из-под ареста в город, бывал в нескольких домах и связывался с рядом лиц, подозревавшихся в неблагонадежности. Он ездил в тюремный замок к политическому заключенному, участнику восстания 1831 г. Трусовскому.

В марте 1839 г., также с помощью офицеров, несших караульную службу, Караваев познакомился и вел беседы с польскими революционерами Мошинским и Гильдебрандтом¹⁹, находившимися в заточении в Базылианском монастыре. Гильдебрандт давал ему для чтения запрещенные книги, которые, по признанию Караваева, произвели на него большое впечатление, усилили его ненависть к Николаю I, к царскому правительству и воспламенили в нем фанатическую приверженность к борющимся за свободу Польши. Караваев обвинялся также в том, что он получил через прапорщика де Люсине от сторонницы Конарского Антуанетты Снядецкой кольцо, сделанное в память действий Конарского²⁰.

Караваев оказал большое влияние на де Люсине, который стал одним из его активнейших помощников²¹. Де Люсине в то время состоял в Эст-

¹⁸ ЦГИА Литовской ССР, ф. 439, оп. 10, д. 60, лл. 55—70.

¹⁹ В списке, названном выше, имеются следующие данные: Александр Мошинский, уроженец Виленской губ., из дворян, участвовал в восстании 1831 г., затем эмигрировал. Около шести лет пробыл в Англии и Франции, принадлежал там к тайным польским обществам, а в 1837 г. нелегально возвратился в Польшу, где и был арестован царскими властями и предан военному суду. Находясь под арестом, он установил связи с караульным офицером де Люсине и с ним обсуждал вопросы подготовки нового восстания в Польше и Литве. Одновременно старался «свои мысли внушить солдатам и для того заводил с часовыми разговор в духе вольнодумном». Мошинский имел свидание с подпоручиком Караваевым «и беседовал с ним в духе неблагонадежном».

Карл Гильдебрандт, студент Дерптского университета, уроженец Польши. Он обвинялся в следующем: имел у себя революционные прокламации; восстание в 1831 г., по его признанию, оставило в нем столь сильное впечатление, что чувствовал себя несчастным без восстания и желал бы привести все в движение для восстановления Польши, мечтал о равенстве и республике; приезжал в Вильно для обозрения положения и окрестностей города и узнать народный дух; знал о существовании тайных демократических обществ в Вильно и Варшаве; учредил под своим председательством в Дерпте из студентов тайное общество (ЦГИА Литовской ССР, ф. 439, оп. 10, д. 60, л. 61).

²⁰ В названном выше списке Караваев обвинялся в том, что он еще до ареста по просьбе Родзевича ходил три раза к графине Олизар с записками и словесными поручениями, чтобы она попросила ксендза Тринковского взять или уничтожить бумаги Родзевича, спрятанные в потолке комнаты на почтовой станции, где он был задержан с эмиссаром Конарским.

²¹ Де Люсине был внебрачным сыном графа Ланжерона. Мать его вскоре вышла замуж за маркиза де Люсине и жила с мужем в Париже, где сын ее под фамилией де Люсине находился в пансионе. В 1827 г. Ланжерон взял его с собой и привез в Россию. Здесь де Люсине поступил в Ришельевский лицей в Одессе. В 1829 г. Лан-

ляндском егерском полку, несшем караульную службу в Вильно. Де Люсине показывал на следствии, что «первые впечатления о либерализме... получил от Караваева около 2 или 3 марта, стоя в карауле на арсенальной гауптвахте»²². Он рассказал далее, что Караваев порицал действия царского правительства, старался возбудить свободолюбие, располагал к своим планам, с сочувствием говорил о заключенных по делу Конарского. Пытаясь внушить к ним расположение, он восхвалял их действия, с удовлетворением и гордостью заявлял о готовности пожертвовать собой в интересах их освобождения. Конарского к тому времени уже не было в живых. Он был расстрелян 15(27) февраля 1839 г. И теперь Караваев пытался подготовить побег других политических заключенных, арестованных по делу Конарского.

Де Люсине признавался, что свидания и беседы с Караваевым расположили его в пользу находившихся в заточении в Базылианском монастыре, и он решил принять участие в организации их побега. Уже в первом своем карауле у Базылианского монастыря (26 марта, 1839 г.) он познакомился с заключенными Гильдебрандтом и Мошинским, сблизился с ними и тогда же хотел организовать их встречу с Караваевым, «предупреждая тем желания обеих сторон»²³.

Представляют определенный интерес показания де Люсине об этой и последующих встречах его с узниками Базылианского монастыря, об их беседах и планах, о привлечении на сторону революционеров русских солдат и офицеров. Де Люсине говорил, что в течение первых 12 встреч Мошинский и Гильдебрандт не открывали ему тайны заговора, ограничиваясь только внушениями либеральных идей. Но затем частыми посещениями и рассуждениями он приобрел их доверие. Они поняли, что он их сторонник и привязан к ним до того, что «беспрестанно у них бывал, иногда почти их не покидая»²⁴.

По признанию де Люсине, Мошинский и Гильдебрандт примерно 10 или 11 апреля 1839 г. открыли ему, что они состоят в обществе под названием «L'Humanite» («Человечность»), целью которого является продолжение пропаганды Конарского в демократическом духе. Де Люсине показывал: «Цель общества состояла в том, чтобы уничтожить подданство, возвысить дух крестьян, сравнить все классы, восстановить равенство, свергнуть иго самовластия и посредством революции восстановить Польшу»²⁵. Следствию не удалось установить, действительно ли существовало это общество. Тем не менее цели его отражали, очевидно, настроения заключенных, а также тех русских офицеров, которые сочувствовали им.

Де Люсине рассказывал на следствии, что для достижения поставленных целей предполагалось «привлекать возможно более соучастников между всеми классами народа, не исключая и военных»²⁶. Ему же Мошинский и Гильдебрандт предлагали приобретать любовь солдат, воспитывать у них отвращение к тяжелому, угнетенному положению, в котором они находились, и в то же время показывать великое преимущество свободы и равенства. Кроме того, необходимо было порицать перед солдатами все действия и распоряжения начальства, вселяя в них недовольство, с тем чтобы они при удобном случае перешли на сторону революционеров и боролись против царизма.

жерон взял его с собой в Петербург и в 1830 г. определил унтер-офицером в резервный батальон егерского полка (ЦГВИА, ф. 14014, 1839 г., д. 280, л. 83 об.).

²² Там же, д. 2337, лл. 74—75.

²³ Там же, л. 74.

²⁴ Там же, л. 75.

²⁵ Там же, л. 76.

²⁶ Там же.

Таким же образом они предлагали оказывать воздействие на офицеров и юнкеров. Для большего успеха они обязывали де Люсине: вести себя так хорошо и нравственно, чтобы иметь голос и вес в полку; стараться приобретать друзей и иметь на них большое влияние; при арестах офицеров или же иных взысканиях настраивать их против начальства, доказывая его несправедливость; использовать эти случаи, чтобы узнавать образ мыслей офицеров и прививать им свои взгляды; привлекать сообщников, передавать им мысли и правила наедине, чтобы один о другом не знал; в войсках вести пропаганду; среди распропагандированных солдат поддерживать их настроение ласковым и дружеским обращением²⁷.

Де Люсине утверждал на следствии, что Караваев оказывал революционное влияние не только на него, но и на ряд офицеров пехотного принца Карла прусского полка, несшего также караульную службу в Вильно. Он говорил, что не знает, кто оказал влияние на самого Караваева, Конарский или кто-то другой, так как Караваев хранил это в глубокой тайне «и передавал свои либеральные чувства с большой осторожностью». До знакомства же с Гильдебрандтом и Мошинским он действовал от них отдельно, а затем вместе.

По словам де Люсине, он лично «свое участие в распространении начальных правил демократической пропаганды простирает на несколько лиц, изведав предварительно их образ мыслей». В числе их он назвал офицеров Эстляндского егерского полка: командира 5-й егерской роты подпоручика Огонь-Догановского, подпоручиков Стояновского, Булатова, Шенявского и прапорщика Герасимова, юнкеров Куликовского и Одынца. Он заявил также, что внушал демократические мысли в тюрьме во время несения караульной службы заключенным Трусковскому, Турчинскому (бывшему ксендзу, который отрекся от своего сана), Пержановскому (бывшему столоначальнику, разжалованному в солдаты) и какому-то старому адвокату.

Для выяснения вопросов, которые обсуждались названными лицами, а также их намерений, связей имеет известное значение следующее показание де Люсине. Он заявил: «Прапорщику Герасимову я говорил о намерении умертвить князя Трубецкого. Герасимову известно уже было существование общества, но он не мог еще хорошо понять всего. Шенявский с того времени, как допустил меня к свиданию с Гильдебрандтом и Мошинским, был у нас на счету приготовленным. Свенторжецкому я не внушал пропаганды, но по дружбе его с Караваевым, Трусковским и Юхневичем надеялись мы на него. Юнкер Одынец вполне был предан нам и даже решался быть участником в отрывании тела Конарского, о чем было одно только наше предположение. Булатов совершенно разделял участие с Гильдебрандтом и Мошинским, догадывался о заговоре и добивался быть караульным офицером, чтобы поставить стачку с арестантами. Стояновскому и Куликовскому внушал я пропа-

²⁷ Де Люсине показал также, что каждый вступающий в общество для сохранения тайны и верности обязывался присягой (содержание ее ему не было известно) и впоследствии должен был начертать кровью свое имя. Для тайной переписки был изобретен особый способ (на бумаге вырезались продолговатые четырехугольники, по условленному ключу прикладывались на письмо). Были установлены знаки для распознавания друг друга. Эмблемой общества были кольца, сделанные в память Конарского. Каждый, получивший это кольцо, должен был представить, что оно как бы сделано из оков Конарского. Де Люсине говорил, что ему известно, что таких колец было роздано 12. Из них 8 розданы дерптским студентам, а остальные — ему, Караваеву, Гильдебрандту и Мошинскому (там же, л. 77).

ганду, но они принимали это в шутку. Горский понимал пропаганду и слушал ее терпеливо»²⁸.

Де Люсине признал, что он действовал в демократическом духе на офицеров и гражданских лиц, «в случае нужды, обещал вовлечь за собою 200 и более человек солдат»²⁹. Де Люсине намеревался при выступлении его полка в поход под предлогом болезни остаться для революционной работы в Вильно. Он давал Гильдебрандту свою офицерскую одежду, сам одевал его и вместе ходил в город к разным лицам; целыми ночами совещался с Гильдебрандтом и Мошинским, обещал для побега за границу достать им документы, а также взять к себе под видом слуги эmissара Залесского, «дабы представить ему средство к разъездам в крае и упрочить пребывание в Вильно»³⁰.

Де Люсине подчеркивал, что главную роль в их революционном деле играл Караваев.

Сторонниками и ближайшими помощниками Кузьмина-Караваева были также прапорщик Эстляндского егерского полка Герасимов, с которым он вместе учился, и поручик того же полка Огонь-Догановский. Оба они участвовали в подготовке побега политических заключенных из Базылианского монастыря, встречались с Мошинским и Гильдебрандтом, приходили к ним (не во время несения караула) Герасимов шесть раз, а Огонь-Догановский четыре раза. Они посещали также Караваева, когда он находился под арестом.

С Караваевым был связан и подпоручик 12-й военно-рабочей роты Штемпель. Его обвиняли в том, что он часто посещал Караваева, содержащегося на гауптвахте, и принимал его у себя на квартире вместе с караульными офицерами, оставлявшими пост. Его обвиняли также в том, что он выдал у Караваева разных лиц и одного из офицеров, замещавшего Караваева во время его отлучки, и не только не донес об этом начальству, «но, напротив того, склонял еще караульных офицеров к выпуску Караваева»³¹.

20 июля 1839 г. Паскевич доносил Чернышеву, что, по показанию Кузьмина-Караваева, 17 офицеров принца Карла прусского полка, находясь в карауле, выпускали его из-под ареста, а 11 офицеров принимали его на своих квартирах³². Паскевич писал, что в этом же обвиняются и некоторые офицеры Эстляндского полка³³.

Таким образом, Караваев имел сторонников среди офицеров двух этих полков. Одни из них были посвящены в планы освобождения польских революционеров, другие же содействовали им. А когда был арестован сам Караваев, то некоторые из офицеров давали ему возможность

²⁸ ЦГВИА, ф. 14014, 1839 г., д. 2337 л. 81.

²⁹ ЦГИА Литовской ССР, оп. 10, д. 60, лл. 56—57.

³⁰ Там же.

³¹ ЦГВИА, ф. 14014, 1839—1840 гг., д. 282, л. 159.

³² Кузьмина-Караваева отпускали из-под ареста в город поручики Ключевский 1-й и 2-й, Волчанский, фон Гинне; подпоручики Саранда, Рышке, Дштон, Довят; прапорщики Потресов, Куборский, Петровский, Жеребчиков, Оловский, Бакчурин. Караваев был в гостях у поручиков Волчанского, Ключевского, фон Гинне (здесь есть пометка: «...с этими тремя офицерами Караваев коротко знаком и чаще бывал»). Далее в списке офицеров, у которых Караваев был в гостях, названы подпоручик Хомиховский, Гоюрин 1-й и 2-й, прапорщики Потресов, Жеребчиков («...с этим офицером коротко знаком и чаще бывал Караваев»). Он бывал и у некоторых других офицеров, но фамилий он их не помнит. Ключевский 2-й, будучи в карауле в тюремном замке, впускал Караваева туда к арестованному Трусковскому; наконец, 21 апреля Караваев был с караульным офицером Эстляндского егерского полка поручиком Букатиным у подпоручика Штемпеля и пил чай (ЦГВИА, ф. 14014, 1839 г., д. 280, л. 79 об).

³³ Там же, д. 281, л. 253.

отлучаться из-под ареста и поддерживать связи с рядом военных и гражданских лиц — деятелями польского освободительного движения.

В «Списке лицам военного и гражданского ведомства, о противозаконных поступках которых военный суд по велению его светлости (Паскевича.— В. В.) должен при решении дела над подсудимыми сделать законное заключение»³⁴, перечислены 33 человека, которые в той или иной мере были связаны с Кузьминым-Караваевым или с де Люсине, или с тем и другим (в том числе девять офицеров, два унтер-офицера, а остальные — гражданские лица). Часть их была уже арестована, а другие находились в ожидании суда под секретным полицейским надзором. В этом «Списке» охарактеризована «виновность» каждого подсудимого. Для того чтобы полнее представить существо рассматриваемого вопроса, отметим отдельные из предъявленных властями обвинений.

Так, например, прапорщик Исков обвинялся в том, что, будучи в карауле, допускал к арестованным всяких посетителей и офицеров Эстляндского егерского полка, днем не запирал камер заключенных, не отобрал у них тотчас же подобранного ими ключа, с помощью которого они выходили ночью в город, принимал у себя прапорщиков де Люсине и Герасимова и подпоручика Караваева, а также не доносил начальству «как о сем, так же о том, что караульные офицеры допускали к арестованным посетителей»³⁵.

Подпоручик Эстляндского егерского полка Литвинов разрешал посетителям свидания на гауптвахте с Караваевым, а также дважды отпускал его из-под ареста в город по просьбе подпоручика Штемпеля. Подпоручик Трубников допускал к заключенным посетителей, не имевших разрешения начальства; находясь в карауле на гауптвахте, оставлял свой пост и ходил с подсудимым Караваевым к подпоручику Штемпелю. Прапорщик Свенторжецкий во время своего караула в тюремном замке пускал Караваева, приходившего из арсенальной гауптвахты, к заключенному Трусковскому. К тому же «в другой раз Караваев был у семейства смотрителя Станкевича также во время караула его, Свенторжецкого»³⁶.

Прапорщик Жохов позволил передать де Люсине оловянную ложку с надписью: «Де Люсине, молчи, ни гу-гу, а то смерть нам», на той же ложке он в ответ надписал «все молчат, держись и ты L' Humanite»³⁷.

Из гражданских лиц уроженец Виленской губернии А. Забельский арестован и предан суду за связи с политическим заключенным Гильдебрандтом, приходившим к нему из-под ареста в офицерском платье. Он бывал с ним в трактире, приходил на гауптвахту к де Люсине, говорил о каких-то трех эмиссарах, пойманных будто бы в Гродно, и встречался на дому с подпоручиком Караваевым³⁸. Виленский часовых дел мастер Духновский обвинялся в связи с Караваевым. В сочувствии и помощи Караваеву обвинялся также бывший смотритель тюремного замка Станкевич, его жена Иоанна, племянница Изабелла Гедройцева и др.

Приведенные материалы позволяют утверждать, что Караваев, несмотря на исключительно трудные условия, продолжал и после казни Конарского свою деятельность. Страстно ненавидя царизм и сочувствуя освободительной борьбе польского народа, он стремился спасти Мошинского, Гильдебрандта и др.

³⁴ ЦГВИА, ф. 14014, 1839—1840 гг., д. 282, лл. 158—161.

³⁵ Там же, л. 160.

³⁶ Там же, л. 159.

³⁷ Там же, л. 160.

³⁸ Там же, л. 158.

Ему удалось привлечь на свою сторону нескольких офицеров, которые помогали ему. Он сам и его сторонники-офицеры связывались не только с заключенными польскими революционерами, но и с находившимися на свободе, стараясь оказать им всемерную помощь в борьбе против царизма. Но деятельность их была недолговременной. Провокаторы штабротмистр Эльяшевич и отставной подпоручик Григорьев, войдя в доверие к де Люсине, а затем и к Караваеву, донесли на них плацадьютанту Городецкому. По приказу виленского военного губернатора Долгорукова де Люсине и еще некоторые офицеры Эстляндского егерского полка тотчас же были арестованы. Были созданы две следственные комиссии (секретная виленская под председательством вице-губернатора Трубецкого и другая, из военных чинов). Позже вместо Трубецкого был назначен флигель-адъютант полковник Назимов.

Царские власти были чрезвычайно обеспокоены показанием де Люсине о якобы существовавшем тайном обществе, а также связями офицеров русской армии с польскими революционерами. На выяснении именно этих вопросов сосредоточили свое главное внимание следственные комиссии.

Николай I 7 июля 1839 г. издал специальный приказ на имя главнокомандующего Действующей армией Паскевича³⁹. Царь предписал виленскому военному губернатору представить на окончательное рассмотрение Паскевича следственное дело о сношениях де Люсине и некоторых других офицеров 1-го пехотного корпуса с политическими заключенными и одновременно приказывал Паскевичу: 1) предать военному суду по полемому уголовному уложению всех причастных к этому делу лиц как военного, так и гражданского ведомства, которые после рассмотрения дела будут признаны им (Паскевичем) подлежащими суду; 2) приговоры суда утверждать окончательно и после конфирмации Паскевича приводить в исполнение без различия чинов и звания подсудимых, без дополнительного разрешения; 3) о причастных к этому делу лицах, которые по степени вины не будут преданы суду, а также о «виновных в допущении по службе беспорядков» представить царю отдельные заключения.

В соответствии с этим приказом были определены виновные военные и гражданские лица и все преданы суду. Среди них было 11 военнослужащих русской армии. В «Списке» они названы в следующем порядке: 1. Эстляндского егерского полка прапорщик де Люсине; 4. Новоингерманландского пехотного полка подпоручик Кузьмин-Караваев; 6. Эстляндского егерского полка унтер-офицер Одынец; 8. Эстляндского егерского полка поручик Огонь-Догановский; 9. Прапорщик Герасимов того же полка; 10. Подпоручик Булатов; 11. Подпоручик Горский; 12. Подпоручик Стояновский; 13. Ревельского егерского полка прапорщик Бархвиц; 25. Эстляндского егерского полка подпоручик Шенявский; 26. Того же полка унтер-офицер Ананьев. Из гражданских лиц вторым в списке значится К. Гильдебрандт, третьим — А. Мошинский и др.⁴⁰

Еще во время следствия по специальному приказу царя в Вильно для наблюдения и принятия срочных мер был командирован начальник главного штаба Действующей армии генерал-адъютант кн. Горчаков.

11 июня 1839 г. Горчаков докладывал главнокомандующему I армии и военному министру, что он для исполнения «высочайше возложенного на него поручения, отобрав из разных источников нужные ему сведения, рассмотрев в подробности показания обвиняемых и присутствия на очных ставках, сделал заключение по делу». Доложив свои «сообра-

³⁹ Там же, 1839 г., оп. 12, д. 281.

⁴⁰ Там же, 1839—1840 гг., д. 282, лл. 25—26.

жения», он уже тогда определял вину и наказание каждого, подразделяя обвиняемых на разряды. К первому разряду он относил Караваева и де Люсине, отмечая при этом, что первый «не восчувствовал своего прежнего преступления, вошел снова в сношение с политическими преступниками»⁴¹. Ко второму разряду он отнес Герасимова и Огонь-Догановского; к третьему — Булатова, Бархвица и Шеняевского; к четвертому — Литвинова, Стояновского и Свенторжецкого; к пятому — Трубникова; к шестому — унтер-офицеров Одынца, Ананьина и Забродского.

Горчаков предлагал особенно строго наказать Караваева и де Люсине и «для примера» строго наказать офицеров второго, третьего и четвертого разрядов, ограничиться предварительным заключением Трубникова, а унтер-офицеров шестого разряда, обвинявшихся «в совершенно непозволительных поступках во время содержания караула предать военному суду»⁴².

Что же касается офицеров пехотного принца Карла прусского полка, доносил далее Горчаков, которые отпускали Караваева с караула или принимали его в квартирах, то, имея в виду, что связи их с ним были еще в прошлом году и что этот полк выступил из Вильно в марте, т. е. за месяц с лишним до того, как Караваев познакомился с Мошинским и Гильдебрандтом, «едва ли было бы полезно требовать их к следствию по одному этому проступку. Таковая мера, — объяснял Горчаков, — была бы даже не выгодна тем, что дала бы всему делу чрезмерно преувеличенное значение»⁴³. Он считал, что лучше бы наказать командира полка Ковалевского, допустившего «сей беспорядок», отстранив его от командования полком, и командира Эстляндского егерского полка полковника Федорцова-Малыша.

Военный суд для рассмотрения данного дела был учрежден под председательством генерал-майора Сухозанета 29 сентября 1839 г. в Вильно. Суд заседал длительное время и вынес суровый приговор. Подпоручик Кузьмин-Караваев и прапорщик де Люсине были приговорены к смертной казни, а остальные — к различным срокам заключения, каторги и ссылки. 6 января 1842 г. по этим приговорам состоялась конфирмация главнокомандующего Действующей армией, который решил Кузьмина-Караваева и де Люсине лишить чинов, дворянства и сослать на вечную каторгу в Сибирь⁴⁴. Навсегда на каторжные работы в Сибирь ссылались также Гильдебрандт и Мошинский. Некоторые же выслались на поселение в Сибирь, часть переводилась на службу во внутренние губернии России, над многими устанавливался строгий надзор полиции.

Фактам обнаружившейся «неблагонадежности» в войсках царское правительство придавало чрезвычайное значение, видя в этом серьезную опасность трону. В «Отчете III Отделения с. е. и. в. канцелярии и корпуса жандармов за 1839 год» специально отмечалось, что «произведенное по делу сему военным начальством исследование обнаружило противозаконные действия и вредное направление умов некоторых офицеров квартирующих в Вильне войск»⁴⁵. Николай I лично интересовался ходом расследования и суда, принимал меры по усилению гарнизонной службы в Вильно и искоренению революционного влияния в войсках. По представлению Паскевича были, в частности, смещены командиры Эстляндского егерского полка и принца Карла прусского полка; по «болезни»

⁴¹ ЦГВИА, ф. 14014, 1839—1840 гг., д. 282, л. 261.

⁴² Там же.

⁴³ Там же, л. 265.

⁴⁴ ЦГИА Литовской ССР, ф. 439, оп. 10, д. 60, лл. 55, 56.

⁴⁵ ЦГАОР, ф. 109, оп. 85, д. 4, л. 34.

был отстранен и командир 1-го корпуса (в который входили названные полки) генерал-адъютант Гейсмар.

В качестве главной меры «предосторожности» власти сочли, что полки, в которых произошли «беспорядки», не следует вводить в Царство Польское; было решено перевести эти полки в 9-ю пехотную дивизию, которая стояла на Украине, под особый надзор и наблюдение начальника дивизии генерал-лейтенанта Тимофеева и командира 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Ридигера, «коих прозорливость и строгость известны, поставив им в обязанность наипаче наблюдать за офицерами, которые имели знакомство с Караваевым»⁴⁶.

Начальство в армии и вне ее неоднократно занималось вопросом, как могло случиться, что в царских войсках в среде офицерства, представлявшего привилегированные классы, появились Караваевы, вставшие на сторону польского освободительного движения? Как могло случиться, рассуждал в докладе 29 июня 1839 г. генерал-полициймейстер Стороженко, что через несколько дней после ареста Конарского и его сподвижников подпоручик Новоингерманландского пехотного полка Кузьмин-Караваев, находясь в карауле, начал передавать записки от одного арестованного к другому, как он сам признался, из чувства сострадания к угнетенным и преследуемым полякам. «Откуда произошло подобное сострадание, — недоуменно вопрошал Стороженко, — что подействовало на сердце коренного русского?»⁴⁷.

На этот вопрос давались разные ответы. Паскевич, например, объяснял это «ослаблением дисциплины», генерал-полициймейстер — «частными внушениями» и т. д. Царь и его сатрапы не могли понять того, что в противовес политике натравливания народов друг против друга, в противовес реакционной политике эксплуататорских классов во главе с царизмом постоянно вырастали новые, свежие силы и идеи, звавшие русский, польский и другие народы на совместную борьбу против общих врагов, против деспотизма.

«И это более нежели соединение двух неприятелей против одного общего врага, — писал Герцен. — Великий поляк Конарский, принеший свою грудь палачам из-за границы, для того чтоб проповедовать свободу в польско-русских губерниях, и неизвестный русский офицер, погибнувший, желая спасти Конарского, осужденного на смерть. Вот первообраз, о котором идет речь»⁴⁸.

Разумеется, выступление А. П. Кузьмина-Караваева и его русских и польских товарищей, их методы и средства борьбы носили на себе печать классовой ограниченности. Тем не менее они искренне и мужественно боролись против царизма, жертвовали собой во имя лучшего будущего.

В течение четырех долгих лет А. П. Кузьмин-Караваев находился в заточении в крепости. С 1842 г. последовали годы каторги в Нерчинских рудниках, куда он был сослан. Затем «для искупления вины» А. П. Кузьмин-Караваев был отправлен в солдаты в Апшеронский пехотный полк на Кавказ. Напрасны были ходатайства его братьев, служивших в Черноморском флоте и участвовавших в героической обороне Севастополя в период Крымской войны.

На одном из ходатайств, доложенных Николаю I, шеф жандармов Орлов писал: «Государь император лично помнит преступление Караваева и во всех подробностях, сожалеет о брате, но помиловать

⁴⁶ ЦГВИА, ф. 14014, 1839 г., д. 280, л. 266.

⁴⁷ Там же, д. 281, л. 158.

⁴⁸ ЦГАОР, Пражская коллекция заграничного архива А. И. Герцена и Н. П. Огарева.

виновного не может, и тогда только можно будет облегчить его участь, когда о его службе и отличии получатся от его начальства представления»⁴⁹. Лишь после смерти Николая I А. П. Кузьмин Караваев был произведен в прапорщики.

В отчете о действиях III Отделения и корпуса жандармов за 1855 г. отмечалось, что разжалованный в 1838 г. «за допущение в Вильне политических арестантов к недозволенным сношениям, и дослужившийся потом в Апшеронском пехотном полку до звания унтер-офицера, Кузьмин-Караваев, в уважение ходатайства братьев его, капитан-лейтенанта и мичмана Кузьминых-Караваевых, доказавших свое усердие полученными тяжкими ранами при защите Севастополя, всемилостивейше произведен в прапорщики»⁵⁰.

А. И. Герцен высоко оценил подвиг русского офицера Караваева, видя в нем прообраз единства и братства русского и польского народов в их борьбе против тирании. Герцен еще в 1853 г. писал из Лондона: «Сквозь мрачный ряд событий, сквозь дымящуюся кровь, через виселицы, через головы царя и палачей просвечивает иной день. Из насильственного единства виднеется единство свободное, из-за единства, поглощающего Польшу Россией,— единство, основанное на признании равенства и самобытности обоих, из-за царского соединения — соединение народов»⁵¹.

Прошло свыше ста лет с тех пор, как были сказаны эти вещие слова. За это время произошли гигантские исторические изменения. Народы нашей страны и народы Польши, руководимые ленинской партией, вооруженные светочем марксистско-ленинской науки, свергли господство эксплуататоров и в великом единстве и дружбе строят светлое здание самого прогрессивного общества, о котором мечтали и шли на штурм старого мира многие поколения революционных борцов.

⁴⁹ Цит. по сообщению А. Ф. Смирнова, помещенном в комментариях к XV тому сочинений А. И. Герцена, стр. 320 (см. ЦГАОР, ф. 109, 1-я экзп., 1836 г., д. 76, ч. 29, л. 105).

⁵⁰ ЦГАОР, ф. 109, оп. 85, д. 20, л. 79.

⁵¹ ЦГАОР, Пражская коллекция заграничного архива А. И. Герцена и Н. П. Огарева.

СОДЕРЖАНИЕ

Зденек Романович Неедлы (1878—1962)	3
А. Я. Манусевич. Борьба советского правительства за выход из мировой войны и польские интернационалисты в России	11
А. Х. Клеванский. Из истории чехословацких политических организаций в России.	60
И. Ф. Бэлза. Развитие музыкальной науки в Польше и Чехословакии в 1945—1960 гг.	103
Н. С. Йованович. Движение народных масс Югославии против наступления реакции и монархо-фашистской диктатуры (1928—1929)	135
В. Г. Сироткин. Франко-русская дипломатическая борьба на Балканах и планы создания Славяно-сербского государства в 1806—1807 гг.	171
И. В. Чуркина. Из истории словенского народа конца XV — начала XVII в.	193
Р. П. Гришина. Стачечная борьба болгарского пролетариата в первые годы мирового экономического кризиса (1929—1931)	234
В. Г. Вержбицкий. О выступлении русского офицера Кузьмина-Караваева и его товарищей в защиту польского революционера Ш. Конарского	257

*Ученые записки
Института славяноведения АН СССР,
том XXV*

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Е. П. Наумов*
Технические редакторы *О. Г. Ульянова и Ю. В. Рылина*

РИСО АН СССР № Рп-62 Сдано в набор 1/II 1962 г.
Подписано к печати 29/IV 1962 г. Формат 70×108¹/₁₆ Печ. л. 1--17

Усл. печ. л. 23,29 уч.-изд. л. 23,6

Тираж 1200 экз. Т-05737. Изд. № 568 Тип. зак. № 235

Цена 1 руб. 57 коп.

Издательство Академии наук СССР.
Москва Б-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства.
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

